

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Переведено специально для группы

~”*°•†Мир фэнтези†°*”~ <http://Wfbooks.ru>

Название: The Verdant Cage

Автор: Джес Лоури / Jess Lourey

Перевод: maryiv1205

Редактор: Евгения Волкова

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

Аннотация

Стена была воздвигнута, чтобы защитить их. Или они просто так думали.

Сколько себя помнит семнадцатилетняя травница Роуз Олгуд, возвышающаяся каменная Стена, что окружает долину Ноя, защищала ее народ. Никто не уходит. Никто не сражается. И никто не задается вопросом «почему».

Но их рай прятал свои шипы. Когда мать Роуз становится первой жертвой убийства в долине, а ее брата-близнеца поспешно объявляют виновным, она остается единственной, кто ищет настоящего убийцу. Полная решимости докопаться до правды, она идет по следу из тайных посланий, запретных знаний и шепота о прошлом, о котором никто не смеет помнить.

Чем глубже она копает, тем сильнее Роуз убеждается, что смерть ее матери не была случайностью. И что Стена не просто удерживает что-то снаружи.

Она удерживает кое-что внутри.

Поклонники «Голодных игр», «Года благодати» и «Бегущего в лабиринте» проглотят «Зеленую клетку» — леденящий душу антиутопический триллер о том, какая цена нужна для восстания, когда обнаруживаешь, что весь твой мир — ложь.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

Оглавление

Там, в долине Ноя: колыбельная	5
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	27
Глава 6	30
Глава 7	33
Глава 8	38
Глава 9	40
Глава 10	42
Глава 11	44
Глава 12	47
Глава 13	51
Глава 14	54
Глава 15	57
Глава 16	61
Глава 17	64
Глава 18	68
Глава 19	75
Глава 20	80
Глава 21	84
Глава 22	87
Глава 23	92
Глава 24	95
Глава 25	100
Глава 26	104
Глава 27	110
Глава 28	112
Глава 29	118
Глава 30	126
Глава 31	128
Глава 32	130
Глава 33	134
Глава 34	139
Глава 35	143
Глава 36	146
Глава 37	149

Джес Лоури - Зеленая Клетка

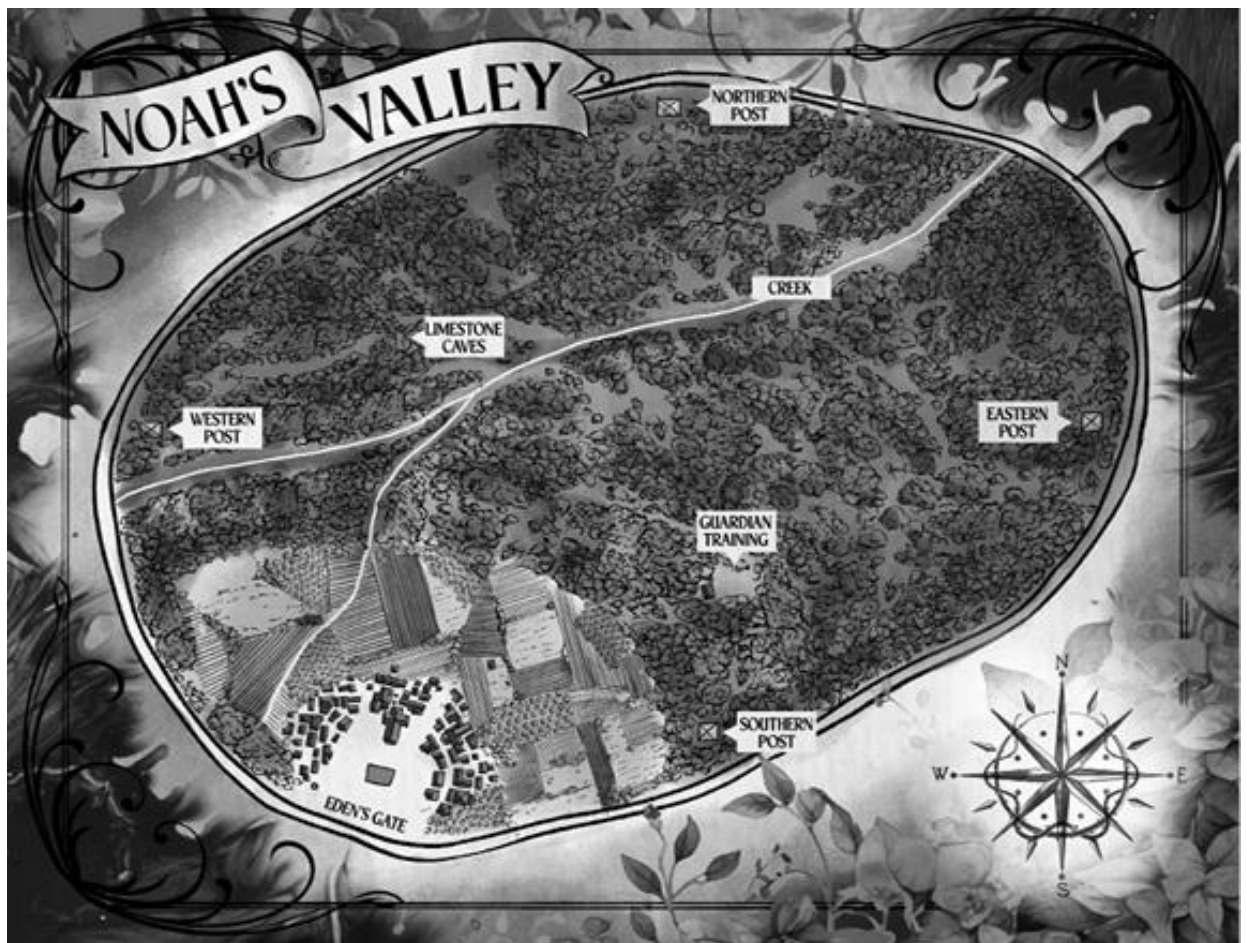
Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 38	153
Глава 39	155
Глава 40	160
Глава 41	161
Глава 42	164
Глава 43	166
Глава 44	172
Глава 45	176
Глава 46	178
Глава 47	183
Глава 48	184
Глава 49	187
Глава 50	191
Глава 51	194
Глава 52	196
Глава 53	199
Глава 54	202
Глава 55	205
Глава 56	207
Глава 57	212
Глава 58	215
Глава 59	219
Глава 60	221
Глава 61	224
Глава 62	227
Глава 63	231
Глава 64	236
Глава 65	240
Глава 66	243
Глава 67	245
Глава 68	248
Глава 69	250
Глава 70	252
Глава 71	253
Глава 72	254
Дома Долины Ноя.....	255

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Там, в долине Ноя: колыбельная

*Покой в долине, под сводом небес,
Мы правилам внемлем, здесь слезы без мест.
За самым приграничьем сгущается мгла,
Но мы под защитой, нас Стена сберегла.
Усни же, мой милый, отбрось свой испуг,
Стена исцелила нас, скрепила наш круг.
Чудовища внешние — в силе, в росте своем,
Но здесь, во долине, мы свечи зажжем.
Пусть твари Запределья жаждут плоть нашу рвать,
Ты в сердце моем, за Стеной тебе спать.
Усни же, мой милый, отбрось свой испуг,
Стена исцелила нас, скрепила наш круг.
Живем мы стеною, водой, почвой, солнцем зажжены.
В долине Ноя, каждый Дому верны, но едины.
Пропой мне историю, родной, я на коленях стою,
Молю я небеса: верни меня, молю.
Усни же, мой милый, отбрось свой испуг,
Стена исцелила нас, любовью спасен наш круг.*

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 1

Красный цвет означает жизнь.

Бутоны. Ягоды. Кровь.

Вот почему сегодня все в Долине будут в красном — почти четыре сотни тел, облаченных в багрянец. Они соберутся на деревенской площади, словно урожай, готовый к сбору: багровые, спелые и безмолвные.

И все они будут неотрывно смотреть на меня.

От этой мысли меня бросает в дрожь.

Мне и самой пора на площадь, но я отчаянно жажду выкроить несколько минут покоя, прежде чем вся моя жизнь изменится. Я ускользаю в оранжерею Аптекарского дома и вдыхаю влажный, пахнущий землей воздух, проводя пальцами по дикому хмелю, вьющемуся по шпалерам вдоль стены. Это одно из наших самых полезных растений. Жаль только, что оно стремится захватить весь мир. Хотя мне и больно это делать, я беру железные ножницы и срезаю усики, чтобы сердцевина растения могла развиваться.

«Иногда приходится отсекаать часть, чтобы спасти целое», — говорю я себе, прежде чем перейти к эхинацее. Пересаживаю побег в другой горшок, пытаюсь унять дрожь в руках. Как бы мне хотелось остаться здесь, оттягивая сегодняшнее собрание до бесконечности. Цветущая валериана выглядит так, словно готова помочь мне сострять план побега. Спасибо за предложение, Вал.

Я вздрагиваю, когда задняя дверь распаивается. Моя рука сама находит настойку в кармане, пальцы сжимают маленький флакон.

К счастью, думаю, Джонас ничего не замечает.

Он в красном. Ну, конечно. Мы все в нем.

— Пора, — говорит он.

Я киваю и споласкиваю руки, бросая последний взгляд на ряды лекарственных растений, которые я лелеяла всю свою жизнь: зверобой, клопогон кистевидный, дикий бергамот, мята, эхинацея и хмель. Видя, как пышно они цветут, я позволяю себе на миг представить, что смогу оказаться на высоте в этот важный день. Я ведь могла бы войти в толпу с высоко поднятой головой, чувствуя гордость и готовность, верно? Я с трудом проглатываю вязкий комок в горле, проходя мимо Джонаса на булыжную мостовую, и содрогаюсь, когда резкий ветерок целует меня в щеку.

— Нервничаешь? — спрашивает он, равняя шаг со мной.

Я щипаю себя за складку кожи между указательным и большим пальцами — мой способ успокоиться.

— Скорее, тошнит.

Улыбка Джонаса гаснет.

О, нет. Ничто и никогда не расстраивает моего брата-близнеца. Если уж он встревожен сейчас, это может означать лишь одно: все мои страхи по поводу сегодняшнего дня реальны. Страх с такой силой скручивает желудок, что мне приходится опереться о стену ближайшего коттеджа, чтобы не упасть. Я прижимаюсь лбом к прохладной штукатурке, пока вокруг меня разливаются ароматы лаванды и пчелиного воска. Свежие свечи? Я замечаю аккуратный ряд конусообразных свечей, остывающих на подоконнике Свечника. Каждая из них в точности равна соседней, кроме одной, которая на четверть дюйма выше остальных. Руки так и чешутся укоротить её. Сир, должно быть, отвлекся, возможно, из-за другого жителя, постучавшего в его дверь.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

«Наверное, просили благословенные свечи», — думаю я. В эти дни каждому хочется дополнительной защиты. Желудок снова выворачивает наизнанку.

— Постарайся сдержать рвоту, — советует Джонас.

У нас с ним одинаковые волнистые каштановые волосы. Копии маминой светло-бежевой кожи. Два слепка широкого отцовского носа, хотя ни один из нас не унаследовал его гетерохромию — глаза разного цвета. Но брат носит наши общие черты с непринужденным шармом. Он обожает разговаривать, смеяться, любит людей. Джонас — это сосуд с солнечным светом, тогда как я больше похожа на... хорошо сделанную припарку. Я не завидую его беззаботности. Напротив, я благодарна за неё, рада, что он не вырос хроническим паникером, как я.

Но ведь Джонас и не видел того, что видела я двенадцать лет назад.

— Дельный совет, — говорю я, выпрямляясь. Звук декоративных колокольчиков в моих волосах напоминает мне писк комара. — Премного благодарна.

Мое красное платье стягивает тело. Я дергаю за воротник и делаю настолько глубокий вдох, насколько позволяет шнуровка. Заставив мысли утихомириться, я выдыхаю и поднимаю глаза. Повсюду вокруг нас высится сплошная белая Стена, словно подпирая усыпанное облаками небо. Я пытаюсь почерпнуть в ней силы, как учила меня бабушка, но в итоге снова щипаю кожу между большим и указательным пальцами. Это дурная привычка, которая раздражает маму круглые сутки. Она говорит, что из-за этого я выгляжу так, словно не понимаю, что делаю.

— Ее здесь нет, — произносит Джонас, читая мои мысли.

— Верно.

Весь мой Дом должен был идти рядом со мной, все мы должны были чинно шествовать мимо чисто подметенных крылец долины Ноя, проплывать под клубами дыма из дымоходов и золотой осенней листвой, пересекая мощеные булыжником улицы. Но по просьбе Совета Старейшин остальные Аптекари собрались на деревенской площади пораньше. Мама находится там с самого обеда, вместе с нашими тетей и дядей, высматривая признаки Мора. Из-за этого бабушка осталась одна в коттедже, пропуская сегодняшние торжества по единственной дозволенной причине — она умирает. Скорбь расцветает в моей груди.

Я опускаю руку в карман, касаясь крошечного аптечного пузырька, чтобы отвлечься. На самом деле даже хорошо, что остальных нет рядом. Было бы непросто оставить флакон у коттеджа Хораса так, чтобы хоть кто-то из них не заметил.

— Готова двигаться дальше? — спрашивает Джонас, стукнув ладонью по стене дома Свечника и вырывая меня из задумчивости. Ему полагалось бы быть в центре деревни с другими Аптекарями, но он ускользнул, чтобы мне не пришлось идти этот путь в одиночку. Поскольку их раннее присутствие технически было лишь просьбой, это не считается нарушением правила. По крайней мере, именно так на это смотрит Джонас.

— Ни капли, — отвечаю я.

— Вот и отлично! — вскрикивает он и тянет меня за собой.

Я смеюсь и едва не спотыкаюсь о подол своего багряного платья. Обычно я твердо стою на ногах, но мне еще никогда не приходилось носить платья. С этой вычурной прической и в расшитых бисером туфлях, шлепающих по булыжникам, я чувствую себя размалеванной козой. Я тоскую по своим простым аптекарским льняным одеждам, по запаху растертых трав, по размеренному, предсказуемому ритму стука пестика о ступку.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Обычно мое утро начинается с колокола. Три удара. Снаружи деревня оживает, наполняясь гулом. Молотки Сапожников и Бондарей поют свои песни, пока Пекари достают буханки из глиняных печей (когда нам везет иметь свежий хлеб). Фермеры ведут лошадей в поля, Ткачи натягивают свои станки — и все это благодаря благословенной Стене, что окружает нашу общину. На протяжении пяти поколений она оберегала нас, и все это время мы жили в гармонии, потому что жизнь в долине Ноя работает как часы.

Обычно.

Сегодня шестеренки заклинило.

«По крайней мере, у меня есть еще несколько минут наедине с Джонасом», — думаю я, пока он ведет меня к центру деревни. Из всего, что я потеряю сегодня, больше всего меня печалит то, что я больше не буду жить под одной крышей со своим братом.

— Все в порядке? — спрашиваю я его. — Я имею в виду, помимо того, что сейчас произойдет на площади. Ты сам не свой был в коттедже только что.

Его лицо мгновенно замыкается, возвращается то самое выражение неловкости.

— Все нормально, — бросает он.

Не замедляя шага, я тянусь к его руке. Я знаю, что утро он провел со своим другом. Возможно, в этом все дело.

— Вы поссорились с Саймоном?

— Нет, мы отлично ладили, — его лицо болезненно кривится. — Я увидел то, чего лучше бы не видел, вот и все. — Он косится на меня. — В их хранилище.

Моя рука взлетает к горлу. И это как раз тогда, когда мне казалось, будто я перебрала в голове все мыслимые поводы для беспокойства. Аптекарь в подвале Хранителя Записей — это тягчайшее нарушение. Я оглядываюсь по сторонам, чтобы убедиться, что никто его не услышал, но, конечно, все они ждут меня в центре деревни.

— Скажи, что ты просто дразнишь меня, и ты на самом деле не заходил в хранилище, — умоляю я.

Что-то мучительное промелькивает в его глазах.

— Черт, Роуз, — говорит он. — Тогда это казалось веселой затеей.

Я уже слышу, как впереди настраивают инструменты музыканты. Мне нужно выяснить масштабы его провинности сию секунду [прим. пер.: в оригинале *lickety-split* — одна из примет стилизованного архаично-провинциального говора Долины], если я хочу защитить его от последствий.

— Сегодня мне позволено просить о чем угодно, — говорю я, сжимая флакон с лекарством в кармане. — Твоим подарком мне станет рассказ о том, что ты видел. И то, что там было, просто обязано стоять нарушения закона.

Он почти незаметно для себя пожимает плечами.

— Правила, которые никогда не прогибаются, подходят для настоек, Роуз, а не для людей.

— Джонас! — мое давление подскакивает, обжигая щеки румянцем.

Я знаю, что выгляжу лицемеркой, отчитывая его за это, но я не вынесу, если моего близнеца поймают и запорят плетью. Раньше у нас в Долине никого не порол, но ведь раньше у нас не было ни Мора, ни нападений животных. Эти недавние трагедии лишили нас пахотных земель — драгоценного ресурса, учитывая наши ограниченные угодья. С этой потерей пришли и новые меры: рационирование еды, более частые

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Сборы Урожая, позорные столбы для порки и отказ в медицинской помощи гражданам от семидесяти лет и старше.

Именно из-за этого последнего правила я и проношу флакон контрабандой.

Джонас качает головой, когда мы сворачиваем на улицу Хораса — самый короткий путь к площади.

— Забудь, что я что-то сказал, — произносит он. — Мне следовало держать язык за зубами, особенно в такой день.

— Теперь уже поздно, — твердо отрезаю я. — Что ты видел?

Он кривится:

— Если на свете есть существо более упрямое, чем ты, надеюсь никогда его не встретить. — Он на мгновение косится на меня, затем стонет: — Ладно, Роузи. Как я и сказал, это было в хранилище Хранителя Записей. — Его брови тревожно сдвигаются. — Знаю, мне не следовало туда спускаться, но мне до смерти хотелось. Я сказал Саймону, что хочу заглянуть внутрь и что это меньшее, что он может сделать для меня сегодня. Ну, знаешь, потому что я твой брат. — Он дарит мне печальную улыбку. — И я буду скучать по тебе.

— Я тоже, Дикий Кролик. — Я уже много лет не называла его этим детским прозвищем, но если не сегодня, то когда?

— Саймон, в конце концов, уступил, — продолжает он.

В поле зрения появляется коттедж Учителя — дом Хораса.

Голос Джонаса становится болезненным, но он ни разу не замедляет шаг.

— Но лучше бы я послушал его и никогда туда не заходил...

Мой пульс учащается.

— Ближе к делу, Джонас.

Он снова нервно оглядывается по сторонам, несмотря на то, что абсолютно все жители деревни, кроме бабушки, ждут нас на площади. Я позволяю себе отстать от него на полшага. В кармане я крепко сжимаю флакон.

— Это касалось нашего народа, — говорит он и делает глубокий вдох. — ТЕХ ИЗ НАС, КТО НАХОДИТСЯ ВНУТРИ СТЕНЫ.

Я вытягиваю руку, делая шаг, и точным щелчком отправляю маленькое чудо в щель на подоконнике моего бывшего Учителя. Экстракт наперстянки — настойка, полученная из дигиталиса — для слабеющего сердца старого Хораса. Облегчение от незаметно выполненной работы затапливает меня. Но оно длится ровно до тех пор, пока я не слышу следующие слова брата.

— Мы вовсе не те, кем ты нас считаешь, Роуз.

Я хватаю его за руку, отчаянно желая услышать остальное, но, конечно же, он тянул до самого последнего момента. Мы вышли на площадь. Струнные инструменты взрываются звуками при первом же взгляде толпы на меня, барабаны подхватывают ритм. Я борюсь за возможность вздохнуть под внезапной, сокрушительной тяжестью, опустившейся на мою грудь, когда сотни нетерпеливых, почти голодных лиц поворачиваются в нашу сторону. Их одежда пылает, словно огонь, на фоне изумрудной стены, известной как Врата Эдема — участка непреодолимой Стены, служащего фоном для всех наших церемоний.

Я чувствую запах сытных пирогов с курицей, которые пекутся в уличной печи Пекарей; наваристый аромат подливки смешивается со сладостью яблочного хлеба. Сегодня мы будем пировать. У меня должны были бы течь слюнки — ведь последние

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

недели мы питались в основном кашей из мучных червей и галетами из сверчковой муки, — но от нервов мой желудок сковало льдом.

Джонас быстро, тревожно обнимает меня и шепчет:

— Я расскажу тебе все позже.

Затем он исчезает в копошащейся толпе, оставляя меня проходить оставшуюся часть пути в одиночестве, как того требует традиция. Мне хочется броситься за ним, спросить, что он имеет в виду, но когда я понимаю, что взгляды всей общины устремлены на меня, включается привычка всей моей жизни.

У меня есть священный долг, и он начинается сегодня.

Я должна стать женой. Стражем. Колышком, скользящим в идеально отведенный для него паз.

Я пытаюсь проглотить, но во рту слишком пересохло.

Я бросаю взгляд вверх на Стену, чтобы обрести опору. Лозы крест-накрест опутывают ее каменную поверхность, их листья колышутся на осеннем ветру, глубокая зелень начинает багроветь по краям. Нигде Стена не выглядит столь прекрасной, как у Врат Эдема, но что-то здесь не так...

Холод пробегает по моей спине, когда я осознаю, в чем дело.

Корзина для Сбора Урожая опущена.

Она прислонена к Вратам и выглядит для всей Почвы Долины как разинутая пасть хищника — не то чтобы я когда-либо озвучила столь непочтительную мысль. Но она не должна быть опущена. Только две церемонии требуют присутствия корзины, и свадьба в их число не входит. Может, ее спустили для техобслуживания?

Мой взгляд перемещается на грандиозную деревянную сцену перед Вратами. Именно здесь мы с Гриффоном вскоре поженимся. От этой мысли у меня кружится голова, поэтому я перевожу глаза на огромную каменную часовню прямо напротив. Эти два строения возвышаются над нашей деревенской площадью, словно часовые.

«Шевелись, Роуз», — приказываю я себе. «Чем раньше начнешь, тем скорее все закончится».

Я не успеваю пройти и десяти футов, как мое внимание привлекает тень, жмущаяся к стене часовни слева от меня. Волоски встают дыбом на затылке, но то, что мне почудилось, исчезает в мгновение ока. Бабушка — единственная, у кого есть разрешение Совета остаться сегодня дома. Если кто-то действительно прячется там, это проступок, караемый поркой.

Кто станет так рисковать?

Я замечаю, что остановилась, нахмутив брови и уставившись в сторону часовни. Вся Долина смотрит на меня. Мне хочется растянуть себя изнутри и вышагнуть вон из собственной кожи. К счастью, вперед выбегает деревенская девочка, перетягивая на себя всеобщее внимание.

Она протягивает мне дюжину умопомрачительных роз.

Я никогда раньше не видела своего тезку [прим. пер.: игра слов *rose* (роза) и имя героини *Rose*] так близко и на мгновение оказываюсь очарована этим буйством глубокого алого цвета, где каждый цветок разворачивается, словно слои бархата. Их аромат густой и пьянящий, вихрь медовых специй и сырой земли, настолько пленительный, что я едва не упускаю из виду ряд острых как иглы шипов.

Когда я принимаю букет, я вижу, что ребенку повезло меньше.

Я узнаю в ней Агнес из Дома Пчеловодов, ей от силы лет шесть. Зазубренный шип вонзился в ее ладонь, по краям выступают капли крови. Она пытается вести себя так,

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

будто ее это не беспокоит, возможно, надеясь, что я не замечу, но мой мир уже сузился до нас двоих. Я откладываю розы в сторону, чтобы надавить на края прокола, заставляя выступить свежую струйку крови, а вместе с ней — и зазубренный кончик шипа. Она хнычет, но покорно терпит мои манипуляции, как и подобает послушному дитя Долины.

Кровь, раз уж пошла, не хочет останавливаться, поэтому я хватаю единственный доступный кусок ткани — лоскут своего расшитого лентами подола, на котором в течение многих поздних ночей вышивались символы Долины, чтобы мой брак был благословлен удачей и здоровыми детьми. Ну что ж. Каждому Аптекарю известно, что неотложное затмевает грядущее. Я обматываю ткань вокруг раны Агнес. Она подпрыгивает и робко целует меня в щеку, после чего исчезает в толпе. Мать наверняка отчитает меня за то, что я задерживаю свадебную церемонию, но я все еще Аптекарь, по крайней мере, пока не вышла замуж.

Я подхватываю свой букет и спешу вперед как раз в тот момент, когда оркестр переходит на «Балладу о женихе». Это знак для жителей деревни, чтобы они расступились, подобно воде.

Являя взору моего суженого.

Облаченный в свой свадебный красный цвет, Гриффон Цзы мучительно красив. Золотисто-коричневая кожа, сияющие черные волосы, ониксово-темные глаза над точеным носом, полные, мягкие на вид губы, от которых мои щеки вспыхивают румянцем. Мой друг детства, пока мы не рассорились, теперь мой жених, назначенный мне только после того, как мой первоначальный суженый был удостоен Сбора Урожая.

Холодный взгляд Гриффона ясно дает понять, что он так же не рад этому союзу, как и я.

Я натягиваю прядь волос на фиолетовое родимое пятно размером со сливу над правым глазом и торопливо иду вперед, стараясь сосредоточиться на всех тех причинах, по которым я должна быть благодарна. Я гражданка долины Ноя. Одна из немногих привилегированных. Когда мир снаружи начал рушиться, наши Основатели собрали лучших и умнейших и построили этот рай. Они дали нам известняковые пещеры, источники пресной воды и густые леса. Посадили сельскохозяйственные культуры, построили инсектарии и пасеки, заселили ручьи форелью и диким рисом. Они наполнили наши амбары скотом и обеспечили своих потомков учебниками, лекарствами и инструментами.

Они также соорудили корзину для Сбора Урожая, которая скользит по нашей Стене у Врат Эдема, и еще несколько поддерживающих жизнь механизмов: водяное колесо для водопровода, светильники на солнечных батареях, геотермальное отопление, ледник для хранения мяса. Наши мудрые предки создали Дома, которые понадобятся нам для поддержания нашего рая, от Инженеров и Плотников до моего собственного — по крайней мере, на ближайшие несколько минут — Аптекарского Дома.

Чтобы чтить наших Основателей, мы живем по их уставу: обязательное посещение церемоний, часовни и школы; гуманные законы о труде; устроенные по стовору помолвки и распределение по Домам; и раз в месяц мы проводим Сбор Урожая с одного, чтобы сохранить ресурсы для многих.

Мне так безмерно повезло внести свой вклад.

Именно об этом я напоминаю себе, шагая через площадь к Гриффону, который ждет перед сценой, хотя расстояние кажется бесконечным. Когда я дохожу до

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

середины пути, «Баллада о женихе» сменяется «Шествием к Стене» — громоподобным и требовательным.

«Кончай с этим», — подгоняет оно меня, барабаны грохочут в такт моему сердцу.

В том, как я спешу вперед, нет никакого изящества, но есть скорость. Я разглаживаю платье и нащупываю в кармане что-то твердое, похожее на желудь. Вздвогнув, я запускаю туда руку, наполовину ожидая обнаружить, что флакон с экстрактом наперстянки каким-то образом все еще внутри. Вместо этого я сталкиваюсь взглядом с бусинками-глазами крошечного деревянного кролика. Это точная копия Счастливого Банни, персонажа из нашей любимой сказки на ночь. Счастливчик Банни всегда выбирался из самых жутких передраг, несмотря ни на что.

Джонас, должно быть, подсунул его мне во время прогулки сюда.

И вот так, в один миг, ко мне возвращается мужество.

Я прячу игрушку обратно в карман, ощущая такое тепло, что мне стоит огромных усилий не броситься на поиски брата и не сжать его в объятиях прямо на глазах у толпы. Из него вышел бы прекрасный игрушечник, если бы в Долине существовала такая профессия. Мои глаза округляются, когда я понимаю, что только что допустила еретическую мысль, и на этот раз прямо в отношении Джонаса!

Я сегодня сама не своя.

Музыка все еще гремит, когда тетя Флоренс и дядя Ричард появляются в конце дорожки невесты, чтобы встать рядом с Гриффоном. Тетя Флоренс смахивает слезы радости, а грудь моего дяди настолько раздувается от гордости, что я боюсь, как бы у него не отлетели пуговицы из оленей кости на его бордовом жилете. Мысль о том, что я больше не буду работать бок о бок с ними, ранит как физическая боль, но в знак уважения к их очевидной любви ко мне я решаю перестать чувствовать себя неуклюжей дурицей в платье и выпрямляюсь во весь рост.

«Ты настоящая невеста Долины», — говорю я себе. *«Веди себя соответственно».*

Я расправляю плечи и удлиняю шаг, умудряясь удерживать взгляд непоколебимым, хотя мне отчаянно хочется хоть краем глаза заметить Джонаса. Он должен стоять рядом с моими тетей и дядей. Если подумать, а где мама? Она бы не пропустила такое, какие бы обязанности ее ни призывали. Она бы хотела убедиться, что я сделала все безупречно. Они вдвоем, должно быть, пробираются сквозь толпу, как того требовал Совет, высматривая признаки Мора. Мы не видели симптомов уже несколько недель — с тех пор как Аптекари оцепляли зону вспышки, — но пока мы не знаем причину болезни, мы не можем терять бдительность.

У деревенских жителей, глазающих на меня, глаза кажутся ясными, нет никаких следов синевато-серой бледности, характерной для этой болезни, хотя я замечаю девушку из Дома Утилизации Отходов с кружевной сыпью возле левого уха, и неужели это утолщения, похожие на «барабанные палочки», я вижу на пальцах Фермера-Инсектолога? Мне придется осмотреть их обоих позже.

«Нет», — напоминаю я себе, *«я скажу Джонасу, чтобы он на них взглянул».* От этого исправления внутри все немеет, и все же мои ноги продолжают шагать. Барабаны так шумят. Неужели они всегда были такими оглушительными? Точно гвоздь вбивают в мой череп. Внезапно три удара, более громких, чем остальные, заставляют меня вздрогнуть.

БУМ БУМ БУМ

Затем, к моему огромному облегчению, музыка прекращается.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

Передышка длится всего секунду, прежде чем воздух пронзает крик — резкий и пронзительный. Жители деревни справа от меня охают и шарахаются в стороны, словно пытаясь отпрянуть от чего-то ужасного. Я спешу к источнику суматохи, растеряв весь свой мандраж, пока мой мозг перестраивается для работы в условиях потенциальной чрезвычайной ситуации. Скорее всего, мама и Джонас доберутся до пациента первыми, но укомплектованы ли их медицинские сумки должным образом? Как бы мне хотелось, чтобы мне позволили оставить свою.

Но вместо того чтобы расступиться и явить взору рухнувшего на землю жителя, толпа отпрянула от моего брата, который стоит в полном одиночестве в пятидесяти ярдах отсюда. Моя радость от того, что я его нашла, мгновенно сменяется ужасом, когда я замечаю медицинский скальпель-нож в его руках; его голова тревожно поворачивается из стороны в сторону.

И тут мой позвоночник словно леденеет.

У его ног, распростертая на земле, лежит наша мать.

В стремительно ширящейся луже крови.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 2

Я роняю розы, их бордовый цвет точь-в-точь повторяет лужу, что ширится под моей матерью. Я не могу думать, едва способна дышать, но мое тело знает, что делать. Я бросаюсь вперед, уже прикидывая на ходу, какие припасы мне понадобятся: шовный материал, обязательно, и антисептик, и успею ли я ввести обезболивающее?.. — как вдруг мою руку намертво зажимает чья-то хватка. К своему потрясению, я вижу Томрис из Дома Стражей; лицо ее неумолимо.

— Отпусти меня! Я Аптекарь! — кричу я. Не будь это чрезвычайной ситуацией, я бы никогда не посмела помыкать Стражем, но сейчас некогда колебаться. Я извиваюсь, пытаюсь вырваться, но все тщетно. Томрис — монолитная стена из мышц.

Мой взгляд резко возвращается к Джонасу. Бескровное серебряное лезвие дрожит в его руке. Выкованный вручную нож длиной три с половиной дюйма — один из наших базовых предметов первой помощи. Должно быть, он выхватил его, чтобы защитить маму. Оружие выпадает из его ладони, когда он опускается на колени, чтобы осмотреть её и найти источник кровотечения, я бы поступила точно так же, но двое Стражей рывком поднимают его на ноги прежде, чем он успевает к ней прикоснуться.

— Дайте ему оказать помощь! — надрываюсь я. Я не могу отвести глаз от ужаса, разворачивающегося передо мной. Грудь мамы, вся она, неподвижна. Что было последним, что я сказала ей сегодня утром? Что-то раздраженное, я уверена, что-то о том, что мне все равно, что она не пойдет со мной к алтарю. Я застонала.

Августус из Дома Водопроводчиков стоит прямо за её телом, лицо его сурово и непроницаемо. Мне казалось, они с мамой были дружны. Почему он ничего не делает? Почему никто не спешит на помощь?

Я снова умоляю Томрис:

— Отпусти меня!

В нескольких футах слева от меня раздается гневный шум. Я поворачиваюсь и вижу Гриффона: его брови сдвинуты, и он точно так же зажат в тиски другими Стражами. Похоже, он пытался прорваться к Джонасу и моей матери, но соратники удержали его.

— Тихо!

Громоподобный голос заставляет всех нас умолкнуть. Ярек Цзы, отец Гриффона и глава Совета, пробивается сквозь толпу к моей матери. На его лице волевой нос Гриффона кажется хищным, клювовидным, а глаза цвета ночи сидят слишком глубоко. И все же Ярек обладает неоспоримо властным присутствием. Словно ястреб среди певчих птиц. Уж он-то наверняка пробудит нас всех от этого кошмара. В конце концов, он — само лицо нашей системы.

Дойдя до моей матери, Ярек опускается на колени, тщательно избегая крови, и прикладывает на удивление нежные пальцы к ее шее. Поднимается он с растерянным видом; три линии, вытатуированные под его левым глазом, резко выделяются на внезапно побледневшем лице.

— Она ушла.

Мои ноги подкашиваются, и я падаю на землю; это движение застает Томрис врасплох. Ее хватка слабеет. Воспользовавшись этим, я ползу вперед и оказываюсь подле матери прежде, чем кто-либо успевает меня остановить.

Это правда. Ее пульс замер.

— Нет, нет, нет, — шепчу я, чувствуя во рту вкус пепла. Это не может быть правдой. Ее красивые голубые глаза застыли полуоткрытыми, тепло уже покидает их.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Вся ее грудь в крови, самая густая концентрация — в трех отдельных точках, образующих грубый треугольник, в точности так, словно ее ударили ножом. Но нож Джонаса был чист. Я видела его. Я переложу взгляд на брата, которого крепко держат двое Стражей.

Его глаза округлились до размеров чайных блюдец. Рот открывается и закрывается.

— Джонас, — требую я. — Что случилось?

— Джонас Олгуд совершил нечто немыслимое! — грохочет Ярек, обрывая ответ Джонаса. Затем он поворачивается к толпе, и его голос напрочь заглушает их вспыхнувший, как лесной пожар, ропот: — Он совершил убийство!

Это слово бьет как физический удар. Убийство. Я знаю его только по урокам истории — как отсылку к ужасному деянию из Прежних Времен. В Долине нет убийств.

— Нет! — кричу я, пока Томрис и еще один Страж начинают оттаскивать меня прочь. — Джонас никогда бы не причинил вреда нашей матери! Он пытался помочь ей! — Но деревенские жители уже гудят, шепотки эхом разносятся по облаченной в красное толпе, точно мрачный ветер.

— Нож Джонаса! — визжу я. — Он был чистым! Он, должно быть, пытался защитить её!

Несколько моих односельчан косятся на лезвие, которое теперь уже плавает в луже крови. Неужели я была единственной, кто заметил безупречно чистый металл до того, как нож упал?

Лицо Джонаса — маска муки.

— Роуз, я не хотел...

— Прекрати свои манипуляции! — приказывает Ярек, снова обрывая его. — Вся деревня только что видела, как ты стоял над своей трижды раненной ножом матерью, держа в руках оружие. Что это может быть, кроме убийства? Самый противоестественный поступок, заслуживающий самого беспрецедентного последствия.

Взгляды устремляются к Вратам Эдема, к корзине, что покоится у стены, словно угроза. Слово «Сбор Урожая» змеей ползет по толпе, тихо и вкрадчиво, передаваясь из уст в уста. Сперва как вопрос, затем перерастая в убежденность. Но этого не может быть. Сбор Урожая — не наказание. Это наша величайшая честь. Мне снова становится дурно. Ярек склоняет голову, словно прислушиваясь к людям, выражение его лица колеблется от скорби к ярости, пока он и сам не уставляется на корзину, прислоненную к Вратам Эдема; желваки на его щеках натягиваются.

Леденящий страх лижет мой позвоночник. Они не посмеют. Клянусь Стеною... что происходит?

Ярек постукивает по подбородку — ужасное, притворное подобие задумчивости, — обращаясь к толпе:

— Вы считаете, что ради безопасности целого Джонас должен выступить в качестве досрочного Сбора Урожая в этом месяце? — Его голос разносится по самым дальним углам площади. — Что ж, это разумное предложение. — Он размышляет еще немного: — Более чем разумное, на самом деле. Честь, которую убийца едва ли заслуживает.

Каждая клетка моего тела кричит. Я озираюсь по сторонам в дикой надежде. Эти люди знают и любят Джонаса. Он один из главных весельчаков деревни, парень с

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

неизменно добрым нравом, и он Аптекарь. Само собой, он побежал бы на помощь раненому. Но, к моему ужасу, вместо того чтобы высказаться, жители Долины начинают поворачиваться спиной. Один за другим они отворачиваются и опускаются на колени — все до единого, кроме членов Дома Жрецов. Только они остаются стоять, приковав взгляды к Яреку.

Мои кости превращаются в воду. Когда все остальные отводят глаза — даже тетя Флоренс и дядя Ричард стоят к нам спиной, их шеи побелели от шока, — Ярек коротко кивает:

— Община высказалась. — Он поворачивается к моему брату: — Твой народ решил оказать тебе милость, вопреки твоим деяниям. — Он машет рукой в сторону своего сына: — Прими командование корзиной Сбора.

Какая бы жажда борьбы ни вспыхнула на миг в Гриффоне, она испарилась. Он движется деревянно, поворачиваясь к Стене, словно марионетка на ниточках. Ярек шагает к сцене, к тому самому месту, где я должна была обмениваться клятвами с Гриффоном в эту самую секунду. Он поднимается на нее. Возвышаясь над всеми нами, он делает знак одному Стражу вести Джонаса к корзине, а другому — притащить меня к нему.

Мой милый брат бредет навстречу своей судьбе, расправив плечи и подняв подбородок, — ягненок, вырядившийся львом. Что-то подступает к моему горлу, скребется, пытаюсь вырваться наружу. Я открываю рот, но не издаю ни звука.

— Да защитит нас Стена, — провозглашает Ярек, сияя, глядя на меня сверху вниз. В его глазах есть что-то хищное. — Знаешь, ты так похожа на свою мать, — произносит он, словно мы с ним наедине, а не стоим перед всей деревней, когда моя мама только что убита, а мой брат вот-вот вознесется к Небесам. — Я так благодарен, что тебя отобрали для моего Дома.

Мой близнец. Мой брат. Владелец вихрастой улыбки и волос, похожих на утиный пух; настолько дружелюбный, что его выбирали принцем Майского Дня в каждом учебном году, начиная с детского сада, и ни один мальчишка не мог заставить себя завидовать ему. Мой лучший друг — единственный друг, если честно, — и самый добрый человек из всех, кого я знаю.

Его отправляют на Сбор Урожая.

Все эти тревоги, все следование правилам. Этого оказалось мало.

— Нет! — хриплю я. Кошмар происходящего скребет мои вены, окрашивая все вокруг в багрово-сырые тона. — Джонас — мой брат, — говорю я Яреку, стоящему на сцене. Мой голос срывается, но звучит отчетливо. — Мы Аптекари.

Ярек знает это, конечно же, знает, но я не могу замолчать, хотя мой мозг плавится от ужаса.

— Нас нельзя выбирать для Сбора Урожая. Моя... — я собираюсь сказать «моя мать» и давись этим словом. — Простите, но все Аптекари освобождены от Сбора. Какой бы честью это ни было, необходимость лечения новой потенциальной вспышки требует нашего исключения из списков. Вы ведь можете найти другой способ наказать Джонаса, верно? — Я знаю, что мой близнец не убивал нашу мать, но я скажу что угодно, лишь бы удержать его ноги на земле, даже если это означает призвать те самые позорные столбы для порки, от которых я совсем недавно жаждала его уберечь. Как только все успокоятся, мы выясним, что произошло на самом деле.

Ярек наклоняет голову и вытягивает губы, являя собой саму картину сострадания:

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

— Тебе следовало бы благодарить свою общину за то, что она проявила к Джонасу такое милосердие. Убийство, безусловно, отменяет освобождение твоего Дома от Сбора, — говорит он. — И в любом случае, Совет недавно обновил эту директиву. Наша нехватка продовольствия требует этого.

Ледяная волна бессилия угрожает поглотить меня. Но ведь таковы были правила. Их нельзя менять в одночасье.

И тут происходит нечто неожиданное.

Я чувствую, как внутри меня что-то с щелчком обрывается, и в груди расцветает вспышка обжигающей ярости.

Я хочу причинить Яреку боль. Послушная, тихая Роуз хочет перегрызть ему горло.

Нет. Это не я. За исключением тайной доставки лекарств старикам, я всегда делаю то, что мне велят. Я пытаюсь подавить эту ярость, но она не поддается.

Ярек продолжает, ни о чем не подозревая:

— Гриффон, проводи Джонаса к его высшей жертве, будь добр.

Изысканное лицо Гриффона — натянутая маска. На его руках напрягаются мускулы, и во мне вспыхивает безумная надежда, что он откажется, что он объявит это жестоким розыгрышем, отголоском наших детских дней, когда мы с ним были неразлучны. Но вместо этого он скользит вперед с грацией горного льва. Он забирает Джонаса у конвоиров и начинает вести его к Стене.

Они уже почти доходят до корзины, когда Джонас вырывается из хватки Гриффона. Ярек яростно вскрикивает, пока мой брат мчится ко мне, проскальзывая между остальными Стражами.

— Роуз, — шепчет он, добравшись до меня. Белки его глаз видны со всех сторон вокруг зрачков. От него пахнет железом и страхом, когда он обнимает меня, говоря прямо мне в ухо: — Я не убивал ее. Ты найдешь правду в коттедже Хранителя Записей. Ступай в хранилище. Но защити себя, Роуз. Пусть никто не увидит тебя там.

Я рыдаю и цепляюсь за него. Защитить себя? Все, чего я когда-либо хотела, — это уберечь его. Слишком быстро Гриффон отрывает его от меня, и ненависть, которую я испытывала к Яреку, обретает новое пристанище. Я никогда не прощу Гриффону то, что он вел моего брата на смерть.

— Помни, мы не те, кем кажемся! — кричит Джонас.

Воздух кажется жидким, все вокруг движется слишком быстро и слишком медленно одновременно. Я бросаюсь вперед, но крепкие руки обхватывают мою талию. Если бы только я была лучше. Послушнее. Если бы я никогда не носила лекарства старикам...

Я ищу помощи у деревенских жителей.

— Это против закона! — воплю я.

Саймон, который, по словам Джонаса, впустил его сегодня утром в хранилище, бел как овечья сыворотка. Он растворяется в толпе. Его отец, Дэвид, уставился на гипс на своей недавно сломанной ноге, слеза катится по его щеке.

Ни один человек не решается встретиться со мной взглядом.

В отчаянии я устремляюсь к Вратам Эдема, но новые руки вцепляются в меня. Они принадлежат Леонидасу Кхану, Стражу и ближайшему другу Гриффона. С тем же успехом я могла бы попытаться вырваться из могилы. И все же я извиваюсь и рычу, кусая его за руки.

Они не разжимаются.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

— Дикий Кролик! — воплю я. Пожалуйста, если еще осталась хоть какая-то молитва, которую можно сотворить...

Гриффон и Джонас подходят к корзине для Сбора Урожая. Впервые на моей памяти Стражи стоят по обе стороны от сварной металлической клетки с обнаженными мечами наготове.

— Я люблю тебя! — рыдаю я. Я пытаюсь послать эти слова как защиту, как мольбу, как обещание.

Мой близнец шагает в корзину. Он покачивается, ловит равновесие. Затем он адресует мне жуткое подобие улыбки — столь широкой и печальной, что она разрезает меня надвое.

«Я тоже тебя люблю», — беззвучно шевелит он губами.

Он все еще ловит мой взгляд, когда Гриффон что-то шепчет ему на ухо. Глаза Джонаса округляются, и в следующий миг корзина захлопывается. Кто-то подносит Яреку планшет, управляющий ею. Он тычет пальцем в экран, и корзина начинает парить, поднимаясь по Стене, унося моего вихрастого брата к небу.

Туда, откуда еще никто и никогда не возвращался.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 3

— У тебя такие красивые волосы, — говорит мне Артемизия Цзы, снимая ленты и колокольчики. Мать Гриффона — высокая, мускулистая женщина; ее темные волосы сострижены почти под корень. Выражение ее лица скорее задумчивое, чем доброе. Она продолжает: — Похоже, они выются от природы, хотя трудно сказать наверняка. Никогда не видела тебя с распущенными. Это отсутствие тщеславия сослужит тебе хорошую службу на поприще Стража.

Долина Ноя требует баланса во всем. Поскольку утром в день моей свадьбы в моем семействе было больше домочадцев, чем в семье Гриффона, я обязана переехать к нему, приняв их ремесло, фамилию и семью как свои собственные и оставив прежнюю жизнь позади.

Мои свадебные ленты падают на пол, словно сброшенная кожа. В каком-то смысле, наверное, так оно и есть.

— Я говорила Яреку, что нам следовало объявить об изменении правил Сбора Урожая до того, как кто-то успеет совершить ужасное преступление. Просто все произошло так быстро... этот твой брат, вонзивший нож в Генриетту.

Шорох. Еще одна лента скользит на пол. *Динь* — весело отозвался колокольчик.

Артемизия («Мизия, пожалуйста», — настояла она, хотя я не проронила ни слова) и я находимся на первом этаже двухэтажного дома Цзы. Этот этаж представляет собой одну большую комнату, половину которой занимает кухня, обставленная простым дубовым столом с шестью стульями, дровяной печью, раковиной и шкафами. На противоположной стороне располагаются сложенный из речного камня камин с ничем не украшенной сосновой полкой, два крепких кресла-качалки и диван, обтянутый тяжелой, посеревшей от времени тканью. На единственной полке стоят книги по их ремеслу; я не вижу здесь других текстов, ни картин, ни гобеленов — ни единого штриха, дарующего тепло. Четыре стены — обнаженное дерево, лишенное даже известковой побелки, которую большинство деревенских жителей используют, чтобы сделать интерьер светлее.

Я сижу на одном из кухонных стульев лицом к ростовому зеркалу — предмету, которым должен владеть только Дом Портных. Мизия стоит позади меня. Я не смотрю на свое отражение, потому что знаю: оттуда на меня взглянет лицо моего брата. Дрожь сотрясает меня каждые несколько секунд.

Джонас.

— Но невесте, конечно, хотелось бы узнать об изменении правил заранее. Твой брат вознесся через Врата Эдема к Небесам, но сюрприз есть сюрприз, даже когда это хорошая новость, — продолжает она. — Неудивительно, что ты решила отложить свадьбу. Через несколько дней мы устроим скромную церемонию. Прицепим ее прямо к чьей-нибудь еще.

«Я решила отложить свадьбу?» Ощущалось это скорее так, словно я умерла.

Когда корзина с Джонасом поплыла вверх и скрылась из виду, моя мимолетная ярость уступила место столь глубокому отчаянию, что, казалось, сердце вот-вот остановится. Язык не слушался, ноги не двигались. Ярек приказал немедленно провести похороны моей матери; ее тело завернули в саван и отправили наверх в ту самую секунду, как вернулась пустая корзина, унесшая Джонаса.

Соджорнер, Верховная Жрица, подбежала, чтобы обнять меня, как только закончила короткую погребальную церемонию. Она шептала мне на ухо

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

бессмысленные слова, явно пытаюсь утешить: *«То, что ты наследуешь, не определяет тебя. То, что ты решаешь нести в себе, — вот что создает тебя».*

Я не шелохнулась.

Я не знаю, сколько прошло времени; помню лишь, что, в конце концов, сквозь мой шок пробился гул шепотков. Ярек и Мизия материализовались рядом, заслоняя собой Врата Эдема. Ярек выглядел оскорбленным, Мизия — раздраженной. Они склонили головы друг к другу, разглядывая меня так, словно нашли что-то мерзкое на подошве своих туфель. Наконец, они, похоже, пришли к какому-то согласию, и Мизия подошла и ущипнула меня за нежную кожу под мышкой. Этого хватило, чтобы расшевелить меня, хватило, чтобы заставить меня двигаться и увести за собой сюда.

В дом Гриффона.

В мой новый дом.

Насколько одиноким чувствовал себя Джонас, когда плыл к вершине Стены, глядя вниз на единственный дом, который он когда-либо знал? Как страшно ему было в последние мгновения? Согласно доктрине Долины, те, кто выбран для Сбора Урожая, принимаются Солнцем, а их дух обретает вечный покой в награду за самоотверженность. И все же мы иногда слышим крики, когда те, кого уносит Сбор, достигают вершины, — крики и жуткие хрустящие звуки. Но не всегда.

Не всегда.

Мой брат мертв.

Грудь сжимает спазмом. Только не мой близнец. Я не вынесу этого, не выживу, если это правда. И я возвращаюсь к единственным двум мыслям, способным удержать меня на плаву: узнать, кто на самом деле убил мою мать, и заставить Ярека и Гриффона страдать так же, как страдаю я. Я выуживаю из глубин ту вспышку ярости, которую ощутила у Стены, клянясь посвятить каждую крупину оставшейся жизни тому, чтобы они познали ту же невыносимую муку, что терзает меня сейчас. Эта жажда мести идет вразрез со всем моим воспитанием, с тем, кем я себя считала, но только близость к этой злости удерживает тьму на расстоянии.

Дом Цзы познает такое разорение, какого еще никогда не видел, и придет оно изнутри их собственного очага.

Где-то на периферии сознания я задаюсь вопросом, куда ушли Гриффон и Ярек после того, как обрекли Джонаса на смерть. Они не пошли обратно с нами. Я помню только Мизию, которая прижимала к себе планшет одной рукой, а другой вела меня.

Проклятое богом высокотехнологичное устройство лежит неподалеку, на кухонном столе. Это плоская матово-черная плита размером с энциклопедию, хотя гораздо тоньше. Поверхность ее гладкая, бесшовная, и для своих размеров она кажется странно тяжелой — явно создавалась на века. Никаких видимых кнопок, лишь едва заметная сетка насечек у одного из краев. Повинуясь импульсу, я прикасаюсь к экрану точно так же, как видела это у Ярека — и у Хранителя Записей, в те времена, когда их Дом еще отвечал за Сборы Урожая. Под моими пальцами поверхность ощущается прохладной и скользкой, но ничего не происходит.

— В нем кончился сок [прим. пер.: в оригинале *out of juice* — разговорное выражение, означающее разрядку батареи, переданное здесь близким по смыслу просторечием]. — Мизия цыкает языком. — Боюсь, большая часть наших технологий Прежних Времен дышит на ладан. Раньше этот планшет заряжался от солнца за час, по крайней мере, так говорит Хранитель Записей. Теперь на это иногда уходят дни. К тому же, его нужно заряжать после каждой пары использований.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Для меня это пустые слова, за исключением одного: помимо управления корзиной, планшет решает, кто именно отправится на Сбор Урожая. Он черпает данные переписи у Хранителя Записей, чтобы подсчитать рождаемость, смертность, запасы продовольствия, размер семей и прогнозируемый урожай, а затем запускает формулу для выбора счастливого. Внезапная мысль вонзается в мою голову: *«Если планшет умрет окончательно, плановых Сборов больше не будет? Могу ли я уничтожить его, избавив другие семьи от этих страданий?»*

Мой разум мгновенно бледнеет от этой еретической мысли. Скорбь туманит мой рассудок. Сборы Урожая — наша величайшая честь. Без них наше население разрослось бы слишком сильно, и многие внутри нашего ограниченного Стеной рая умерли бы от голода или были бы вынуждены прибегнуть к насилию, чтобы выжить.

Мизия подбирает планшет и несет его к шкафу, словно защищая от меня. Я замечаю, что на самом деле она не так уж высока. Это то, как она держится, заставляет ее казаться больше и сильнее.

Она прячет его в кухонный шкафчик и закрывает дверцу с щелчком.

— Но ты узнаешь все тонкости работы с планшетом теперь, когда ты принадлежишь к Дому Стражей, — продолжает она. Она говорит об этом так, словно ее семья всегда была зрителем этого устройства. — Конечно, твое обучение не может начаться, пока вы не обвенчааетесь. Но в нашем доме вы с Гриффомом будете делить его комнату. Как муж и жена.

Я не произнесла ни слова с тех пор, как умоляла пощадить Джонаса. Но это, наконец, возвращает мне дар речи. Я не стану спать рядом с человеком, который вел моего брата к корзине Сбора.

— Вы думаете... — мое горло сорвано от крика, голос звучит хрипло и надтреснуто. — Думаете, я могла бы получить отдельную комнату, пока свадьба не станет официальной?

Мизия улыбается, принимая мою тревогу за скромность:

— Ну, у нас наверху всего две спальни, и мы не можем отправить тебя обратно в твой старый коттедж! Как это будет выглядеть? К тому же, это просто заминка, что вы с Гриффомом еще не женаты. Мы ведь можем закрыть на это глаза, верно? Ради общего блага?

Когда я моргаю, веки словно скребут по глазам. Смерть моего брата — это всего лишь заминка?

— Я не буду спать с Гриффомом. — Теперь, когда я высказалась один раз за сегодня, слова даются легче. Что еще мне терять? — Не сейчас. Никогда.

Мизия посмеивается. Это теплый звук, пускай даже ее слова стирают меня в порошок.

— Не глупи. Ты будешь делить ложе со своим суженым. Мы не можем упустить возможность вырастить новых маленьких солдат.

Я принадлежала к Аптекарскому Дому. Я знаю, как устроено размножение, и у меня нет ни малейшего намерения становиться племенной кобылой. Стражи и Фермеры — единственные, у кого для ремесла выделено более одного коттеджа. Они прекрасно справятся и без моих благословенных усилий.

— Ты, должно быть, измотана. — Мизия хлопает меня щеткой по макушке, возвращая мое внимание в комнату. — Да и ужинать уже слишком поздно. Почему бы тебе не отдать мне это платье для чистки и не отправиться спать?

Я хватаюсь за лиф своего платья, как за спасательный круг:

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

— Я не взяла с собой другой одежды.

После свадебной церемонии молодожены должны пройти шествием по деревне, благословляя каждого жителя, прежде чем дойти до старого Дома того, кто уходит, чтобы забрать свои вещи. Затем пара направляется к новому Дому, приносит присягу верности, и на их тела наносят татуировку Дома — единственную постоянную отметину, дозволенную внутри Стены. Символ Стражей — три горизонтальные линии в полдюйма под левым глазом. Мы с Гриффоном так и не совершили этот путь. Наши лица чисты, мои сумки все еще дома. Все, что у меня есть, — это красное свадебное платье на теле и тонкое исподнее под ним.

— Я заберу твои вещи завтра, — жизнерадостно говорит Мизия, протягивая руку. — Не о чем беспокоиться.

Она говорит это так, словно ожидает, что я разденусь прямо перед ней. На кухне!

— Вы не могли бы проводить меня в мою комнату, пожалуйста? — я удивлена твердости собственного голоса. Если она надеется сломить меня, ей придется постараться получше. Сегодня скорбь покрывает меня своей странной броней.

— Полагаю, ты хочешь увидеть, где будешь спать, — произносит Мизия после паузы, сузив глаза. — Сюда.

Она начинает подниматься по деревянной лестнице. Я бросаю еще один взгляд на шкаф, прежде чем последовать за ней, удивляясь тому, что мое сердце все еще бьется, что горе не сковало его льдом. Я потеряла мать и брата за один день. Мои чувства к матери сложны. Моя скорбь по близнецу — абсолютна.

«Прости меня за то, что я позволила им забрать тебя».

Одно-единственное холодное утешение пробивается сквозь мое горе: мой собственный проступок не мог обречь Джонаса. Если бы Совет знал, что я тайно ношу лекарства старикам, мое имя назвали бы рядом с его именем. Деревня действительно верит, что он убил нашу мать.

Верхний этаж дома Цзы устроен так же, как мой прежний дом, но он меньше. Если в Аптекарском коттедже четыре спальни, то в доме Цзы их всего две: одна слева, другая справа. Мизия открывает дверь слева от нас.

— Это была комната Гриффона. Теперь она твоя. Твоя и его.

Я переступаю порог. Спальня обставлена просто. Матрас, достаточно широкий для двоих, но всего одна подушка. Постель аккуратно заправлена, что приносит мне крошечное утешение. По крайней мере, мы с Гриффоном оба любим порядок. Прикроватная тумбочка. Комод. Платяной шкаф. Письменный стол.

Я чувствую, как подступают слезы.

Мизия не сдвинулась с дверного проема. Ее лицо ясно дает понять, что ей нужно платье. Что ж, отлично. Я буду счастлива никогда больше не видеть это багровое чудовище. Оно напоминает мне о том, что я потеряла. Я стаскиваю его и протягиваю ей, надеясь, что успела вытащить крошечного деревянного кролика достаточно быстро, чтобы она не заметила. Моя сорочка сшита из тонкого, натурального льна. Меня начинает бить крупная дрожь; игрушечный кролик зажат в моей ладони.

Я чувствую, как Мизия оценивающе разглядывает меня, но отказываюсь шевелиться, пока она не уйдет. Я не доставляю ей такого удовольствия. Пусть глазаест. Слеза катится по моей щеке и горячей каплей падает на ногу. За ней быстро следует другая, а затем еще одна.

Наконец, Мизия уходит, закрывая за собой дверь.

Я бросаюсь к кровати и ныряю под одеяло. Этой ночью мне не уснуть.

Джес Лоури - Зеленая Клетка
Jess Lourey - The Verdant Cage

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 4

Вопреки моим ожиданиям, сон все же подкрадывается, накатывая на тело, словно отравленный туман. Когда тихий щелчок возвращает меня в мир бодрствования, требуется мучительное мгновение, чтобы вспомнить, где я нахожусь. Я моргаю, превращая сплошную черноту в силуэты, а затем, по мере того как глаза привыкают, — в детали.

Гриффон стоит в дальнем конце комнаты лицом к своему платяному шкафу. Он стягивает рубашку через голову, дернув за задний ворот. Я в его доме, в его спальне, в его постели. Сердце с такой силой ударяет в грудь, что я судорожно вздыхаю.

Гриффон поворачивается. Я крепко зажмуриваюсь, притворяясь спящей. Он оставит меня в покое, если подумает, что я отключилась. Ведь так? Голова идет кругом, мысли закручиваются в тошнотворный вихрь, пока я пытаюсь восстановить в памяти тот извилистый, безумный путь, что привел нас сюда.

Когда мы были детьми, Гриффон был моим единственным другом вне семьи. Следование правилам было обязательным для каждого ребенка в Долине, но после смерти моего отца это стало всей моей сутью — до такой степени, что никто другой меня просто не выносил. К тому времени, как мы пошли в третий класс, все знали: если учитель начинал задавать вопрос, моя рука взлетала вверх прежде, чем фраза слетала с его губ. Если нас просили отказаться от десерта на неделю, потому что на всех не хватало яблок, я обходилась без него две. Когда Сальватора из Дома Сапожников на спор украла чашу с алтаря часовни и Соджорнер сказала, что наш долг — выдать вора, именно я пошла и донесла.

Я морщусь от стыда. Я не виню их за нелюбовь ко мне, но мама учила меня, что соблюдение правил необходимо для безопасности моей семьи. Я должна была быть в этом лучшей.

Седовласая Марина — дочь Хранителя Записей и сестра Саймона — возглавляла школьных задир, ополчившихся против меня. Гриффон был единственным одноклассником, кто пошел против нее. Он был прирожденным лидером.

А главное, он был моим первым пациентом.

Он часто приходил в школу весь в порезах и синяках после тренировок. Потребовалось время и мягкая настойчивость, чтобы завоевать его доверие настолько, чтобы он позволил мне обрабатывать его раны. В отличие от других Стражей, Гриффон ни разу не переступил порог Аптекарского Дома, так что тихая обязанность врачевать его увечья легла исключительно на меня. Я стала с нетерпением ждать моментов, когда он находил меня прямо перед началом уроков — с улыбкой на лице, даже если свежее растяжение требовало наложения повязки на запястье. Каким же восторгом было для меня иметь кого-то, на ком можно практиковаться!

Все изменилось в день церемонии помолвки нашего потока. К тому времени мне было тринадцать, Гриффону — четырнадцать, и благодаря всем тем неспешным беседам, что мы вели, пока я втирала мазь в его очередную ссадину или прикладывала мох к синяку, я влюбилась в него по уши — размером с добрый амбар.

Церемония помолвки должна была стать праздником — днем, когда мы впервые услышим имя своего будущего мужа или жены. В то утро по дороге в школу я буквально светилась от волнения. Разумеется, я надеялась услышать имя Гриффона в паре со своим. Я зашла так далеко, что даже воображала, каково это — однажды поцеловать его. И все же я поклялась себе принять любой выбор, кем бы ни оказался мой суженый.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Эта решимость подверглась испытанию, когда прямо перед началом церемонии он тайком протянул мне ромашку.

Когда пары начали объявлять, кто-то справлялся со своими чувствами лучше, кто-то хуже. Ээро расплылся в улыбке, когда его парой назвали умницу Мерил из Дома Артистов; Аларика из Стражей обрадовалась куда меньше, когда ее распределили к Эрнесту-Кожевеннику. Я не смогла прочесть выражение лица Марины, когда ее назначили Джонасу, хотя брат выглядел вполне счастливым.

Когда в остатке значились всего трое из нас и Никола Белл из Дома Инженеров был объявлен моей судьбой, я натянула свою самую лучшую улыбку, несмотря на сокрушительное разочарование. К тому времени мы уже потеряли отца, так что я знала свое место. Моя нелепая ухмылка держалась ровно до тех пор, пока мои глаза не встретились с глазами Гриффона.

Его объявили Свободным Кастером. Парой без пары, лишним элементом.

Он бесстрастно кивнул и зашагал прочь. Я бросилась за ним, все еще сжимая в руке подаренную ромашку, но он шел слишком быстро.

— Бежишь за своим пареньком? — насмешливо бросила Марина, выхватив цветок и отшвырнув его в сторону. После того как ее мать отправили на Сбор, она стала резкой, ошестившейся, точно сплошные клыки. — Все и так знают, что ты любишь Гриффона.

— Вовсе нет, — громко солгала я, до смерти напуганная тем, что община сочтет меня неверной моему обрученному. Щеки мои пылали. — Я люблю Николу. А Гриффон был просто кем-то, на ком можно практиковаться.

— Слышал, Гриффон? — свирепо улыбнулась Марина.

Я обернулась и увидела, что он стоит позади меня; живая боль промелькнула на его лице прежде, чем взгляд ожесточился. Он рассмеялся — зло и холодно:

— Считай это чувство взаимным. Мне в тебе всегда нравились только припарки. — И он ушел.

Мое сердце разлетелось на осколки.

— А ведь он умолял меня о поцелуе, знаешь ли, — промурлыкала Марина. — Я, конечно, отказала. Мы должны следовать правилам. — Она похлопала меня по щеке и тоже зашагала прочь.

После этого мы с Гриффоном почти не разговаривали. Он перестал приносить мне цветы, перестал играть со мной, едва признавал мое существование. Мама говорила, что это совершенно естественно, когда дружба угасает после объявления помолвок. Все, что существовало между нами в детстве, было оставлено усыхать под палящим солнцем.

Какая же жестокая судьба, что теперь он и я связаны навечно и делим одну спальню.

Что-то он слишком долго не двигается. Я приоткрываю глаза под прикрытием ресниц и с ужасом обнаруживаю, что он пристально разглядывает меня. От неожиданности я инстинктивно отпрянываю. Счастливчик Банни выскальзывает из моей руки и с глухим стуком падает на пол.

Сердце колотится как бешеное; я замерла, ожидая, что он сделает. В темноте я не могу разобрать выражения его лица, вижу лишь, что он повернулся ко мне, слегка наклонив голову. Лунный свет падает на его широкую грудь и грубо-мощные руки. Наконец он наклоняется, поднимает игрушку и удерживает её на весу.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

— Счастливчик Банни? — спрашивает он, и в его голосе звучит что-то похожее на восторг.

Из всех эмоций, воюющих у меня внутри, вершины достигает удивление:

— Ты помнишь эти сказки?

Его лицо снова скрывается в тени.

— Ты рассказывала их мне, когда в самый первый раз зашивала меня. — Его голос звучит сипло. — Ты разве не помнишь?

Я не помнила, но от его слов воспоминание лавиной обрушивается на меня. Я тогда просто пыталась отвлечь его от боли, и все, что было в моем арсенале у меня, ребенка, — это сказки моей бабушки, истории, которые приносили утешение мне самой, когда я в нем нуждалась. В эту секунду я ощущаю прилив тепла к Гриффону, какого не чувствовала уже много лет, как вдруг перед глазами встает искаженное ужасом лицо брата. Я сажусь в постели, резко вытянув руку вперед:

— Отдай его мне.

Одеяло соскальзывает вниз, и я вспоминаю, что на мне только исподнее. Я торопливо натягиваю ткань обратно, но поздно. Гриффон заметил мое замешательство.

Он издает оскорбленный звук, почти рычание:

— Где твоя ночная одежда?

Как будто он сам не знает, что мы не совершили обрядовое шествие, и по какой причине.

— В моем доме, — выплевываю я.

Он делает шаг ко мне, и я сжимаюсь, сердце лупит по ребрам. Я подтягиваю колени к груди, готовясь ударить его ногой в живот, но тут понимаю, что он идет вовсе не ко мне. Он шагает к двери, на ходу подбирая с пола свою рубашку.

Я натягиваю одеяло до самого подбородка, жалея, что не могу прорезать в нем дыры для головы и рук и носить вместо платья. Из-за двери спальни до меня доносятся звуки чего-то, похожего на перепалку. Голос Гриффона. Голос его матери — низкий, яростный.

Затем тишина.

Секундами позже дверь спальни распахивается настежь. Я вздрагиваю, все еще вцепившись в одеяло.

— Твои вещи принесут завтра, — бросает Гриффон. — На эту ночь надень вот это. Извини, ничего чище предложить не могу.

Он швыряет мне свою рубашку, после чего направляется к шкафу, чтобы достать то, что выглядит как запасные постельные принадлежности. Пока он стоит ко мне спиной, я торопливо, под защитой одеяла, натягиваю рубашку. Она пахнет ночной прохладой, сосновой хвоей, пахнет Гриффонем.

— Не стоит больше делать мне одолжений, — бормочу я, продевая руки в рукава.

Он замирает, но не роняет ни слова, расстилая одеяло и укладывая подушку прямо на пол.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 5

Джонас.

Я моргаю, прогоняя из глаз сонный песок.

Мне снилось, будто мы с ним играем в поле, плетем венки из одуванчиков и ловим лягушек в то самое время, когда должны были собирать цветки ромашки для бабушки. Он над чем-то смеялся, смеялся так сильно, что на глазах выступили слезы. Но затем смех сменился сковавшим его ужасом, от которого перехватило дыхание: появился Ярек, перекинул его через плечо и зашагал к Вратам Эдема.

Я проснулась как раз в тот момент, когда моего брата швырнули в корзину Сбора Урожая.

Я лежу в постели Гриффона, и память, точно тупой клинок, кромсает мой разум — вчерашний кошмар накатывает волна за волной. Джонас, стоящий над телом матери со сжимаемым в руке чистым ножом. Томрис, удерживающая меня. Странное выражение лица Августуса Водопроводчика. Видел ли он, кто убил мою маму? Или сделал это сам?

Джонас, должно быть, не знал, кто убийца, иначе он обязательно бы сказал. Он просто оказался не в том месте и не в то время. Наказан за попытку спасти собственную мать, за то, чему учился всю свою жизнь.

Кровь стынет в жилах, когда в памяти всплывают последние слова Джонаса.

«Я не убивал ее. Ты найдешь правду в коттедже Хранителя Записей. Ступай в хранилище».

Что он там увидел? Как это связано со смертью нашей матери? И неужели я всерьез подумываю о том, чтобы прокрасться в хранилище Хранителя Записей и выяснить, кто истинный убийца? С болезненным уколом смирения я понимаю: да, подумываю. Без этой последней ниточки, связывающей меня с Джонасом, я просто утону в приливе собственного горя. К тому же, моя мать заслуживает справедливости.

Я осторожно заглядываю за край кровати, стараясь не издавать ни звука. К счастью, Гриффона уже нет, его одеяло аккуратно сложено и убрано под подушку. Мне не нравится то, что я не слышала, как он ушел.

Я сползаю с постели, чувствуя, как рубашка Гриффона ласкает мою кожу. Было время — не так уж давно, — когда в его одежде я ощущала бы себя близкой к нему так, как позволяла себе лишь мечтать. Теперь же эта ткань — лишь напоминание обо всем, что я потеряла со вчерашнего дня.

Я внутренне собираюсь перед лицом наступившего дня и на цыпочках выхожу в коридор, а затем спускаюсь по лестнице (с гораздо меньшим изяществом, чем мой суженый, судя по тому, как громко скрипят подо мной половицы).

— Посмотрите-ка, кто наконец-то решил к нам присоединиться, — произносит Мизия, устроившись у печи. Всякое подобие улыбки, намек на то, что мы с ней в одной лодке, испарились. Что бы ни наговорил ей Гриффон прошлой ночью, она явно все еще расстроена. Она оценивающе оглядывает надетую на меня нижнюю рубашку сына, вскидывая брови: — По крайней мере, ты сразу взялась за дело.

Кожа на голове натягивается. *«Какая мерзость»*, — думаю я. Моя мать никогда бы не сказала подобного Гриффону. Уже не в первый раз я задаюсь вопросом, каково это — расти с Мизией и Яреком в качестве родителей. Однако я не поправляю ее. Мне нужно ее доверие, если я хочу пробраться в то хранилище и найти убийцу мамы.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

— Не знала, что у Аптекарей принято столь ленивое утро, — продолжает Мизия. — Завтрак закончился. Чтобы поесть, тебе придется дожидаться ужина. — Она указывает на гору грязной посуды на столе и покрытую коркой кастрюлю из-под каши на печи. — Но прибраться ты можешь уже сейчас.

— Простите, — произношу я на автомате, хотя ее слова жалят. Аптекарский Дом работает круглые сутки, каждый день, а это значит, что мы ворует минуты для отдыха при любой возможности. И только глубокая скорбь виной тому, что я проспала дольше восхода солнца.

Мое извинение заставляет ее немного смягчиться.

— Ну, не нужно лебезить. Твоя лень и так наказана. Оказывается, до следующей недели нет ни одной свадьбы, к которой можно было бы тебя прицепить, а ты не можешь начать обучение, пока официально не станешь членом нашего Дома. Наставления Стражей священны — это одно из правил, которые я отказываюсь нарушать. Пока ждешь, будешь готовить и убирать. Можешь также поглядеть наши тексты, но не слишком увлекайся. Мы не Хранители Записей, чтобы гнить, уткнувшись носами в книги. — Она вскидывает подбородок, словно я хоть словом ей возразила. — Мы — Стражи. Мы защищаем, мы служим и мы не создаем проблем для Долины. Смею надеяться, ты в этом отношении лучше своего брата, по крайней мере.

— Поняла. — Мне удастся сохранить покорный тон, несмотря на ее выпад. Знает ли она о визите Джонаса в хранилище? Это ведь был далеко не первый его проступок. Мальчишка в жизни не встречал комендантского часа, который смог бы соблюсти.

— Могу я навестить сегодня Аптекарский Дом? — спрашиваю я. — Забрать свои вещи?

— Я же сказала, что сама все принесу, — резко обрывает она.

Если она пойдет сама, я не смогу проскользнуть к коттеджу Сайнгалтов [прим. пер.: фамилия семьи Хранителя Записей], чтобы узнать, что видел Джонас.

— Это пустяковое поручение для ребенка. — Я ставлю на кон ее эго. — И уж точно ниже достоинства полноправного Стража.

Ее ноздри раздуваются, пока она изучает меня, и я изо всех сил стараюсь выглядеть невинной, радуясь, что моя репутация идет впереди меня.

Годы хождения по струнке приносят свои плоды.

— Ладно, — сдается она. — Если обернешься быстро. Никому не пойдет на пользу, если ты слишком долго будешь ошиваться возле своего старого Дома. Тебе нужно как можно скорее привыкать к нам.

— Спасибо. — Мне приходится подавить желание сделать реверанс, как мы делаем в часовне.

Или, что еще хуже, сорваться и ударить её ногой.

Эта мысль пугает меня — острая, чуждая, запоздалое эхо той ярости, что вырвалась на свободу вчера у Врат Эдема. Мне нужно срочно взять свое горе под контроль, пока я не совершила то, чего уже нельзя будет исправить.

Мизия скользит к входной двери, потеряв ко мне интерес.

— К полудню приготовишь нам обед. Сразу после него мы должны вернуться на патрулирование.

— Вы работаете в две смены?

За исключением нескольких ремесел, имеющих дело с чрезвычайными ситуациями, — животноводов, растениеводов перед заморозками, Аптекарей и

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

Дантистов, — ни один гражданин не должен трудиться более десяти часов в сутки без специального разрешения.

Она застегивает портупею. Та сделана из той же кожи, что и ее брюки.

— Разумеется, — отрезает она. Ее взгляд останавливается на мне, и выражение лица становится пугающим. — На нас ведут охоту, Роуз. Кому, как не тебе, понимать это, учитывая, что случилось с твоим отцом.

Я не готова к этому напоминанию. За один день я потеряла слишком много, чтобы удерживать смерть отца в том ментальном отсеке, где ей положено храниться. Впервые за долгие годы это воспоминание с треском пробивает мою оборону.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 6

Мне было пять лет.

Бабушка ушла помогать Джонасу принимать роды в коттедже Глашатаев, тетя Флоренс и дядя Ричард раздавали прививки, а отец ушел еще до рассвета, чтобы доставить тело Старейшинам для похорон. Посреди ночи мы неожиданно потеряли Стража, находившегося под нашей опекой. Дома были только мама и я; мы готовили партию обезболивающей настойки из коры белой ивы и дикого латука, чей резкий запах так и въедался в воздух.

Мама в тот день была в странном настроении, да и я притихла — на нас обеих повлияла смерть пациента. Ее густые черные волосы были уложены на макушке, пока она варила снадобья и напевала печальные песни Долины. Она почти не вздрогнула, когда дверь с грохотом распахнулась.

— Скорее! — закричал Ээро из Дома Плотников. Он был хорошим другом Джонаса, но в то мгновение его едва ли можно было узнать.

— Что случилось? — спросила мама, гася огонь и накидывая плащ. Я к тому времени уже застегнула на плече медицинскую сумку. К пяти годам я уже несколько месяцев как помогала на выездах.

— Это Кирби, — прохрипел Ээро.

«Папа?»

Мир вывернулся наизнанку, небо стало землей, а воздух в легких обжигал, словно вода. Мой отец был центром всего доброго, плечом, к которому я прижималась, когда мне было грустно, и улыбкой, к которой я бежала, когда гордилась собой. Он не мог пострадать. Я видела его всего несколько часов назад. Разумеется, его расстроила кончина Стража, но сам он был в безупречной физической форме. В панике я взглянула на маму, но она уже бежала вслед за Ээро. Я старалась не думать о посиневших губах и ногтях мальчика или о резко проступивших белках вокруг его зрачков. Он демонстрировал классические признаки шока. Что это означало для моего отца?

Ээро привел нас к поляне на опушке леса. Дикие гиацинты, свежие и яркие — любимые цветы моей матери, — обрамляли тропу. Мы были ближе к Стене, чем я когда-либо оказывалась до этого. Непочтительно, даже вызывающе близко. Но этот страх испарился, как только мой разум осознал масштабы развернувшейся передо мной бойни.

Сперва мне показалось, будто я смотрю на груды окровавленной одежды — настолько изуродованным было тело папы. Мама ахнула и тут же зажала рот руками. Это был единственный раз, когда я видела, как она застыла в оцепенении перед лицом кризиса — ни до, ни после такого не бывало. Я рванулась вперед, сознание отделилось от души, позволяя мне лечить его. Я твердила себе, что смотрю не на человека, который учил меня танцевать, поставив мои маленькие ножки на свои ступни, и который каждое утро завязывал мне два низких пучка перед школой. Который говорил мне, что я стану лучшим Аптекарем, какого только видела деревня, потому что замечаю детали, упускаемые остальными.

Он был всего лишь пациентом, нуждающимся в моей помощи.

И все же, приблизившись к нему, я задрожала.

К тому, что от него осталось.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Его лицо было так истерзано, что я бы не узнала его, если бы не деревянный кулон в виде черепахи — подарок Джонаса, который отец никогда не снимал. Рубашка на груди была разорвана в нескольких местах, внутренности вывалились на землю. Запах нечистот и свернувшейся крови красноречиво свидетельствовал: мы опоздали.

И все же я попыталась нащупать пульс, прежде чем отшатнуться.

— Он ушел, — прошептала я.

— Это моя вина, — запричитала мать, заставив меня вздрогнуть. Она рухнула на колени перед телом отца, испуская истошный плач и зарываясь руками в пропитанную кровью землю. Она разрыдалась, повторяя одни и те же странные слова: — Мне так жаль. Это все моя вина. Мне не следовало высовываться.

В этом не было никакого смысла. Что бы ни случилось с папой, это был несчастный случай, дикое нападение зверя. Долину окружали сотни акров глуши, и даже самые маленькие из нас знали, что нельзя забредать слишком далеко. Я всматривалась в труп, в частички моего отца, лежащие в постели из диких цветов у моих ног, и начала мысленно отстраняться от происходящего, пока мать продолжала выкрикивать свои извинения в небо.

Вскоре я услышала хруст листьев. Вдали слышались шаги, но я не обратила на них внимания. Мне было все равно, даже если тварь, убившая моего отца, вернется за мной. Но маму это, похоже, волновало. Она ахнула и бросилась ко мне, словно только сейчас вспомнив о моем присутствии. Я не винила её. Никто не знает, как поведет себя перед лицом трагедии.

Сама я не чувствовала ровным счетом ничего.

— Роуз, ты должна быть осторожна, — прошипела она, обхватив мое лицо руками, произнося слова, которые впоследствии повторит сотни, тысячи раз. — Обещай мне, малышка, — отчаянно потребовала она, ее ладони были скользкими от отцовской крови. — Обещай мне, что будешь послушной. Что будешь соблюдать каждое правило. Извлеки из этого урок, Розы. Не привлекай к себе внимания. От этого зависят твоя жизнь и жизнь твоего брата.

Я собиралась выдавить из себя короткое согласие сквозь ее рыдания. Дать ей понять, что сделаю все, о чем она просит. Но стоило мне открыть рот, как открылось и мое сердце, и вместо слов я закричала.

Именно тогда появились Стражи.

Я не помню, кто входил в поисковый отряд, прочесывавший лес, и когда именно нам сказали, что это была дикая горная львица, растерзавшая моего отца. Не думаю, что я когда-либо полностью простила маму за то, что она, должно быть, стала причиной, по которой он свернул в чащу в тот день, чтобы набрать для нее цветов, как всегда любил делать.

Лишь позже, ночью, в коттедже, когда бабушка протянула мне дымящуюся кружку мятного чая с медом, я начала осознавать весь ужас, и он опустился из головы в мое тело. Я выронила кружку и побежала к раковине, чтобы извергнуть из себя все, что съела.

В тот день домашнее обучение изменилось.

Мама, которая всегда прививала нам с Джонасом здоровое уважение к системам и институтам Долины, принялась за это с каким-то маниакальным неистовством. *«Учите правила как собственные имена. Никогда не пререкайтесь. Не привлекайте к себе внимания».*

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Я поверила, что если совершу хоть один неверный шаг, моя семья пострадает так же, как пострадал отец. На моих плечах лежала обязанность оберегать их, и единственным способом сделать это было абсолютное следование правилам. Именно тогда я начала щипать и скручивать кожу между указательным и большим пальцами, как напоминание о том, что нельзя позволять крамольным словам слетать с моих губ. С того дня я вела себя безупречно — вплоть до того момента, когда мне заявили, что я больше не могу заботиться о своих пожилых пациентах.

Я качаю головой, возвращаясь в настоящее, на кухню Мизии. И с удивлением обнаруживаю, что она пристально смотрит на меня, ожидая ответа. Что она мне сказала?

«На нас ведут охоту, Роуз. Кому, как не тебе, понимать это, учитывая, что случилось с твоим отцом».

— Простите, но я никогда не видела этих хищников. — Я содрогаюсь, и этот ужас не поддельный. — Хотя вы правы, я была свидетелем их деяний.

Тварь, добравшаяся до моего отца, сожрала и то тело, которое он нес Стражам. Годы шли без новых нападений, так что мы надеялись, что те две смерти были аномалией. Но восемь месяцев назад были убиты еще два Стража. Одну из них я видела лично: ее кости были раздроблены, кожа свисала лоскутами. Тело второго поместили прямо в корзину Сбора Урожая, накрыв покрывалом, так что я не знаю, в каком состоянии его нашли.

Именно тогда был введен комендантский час и установлены позорные столбы для порки. Я задаюсь вопросом, почему эти ограничения не были введены еще во время первого нападения зверя, вероятно, тогда бы их никто не принял, как вдруг Мизия обрушивается на меня с упреком.

— Должно быть, приятно жить в такой теплице. — Ее слова сочатся сарказмом.

— Простите, — повторяю я снова.

Я не знаю, почему продолжаю извиняться, но это, кажется, успокаивает ее. Глубокая складка между ее бровей разглаживается. Она заканчивает затягивать портупею и опускает меч в прикрепленные ножны. С ее поджарой мускулистой фигурой, короткой стрижкой и клеймом из трех линий на щеке она являет собой само воплощение свирепости.

— Не нужно извиняться. Ты не видела этих бестий только потому, что мы выполняем свою работу, — произносит она. — Молись, чтобы мы и дальше с ней справлялись.

Мне кажется, она уже собирается уходить, но тут она косится на меня, и в ее глазах вспыхивает та же злоба, которую я видела вчера у Ярека.

— Кстати, — говорит она, — я ошиблась вчера вечером, когда сказала Гриффону, что твое платье мокрое и потому ты не можешь лечь в нем в постель. Прости, — произносит она, передразнивая мою череду извинений.

Она легким движением вставляет по зловещему на вид лезвию в наручи на каждом запястье и делает шаг за порог, растворяясь в пасмурном дне.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 7

Я нахожу свое свадебное платье скомканным под кучей грязных тряпок в пристройке для стирки. Мне приходит в голову, что хотя Мизия Цзы, возможно, и вдвое старше меня, по характеру она сущий ребенок. Опасный, прекрасно вооруженный, но тем не менее незрелый ребенок.

Я хватаю платье и встряхиваю его, но все без толку. Оно разит сыростью и плесенью. Я добавляю это новое зерно гневного раздражения к уже растущей внутри меня лавине, после чего натягиваю измятый наряд. Когда я выхожу на деревенские булыжные мостовые, я глубоко вдыхаю дымный воздух, замечая в нем резкую, зеленую нотку. Должно быть, Лесники жгут недавно расчищенный подлесок.

Мое красное платье горит ярким маяком в этом туманном, свинцовом дне. К счастью, те, кто работает на воздухе, уже заняты делом: Фермеры завершают осеннюю жатву, Стражи патрулируют окрестности, Плотники укрепляют ветшающие постройки Долины.

Я спешу к своему старому дому; мой план — переодеться как можно быстрее, а затем наведаться к Хранителю Записей. Мои туфли на жесткой подошве гулко стучат по камням, в точности как вчера. Через окно я замечаю дочь Пекаря, которая стоит по локоть в муке. Прежде чем мой сознательный разум успевает подавить привычку, я ловлю себя на мысли, что надо бы купить домой пирог со смородиной для Джонаса, и стрела горя пронзает мое сердце.

Лишь несколько человек встречаются мне на узкой каменной тропе, петляющей через нашу деревню с соломенными крышами, и все они поспешно отводят глаза. Не думаю, что дело в платье или в запахе плесени.

Они знают, что я сестра Джонаса.

Мне больно от того, как они избегают моего взгляда, но тут я вспоминаю, что поступала точно так же с теми, кто терял близких на Сборах Урожая до меня. Мое собственное страдание на миг вытесняется жгучим стыдом, разливающимся в животе. Отныне я буду лучше. А пока все, что я могу, — это опустить голову и спешить к Аптекарскому Дому.

...Перед которым я застываю, неподвижная, словно дуб, у двери, которая еще вчера была моей. Войти просто так или постучать, как поступил бы обычный односельчанин? Я стояла бы там до тех пор, пока действительно не пустила бы корни, если бы не уловила доносящиеся изнутри звуки перепалки. Я узнаю голос бабушки — более сильный, чем в последнее время, — но сердитый мужской голос мне незнаком.

Я рывком распахиваю дверь, готовая защищать бабушку.

И обнаруживаю Августуса, главу Дома Водопроводчиков, стоящего над ней. На его лице застыла та же непроницаемая маска, что и вчера над телом моей матери, и от страха земля уходит у меня из-под ног. Неужели он убивает нас поодиночке, одного за другим?

— Оставьте ее в покое! — кричу я, бросаясь на него.

Он легко уклоняется в сторону. Его борода пронизана сединой, лицо огрубело от ветров, но руки и грудь бугрятся узловатыми мускулами от вечного таскания тяжестей, долбежки и кручения труб — специфики его ремесла.

— Поосторожнее, девчонка, — произносит он голосом, шершавым, как скала.

— Сам поосторожнее! — огрызаюсь я, сжимая кулаки. Я понятия не имею, как драться, и не думаю о последствиях, с которыми столкнусь, если сделаю это, но я

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

готова выяснить все на собственной шкуре прежде, чем позволю кому-то обидеть мою бабушку.

Августус фыркает.

Но отвечает мне бабушка:

— Это недоразумение, Роза, — говорит она своим слабым, скрипучим голосом. Она сидит в своем любимом кресле-качалке перед потрескивающим камином. Ее седые волосы заплетены в косу и перекинуты через плечо, а на коленях лежат пряжа цвета золы и старые вязальные спицы. — Со мной все в порядке.

Похоже, она говорит правду, но я никак не могу унять взлетевшее давление. Мой взгляд снова устремляется на Августа, который продолжает изучать меня.

— Вам нужна медицинская помощь? — спрашиваю я. Зачем еще ему здесь быть?

Он снова фыркает:

— Не больше, чем любому другому. — Он кивает бабушке: — Поговорим позже, — произносит он и направляется к выходу, поравнявшись со мной у двери. Голосом, слышимым мне одной, он шепчет: — Ты тоже пойдешь по стопам своей матери?

Мороз пробегает по моим венам. Как бы мне хотелось уметь защищаться, теперь, когда в Долине разгуливает убийца. Когда я ничего не отвечаю, он шумно выдыхает воздух и покидает коттедж.

— Не обращай на него внимания, Роза, — говорит бабушка, возвращая мое внимание к себе. — Он просто расстроен.

Я пытаюсь сориентироваться в происходящем. Что здесь только что было?

— Из-за чего?

— Из-за дурной сделки, которую он заключил, — отвечает она. — Мы забудем, что он приходил.

Мне хочется возразить, но я не стану спорить с ней. Даже если бы она не была моей старшей, ее хрупкое здоровье означает, что любой стресс для нее опасен. Болезнь бабушки неизлечима. Она скручивает ей кости и гложет изнутри, так что она не может удержать в желудке ничего, кроме бульона.

— В тебе сегодня чувствуется стержень, — замечаю я вместо этого.

Я пытаюсь удержать улыбку, но это выше моих сил. Вместо этого мои глаза жадно впитывают все то, что я всегда принимала как должное. Ароматный шалфейный чай бабушки, булькающий на плите; нарисованная Джоном в четыре года семья из палочек, до сих пор приколотая к стене, потому что дядя Ричард очень ее любит; бутылочки с лекарствами, которых так много, что кухонные полки прогибаются под их весом. Здесь сосредоточено все самое доброе, и ничего из этого мне больше не принадлежит. Даже моя бабушка — если верить закону Долины.

— А ты выглядишь так, словно спала стоя, — поддевает она меня.

Но ее сотрясает приступ кашля, и я по опыту знаю, что она просто хорохорится. Как долго Августус пробыл здесь и каких сил ей стоил этот разговор с ним? Я бросаюсь налить ей кружку чая, потянувшись к нашему — нет, их — запасу меда, чтобы смягчить ей горло. Но когда я заглядываю в горшочек, он оказывается пуст. С тех пор как эвакуация из-за Векса [прим. ред.: Векс — внешняя угроза или катаклизм сеттинга] вынудила Пчеловодов закрыть половину ульев, мед стал дефицитом. Я наливаю в сосуд горячую воду, чтобы растворить остатки закристаллизовавшейся сладости, взбалтываю и выливаю медовую воду в кружку бабушки.

Я протягиваю ей питье:

— Тетя Флоренс и дядя Ричард на обходе?

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

— Да, — отвечает бабушка. — Решили, что лучше не останавливаться. Работа помогает справиться со скорбью.

Она балансирует на грани святотатства. Радость и празднование — единственные приемлемые реакции на Сбор Урожая. Должно быть, она имеет в виду только убийство мамы. Я смотрю на огонь, не чувствуя его тепла. Я знаю, что ее взгляд прикован ко мне, но не могу придумать, что сказать. Все кажется таким решенным. Таким окончательным.

— Посмотри на меня, Роза, — мягко просит она.

Я поворачиваюсь. Она раскрывает объятия, и я припадаю к ней как можно бережнее, принимая первое ласковое прикосновение с тех пор, как у меня отняли Джонаса. Но ведь его отняли и у нее тоже, верно? Она потеряла внука и дочь. И все же ее хватка сильна, и от нее пахнет домом. Меня внезапно душат слезы.

— Знаешь, я ведь изначально не принадлежала к Аптекарскому Дому, — произносит она несколько минут спустя, когда мои рыдания утихают.

Я шмыгаю носом. Я этого не знала. Спрашивать о прежней жизни считается грубостью. Я почти уверена, что именно бабушка меня этому и научила. Но раз уж она сама открыла эту дверь...

— Из какого Дома ты ушла?

Она гладила меня по волосам, но теперь ее ладонь замерла, покоясь на моем затылке.

— Из Водопроводчиков, если можешь в это поверить. Я знаю Гаса [прим. пер.: уменьшительное от Августус] на десятилетия дольше, чем ты живешь на свете. — Я слышу улыбку в ее голосе. — Я до сих пор могу починить протекающую трубу в мгновение ока. Или найти воду в песке. Глупо зарывать хороший талант в землю, тебе не кажется?

Острый разряд прошивает мой позвоночник. Если бы кто-то услышал ее слова, ее бы выпороли, невзирая на болезнь. Я чувствую вину за то, что позволяю этому разговору продолжаться, наверняка бабушка не в себе, но мне не хочется ее обрывать. В конце концов, я почти всю жизнь следовала каждому правилу, и это все равно не защитило мою семью.

— Переезд сюда стал настоящим потрясением, — продолжает она, — после того как я вышла замуж за твоего дедушку. Подумать только, сколько крови и слизи мне пришлось повидать. Первые недели меня тошнило чаще, чем наших пациентов. — Она тихонько смеется. — Столько новых правил нужно было выучить, столько медицинских процедур. Я была в ужасе. И в этом нет ничего постыдного. — Она поворачивает запястье, демонстрируя мне свою татуировку: — Я заслужила ее.

Я видела ее Посох Асклепия — символ Аптекарского Дома — так много раз, что считаю его частью ее самой. Я обвожу пальцем выцветшие синие контуры. Одна змея, обвивающая шест. Нам говорят, что это символ древнего бога медицины из далеких земель. Исцеление. Мудрость. Жертвенность. Вот что это значит для меня, и я всегда надеялась, что когда-нибудь такая же отметина украсит и мое запястье. Учитывая размеры семьи Николы по отношению к моей собственной, мне это и полагалось.

Бабушка снова принимается гладить меня по волосам. Ее прикосновения такие приятные, такие убаюкивающие.

— Ты знала Реату из Дома Химиков? — спрашивает она, как будто невпопад.

— Конечно, — отвечаю я.

То, что произошло с их семьей, было беспрецедентным.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Муж Химик, Отто, человек с громоподобным хохотом, удостоился чести Сбора Урожая прошлой зимой, оставив жену Реату и детей — Альберта и Мари. Альберт был всего на три года младше меня. Я знала его как тихого, может, немного медлительного парня. Он всегда справлялся со своими обязанностями, а частенько выполнял работу и за Марину. Он был по уши влюблен в дочь Хранителя Записей.

А потом случился тот жуткий несчастный случай.

Он караулил на дереве, засунув деревянную рогатку в задний карман брюк. Он собирался настрелять яблок для Марины, как делал это часто, забираясь повыше, чтобы достать для нее самые красные и сладкие плоды в Долине. Но в тот раз его нога соскользнула, и он рухнул вниз, сломав позвоночник.

Мы с Джонасом первыми оказались на месте. Нам удалось спасти ему жизнь, но не подвижность.

Дом Инженеров сконструировал для Альберта инвалидное кресло, и мы все стали реже обращаться к Химикам с просьбами. Но Реата, должно быть, так и не оправилась, потому что месяц назад она пробралась в коттедж Хранителя Записей, украла наш благословенный планшет, погрузила себя и детей в корзину и совершила самовольный Сбор Урожая. Вот почему планшет теперь хранится у Стражей, а не у Хранителя Записей.

Реата совершила самое страшное преступление из всех известных нам. Она обокрала Долину, лишив нас жизненно необходимых Химиков. Мой собственный Дом полагался на них при выращивании пенициллина. С тех пор мы остаемся без этого спасительного лекарства. Я никогда не смогу простить ей этого.

— К чему ты вспомнила Реату? — резко бросаю я.

— Она дружила с твоей матерью, — говорит бабушка, вскидывая бровь на мой тон, и в ее голос возвращается крупница прежней живости.

«Дружила». Бабушка как-то рассказывала мне, что раньше это слово значило для взрослых Долины гораздо больше. Мужчины и женщины из разных Домов проводили вместе вечера, гуляли, делились историями. Она говорила, что раньше жители деревни устраивали «обеденный обмен», когда два Дома выбирались случайным образом: один готовил на всех в первый вечер, а второй — на следующий, чтобы все могли поближе узнать своих соседей. Деревня жила как одна большая семья, говорила она.

У меня остались лишь смутные воспоминания о тех временах.

— Мы с твоей матерью оказали тебе медвежью услугу, так сильно опекая тебя, Роза, — продолжает бабушка, ошеломляя меня своим признанием. — Мы думали, что защищаем тебя, а ты прирожденный целитель, такая одаренная, что тебя было легко занять работой. Но всем нам нужны люди. Жизнь слишком тяжела, чтобы нести ее в одиночку.

Мне слишком стыдно признаться ей, что у меня нет друзей не потому, что она слишком сильно меня любила, а потому, что все считают меня помешанной на правилах доносчицей. Большинство подростков долины Ноя время от времени нарушают то или иное правило, прямо как Джонас, пробуя на вкус запретные ругательства и задерживаясь после комендантского часа. Но только не я. Моя принципиальность всегда бросалась в глаза, как коза в часовне. Если честно, в глубине души я даже обрадовалась недавней рекомендации Совета ограничить общение между Домами. Это означало, что Джонас чаще бывал дома.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

Но бабушка слишком долго говорит крамольные вещи против системы. Я уже собираюсь предупредить ее, что ей нужно быть осторожнее, как вдруг входная дверь с грохотом распахивается.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 8

При виде тети Флоренс и дяди Ричарда у меня подкашиваются ноги от облегчения.

Флоренс так похожа на мою маму, а это значит, что дядя Ричард, скорее всего, родился в другом Доме, как и бабушка. В каком именно — не знаю, я никогда раньше не думала о нем как о ком-то, кроме Аптекаря. Моя рука нащупывает в кармане деревянную игрушку, пока я обдумываю этот новый поворот в семейной динамике, отчаянно жалея, что моего брата нет рядом, чтобы поделиться этим открытием.

— Рози! — дядя Ричард широко раскрывает объятия. Это мужчина с волевой квадратной челюстью, носом-картошкой и неизменной доброй улыбкой. А еще он рыжий, и сколько бы ни брился, у него на левой щеке вечно остается россыпь морковных волосков.

Я вскакиваю и бросаюсь к нему, изголодавшаяся по любви и теплу своей семьи.

Он крепко сжимает меня и целует в макушку.

— В пределах Стены, — произносит он традиционное приветствие прерывающимся голосом.

Тетя Флоренс обнимает нас обоих. От нее пахнет пряно — мазью из календулы.

— Это была честь, разумеется, — шепчет она, — что выбрали именно Джонаса.

Я отстраняюсь. Это те самые слова, которые мы *должны* говорить, но неужели их нужно произносить здесь, внутри дома? Откровенность бабушки развязала мне язык.

— Его не должны были выбирать. — Я сама удивляюсь той ярости, что вскипает у меня в груди.

— Роуз. — Дядя Ричард испуганно косится на дверь. — Не буди лихо.

— Закон гласит, что Аптекари освобождаются от Сбора Урожая в трудные времена, а пока угроза Векса не устранена, это именно такое время! — Раз уж я начала, остановиться я не могу. — И кому вообще пришло в голову использовать Сбор Урожая как наказание? Мы должны были вместе решать, какими будут последствия!

Тетя Флоренс выглядит не шутку встревоженной. Она единственная в нашем Доме носит очки. Когда она поправляет их на переносице, толстые линзы увеличивают ее глаза, превращая их в два глубоких омута.

— Закон изменился, Рози. — Она близоруко моргает. — Его изменили, чтобы защитить нас.

Дядя Ричард заводит руку за ее спину, проверяя, плотно ли закрыта дверь.

— Мы должны доверять системе! — произносит он нарочито громко. Затем понижает голос, бросая обеспокоенный взгляд на бабушку: — Твоя бабушка опять забивает тебе голову своими историями? Ей в последнее время нездоровится, понимаешь. Она сама не своя.

Я отступаю от них, сердце бешено колотится. Я никогда не видела, чтобы дядя Ричард или тетя Флоренс вели себя подобным образом. Параноики. Напуганные. На долю секунды мне становится дурно от мысли: вдруг они знают, что я тайно носила лекарства старикам? Но откуда им знать? Я ведь была так осторожна. И все же ладони у меня мгновенно взмокли.

— Я просто пришла забрать свои вещи, — неловко говорю я им. — Сменную одежду. Мой чемодан.

— Значит, Лилиан не рассказывала тебе никаких сказок? — Дядя Ричард обменивается тревожным взглядом с тетей.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

Бабушка, кажется, задремала.

— Нет, — вру я. — Я только что вошла.

Эта ложь дается мне легко и совсем не тяготит совесть. Я поворачиваюсь, чтобы взбежать по лестнице, но замираю.

— Тетя Флоренс... Дядя Ричард, — произнося каждое слово размеренно и осторожно. Я ступаю на опасную территорию. — Почему мамы и Джонаса не было в конце свадебной тропы, где вы ждали меня?

— О! — восклицает тетя Флоренс. — Как раз когда Агнес несла тебе цветы, мы получили известие о жителе, у которого якобы проявились симптомы Векса.

Воздух вокруг словно сгущается; я нутром чую, что сейчас узнаю жизненно важную информацию — то, что напрямую связано с убийством мамы. Я киваю, замерев так, что, кажется, могу треснуть от напряжения.

— Вы все четверо получили это известие?

Дядя Ричард кривится, явно возвращаясь мыслями к тому моменту.

— Мы все ждали тебя в конце свадебной тропы — ты была так прекрасна, Роза, и это было так благородно с твоей стороны помочь Агнес с ее рукой. А потом... — Он умолкает, будто пытаясь вспомнить чье-то лицо.

Тетя Флоренс заканчивает предложение за него:

— Извещение принесла она. Она увела твою мать и Джонаса за собой.

— Она? — Но интуиция подсказывает, что я уже знаю ответ.

— Марина Сайнгайт, — вспоминает дядя Ричард. — Дочь Хранителя Записей. Но в итоге тревога оказалась ложной.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 9

При виде Марины, увлекшей маму и Джонаса на край толпы, во мне пробуждается глухое подозрение. По словам дяди Ричарда, она увела их совершенно напрасно: у пациента, к которому они поспешили, не было никакого Векса. Но Марина никак не могла быть той, кто убил мою мать. Да, она всегда с упоением издевалась надо мной, но от девичьей вредности до удара ножом — огромная пропасть. И все же я твердо намерена спросить ее, с чего она вообще взяла, будто кто-то нуждался в медицинской помощи.

Я поднимаюсь по лестнице и захожу в спальню на втором этаже, которую раньше делила с бабушкой. Сейчас она кажется такой по-детски наивной: над изголовьем кровати до сих пор приколоты мои домашние работы на «отлично», а на столбике висит высохший венок из ромашек. Девочка, которая спала здесь, даже не подозревала, какой ужасной скоро станет ее жизнь. Скорбь комом сжимает горло, когда я сдергиваю с себя свадебное платье. Мне хочется его сжечь. Вместо этого я вешаю его у окна проветриться. Подвенечные наряды — единственная одежда, которую нам дозволено шить самим, от стежка до шва. Мой труд можно будет выменять на что-то, в чем нуждается моя семья.

Моя *прежняя* семья, если быть точной.

Я подхожу к кувшину и тазу, которые приготовила еще вчера, чтобы умыться после того, как мы с Гриффоном совершим церемониальное шествие. Я смываю грязь и засохшие слезы так тщательно, как только могу. Затем открываю свой заранее собранный чемодан. В нем лежат плащ, две рубашки, две пары брюк, пять комплектов нижнего белья, пижама, моя единственная запасная пара обуви и небольшой тайник с лекарствами — мне еще только предстоит придумать, как и дальше тайно носить их старикам. Я облачаюсь в чистое белье, а затем в мягкие брюки желтовато-коричневого оттенка и свободную рубаху. На глаза едва не наворачиваются слезы, когда я меняю расшитые туфли на мягкие тапочки из козьей кожи.

Пока я одеваюсь, мысли вихрем кружатся в голове. Марина с ее блестящими светлыми волосами и полными губами, которая — умышленно или нет — повела мою мать и близнеца навстречу гибели прямо перед моей свадьбой. Августус, явившийся в Аптекарский Дом. Бабушка, расспрашивающая меня о Реате. Почему, почему, почему? Но в этой комнате ответов нет. Я расчесываю волосы и закручиваю их в два пучка, затем застегиваю плащ, захопываю чемодан и выхожу в коридор. В последнюю секунду я вспоминаю, что Кролик-Везунчик остался в кармане свадебного платья. Я уже поворачиваюсь, чтобы забрать его, как вдруг мое внимание привлекает приглушенный разговор у подножия лестницы.

Я замираю, едва касаясь пальцами деревянных перил. До меня доносится голос тети Флоренс, острый от подступившей тревоги:

— Не могу поверить, что он пошел на это.

Дядя Ричард тяжело, натужно выдыхает:

— Если он подозревает, что мы знаем...

То, что следует дальше, произносится слишком тихо, и я не могу разобрать слов. Я невольно вспоминаю, как тетя и дядя вчера отвернулись от Джонаса. Мне хочется верить, что они не причастны к случившемуся, что люди с чистым сердцем могут полностью отречься от кого-то и все равно остаться порядочными. Эти двое всегда

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

принимали сторону общины; Сбор Урожая Джонаса просто не стал исключением. Хорошие граждане Долины не тревожат слежавшуюся почву. Только и всего.

Тетя Флоренс снова заговаривает, на сей раз достаточно громко, чтобы звук долетел до меня на лестничную площадку:

— Мы не можем прятаться намного дольше...

Я переступаю с ноги на ногу, и половица под мной жалобно скрипит. Голоса внизу тут же смолкают. Затем дядя Ричард зовет:

— Розы?

Я на цыпочках возвращаюсь в свою старую спальню, сама не понимая, почему не откликаюсь сразу. Что я только что услышала? Эти двое — самые законопослушные люди в мире. Скорее всего, они шушукались о каком-нибудь пациенте. В комнате я возвращаюсь к свадебному платью и спасаю драгоценного деревянного зайца.

— Прости, что чуть не оставила тебя, Кролик-Везунчик, — шепчу я, целуя его в нос.

Я прячу его в карман брюк и, повинувшись внезапному порыву, забегаю в комнату Джонаса. Я вдыхаю его мятный запах, прикасаюсь к одежде, которую он больше никогда не наденет. Это слишком тяжело. Я закрываю за собой дверь его комнаты и скатываюсь по лестнице с сердцем, налитым свинцом. Тетя Флоренс и дядя Ричард стоят у кухонного стола, все еще переговариваясь; их голоса тихи, а жесты порывисты. Бабушка сидит у огня, там же, где я ее оставила. Ее глаза закрыты, но она крепко сжимает кружку с медовой водой.

— Я возвращаюсь к себе, — я стараюсь, чтобы мой голос звучал непринужденно, хотя слово «домой» скользит сквозь горло склизким камнем. — Увидимся в часовне?

Тетя Флоренс и дядя Ричард улыбаются в ответ, но их улыбки натянуты. Бабушка так и не открывает глаз. Я замечаю, что она тихонько напевает колыбельную, которую пела нам с Джонасом в детстве.

Я тоже начинаю напевать ее, не в силах вспомнить слова, а затем, неожиданно для самой себя, объявляю:

— Я выйду через лабораторию. Возьму кое-какие вещи для семьи Цзы.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 10

Аптекарская лаборатория со смежной теплицей — мое самое любимое место во всем мире. Я упиваюсь объятиями тепла и влаги, тем, как запахи земли и лаванды автоматически успокаивают меня.

Я стою на пороге, и пульс гулко отдается в ушах.

Я здесь в последний раз. Когда я покину этот коттедж, я буду принадлежать Дому Стражей — если не сердцем, то именем. Мне больше никогда не позволят войти в это пространство, никогда больше не доверят ремесло, сформировавшее каждый аспект моего существования.

Я глубоко вдыхаю, заставляя себя успокоиться, и осознаю: я пришла сюда, чтобы попрощаться.

Мой разум скрупулезно прочесывает комнату, подмечая каждый аккуратно разложенный инструмент и ювелирно размещенный ингредиент. Ящики с лекарственными порошками закрыты, их содержимое в безопасности. Выстроившиеся на полках бутылки с дистиллированными жидкостями снабжены этикетками и выровнены в безупречный ряд; ступка и пестик на центральном верстаке чисты и готовы к работе. Черенки в соседней комнате, с которыми я разговариваю как с друзьями, буйно цветут в своих аккуратных горшках.

Однако что-то здесь не так. Я чувствую, как это ощущение покалывает кожу на голове.

И тут я замечаю деталь, которую моя вчерашняя свадебная лихорадка, должно быть, скрыла от меня: едва различимую цепочку черных крупинок, рассыпанных по третьей полке слева. Я делаю шаг вперед, провожу пальцем по налету и подношу к носу, чтобы понюхать. Древесный уголь. След ведет за ряд бутылочек с настойками. Странно. Мама — единственный человек, который регулярно пользовался этим помещением, — была фанатично педантична во всем, что касалось перекрестного загрязнения. Я завожу руку за бутылочки и нащупываю... книгу?

Дыхание перехватывает, когда я извлекаю на свет мамин дневник, спрятанный далеко от своего привычного места на верстаке. Удивительно, что она оставила его так близко к теплице. Она вечно отчитывала нас с Джонасом, напоминая, как губительна влажность для бумаги. Мои пальцы скользят по обложке, очерчивая потертости и царапины, прежде чем я вспоминаю, что у меня нет времени на сентиментальность. Я пролистываю страницы, пробегая глазами по ее четкому, аккуратному почерку в поисках любого объяснения, почему эту книгу решили спрятать.

Большинство записей в точности такие, какими я их помню: подробные заметки о методах приготовления, дозировках, противопоказаниях. Но ошибка на странице, посвященной красавке, заставляет меня застыть. Мама указала, что в малых дозах она безопасна для детей. Несусветная чушь. Несколькими страницами далее обнаруживается заметка о наперстянке — том самом растении, которое я превращаю в экстракт дигиталиса для лечения слабого сердца Хораса, — и там черным по белому написано предупреждение: *«Ни в коем случае не применять для лечения сердечных больных»*.

Намеренные искажения.

Мать никогда не совершала подобных ошибок. Мой ум обостряется, принимаясь за анатомический анализ. Что она замышляла? Дезинформацию? Если так, то в этой лжи должна быть система, определенный ритм ее распределения. Но сейчас мне в этом

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

не разобраться. Я и так нахожусь вне дома Цзы на птичьих правах и на исходе отпущенного времени. Я прячу дневник в чемодан, стараясь заглушить укол вины. В конце концов, это не воровство, если вещь принадлежала моей матери, да и никто другой в этом Доме не смыслит в растениях и снадобьях достаточно, чтобы им воспользоваться.

«Я верну его», — обещаю я себе. Как только обелю имя Джонаса и найду убийцу мамы.

Я бросаю последний взгляд на комнату, проверяя, все ли осталось в точности так, как было до моего прихода. Я уже собираюсь выскользнуть через заднюю дверь, когда по ту ее сторону раздается тихий скрип.

Сердце пропускает удар, а затем пускается вскачь.

Кто-то шаркает там, снаружи, и это точно не мои тетя с дядей. Они все еще в главной комнате с бабушкой. А обычный житель деревни вошел бы через клинику. В панике я ищу укрытие внутри теплицы, где блеклый дневной свет бьет сквозь окна, тянущиеся вдоль стен от пола до потолка. В самый последний момент я ныряю под стол, заставленный горшками с тысячелистником и золотарником, сжавшись в комок, пока дверь в лабораторию медленно открывается.

Отсюда мне не видно незваного гостя, но каждая клеточка моего тела превратилась в слух. Я различаю осторожный, шаркающий шаг, тихий стук сдвигаемых горшков и характерный шорох перелистываемых страниц на другом конце комнаты.

Кто бы это ни был, они что-то ищут.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 11

Я медленно выдыхаю.

Я не знаю, что происходит, но если этот человек действительно обыскивает лабораторию, я не могу сидеть здесь и ждать, пока меня обнаружат.

Тихими, размеренными движениями я приподнимаю чемодан и ползу к одному из раздвижных приземных окон, которые опоясывают теплицу. Медленно приоткрываю створку, морщась от едва слышного скрипа стекла. Выталкиваю чемодан наружу, пролезаю сама и с облегчением вдыхаю прохладный воздух — погони нет.

Задвинув окно так бесшумно, как только возможно, я прокрадываюсь прочь и спешу к коттеджу Хранителя Записей. Дверь открывает Марина и, едва завидев меня, тут же заключает в объятия. Такая нежность с ее стороны пугает. Раньше она обращала на меня внимание только ради того, чтобы поиздеваться.

— Как ты? — спрашивает она, отпуская меня и оглядывая с ног до головы. Ее голубые глаза, поразительно яркие на фоне бледно-кремовой кожи, буквально впиваются в меня. — Знаешь, я ведь была последней, кто разговаривал с твоей матерью. Я уже всем уши прожужжала, как ужасно себя чувствую! Но мне показалось, что мальчик из Дома Кожевников выглядел нездоровым, и я была так уверена, что это Векс. Я пошла сообщить Генриетте и Джонасу, как того требует инструкция, а дальше ты сама знаешь.

Что ж. Пожалуй, это снимает вопрос о том, убивала ли она мою мать или знала ли убийцу лично.

— Дядя Ричард говорит, что это был не Векс.

Она пренебрежительно пожимает плечами:

— Оказалось, у ребенка просто аллергия.

Значит, Анатоль. Ему тринадцать лет, у него аллергия на косточковые плоды и пыльцу... ни то, ни другое не дает болезненной бледности. Может, у него просто прихватило живот? Прежде чем я успеваю расспросить подробнее, Марина затягивает меня в дом. Мне нужно сосредоточиться на том, как попасть в хранилище, поэтому я заставляю свою аптекарскую дотошность умолкнуть. Уверена, моя прежняя семья проследит за состоянием Анатоля.

Я переступаю порог дома Марины. Изнутри он выглядит точно так же, как и любой другой деревенский дом, где мне доводилось бывать. Единственное отличие — размер. Это жилище соединено с общинной библиотекой, а под ней располагается один из двух погребов в деревне. Подвал Хранителя Записей служит для сбережения нашей истории, а второй предназначен для собраний после часовни, как и завещали Отцы-Основатели.

Хотя в библиотеке я бывала многократно, в этой части коттеджа — жилой — я не была ни разу, даже на прошлой неделе, когда нужно было вправить ногу Дэвиду. Обычно мы предпочитаем лечить переломы на месте, но Дэвида притащила в Аптекарский Доом пара угрюмых Стражей; по их словам, его ступню раздавило в один из их капканов. Он был в таком шоке от боли, что не мог говорить. Я просила оставить его под наблюдением после того, как совмещу кости, но Стражи унесли его домой вопреки моим рекомендациям.

Марина провожает меня к дивану, а сама опускается в мягкое кресло напротив. Она подается вперед с выжидающим видом, окончательно выбивая меня из и без того шаткого равновесия:

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

— Как ты? Расскажи мне абсолютно все.

— Я... вообще-то я пришла поговорить о Джонасе. Можно?

Она кивает, но взгляд ее устремлен куда-то сквозь пространство. И тут до меня доходит: она ведь тоже потеряла Джонаса. Теперь, когда его не стало, она — Заклинательница [прим. ред.: незамужняя женщина, чей суженый покинул общину]. Если только чья-то жена в нашем цикле не попадет под Сбор Урожая или не умрет, у Марины никогда не будет собственной брачной ночи. Повинуясь инстинкту, я беру ее за руку. Она вздрагивает, но ладонь не убирает.

— По дороге на свадьбу он рассказывал мне одну историю, — продолжаю я. — Сказал, что видел кое-что. Он собирался объяснить, что именно, но потом... потом... сама знаешь. Наверное, это глупость, но мне было бы спокойнее, если бы я проверила.

— И что же, по его словам, он видел? — рассеянно спрашивает Марина.

— Кое-что в хранилище.

Мгновение — и я завладеваю ее полным, безраздельным вниманием.

— Этого не может быть. Туда разрешено спускаться только Хранителям Записей, и вообще, — произносит она, и в ее глазах снова вспыхивает знакомый огонек, — Джонаса вчера здесь даже не было. Саймон был по уши занят подготовкой новых бланков для переписи. Самое время обновить данные, учитывая все эти свадьбы и Сборы Урожая.

Я хмурюсь. Джонас ясно дал понять, что заглядывал сюда вчера утром. Не верится, что Марина способна так беззастенчиво лгать мне в лицо. Хотя... очень даже верится.

— Саймон у себя? — Я бросаю взгляд на лестницу, ведущую на второй этаж.

— Его нет, но я передам, что ты заходила. — Она резко поднимается с места.

Я тоже встаю — вежливый рефлекс.

С натянутой улыбкой она хватается меня за локоть и подталкивает к выходу. Я едва успеваю перехватить ручку своего чемодана, пока она выставляет меня за дверь. Меня выпроваживают, и я ума не приложу почему. Возможно, лимит любезности Марины ограничен парой минут в день. Стоит сказать ей спасибо, что на сей раз она потратила их на меня.

На пороге дома она отпускает мою руку и опускает глаза. Когда же она снова вскидывает голову, темно-синий цвет ее радужек кажется почти черным. Она понижает голос до шепота и наклоняется ко мне:

— В записях говорится, что там, снаружи, можно выжить. Ты знала?

Мне кажется, я ослышалась.

— Что? — переспрашиваю я, чувствуя, как тело мгновенно наливается свинцом.

Марина демонстративно оглядывается по сторонам. Мы одни.

— Это есть в одном из старых текстов, который позволено читать только Хранителям Записей. Там высказывается гипотеза, что некоторые из тех, кто попал под Сбор Урожая, потенциально могут жить на вершине Стены.

— Час или два, — мой язык кажется неповоротливым и распухшим. — Может быть, день.

— Нет, я имею в виду — выжить навстречу вечности. — Она бросает взгляд через мое плечо вверх, туда, где высится Стена. Затем мимолетно касается моего запястья: — Мне нельзя об этом говорить, но... мы ведь почти стали сестрами.

Я только и могу, что беззвучно открывать и закрывать рот.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

— Может, Джонас сейчас там, наверху. — Ее лицо прорезает улыбка. — Ждет, когда ты поможешь ему спуститься.

Одним плавным и точным движением Марина выталкивает меня в промозглый осенний воздух и с грохотом захлопывает дверь перед самым моим носом.

Я стою, оглушенная и растерянная. Я решительно не понимаю эту девчонку. Когда ко мне возвращается способность мыслить, эти мысли приходят под звуки колыбельной — той самой, которую бабушка напевала перед тем, как я ушла в лабораторию. Эта мелодия убаюкивала нас с Джонасом в детстве, ее знает каждый житель деревни. В памяти всплывает куплет:

Стена, вода, земля и солнце — вот наш дом, В Ноевой Долине мы по Домам, но в одном. Спой сказку мне, любимый, я на колени упаду, Молю я Небо: «Верни назад, рассеивая тьму».

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 12

Я швыряю чемодан в узкую щель между двумя коттеджами и мчусь к площади. Я забываю о своей скорби, о своей обиде, о самых благих намерениях вернуться в Дом Цзы — я буквально лечу к Вратам Эдема. Только те, кто приносит высшую жертву, и сопровождающий их почетный караул имеют право приближаться к Стене. Я знаю, что у меня такого права нет. Но, к несчастью для всех, я окончательно сошла с ума.

Джонас жив!

Или, по крайней мере, может быть жив, если я успею добраться до него вовремя.

У меня нет четкого нового плана. Никакого плана вообще нет. До разговора с Мариной я намеревалась найти убийцу матери и заставить семью Цзы страдать так же, как страдаю я. Но теперь? Что ж, надежда — опасная штука. Возможно ли, что Джонас там, наверху, жив и отчаянно пытается вернуться?

Я резко останавливаюсь перед самой Стеной. Я достигла невидимой границы — мои самые глубокие, укоренившиеся убеждения удерживают меня. Булыжники передо мной заметно темнее. Мало кто осмеливался ступить так близко.

Но ради Джонаса я обязана это сделать.

Я делаю робкий шаг вперед, сердце бешено колотится.

Я и подумать не могла, что когда-нибудь увижу Врата Эдема в такой близости.

Под виноградными лозами Стена вовсе не гладкая и не идеальная, какой я ее всегда воображала. Камень потрескался и выветрился, а толстые зеленые побеги, цепляющиеся за него, усыпаны шипами, как свадебные розы. Каждую колючку покрывает блестящий сок, напоминающий мне о моих противомикробных росянках в теплице. На мгновение я замираю, любуюсь тем, как зеленые края листьев переходят в великолепный пурпур. За всю свою жизнь я не видела столь прекрасного оттенка фиолетового. Я запрокидываю голову. Стена уходит бесконечно вверх, растворяясь в тумане.

Я делаю еще несколько шагов. Теперь я достаточно близко, чтобы разглядеть взмывающую ввысь полосу серебряных панелей, которые улавливают священное Солнце и поднимают нашу корзину для Сбора Урожая к небу. Обе технологии настолько продвинуты, что это не укладывается в голове, но вполне логично, что наши Отцы-Основатели вложились в это — в нашу самую священную церемонию.

Ветерок колышет одну из лоз с фиолетовым отливом, обнажая отсутствующий кусок панели. Я ищу его глазами на земле, но ничего не вижу. Должно быть, панели разрушаются от старости, как и планшет, который ими управляет. Но даже без этого осколка я кожей ощущаю силу Стены — будто невидимые мягкие пальцы касаются моего тела, заставляя волосы на руках встать дыбом.

Что произойдет, если я коснусь Стены?

Или если я полезу по этим лозам на самый верх?

Насколько мне известно, никто никогда не пытался. Это не просто запрещено, это глупо. Одна из первых сказок, которую рассказывают детям в Долине, — о мальчишке по имени Джек, который попытался залезть по лозам и забрался слишком высоко. Растение отслоилось от Стены, и Джек разбился насмерть.

Только дурак отважится на такое.

Ветер поднимается снова, на этот раз еще сильнее, с шумом терет лозы друг о друга. Этот шуршащий звук кажется похожим на голос. Кожа словно отделяется от мышц. Когда ветер переходит в порыв, лозы пускаются в пляс. Их шипы скребут по

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Стене, как ногти, оставляя маслянистые полосы и шепча... мое имя? Что-то первобытное внутри меня замирает, прислушиваясь.

Ро-о-о-зи-и-и-и...

— Джонас! — кричу я. Должно быть, в Стене есть трещина! Мой брат как-то спустился с той стороны и сейчас находится прямо напротив меня, зовет меня из-за Предела! Я должна добраться до него. Я бросаюсь вперед, ноги несут меня сами. Я протягиваю руку — кончики пальцев едва не касаются камня, — как вдруг мощный толчок отбрасывает меня в сторону. Я с силой падаю на спину, и у меня перехватывает дыхание.

Одним плавным движением Гриффон наклоняется, хватая меня за талию и закидывает себе на плечо. Прежде чем я успеваю среагировать, мы уже движемся. Я бьюсь в его хватке, дикая от ярости, пока он уносит меня прочь от Стены. Он заламывает мои запястья под углом. Не в силах ударить, я подаюсь вперед, чтобы укунить его. Он тут же прижимает другую руку к моей голове, твердо и без усилий удерживая ее на расстоянии. Я не могу причинить ему вреда, но горе лишило меня всякого достоинства, и поэтому я продолжаю щелкать зубами, как дикий зверь, пока он не бросает меня — тяжело и неуклюже — на землю, ровно в положенных двадцати футах от Стены.

— Тебе нельзя здесь находиться, — говорит он тихим голосом, оглядывая меня с ног до головы. — О чем ты думала, подходя так близко?

— Я слышала Джонаса! — кричу я.

Его брови взлетают вверх — не от гнева из-за моей глупости и не от жалости к моим иллюзиям, а от удивления. Он проводит рукой по лицу, чтобы скрыть это выражение, но уже слишком поздно. В моем сердце что-то взрывается.

— Ты знаешь! Ты знаешь, что за Пределом можно выжить! Как ты мог мне не сказать?!

Гриффон вынимает из ножен меч и делает вид, что осматривает лезвие.

— Это маловероятно.

— Но возможно? — требую я ответа.

Его челюсть вздрагивает. Он пристально смотрит на меня, затем на свой клинок.

— Я слышал, что это возможно, — наконец произносит он.

Марина сказала правду. Мне кажется, я вот-вот взлечу от этой мысли.

— Тогда я должна спасти Джонаса!

Я вскакиваю на ноги, но колени дрожат. Гриффон наклоняется ко мне. Я думаю, он хочет подать мне руку. Вместо этого он упирается указательным пальцем в место, где плечо соединяется с рукой, ловя меня на потере равновесия. Он толкает меня назад с тем же усилием, какое требуется, чтобы щелкнуть выключателем. Я снова плюхаюсь на задницу с глухим «ох».

— Ты слаба, — высокомерно бросает он. — У тебя нет сил, чтобы отправиться за Предел.

— Мне они и не нужны!

— Нет, — говорит он как отрезанное, — тебе нужен планшет. А он находится под защитой Совета.

Я прищуриваюсь, мысленно представляя шкафчик, куда Мизия убрала его.

Словно прочитав мои мысли, Гриффон усмехается:

— Даже не думай об этом. За планшетом следят в оба глаза с тех самых пор, как произошла та история с Химиками. — Веселье мгновенно исчезает из его взгляда. — И

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

я лично сдам тебя, если заподозрю, что ты собираешься его украсть. Правила созданы для того, чтобы их соблюдать, Роуз. Моя работа — следить за этим.

Я все еще сижу на земле. Мне кажется, он воспринимал бы меня серьезнее, если бы я стояла, но я не хочу рисковать и снова оказаться на лопатках от его толчка. Поэтому я остаюсь на месте, чувствуя себя крошечной, как дождевая капля в реке.

Он всматривается в туманное, налившееся тучами небо.

— Даже если бы планшет свалился тебе в руки прямо сейчас, у него не хватило бы заряда для работы. В наши дни между использованиями требуется до трех дней под прямыми солнечными лучами.

Это похоже на то, что говорила его мать. Подозреваю, это правда. Тем не менее, во мне снова закипает, разрастаясь, ярость. Внезапно мне до безумия хочется ударить Гриффона в горло, точно так же, как часом ранее хотелось ударить его мать.

— Я могу подождать семьдесят два часа.

Он скрещивает руки на груди.

— Роуз, — негромко произносит он, — человеку понадобятся бездонное везение и пожизненная боевая подготовка, чтобы выжить там. У Джонаса, возможно, было первое, но второго у него точно не было. — Его голос прерывается так, что мне хочется зажать уши. — Мне жаль, Роуз, но он мертв.

Его глаза полны такой тоски и уязвимости, что я опускаю взгляд. Прошло много времени с тех пор, как я смотрела на Гриффона и видела в нем того самого мальчика, который приносит мне ромашки.

Гриффон возвращается к патрулированию, уверенный, что на сегодня с моими безумствами покончено. Его уход приносит облегчение. Это дает мне время осмыслить то, что я узнала.

Человеку понадобятся бездонное везение и пожизненная боевая подготовка, чтобы выжить...

Марина снова издевалась надо мной. В самый последний раз, клянусь. Та Роуз, которую она использовала как личную живую игрушку, умерла вместе с моей матерью. Эта Роуз полна гнева, и ей надоело жить тише воды, ниже травы. Тихое послушание моей матери после смерти отца — вечно опущенная голова, полное отсутствие вопросов к Совету, даже неспособность повысить голос — разве оно защитило ее или моего брата?

Я со всей силы бью кулаком по земле. Джонас не должен был попасть под Сбор Урожая. Ни в день моей свадьбы. Никогда. До самого конца он был молод, здоров и оставался добропорядочным гражданином.

Ведь так?

Да, проникновение в хранилище Хранителя Записей было нарушением правил, но этого явно недостаточно для Сбора Урожая. К тому же, Джонас был в хранилище прямо перед моей свадьбой, а корзина для Сбора Урожая была опущена еще до нашего появления. Кто-то с самого начала планировал, что туда ляжет тело.

Я закрываю глаза. Было что-то еще. Какими были его последние слова?

«Мы не те, кем кажемся».

Что бы это могло значить? Я вздыхаю от самой глубины души. Есть только один способ выяснить. При следующей попытке я обойду Марину и проберусь в ее подвал. Я обязана это сделать — ради Джонаса, ради мамы и ради всех жителей деревни, которые до сих пор в опасности, пока убийца разгуливает на свободе. Эта мысль возвращает мне хрупкое чувство цели, достаточное для того, чтобы подняться на ноги.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

Я отряхиваю одежду, когда до меня доносятся приближающиеся шаги.

— Я уже ухожу, — огрызаюсь я в сторону Гриффона. — Дай мне секунду.

Но когда я поднимаю глаза, то вижу, что это не он.

Это Леонидас Хан, его обычно высокомерное лицо сейчас выглядит растерянным и обмякшим. Ему двадцать пять, Гриффону — восемнадцать, но они вместе росли, тренировались и всегда были близки. В детстве это кололо меня ревностью.

— Вот ты где, — произносит он напряженным голосом. — Ты должна идти со мной немедленно. Произошло еще одно нападение животного.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 13

Леонидас вышагивает впереди меня, его плечи напряжены, а каждый шаг выверен и натянут как струна, словно он готов в любую секунду принять удар. Вскоре мы огибаем угол и выходим к границе Промышленного квартала. Здесь к кирпичным стенам все еще липнет гарь, пахнувшая железом и горелым зерном, хотя никто не работал в этих стенах уже несколько месяцев.

Именно в Промышленном квартале и зародился Векс. Сначала он проявился в Доме Гончаров, а затем со скоростью лесного пожара перекинулся на Колесников, Бондарей и Кузнецов. В первую же неделю болезнь скосила два десятка жителей. Недуг начинался с синевато-серого оттенка кожи, за которым следовали кашель и лихорадка, быстро перераставшие в багровые, пышущие жаром волдыри, лопающиеся прямо на теле. Обнажившиеся ткани оставались содранными до мяса, порой сочащимися. Отеки, спазмы в животе и рвота знаменовали финал. Шестеро наших пациентов погибли. Их тела унесли вверх, на Стену.

По совету моей матери Совет Старейшин ввел в этой зоне карантин, заставив общину покинуть близлежащие сады, пасеки, коттеджи и единственный колодец. Последнее, впрочем, не стало большой потерей: вода там отдавала оранжевым цветом и, сколько помню, всегда имела вкус ржавчины. Однако потеря продовольствия нанесла сокрушительный удар по общине; к тому же эвакуированные Дома не могли работать, пока им не предоставили временные укрытия.

И все же это было к лучшему — до тех пор, пока мы точно не установим, что представляет собой Векс и как он передается. В колодезной воде мы не обнаружили никаких бактерий, а сама болезнь не поддавалась лечению антибиотиками. Нам оставалось лишь уповать на то, что это был вирус, покинувший нас навсегда.

Что могло привлечь диких тварей в эту заброшенную глушь? И зачем Леонидас позвал меня — девушку, которая больше не принадлежит к Аптекарскому Дому? Я как раз набираюсь смелости, чтобы спросить об этом, когда мы огибаем последний угол и оказываемся в двадцати пяти футах от Стены.

От ужаса у меня перехватывает дыхание.

Там, на краю мощеной тропы, треугольником застыли члены Совета Старейшин — разумеется, Ярек, а также Неро Картер из Дома Фермеров и Александра Йевеле из Дома Каменщиков. Их темные мантии колышутся на ветру, а замысловатая вышивка на подолах ловит те крохи света, что пробиваются сквозь тучи.

А между ними лежит тело.

Этот состав Совета должен был сложиться полномочия еще несколько недель назад. Срок службы в Совете сменяется каждые пять лет, и новые лица периодически избираются из глав Домов. Это задумано для того, чтобы никто не мог сосредоточить в своих руках опасный избыток власти. Но то было до того, как Векс посеял панику, и до того, как в наших угодьях участились случаи охоты диких зверей. В какой-то момент было решено, что этот Совет задержится еще ненадолго, просто пока все не вернется в привычное русло.

Я бросаюсь к телу, вокруг которого они сгрудились. Мальчик-подросток лежит на спине, его лицо застыло, обращенное к небу. Поза неестественна — конечности вывернуты, торс перекручен, — но мое внимание привлекает его цвет.

Вернее, полное его отсутствие.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Его кожа выглядит мертвенно-бледной: восковая, истонченная, как пергамент, она плотно обтягивает контуры костей. Склеры его широко раскрытых глаз, обычно белые, помутнели и приобрели болезненный серый оттенок — явный признак гипоксии. Губы намертво сведены, обнажая зубы в гримасе, похожей на застывший крик. Но финальным аккордом ужаса стали его руки: пальцы скрючены в судорожных контрактурах, ногти обломаны и потемнели от крови — верный знак того, что в момент смерти он отчаянно цеплялся за что-то или скреб землю.

Рот мгновенно наполняется слюной, и мне приходится подавить подступивший к горлу ком желчи, когда я наконец узнаю лицо жертвы.

Святая Стена, это же Питер.

Питер часто страдал от ушных инфекций. Он учился на шесть классов младше нас с Джонасом и обожал дурацкие шутки. Друзья звали его Поттером — шутливая игра с его фамилией и ремеслом. До этого дня его щеки оставались розовыми и округлыми, еще не успев обрести взрослые, угловатые очертания.

Я знаю этого мальчика, и он умер мучительной смертью.

Что-то в этой жестокости заставляет меня вспомнить тело моего отца, хотя характер увечий совершенно иной. Если отец был весь покрыт багровой, сочащейся кровью, то труп Питера выглядит так, словно из него выжали все соки до капли. На самом деле я не вижу ни единого кровавого следа, а грязь на брусчатке позади него взрыта длинными полосами.

Питер погиб не здесь.

Кто-то или что-то притащило его сюда уже после смерти.

— Он мертв? — спрашивает Ярек.

Я выдавливаю из себя хриплый звук:

— Да.

— Э-э-это... — Глава Дома Каменщиков умолкает, словно не в силах произнести имя.

— Это Питер Мартинес, — подтверждаю я, насильно переключая разум в аптекарский режим.

Неро и Александра смотрят на несчастного мальчика, их лица искажены скорбью. Губы Ярека вытягиваются в тонкое, как лезвие ножа, подобие линии. Я опускаюсь на корточки рядом с телом, собираясь с духом, прежде чем осторожно расстегнуть его рубашку и осмотреть раны.

Увиденное заставляет меня ахнуть.

На его груди зияют три колотые раны — точно такой же узор, который, как я убеждена, остался на теле моей матери. Ни следов укусов, ни царапин, ни крови. Это не было нападением животного.

Прежде чем я успеваю остановиться и подумать о последствиях, я озвучиваю мысль, которая буквально рвется наружу:

— В Долине орудует убийца, и это не мой брат.

Слова едва успевают сорваться с моих губ, как следует оглушительная пощечина. Мою голову резко отбрасывает в сторону, на языке расцветает металлический вкус крови. Рука Ярека все еще приподнята, когда я заставляю себя выпрямиться и посмотреть ему прямо в глаза. Его лицо по-прежнему остается абсолютно непроницаемым.

— Успокойся, — произносит он тоном, каким говорят с бьющимся в истерике, неразумным ребенком. — Это было нападение дикого зверя, как Леонидас и должен

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

был тебе сообщить. И ты будешь твердить каждому встречному об опасности нарушения своих прямых обязанностей. В такие тяжелые времена всем надлежит проводить как можно больше времени в стенах собственного дома, в кругу семьи. Ты ведь согласна со мной?

Я смотрю через его плечо на остальных членов Совета. Они должны возмутиться этому абсурду, должны потребовать правды! Неро отводит взгляд в сторону, а Александра пристально изучает носки собственных туфель. Даже Леонидас делает вид, будто ничего не слышит.

Они просят — нет, приказывают — мне лгать.

— Это твой шанс доказать верность своей новой семье, Роуз, — вкрадчиво напевает Ярек. — Не заставляй меня пожалеть о принятом решении.

И в этот миг внутри меня рвется последний шов, последняя хрупкая нить доверия, которую я питала к нашему руководству, к нашей системе и ко всему, во что когда-то так искренне и слепо верила. Я неотрывно смотрю на тело Питера, и мой разум уже всю каталогизирует улики, выстраивает теории и намечает следующие шаги. Потому что теперь я уверена на все сто процентов. На нас охотится вовсе не тварь, как пыталась внушить Мизия, а человек.

А Совет его покрывает.

Я бреду обратно к Дому Цзы, не забыв забрать свой чемодан из переулка, где бросила его целую вечность назад — тогда, когда Марина подарила мне надежду, что Джонас может быть жив. По дороге я почти не чувствую ног. В голове бушует шторм, мысли сталкиваются на такой бешеной скорости, что я не в силах зацепиться ни за одну из них. Щека все еще горит там, где меня ударил Ярек. *Нападение животного.* Эти слова эхом отдаются в сознании — пустые, фальшивые и нелепые.

Я тру ладони об рукава, пытаюсь унять дрожь, которая никак не связана с осенней прохладой. Вокруг меня деревня продолжает жить своей обычной, размеренной жизнью, словно мир не перевернулся навсегда. Мельник тащит мешки с зерном к пекарне. Из чьего-то окна доносится девичий смех. Вдалеке по улицам разносится резкий, звонкий стук зубила каменщика по камню.

Никто вокруг не видит этой гнили.

Слишком много насилия за слишком короткий срок — я чувствую, что буквально рассыпаюсь на части. Дыхание становится частым, прерывистым. Я заставляю себя переставлять ноги, не отрывая взгляда от маячащего впереди Дома Цзы. Мне нужно оказаться в безопасном месте, где я смогу наконец подумать.

Я испытываю колоссальное облегчение, обнаружив, что дома никого нет. Уж точно не я буду готовить обед для этого семейства.

Я избегаю по лестнице на второй этаж, сгорая от жажды найти ответы.

И, кажется, я знаю, где их искать. После всего, что я увидела сегодня — столь чудовищного беззакония, что оно едва умещается в моей голове, — я окончательно убеждена: моя мать знала что-то очень важное.

Что-то, что стоило ей жизни.

Как же хорошо, что я нашла ее спрятанный дневник.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 14

Я устраиваюсь на самом краю кровати Гриффона.

Когда я открываю мамин дневник, мне в лицо ударяет аромат засушенных трав. На этот раз я начинаю с самой первой страницы. Каждая запись выведена с безупречной точностью, каждое растение каталогизировано, каждое средство описано до мельчайших деталей. Но я здесь ради ошибок — намеренных неточностей, которые заметит только наметанный глаз. Первую я нахожу на седьмой странице. Я провожу пальцем по строчке: *«Зубчанка рассеченная растет на песчаных, залитых солнцем полях»*. Но это неправильно. Зубчанка, обладающая перечным вкусом и способностью смягчать боль в горле, растет во влажных, тенистых лесах. Я сама собирала ее, ощущая пальцами сырость ее листьев.

Нахмурившись, я перечитываю ложную строку еще раз, медленнее. И тут я это замечаю. В английском слове *«cutleaf»* буквы **e**, **t** и **a** выведены чуть темнее остальных, словно мама прошлась по ним пером дважды. Я пристально вглядываюсь, и сердце мое трепещет. Переворачиваю страницу — красавка, та самая, где она написала, что растение безопасно для детей. Сердце глухо стучит. Буква **o** в слове *«belladonna»* едва заметно подчеркнута жирным. Не настолько, чтобы бросаться в глаза, если не искать намеренно, но система налицо. Я спешу к странице с наперстянкой, где уже видела ошибку, и с удовлетворением отмечаю, что буквы **x** и **v** почти неуловимо выделяются на фоне своих соседей.

Проходит немало времени, прежде чем я натыкаюсь на следующую явную ошибку. *«Золотарник цветет ранней весной»*, — гласит запись. Неверно. Золотарник, обладающий чудесной способностью бороться с инфекциями и воспалениями, цветет в конце лета, выделяясь яркими желтыми перьями на фоне увядающей зелени. Пульс учащается, когда я вижу едва заметное отличие в букве **r**.

Я листаю дальше; края этой страницы совсем хрупкие — видать, ее открывали чаще всего.

«Шандра используется для вызова сна», — написано там.

Я плотно сжимаю губы. Шандра — это стимулятор аппетита, средство от кашля и застойных явлений. Она обостряет чувства, пробуждает тело — полное противоположность сну. Мои глаза сужаются, я вглядываюсь в буквы, и вот оно, тонкое, но намеренное выделение: буква **h**. Следом идет страница, утверждающая, будто базилик ни в коем случае нельзя сажать рядом с томатами, — даже дилетант поймет, что это ложь. Здесь отмечены буквы **s** и **i**.

Я быстро выписываю на листок все, что у меня есть на данный момент: **ЕТАОХVРНСІ**. Пытаюсь менять порядок: **ІSTHROVХАЕ**. Затем еще раз: **TROXSАHIVE**. Ни один вариант не имеет смысла. Кажется, я стою на пороге чего-то важного, тайны, которую мама шепчет мне из могилы, но как бы мой мозг ни извивался, я не могу разгадать этот шифр.

Внезапно три буквы сами прыгают мне в глаза.

V-E-X.

Сердце ухает в груди. Неужели мама нашла лекарство от Векса? Если так, зачем держать это в секрете? Я до боли щипаю мягкую кожу у основания большого пальца, но тут же одергиваю себя, вспомнив, как сильно мама это заставляла прекращать. У меня остаются буквы **HAROTIS**. Из них можно составить слова **ROAST** (жаркое), **SHORT** (короткий) или десятки более мелких слов, а если буквы **V**, **E**, **X** можно использовать

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

повторно, то комбинаций становится еще больше. Но ни одно из них не вяжется со словом *VEX* — по крайней мере, я этого не вижу. Я продолжаю прочесывать дневник в поисках новых букв, но не уверена, есть ли здесь другие подсказки.

Оставила ли мама это послание намеренно, или я просто гоняюсь за падающими листьями?

На меня внезапно накатывает такая чистая, абсолютная усталость — смесь жгучего горя, растерянности и страха, разбавленная мощным транквилизатором, — что голова сама тяжелеет. *«Я прикрою глаза буквально на пару минут, а потом вернусь к дневнику»*, — обещаю я себе. Я прячу книгу под матрас Гриффона и сворачиваюсь калачиком на самом краю его постели.

— На, держи.

Грубое слово вырывает меня из сна. Я моргаю, на мгновение впадая в панику от обступившей темноты.

— Гриффон?

Его силуэт смутно вырисовывается надо мной; он протягивает мне миску. За окном уже глухая ночь. Должно быть, я проспала несколько часов. Я вскакиваю так резко, что голова идет кругом.

— Я сказал матери, что тебе нездоровится, — произносит Гриффон, и лицо его остается непроницаемым. — Она была в ярости, что ты не приготовила нам обед, так что будь готова к головомойке, когда в следующий раз ее увидишь.

Я тру лицо руками. Голова кружится не только от позднего часа — я ничего не ела за весь день. И тут я улавливаю запах того, что он мне принес.

— Это суп?

Он ставит миску на прикроватную тумбочку, кладет рядом ложку и снимает тарелку, которой накрыл суп, чтобы тот не остыл. В воздух между нами поднимается аппетитное облачко пара.

— Мясник дал его мне за то, что я помог ему перетащить тяжелые ящики, — бурчит он. — Обычный бульон с овощами, но старик божился, что приправлен на совесть.

— Я не особо голодна, — отрезаю я, наотрез отказываясь благодарить парня, который вчера лично отвел моего брата на смерть.

Он молчит какое-то время, а затем склоняет голову — этот жест кажется почти нежным.

— Трудно заботиться обо всех вокруг, — негромко произносит он, — если ты не заботаешься о самой себе.

Опасная мягкость ранит мне ребра. Я глушу ее яростью прежде, чем она успеет укорениться.

— Я же сказала, что не хочу есть! — рявкаю я. Естественно, мой предательский желудок именно в этот момент решает заурчать, как запертый в хлеву козел. Я крепко прижимаю руки к животу, чтобы заглушить этот позорный звук.

— Как знаешь, — отзывается Гриффон. Неужели в его голосе слышны смешинки? Он поворачивается к двери. — Советую тебе не спускаться вниз до утра, если есть возможность. Родители оба не в духе.

Он застывает, взявшись за дверную ручку. Мне кажется, он хочет сказать что-то еще, но в следующий миг он просто выходит в коридор и плотно закрывает за собой дверь.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

Я выдерживаю ровно пять секунд, а затем набрасываюсь на суп и съедаю его без остатка.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 15

Сытая как никогда за последнее время, я раздумываю над тем, не углубиться ли мне снова в мамин дневник, но делать это, пока все трое Цзы находятся прямо подо мной, кажется небезопасным. Любой из них может ворваться в комнату без предупреждения. К тому же мои веки все еще налиты свинцом. Мне не раз доводилось видеть физические проявления скорби. Я могла бы пересилить себя, а могла бы последовать совету, который обычно давала своим пациентам, и просто отдохнуть.

Я снова засыпаю, а на следующее утро меня будит Мизия Цзы, которая наклоняется надо мной так близко, что ее лицо оказывается в считанных дюймах от моего.

— Что-то ты не выглядишь больной.

Я немощно кашляю в кулак, и она одаривает меня долгим, оценивающим взглядом.

— Ладно. Можешь зайти в аптеку за лекарством, но сегодня ты побегаешь по поручениям: отнесешь одежду в Дом Портных на починку и попросишь Инженеров прислать кого-нибудь починить свет в умывальной. И чтобы обед был готов для всех нас вовремя, в отличие от вчерашнего дня. Заставишь нас ждать — пеняй на себя. — Она издает брезгливый звук. — Ишь чего удумала, сидеть сложа руки весь день, пока остальные в мыле. Похоже, до самой свадьбы у меня будет полноценная работа — искать, чем бы тебя занять, а?

Я качаю головой, не зная, что ответить. Уж в присмотре я точно не нуждаюсь. С другой стороны, если Яреку и Мизии есть что скрывать в этом доме, то, возможно, они как раз и пытаются держать меня на виду.

Она разглядывает меня еще секунду, после чего резко разворачивается на каблуках и покидает комнату. Если Гриффон и спал здесь прошлую ночь, я была слишком измотана, чтобы это заметить. Так или иначе, сейчас его след простыл. Я сажусь на постели, раздвигая плотную завесу горя, которая грозит меня задушить. Я могу дышать, но с трудом. Нужно продолжать двигаться, иначе эта тоска погребет меня заживо.

Слабый свет, пробивающийся сквозь окно, подсказывает, что нас ждет очередной пасмурный день. Я быстро одеваюсь и спускаюсь вниз, где мне в очередной раз напоминают, что завтрака не будет, поскольку я проспала рассвет. На кухне царит жуткая грязь. По крайней мере, Мизия не заставляет меня убирать ее. Я забираю охапку одежды, которую она впихивает мне в руки, и спешу к Дому Портных, попутно пытаясь распланировать свой день. Если я управлюсь у Инженеров побыстрее, у меня останется уйма времени на встречу с бабушкой. Возможно, она поможет мне расшифровать то, что я уже нашла в мамином дневнике. А после, говорю я себе, я проберусь в подвал.

Я как раз курсирую между точками, мысленно планируя взлом подпола, когда боковое зрение улавливает какое-то движение. Мимолетный силуэт на площади, позади часовни. Волоски на моем затылке встают дыбом — точно так же, как в тот день, когда я заметила тень перед убийством матери. Ведомая инстинктом, я бросаюсь вперед. Не знаю, на что я рассчитываю — увидеть убийцу с зажатым в руке ножом? — но тут тень устремляется прочь от меня, и я ощущаю мощный прилив адреналина. Там кто-то был!

Преследовать незнакомца — значит рисковать получить порку или того хуже: если я не вернусь вовремя к обеду, Цзы запрут меня в четырех стенах до скончания веков.

Джес Лоури - Зеленая Клетка **Jess Lourey - The Verdant Cage**

Но мое тело срывается в погоню быстрее, чем разум успевает его остановить. С сердцем, готовым выпрыгнуть из груди, я мчусь за ускользающей фигурой, совершенно не представляя, что буду делать, если догоню ее. Силуэт словно жмется к теням, пролетая сквозь внутреннее кольцо коттеджей и петляя по узким закоулкам, оставаясь при этом едва уловимым. Нависшие в небе тучи искажают и преломляют его контуры, превращая во что-то причудливое и неестественное.

И все же я не отстаю, проносясь мимо пустующего Дома Химиков; его вывеска сиротливо покачивается на ветру, а темные окна напоминают два немигающих слепых глаза. Пытаясь игнорировать жжение в бедрах, я впервые ловлю себя на мысли: а что сейчас внутри этого заброшенного дома? Пылятся ли книги их ремесла на полках, или все труды перешли к Хранителю Записей? Будут ли забирать людей из других Домов, чтобы возродить Дом Химиков? Почему я не задавалась этими вопросами раньше? И, что еще важнее, сколько всего я упустила за всю свою жизнь, проведенную в почти безупречном послушании правилам?

Я заставляю ноги двигаться быстрее, сокращая дистанцию и ориентируясь на периодическое жужжание, которое помогает мне не сбиться с пути в этом лабиринте улиц. Мы уже почти у самой границы деревни. Если этот «кто-то» доберется до леса раньше меня, я гарантированно его потеряю. Нужно нагнать его во что бы то ни стало.

Когда я уже нахожусь на пределе физических возможностей, мне улыбается первая удача: преследуемый упускает лазейку и решает для разнообразия придерживаться главной дороги. Попался. Я резко торможу, разворачиваюсь на пятках и ныряю в узкий переулок, служащий для вывода сточных вод из города. Бежать приходится неуклюже, расставив ноги по обе стороны акведука. Спустя пару секунд я пулей вылетаю на открытое пространство, быстро осматриваюсь и за секунду преодолеваю расстояние между следующими зданиями. Впереди главная дорога уходит по дуге на север, предлагая самый короткий путь от деревни к лесу. Я ставлю на то, что тень на полной скорости устремится в чащу, и с этой позиции я смогу перехватить ее, когда она будет пересекать луг, разделяющий поселение и лесной массив.

Я пытаюсь восстановить сбитое дыхание, мышцы напряжены до предела и готовы к финальному рывку, как вдруг со стороны леса раздается резкий треск. Я знаю этот звук — так падает сухая ветка с дерева, — но все равно испуганно отпрядываю. В то же самое время край крыши ближайшего коттеджа буквально взрывается. Я инстинктивно падаю на землю, лицо обжигает острой болью. Мое родимое пятно словно утыкано крошечными иголками-щепками. Когда я смахиваю их краем туники, на ткани остаются кровавые следы. Подняв глаза, я замечаю гладкий камень, глубоко вошедший в стену. Должно быть, именно его удар разнес древесину в щепки.

Это далеко не первый артефакт из-за Предела, падающий в Долину. Время от времени у нас проходят ливни, разящие серой, или же с той стороны Стены доносится жуткое скрежетание, или раздается оглушительный грохот, от которого земля ходит ходуном под ногами. Однажды с неба с оглушительным звоном, эхом отозвавшимся в каждом доме, рухнул кусок небесного металла — неровный и почерневший. Этот камень выглядит точно так же.

Я перевожу взгляд на опушку леса и как раз успеваю заметить силуэт, который скользит среди деревьев — и в этот миг мне удастся разглядеть его лучше всего. Вот только... этого просто не может быть. Существо впереди меня движется с грацией, которая не имеет ничего общего с человеческой. Оно скрывается в чаще — стремительно, плавно, словно перемещается, вообще не делая шагов.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Что, во имя Стены, это такое?

Меня внезапно пробирает такой ужас, что я не нахожу в себе сил продолжить погоню. Моя рука сама опускается в карман, нащупывая деревянного кролика. Когда я сжимаю его в ладони, из глубин памяти всплывает воспоминание из детства — момент, о котором я не вспоминала уже долгие годы. То был первый полевой выезд, на который Джонас отправился вместе со мной; нам нужно было наложить швы Рыбачке, которая сильно порезалась, когда чистила речную форель. Отец незадолго до этого погиб, и мама заявила, что без него нам не хватает рук, поэтому Джонаса, который всегда предпочитал работу по дереву созерцанию крови, официально выставили из семейного гнезда на практику.

— Как думаешь, кого-то из нашего Дома скоро заберут на Сбор Урожая? — спросил он по дороге.

Нам тогда было по семь лет. Я мысленно перебирала припасы, которые нам пригодятся, проверяя свой чемоданчик. Стерилизованные нити из овечьих кишок. Драгоценные иглы, доставшиеся нам от предков, самых первых Аптекарей. Мед, который в те времена еще можно было достать, чтобы обрабатывать швы.

— Что? — рассеянно переспросила я.

— Сбор Урожая, — повторил Джонас тонким голоском. — Как думаешь, нашу семью скоро «почтют»?

За неделю до этого мы стали свидетелями очень тяжелого Сбора Урожая. Избранный человек был стар — бабушка Би из второго Дома Фермеров, — и вся Долина ее нежно любила. Она кричала на протяжении всей церемонии, отбивалась от Стражей и выкрикивала богохульства, несмотря на то что вокруг стояли дети. Это было потрясением. Совершенно не похоже на жителей Долины, а уж на нее — тем более. У нас не принято повышать голос в гневе. Она сопротивлялась так неистово, что ее пришлось усыпить, прежде чем уложить в корзину — насколько я знала, такое случилось впервые.

Бабушка была той самой Аптекарейшей, которой поручили ввести успокоительное.

После церемонии я спросила у мамы, как это миссис Уэрта дожидается до таких сединок, но так и не поняла, какая это великая честь — быть призванной на Сбор Урожая.

— Она была больна на голову, милая.

Я не могла допустить, чтобы Джонас тоже «заболел».

— Мы должны верить в систему, — выпалила я тогда. — Что бы ни случилось.

— Конечно, прости меня, — поспешно отозвался он.

Я тут же пожалела, что ответила так резко.

— Это ты меня прости, — смягчилась я. — Я просто переживаю за Мимэн.

И это было правдой. Сын Рыбачки был бледным как лягушачье брюхо, когда прибежал к нам и сообщил, сколько крови потеряла его мать. Я даже удивилась, что мама отправила нас с Джонасом вдвоем разбираться с этим.

— С Мимэн все будет хорошо, — гордо произнес Джонас; страх, который он испытывал секундами ранее, испарился, уступив место желанию утешить меня. — Ты заштопаешь ее в лучшем виде. Ты ведь лучший Аптекарь в деревне.

Это было неправдой. Мне еще столь многому предстояло научиться. И все же слова Джонаса согревали душу.

— А у тебя отлично получается ладить с людьми, Дикий Кролик. Ты тоже найдешь свое призвание.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

И в тот день он это доказал. Мы застали Мимэн в разделочной: она прижимала к ране полотенце, настолько пропитанное кровью, что невозможно было разобрать его первоначальный цвет. В комнате стоял густой запах рыбьих потрохов и железа, если на свете и существовал аромат, способный вывернуть желудок наизнанку, то это был именно он. Я подошла ближе и мягко попросила ее убрать полотенце. Порез тянулся от одного края ладони до другого, и пястные кости резко белели на фоне багрового месива.

Я испугалась, что Джонас грохнется в обморок от одного этого зрелища, но мне нужно было сосредоточиться на пациентке. Я дала ей обезболивающий отвар.

— Он должен подействовать быстро, миссис Мимэн, и притупить боль, чтобы моя сестра могла спокойно поработать, — произнес мой близнец. — Горячей воды, пожалуйста, — мягко скомандовал он ее детям, которые столпились в углу и тихо плакали.

Я промыла рану и приступила к кропотливому процессу сшивания ладони Мимэн, двигаясь изнутри наружу. От того, насколько чистой и аккуратной будет моя работа, зависело, сможет ли она снова полноценно пользоваться рукой. Я с гордостью отметила, что мне удалось идеально совместить края татуировки в виде рыбы на внутренней стороне ее запястья, и с радостью обнаружила, что лучшего ассистента, чем Джонас, мне было не найти: он подавал мне нити по первому требованию, следил за стерильностью инструментов и шептал Рыбачке успокаивающие слова, которые звучали удивительно зрело для его семи лет.

Он справился настолько хорошо, что я поручила ему наложить повязку, когда со швами было покончено. Его мазь из меда и календулы, как и сама перевязка, были безупречны.

— Держите руку в чистоте и сухости, — наставлял он Мимэн, — и сразу дайте нам знать, если почувствуете жар или стянутость. Мы будем приходить и проверять вас каждый день в течение недели. Можете на нас рассчитывать.

Несмотря на тяжелую травму, Мимэн — приятная женщина с водянистыми карими глазами и коротко подстриженными волосами цвета облаков — умудрилась улыбнуться.

Мы помогли детям убрать беспорядок, а затем я незаметно сунула каждому из них по лавандовой пастилке, завернутой в кусочек ткани. Вообще-то это было лекарство, и его следовало беречь для больных, но я оправдала себя тем, что далеко не всякий недуг можно увидеть глазами.

Оказавшись на улице, я глубоко вдохнула свежий воздух, гадая, скоро ли этот соленый запах рыбного коттеджа выветрится из моих волос.

— Ты отлично держался, Джонас. — И поскольку я действительно так считала и безумно гордилась им, я закончила свою речь ужасной ложью: — И даже не думай больше о Сборе Урожая. Тебя никогда не выберут. Ты слишком важен для Долины, и наши Основатели наверху прекрасно это знают.

Какая же я была дура.

Это воспоминание придает мне сил, и я устремляюсь вперед, со всех ног бросаясь в лесную чащу вслед за скользящим чудовищем, вопреки сковывающему меня ужасу. Я солгала Джонасу, подарила ему ложное чувство безопасности и не смогла его защитить. Меньшее, что я могу сделать сейчас, — это очистить его честное имя.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 16

Последние звуки цивилизации — далекие взрывы смеха, оглушительный скрежет металла о металл — исчезают, едва я погружаюсь вглубь темного леса. Вскоре я не слышу ничего, кроме собственного прерывистого дыхания и хруста листьев под ногами; каждый мой шаг поднимает в воздух запах увядания. Температура резко упала. Мое дыхание превращается в пар.

Тот, за кем я следовала, затих. Замер. Неужели он наблюдает за мной?

— Есть кто-нибудь? — робко зову я. — Пожалуйста, покажись.

Ответа нет. Я кручусь на одном месте. Лес плотно сомкнулся вокруг меня, и каждое исполинское дерево кажется точной копией соседа. Здесь нет ни тропы вперед, ни пути назад, и некому крикнуть о помощи. Горло спазмами сжимается, а воздух становится густым, как овсянка. Я узнаю первые признаки паники, но не в силах с ними бороться. Мой разум уже начинает задыхаться, когда внезапный громкий шорох впереди заставляет меня прийти в себя.

За всю свою жизнь я видела лишь горстку животных — разумеется, птиц и скот, которых выращивают Фермеры. От них мы получаем яйца, молоко, перья для письма, тяжелый труд и, когда они становятся слишком стары для чего-либо ещё, мясо. Я видела речную форель и случайных диких индеек, кроликов или белок, забредавших из леса. Я обожаю певчих птиц, порхающих над головой. Но на этом все. О других животных, существовавших до Стены, мы узнавали только в школе: кошки, собаки и невероятные монстры вроде слона — огромного существа, похожего на лошадь, с трубой вместо носа. Или акула, которая напоминала гигантскую форель с высоким плавником и рядами острых как бритва зубов. Было даже нечто под названием «утконос», которое выглядело настолько нелепо, что я была уверена — это чья-то шутка.

Но я никогда не видела и не слышала о звере, который умеет летать... или парить.

Я вспоминаю Стражницу, чье тело видела восемь месяцев назад: ее кости были раздроблены, а кожа свисала лоскутами. И каждый раз, когда я моргаю, перед глазами встает труп Питера — иссушенный, с дряблой, сморщенной плотью. Вопреки моей недавней уверенности в том, что «нападение животного» на Питера было ложью, меня внезапно пробивает тревога. Что такое знают Стражи, о чем не договаривают нам? Почему Гриффон не удивился, услышав, что за Пределом можно выжить? И значит ли это, что кто-то или что-то способно прорваться через Стену с той стороны?

Я силой прогоняю последнюю мысль. Наша Стена неприступна. Безопасность была настолько важна для Основателей, что они даже не предусмотрели выхода. Не стоит зря себя накручивать. Я делаю глубокий вдох и нахожу глазами самое высокое дерево. Взяв его за ориентир, я выбираю направление, которое, как я надеюсь, выведет меня к дому.

«Очень хорошо, — решаю я, — что нам запрещено ходить в лес». Здесь чувствуешь себя отвратительно. Опасно. Я пытаюсь прибавить шагу, но ветка цепляет край моей рубашки. Я резко отмахиваюсь, а сердце колотится так громко, будто кто-то преследует меня по пятам. Внезапно раздается глухой рокот, и моя кровь превращается в желе. Это был рык? Я дико оглядываюсь по сторонам.

Никого.

И все же, какая глупость с моей стороны — отправиться сюда, не взяв даже палки для самозащиты. Я лихорадочно озираюсь, пока не нахожу обломанный сук почти с меня ростом. Я счищаю с него листья и ползающих насекомых, толком не понимая, как

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

буду его использовать. Ткнуть плотоядного монстра в нос? Я нервно смеюсь, убеждая себя, что этот звук мне просто померещился.

Шагая дальше, я с трудом продираюсь сквозь стену подлеска, пока наконец брезжащий впереди свет не указывает на смену рельефа. Неужели деревня? Пожалуйста, пусть это будет деревня.

Я практически бегу навстречу свету, вскинув руку, чтобы защитить лицо, когда пулей вылетаю из-за деревьев.

И замираю на месте как вкопанная от неопишуемого шока.

— Альберт? — вырывается у меня. Ну, или мне так кажется. Я почти уверена, что сплю, потому что прямо передо мной в своем инвалидном кресле сидит сын Химики... и его кресло парит в нескольких дюймах над землей. Позади него зияют огромные пещеры со следами добычи камня, который явно использовался для строительства деревенских построек. Неужели он живет здесь, в дикости?

Он демонстрирует мне свою щербатую улыбку и плавно опускает кресло на землю с небольшого расстояния.

— Во плоти.

— Это невозможно, — шепчу я. Даже если бы этот четырнадцатилетний мальчик не ушел на «само-Сбор» вместе с матерью и сестрой, само кресло, сконструированное Инженерами, представляло собой простейший механизм. И тем не менее он здесь, живой, по эту сторону Стены, сидит в инвалидной коляске, которая только что парила в воздухе. Две абсолютные невозможности, но мой разум намертво цепляется за самую странную.

Потеряв дар речи, я тычу пальцем в кресло и выдавливаю:

— Как?

Весь вид Альберта мгновенно меняется: он гордо выпрямляется и заносчиво похлопывает по подлокотнику.

— Заставить штучковину парить не так уж и сложно! Главное, чтобы было само кресло, а там берешь немного дерева, винты, плотную ткань и... — Осекшись на полуслове, он резко захлопывает рот.

Я слишком хорошо знаю, как выглядит чувство вины. Мой взгляд фокусируется на кресле. Его стыки подогнаны с идеальной, ювелирной точностью, а вырезанные на колесах узоры намекают на использование переработанных материалов. Основание кресла — приподнятая платформа между колесами — обтянуто темным брезентом. Впечатляет. Но такая махина должна быть крайне прожорливой до энергии, а внутри Стены мало какие технологии способны ее вырабатывать. За исключением...

Мои глаза округляются до размеров чайных блюдец.

— Ты не мог! — ахаю я, но, конечно же, он именно это и сделал. — Святая Стена, Альберт, ты украл солнечную панель!

Его щеки мгновенно заливают пунцовая краска.

— Все было совсем не так, клянусь! — начинает оправдываться он. — Мне ее дали. Я скрещиваю руки на груди, безмолвно требуя подробностей.

— Я не могу сказать, кто. — Он кривится. — Просто... поверь мне на слово?

— И не подумаю! — фыркаю я. — С какой стати?

— Альберт! — доносится до боли знакомый голос у него из-за спины.

Из пещеры выходит Реатха. Заметное раздражение на ее лице при виде Альберта сменяется неподдельным шоком, едва ее взгляд падает на меня. Не скажу, что я потрясена меньше. Она выглядит точно так же, как в моих воспоминаниях: темно-

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

каштановые пряди уложены в аккуратные косы, уголки глаз слегка приподняты вверх, а глубокие носогубные складки, словно круглые скобки, обрамляют ее выразительный нос и рот.

Когда следом за ней появляется младшая сестра Альберта, Мари, с двумя забавными хвостиками-пушками на голове, я вынуждена ухватиться за ствол ближайшего дерева, чтобы не упасть. Я ведь была уверена, что все трое давно мертвы.

Лицо Реатхи искажает гримаса смирения.

— Роуз, — произносит она. — Как ты?

Как-то раз в одной пыльной книге из библиотеки я наткнулась на выражение «язык проглотила». В тот момент его происхождение поставило меня в тупик — я грешным делом подумала, что домашние кошки в древности питались человеческими органами. Кажется, теперь я поняла истинный смысл этих слов. Я не могу вымолвить ни звука, мой язык словно прирос к гортани.

— Шок от встречи с покойниками, верно? — продолжает Реатха. Мари делает шаг вперед и обнимает мать со спины, набросив свои руки на ее плечи, словно плащ. Девочке сейчас около восьми, если мне не изменяет память, и она вечно объедалась до колик в животе на праздничных обедах. Она робко улыбается, и я вижу ямочки на щеках, подчеркивающие неправильный прикус — точь-в-точь как у старшего брата.

— Вы же все мертвы, — наконец бормочу я. Глупое заявление, учитывая обстоятельства. — Вы же ушли на само-Сбор в прошлом месяце.

Реатха сдержанно улыбается, не обнажая зубов.

— Почему бы тебе не зайти внутрь? Я отвечу на все твои вопросы за чашкой чая. — Она награждает Альберта еще одним недовольным взглядом и разворачивается, направляясь обратно вглубь пещеры.

Я покорно иду за ней, а в голове один за другим вспыхивают образы: изуродованное тело моей матери, обескровленный и брошенный в грязи мальчик-Гончар... Оба они были убиты кем-то, кто действует в обход устоявшейся системы. Кем-то, кто передвигается слишком плавно и грациозно для человека, кем-то, кого я преследовала в лесу всего в десяти минутах ходьбы отсюда.

И в этот момент до меня наконец доходит...

Альберт.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 17

Каверна Химиков втрое просторнее среднестатистического Дома Долины; здесь пахнет сыростью и минералами, а на стенах видны глубокие борозды — следы былой добычи известняка. Реатха и Мари уверенно шагают по протоптанной дорожке к тупику в самой глубине пещеры.

А затем они просто исчезают.

С бешено колотящимся сердцем я бросаюсь за ними и вижу, что они свернули за скалистый выступ и прошли сквозь потайную дверь. За ней открывается жилище, ничуть не уступающее любому деревенскому дому, разве что окон здесь нет совсем. В гостиной стоят диван и два кресла. К ней примыкает кухня, которая сейчас больше напоминает лабораторию, нежели место для приготовления пищи. Ее высеченная из камня столешница заставлена стеклянными мензурками, маленькими горелками и механизмами, назначение которых я не могу даже угадать. Открытые шкафы для тарелок и посуды выдолблены прямо в известняке, равно как и книжные полки, занимающие каждую стену.

Что ж, теперь я знаю, куда делись труды Химиков.

Стол в дальнем углу завален кусками металла, проводами и техникой, подобной которой я в жизни не видывала. Справа от него чернеют два дверных проема, завешенных серыми одеялами. Скорее всего, это спальни. Если верить интуиции, умывальня находится снаружи.

Реатха хлопочет на кухне, выкрикивая оттуда:

— Мятный чай подойдет?

Я киваю, внутренне напрягаясь, когда в комнату въезжает Альберт, крутя колеса своей коляски как обычно. Но я никак не могу выкинуть из головы образ того, как он парил над землей.

— Сколько времени ушло на переделку? — спрашиваю я, пытаюсь сохранить внешнее хладнокровие, пока в животе горячей волной закипает подозрение. Не его ли тень я видела за часовней перед тем, как Джонаса забрали на Сбор Урожая?

Он лишь мимолетно передёргивает плечами:

— Всего пара дней, как только раздобыл детали.

Я глубоко вдыхаю, готовая высказать Альберту все, о чем позже наверняка пожалею, как вдруг в моей памяти раздаётся голос отца. *«В медицине, как и в тайнах, — наставлял он меня, — никогда нельзя делать выводы при нехватке фактов»*. На душе становится чуть легче. Я так давно не слышала папин голос. И ведь он прав: чужая вина далеко не очевидна. Обвини я Альберта прямо сейчас, это лишь испортит дело, к тому же я сама толком не знаю, в чем его винить. Шпионил на моей свадьбе? Но он точно не мог примчаться, зарезать мою мать и скрыться незамеченным. Его кресло может парить, но оно не делает его невидимкой.

— Твое кресло — это чудо, — искренне говорю я ему. — Я знаю людей в деревне, которым оно бы очень пригодилось. — Например, Гран, которая уже не может ходить на дальние расстояния, или Шандор из Дома Бродильщиков, которому ампутировали обе ноги выше колен после страшного несчастного случая. По крайней мере, Шандор был бы счастлив получить такое кресло, если бы его не забрали на Сбор Урожая.

— Из всего, что я создал, это самое простое, — угрюмо бурчит мальчик. — Детский научный проект из Времен До Стены, просто увеличенный в размерах.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

— Альби у нас гений по части конструирования, — с гордостью произносит Реатха. Она передает мне влажную тряпку и указывает пальцем себе на лоб. Только тут я вспоминаю про кровь на лице от щепок, посыпавшихся на меня в деревне. Я совершенно об этом позабыла.

Я привожу себя в порядок, пока она возвращается к плите, чтобы разлить кипяток по кружкам.

— Правда ведь, милый? — продолжает она нахваливать сына. — Он смастерил для меня центрифугу на солнечной батарее из одной нашей зарядной панели, а еще микровесы из утильных металлических пружин и противовесов от сломанных часов. — Она мягко улыбается. — И неудивительно, что он так талантлив. Отец Альби был блестящим Инженером, прежде чем перейти в Дом Химиков. Некоторые таланты передаются у нас с кровью, не так ли?

Альберт пропускает ее слова мимо ушей. Он пристально смотрит на меня. Как мне кажется, настороженно.

— Так ты хочешь собирать машины? — Я приподнимаю бровь, чувствуя, как внимание Реатхи переключается на нас. — Совет выслушивает новые идеи, если ты действительно хочешь заняться Инженерией, — добавляю я, не дождавшись ответа от Альберта. — Ведь существует процедура подачи прошений, верно? Деревне бы очень пригодился такой талант.

— И когда в последний раз ты слышала, чтобы кому-то позволили заниматься чем-то, кроме ремесла, в котором он родился или с кем обручился? — Альберт сердито трет тыльной стороной ладони свой широкий нос.

Я принимаю из рук Реатхи кружку с дымящимся чаем. Он пахнет так густо, как я не ощущала уже много месяцев.

— У вас есть мед?

— У нас пасека за пещерой. Я разработала способ перенести соты из тех ульев, что пришлось бросить, — она запинаясь, прочищая горло. — Ну, из-за нападений животных.

Я делаю глоток. Чай настолько сладкий, что сводит зубы.

— Ты, должно быть, хочешь знать, что мы здесь делаем, — продолжает она. — Скажу просто. — Она упорно избегает смотреть на Альберта или Мари. — Ярек потребовал от меня то, чего я дать не могла. Ради безопасности моих детей мы исчезли до наступления утра.

Я с глухим стуком опускаю кружку на стол.

— И поэтому вы ушли в подполье? Вместо того чтобы изложить свое дело Хранителю Записей, вы заставили всю общину поверить, что ушли на само-Сбор, и бросили людей оплакивать вас? — Даже если я могу понять мотив столь тяжкого преступления, как отказ от своего долга, я не могу постичь, сколько сил потребовалось, чтобы инсценировать Сбор и обустроить быт в пещерах.

Если только она не бежала от чего-то куда более жуткого, чем я могу себе вообразить.

— Дэвид не стал бы меня слушать, — отрезает она.

— Но он обязан! — И это чистая правда. Так записано в нашем уставе. Дом Хранителя Записей обязан следить за соблюдением законов и менять их, когда того требует справедливость.

Глаза Реатхи блестят от слез.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

— Обязан? А если Ярэк убедит его в обратном? Если Ярэк внушит всей деревне, что мы виновны в каком-то преступлении и нас нужно отправить вверх по Стене?

Я слатываю. Она знает про Джонаса. Что ж, это все подтверждает. Альберт приходил шпионить на мою свадьбу, вероятно, пробравшись в город, чтобы хоть краем глаза увидеть свою обожаемую Марину. Он ведь знал, что улицы будут пусты. Мне было жаль этого парня еще до его аварии: вечно ходил хвостиком за Мариной, выполняя за нее всю грязную работу ради жалких крох внимания. И если я старалась держаться от нее как можно дальше, то он искал ее одобрения, как иссохшие корни ищут дождя.

Вместо того чтобы отвечать на вопрос Реатхи, я задаю свой собственный:

— Значит, вы знаете, что моего брата забрали на Сбор Урожая два дня назад. И вы также знаете, что моя мать убита? — Я пытаюсь удержать в поле зрения всех троих. — А Питер Мартинес погиб буквально вчера? — На последнем слове мой голос дает давшую трещину, и я понимаю, что нахожусь на грани истощения от этого непрекращающегося кошмара.

Реатха бессильно опускается на ближайший стул.

— Альби рассказал мне про твоего брата и маму. Мне так невыразимо жаль, Роуз. Но про Питера я ничего не знала.

Она либо гениальная притворщица, либо говорит чистую правду. Мари тоже: кажется, девочка вот-вот разрыдается от этой новости. Альберт же просто подъезжает к раковине, чтобы вымыть руки. Я не вижу его лица и не знаю, как трактовать это хладнокровие.

Я растираю плечи руками, пытаюсь вернуться в реальность. В пещере на удивление чисто и уютно, и лишь слабый серный запах холодного камня напоминает о том, что нас окружает известняк.

— Это место существовало всегда, — произносит Реатха, наблюдая за мной. Она все еще бледна как полотно; женщина обводит руками пространство, демонстрируя клеймо Дома Химиков на внутренней стороне левого запястья — идеальный круг с полукругом наверху и крестом внизу. — Группа единомышленников обустроивала его годами. Раньше мы собирались здесь.

— Кто? — спрашиваю я.

Она качает головой:

— Это неважно. Их больше нет, и теперь здесь живем только мы с Альби и Мари.

Голова идет кругом от обилия информации. Я пытаюсь переключиться на практические вопросы:

— Но как вам удалось заставить всех поверить, будто вы ушли за Предел?

Альберт закрывает кран. Подумать только, в этой пещере есть даже водопровод. Тоже результат его инженерных изысканий?

— Это было несложно, — подает голос мальчик. — Большинство людей просто не способны вообразить, что кто-то по доброй воле может бросить Долину Ноя. Все, что нам потребовалось — это оставить записку и планшет прямо перед корзиной, а самим раствориться в темноте. Кстати, планшет Мари умудрилась утащить прямо из-под носа у Дэвида Сейнгалята.

Так вот почему Хранителю Записей больше не доверяют хранение планшета.

Мари горделиво улыбается, сидя на диване, и на ее щеках снова проступают очаровательные ямочки.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

— Я маленькая и шустрая, — хвастается она. — А это значит, что лазутчик из меня отменный.

Я пытаюсь улыбнуться ей в ответ, но земля уходит из-под ног.

— Пожалуйста, — умоляет Реатха. — Ты должна сберечь нашу тайну. Никто в деревне не должен узнать, что мы живы и находимся внутри Стены.

С этим проблем не возникнет. Кому мне рассказывать? Даже если бы я доверяла Мизии, Яреку или остальным членам Совета, я бы никогда не предала Химиков, если только не была бы железобетонно уверена, что они сотворили зло. Я не стану приносить их в жертву той самой системе, которая погубила Джонаса.

— Ваша тайна умрет со мной, — твердо обещаю я. Мой взгляд скользит по деталям, нужным для модернизации кресла Альберта, по их книгам, по буханке хлеба под стеклянным колпаком на столе. — Кто-нибудь еще знает, что вы здесь?

Внезапный тяжелый перестук снаружи заставляет нас вздрогнуть — безошибочно узнаваемый звук массивных шагов по камню.

— Сейчас сама увидишь, — с хитрой усмешкой произносит Альберт.

Он резко крутит колеса и устремляется к выходу из жилой зоны прежде, чем Реатха успеет его окликнуть. Я ловлю себя на том, что бегу следом. Не знаю, кто поджидает нас за каменным порогом, но я предпочитаю встретить неизвестность лицом к лицу, а не оказаться загнанной в ловушку в этой каменной тюрьме. По крайней мере, я убеждена, что там будет человек, а не те лесные монстры, которых я успела себе навоображать.

Но едва я выбегаю в предпещеру, как осознаю, насколько жестоко я ошибалась.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 18

Гриффон стоит в устье пещеры, удерживая на плече мощными руками тушу оленя. Заметив меня, он хмурится. Позади него виднеются Ээро, Оскар из Дома Портных, Мериал из Дома Артистов и Сальватора из Дома Сапожников. Первые трое выглядят слегка пристыженными, словно их застукали с поличным за кражей меда.

Однако Сальватора буквально сверлит меня взглядом, готовая метать молнии.

И я знаю почему. Она считает, что я убила ее бабушку.

Несколько месяцев назад она прибежала к задней двери Аптеки. Бабушка лежала наверху в постели, остальные члены моей семьи были на дежурстве. Я оказалась единственным доступным Аптекарем.

— Моя бабушка, — задыхаясь, выдавила Сальватора. Она была одной из первых красавиц в деревне, не уступая Марине. Сальватора никогда не скрывала своей неприязни ко мне с тех самых пор, как в детстве я сдала ее священнику за кражу алтарной чаши. — Ей плохо.

— Какие симптомы? — спросила я, пока мы бежали по улицам.

— Лихорадка, — бросила бывшая одноклассница через плечо. — Сильный жар. Она бредит. Горло болит. И еще сыпь по всей спине.

В животе похолодело. Как раз накануне объявили запрет на спасительное медицинское вмешательство для стариков — только паллиативная помощь. Но бред и сыпь могут означать что угодно, успокаивала я себя.

Ровно до тех пор, пока не заглянула Амине в рот.

Задняя стенка ее горла была усыпана белыми пятнами.

Мой худший страх подтвердился. У Амины была стрептококковая инфекция, и, судя по низкому давлению и бешеному пульсу, уже начался сепсис. Поскольку во время осмотра она то и дело теряла сознание, я думала, она не заметила, как я осознала всю тяжесть ситуации.

Но она заметила.

Бабушка Сальваторы потянулась к моей руке, ее прикосновение из-за жара обжигало как печь. Голос, едва различимый из-за сильного отека в горле, походил на слабый вздох:

— Все хорошо. Я горжусь тем, что исполняю свой долг.

— Что с ней? — спросила Сальватора. Она так и металась из угла в угол у постели Амины.

— А где твоя мама? — поинтересовалась я.

— На примерке. — Страх исказил черты лица Сальваторы. — Соседка побежала за ней, а я — за тобой. Ты можешь помочь моей бабушке?

Я с трудом перевела дух.

— Думаю, у нее сепсис. Нужны антибиотики.

— Так дай их ей! — потребовала Сальватора.

— Она не может, — прошептала Амина. Ее левый бок затрепетал в судороге. — Помни о новом законе.

Глаза Сальваторы округлились. Она резко развернула меня к себе и приблизила свое лицо так близко, что мы едва не соприкасались носами.

— Ты можешь ее исцелить, — прошипела она. — Сделай это.

В памяти тут же всплыл образ изувеченного тела моего отца, а в ушах зазвучали мамины слова — так четко, будто она шептала их прямо сейчас:

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

«Это все моя вина. Мне не следовало выделяться».

Она дрессировала меня давать правильный ответ — единственный верный ответ, — когда кто-то просит нарушить правила.

— Это запрещено, — отчеканила я.

Но едва эти слова сорвались с моих губ, я поняла, что скорее отрублю себе руку, чем не попытаюсь спасти Амину. Мой первейший долг перед Долиной был долгом Аптекаря. Я не могла предать его, что бы ни гласил закон. Вырвавшись из хватки Сальваторы, я схватила свою сумку и принялась лихорадочно в ней копаться.

— Ты ищешь что-то, чтобы облегчить ее уход, да? — прорычала Сальватора. — Мерзкая, трусливая поборница правил! Ты можешь спасти ей жизнь, но не станешь этого делать!

Я почти не слушала ее. В моем наборе не было антибиотиков! У нас никогда не было больших запасов. Производство пенициллина Химиками требовало слишком много времени и ресурсов, поэтому мы берегли его для экстренных случаев. Случай Амины определенно подходил под это описание. Защелкнув замок чемоданчика, я вспомнила: Джонас как раз пошел к Химикам, чтобы пополнить наши запасы. Перехватить его по дороге или он уже вернулся домой?

Приняв решение, я выскочила наружу и действительно застала его на нашем крыльце.

— Антибиотики! — закричала я.

Выражение лица Джонаса за долю секунды сменилось от удивления и радости при виде меня до предельной собранности. В конце концов, он тоже был обучен аптекарскому делу. Он швырнул мне ампулу еще до того, как я подбежала. Поймав ее на лету, я развернулась на пятках и помчалась обратно к коттеджу Сапожников быстрее, чем когда-либо в жизни.

Но ворвавшись в дом, я поняла, что опоздала.

Сальватора рыдала, обняв безжизненное тело бабушки. Я слишком хорошо знала, как выглядит пустая человеческая оболочка, но на всякий случай проверила пульс. Женщина все еще горела от лихорадки, но этот жар уже начал рассеиваться.

Амина Бруган была мертва.

Сальватора вскочила на ноги и с силой оттолкнула меня:

— Как ты смеешь прикасаться к ней! Ты убила ее!

— Сальватора! — прикрикнула Манола, ее мать, вбегая в коттедж. Хранитель Записей Дэвид следовал за ней по пятам — должно быть, именно ему она примеряла новую обувь. Манола оценила обстановку. Ее лицо окаменело, а затем исказилось от рыданий, когда взгляд упал на тело Амины.

— Что здесь произошло? — спросил Дэвид. Отец Саймона и Марины был тихим, проницательным человеком. Он смотрел на меня так, словно заранее знал, что я собиралась переступить закон.

— Моя бабушка заболела, а Роуз просто дала ей умереть! — в слезах закричала Сальватора.

Манола шагнула вперед и отвесила дочери звонкую пощечину. *Хлест*. Рот Сальваторы округлился от шока, а на щеке белым пятном проступил очертание материнской ладони.

Я подхватила свой чемоданчик и попятилась к двери, пытаясь скрыться от ненависти и чувства предательства, застывших в глазах Сальваторы. Не было никакого

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

смысла говорить ей, что Амину невозможно было спасти, даже будь у меня антибиотики с самого начала. Сал бы меня не услышала.

Она потеряла бабушку и решила, что виновата в этом я.

Именно после того случая я начала втайне носить инсулин Ананси из Дома Ткачей, подсовывать нитроглицерин прабабушке Беате Гончару и контрабандой доставлять таблетки из ивовой коры седовласому Гефесту Водопроводчику, у которого были проблемы с сердцем и чьи скрюченные артритом руки кричали о целой жизни, отданной служению Долине. Только те, кому я помогала, знали о моих делах. Я не могла рискнуть и рассказать даже Джонасу, боясь, что в случае моей поимки его сочтут соучастником.

Сальватора все еще буравит меня взглядом. Что ж, ей я точно ничего не скажу.

— Роуз, — прерывает тишину Мерил. Ее голос — низкий и с легкой хрипотцой — идеально подходит для Артистов. — Что ты здесь делаешь?

Она делает шаг вперед, словно собирается пожать мне руку или обнять. Это высокая девушка с губами почти в тон коже и темно-каштановыми волосами под цвет глаз. Она со всеми ласкова и дружелюбна, даже со мной.

— Он привел меня сюда, — буднично отвечаю я, указывая на Альберта. Тот не отпирается, что я расцениваю как подтверждение. — А вы что здесь делаете?

Она виновато смотрит на свои мыски.

— Я обучаю их ближнему бою, — берет слово Гриффон.

Его голос звучит обыденно, будто он только что не признался в нарушении закона, столь же неизбежного, как и запрет на лечение стариков.

К своему удивлению, вместе с шоком я чувствую укол жгучей ревности. Я-то наивно полагала, что, если не считать школы или обеда на площади, все мы общаемся исключительно со своими собратьями по Дому, выполняя свои обязанности. Особенно после нападений животных, Векса и введения продовольственных карточек. Горько осознавать, что они собирались здесь без меня. Не то чтобы я ждала приглашения, но все же.

— Пожалуйста, сделай лицо попроще, будто не хочешь сварить из меня целебную настойку, — бросает Гриффон, и уголок его губ дергается. А затем, словно отмахиваясь от назойливого насекомого, он качает головой и поворачивается к Реатхе. — Куда деть оленя?

— На улицу, — сухо отвечает она, выступая вперед. — Надо же, какой насыщенный выдался денек. Кто-нибудь хочет чаю?

Ээро, Сальватора, Мерил и Оскар послушно идут за ней в жилую зону, протискиваясь мимо меня с опущенными глазами. Я же упрямо шагаю за Гриффоном, который направляется к подножию могучего дуба.

— Ты знал, что Химики прячутся здесь, — обвиняю я его. — И что ты после этого наговорил мне у Врат Эдема? — Я понижаю голос и комично развожу руками, передразнивая его позу. — *«Правила созданы для того, чтобы их соблюдать, Роуз, и моя работа — следить за этим».*

Он презрительно усмехается, сбрасывая тушу оленя на землю. На его поясе намотана тонкая, но прочная пеньковая веревка. Он разматывает ее и связывает задние копыта животного. Закрепив узел, он перебрасывает другой конец веревки через массивный сук в нескольких футах над землей и с глухим кряхтением поднимает тушу в воздух. Сухие бурые пятна на земле под деревом красноречиво говорят о том, что он занимается этим далеко не в первый раз.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Я настолько взвинчена, что толком даже не разглядела добычу.

Наш рацион внутри Стены по большей части энтотарианский — вегетарианская пища с добавлением съедобных насекомых ради белка и питательных веществ. Мясо животных приберегается исключительно для праздничных дней, и обычно его пускают на рагу или мясные пироги, чтобы каждый мог получить хотя бы по кусочку — и чтобы можно было разжевать жесткие куски старого домашнего скота. Но этот олень великолепен: в самом расцвете сил, его шерсть коричневая и лоснящаяся в лучах лесного света.

— Ты убил его, — произносит я, глядя на перерезанное горло.

Мне кажется, он проигнорирует реплику, но он отзывается:

— У него уже была сломана нога. Думаю, в яму провалился.

Я присаживаюсь на корточки, чтобы рассмотреть получше, и вижу, что он прав. Противоестественный угол указывал на перелом, который я не заметила из-за хлынувшей из шеи крови. Я мысленно оплакиваю оборвавшуюся жизнь. *Пусть ты вернешься в ту самую Почву, из которой вышел.*

— Ты избавил его от мучений, — бормочу я, поднося руку к собственному горлу. — Почему бы не отнести его в деревню?

Альберт выезжает из пещеры, за ним тянутся остальные, держа в руках дымящиеся кружки. Гриффон даже не удостоивает их взглядом.

— Они не станут скучать по тому, о чем даже не знают. — Он завязывает финальный узел на веревке. — А Химикам нужно как-то выживать, и они нужны нам.

— Лекарства, — догадываюсь я. Ну конечно. Пусть Дом Химиков и считает, что должен был исчезнуть ради собственного спасения, они все равно продолжают заботиться об остальной общине. Наше чувство долга высечено на подкорке. Дом Аптекарей нуждается в Химиках для производства антибиотиков и вакцин, Дом Фермеров использует их составы для борьбы с сорняками, а вся деревня зависит от их силиконовых герметиков для сохранения запасов еды.

— Ну да, лекарства, — с ядом в голосе выплевывает Сальватора. — В Долине все еще остались люди, которые предпочитают спасать, а не убивать.

— Это несправедливо, Сал, — заступается Мери. Она ставит свою кружку на камень. Хотя она стоит поодаль от Ээро, своего нареченного, мне кажется, они идеальная пара. Оба такие приятные. Возможно, когда-нибудь они даже полюбят друг друга. — Роуз спасла немало жизней.

— А другие умирали под ее присмотром, — отрезает Сал, буравя меня взглядом. — И все потому, что ей жизненно необходимо следовать правилам.

Мне нечего на это ответить. Заявить во всеуслышание о моих тайных визитах к старикам — значит подвергнуть опасности тех, кому я помогаю. Мери, Оскар и Ээро смотрят на меня с чем-то похожим на жалость. Лицо Сал куда менее благосклонно.

Внезапно меня накрывает волна первобытной эмоции, которую я не сразу могу распознать: это одиночество. Теперь, когда Джонаса не стало, у меня никого не осталось, и я понятия не имею, как заставить этих людей стать моими друзьями.

— Зачем вы тренируетесь? — спрашиваю я, пытаюсь переварить все, что узнала за это утро. — Чтобы помочь Стражам, если...? — Но я теряю нить мысли.

— Мы думаем, что что-то приближ... — начинает Ээро, но Сальватора заставляет его замолчать одним лишь суровым взглядом.

— Это секрет, — отрезает она. — Верно, Гриффон?

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

С удивлением я обнаруживаю, что он стоит прямо у меня за спиной. Чувствуя, что вот-вот расплачусь, я намеренно повышаю голос и резко разворачиваюсь к нему лицом:

— Значит, теперь ты готов пойти против закона и собственных родителей? — спрашиваю я. — Но когда речь шла о спасении жизни Джонаса, ты этого не сделал? — Я швыряю это обвинение как яд, позволяя своей боли выбирать слова.

В его глазах вспыхивает ярость.

— Мы с родителями стремимся к одному и тому же, — выговаривает он ледяным, предупреждающим тоном. — К безопасности жителей Долины. Мы просто не всегда согласны с тем, как именно этого достичь. А ты сама всегда поступала в точности так, как от тебя ждали твои родители?

Жестокие слова в адрес двух покойников.

Мои ноздри раздуваются, и я с силой тычу пальцем ему в грудь:

— Мой отец научил меня вырезать аппендикс, который вот-вот лопнет, а мама показала, как выращивать и перерабатывать травы в спасительные лекарства. И если я все правильно поняла, ты не против, чтобы я отступила от их методов, когда страдать будешь лично ты?

Мерил восхищенно свистит. В этом звуке слышится одобрение, но я не могу расслабиться.

— Вы будете тренировать и меня тоже, — требую я, удивляя этим решением саму себя. Я никогда не стремилась к дракам, но пока убийца разгуливает на свободе, мне нужно уметь защитить себя и других. Но что еще важнее в эту минуту — без брата я отчаянно, дико, смертельно одинока. И этот бойцовский клуб Гриффона кажется моим единственным шансом обрести союзников.

Похоже, бабушка была права. Жизнь слишком тяжела, чтобы нести ее бремя в одиночку.

Но у Гриффона на этот счет иное мнение. Он наклоняется ко мне так близко, что нас разделяют считанные сантиметры — расстояние, почти достаточное для поцелуя.

— Я не стану тебя тренировать, — шипит он. — Тебе нельзя доверить нарушение правил. Ты не умеешь держать язык за зубами.

Сальватора фыркает:

— И то правда. Мне пришлось целый месяц драить туалет в часовне после того, как ты донесла на меня за ту чашу.

— Мне жаль, — искренне говорю я ей. — Правда, жаль.

— Твое «жаль» не гарантирует, что ты не проболтаешься снова, — огрызается она.

Они не знают о моих тайных визитах к пожилым людям, но должен же быть другой способ доказать мою верность. Я открываю рот в надежде, что нужные слова придут сами, но Мерил опережает меня. Добрая, мягкосердечная Мерил, которую я считала если не подругой, то как минимум дружелюбной.

— Это правда, Роуз, — мягко произносит она. — Я знаю, что ты хочешь как лучше, но... ты слишком правильная. И к себе, и к остальным.

— Вот почему я не мог рассказать Джонасу, чем мы тут занимаемся, — признается Ээро, виновато пожимая плечами. — Я знал, что он тут же побежит к тебе.

Я едва сдерживаюсь, чтобы не закрыть ладонью свое родимое пятно — старый защитный рефлекс. Эта несправедливость ранит глубже всего: они считают меня бездумной фанаткой правил. Нет смысла объяснять им, сколько раз бабушка и мама заклинали меня никогда не высовываться. Они увидят в этом лишь жалкие

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

оправдания. Я и сама теперь с трудом понимаю, почему так сжалась после смерти отца, почему так панически боялась оступиться. Сейчас я словно смотрю на себя со стороны, и мне не нравится то, что я вижу.

Если и есть в трагедиях хоть какой-то плюс, так это то, что они вмиг срывают любые шоры.

— Клянусь жизнью, я никому не скажу. — Мой голос дрожит от подступающих слез. Я обвожу взглядом каждого из них, заставляя увидеть искренность в моих глазах. — Даю вам слово. Пожалуйста, позвольте мне присоединиться.

Реатха, Альберт и Мари хранят молчание, предоставляя право выбора тем, кто все еще остается частью общины Долины. По лицам Ээро и Мерил видно, что они готовы уступить. Оскар, кажется, тоже склоняется к согласию, когда голос Сал наотмашь разрезает воздух:

— Да ты слишком хрупкая, — заявляет она. — Слишком жалкая. Ты ведь даже нож в руках держать не умеешь.

И тут я вижу свой шанс. Возможно, я никогда в жизни не замахивалась мечом, но в ножах я разбираюсь получше многих. Я решительно шагаю к подвешенной туше, выхватываю охотничий клинок Гриффона из того места, где он его оставил, и одним точным движением вонзаю его в брюхо оленя, ведя линию ровно настолько глубоко, чтобы рассечь плоть, но не задеть внутренние органы. Содержимое желудка тут же вываливается на траву.

Я приступаю к потрошению животного. Я никогда не присутствовала при забое скота, но анатомию знаю досконально. Уверенными, почти хирургическими движениями я вырезаю кишечник и откидываю его в сторону. Затем извлекаю сердце, печень и почки. Мои руки действуют ловко и профессионально. Я аккуратно раскладываю органы на плоском камне неподалеку.

Весь процесс занимает у меня от силы пару минут.

Закончив, я оборачиваюсь, тяжело дыша, и поднимаю окровавленный нож:

— Я способна учиться.

Лицо Реатхи озаряет хищная, одобряющая улыбка.

Уголки губ Гриффона слегка приподнимаются, и мое сердце тут же пускается вскачь. И неважно, что те годы, когда я сохла по нему, кажутся теперь чужой далекой жизнью — мое тело слишком хорошо помнит, что делает со мной его улыбка. Я изо всех сил сдерживаю ответную ухмылку, готовую расплыться на моем лице.

— Я голосую за то, чтобы принять ее, — заявляет Ээро, округлив свои карие глаза.

— Поддерживаю, — отзывается Мерил. — Лучше пусть она будет с нами, чем против нас. — Ее прагматизм немного задевает, обнажая отсутствие веры в меня, но, положив руку на сердце, я не могу ее винить.

— Ладно, — бурчит Сал. — Но исключительно потому, что если мы ее не возьмем, она нас заложит. А если будем держать ее поблизости, она не сможет донести, не подставив саму себя.

Щеки обдает жаром. К счастью, Оскар вовремя переключает всеобщее внимание на себя.

— Лично я готов сказать «да», — произносит он с лукавым огоньком в глазах, — если у тебя хватит смелости пройти тест на голое доверие.

Оскар на год младше меня — подтянутый, серьезный парень с коротко стриженными черными волосами. Он впервые обращается ко мне напрямую. Я прикусываю губу, глядя, как он берется за край своей рубашки и начинает стягивать

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

ее через голову. Если не давать волю мыслям, во мне еще бурлит достаточно адреналина, чтобы сорвать с себя одежду. Кажется, у меня просто нет выбора. Я больше не вынесу этой давящей, глухой боли одиночества. Если это та цена, которую нужно заплатить, чтобы стать своей — пусть будет так. Я хватаюсь за подол рубашки и тяну его вверх.

— Воу-воу, полегче! — выпаливает Ээро, бросаясь ко мне, чтобы остановить. — Это тест на доверие с падением, Роуз! Падение спиной вперед! Просто... просто падение!

Мое лицо вспыхивает пунцовым цветом, и я испуганно дергаю рубашку вниз. Слава Стене, на мне было нижнее белье. И все же я не нахожу в себе сил взглянуть кому-либо в глаза.

— Ну конечно, — бормочу я, стораю от стыда. — Очевидно же, я именно это и имела в виду.

Сальватора буквально заходится от хохота. Оскар ошарашенно смотрит на меня, держа в руках свою снятую рубашку:

— Ты просто забрызгала ее кровью, когда потрошила оленя. Я собирался зайти внутрь и застирать ее.

— Испытание проходит вон там, — поясняет Мерил, указывая на валун высотой примерно по плечо, лежащий чуть дальше дерева с оленем. — Ты закрываешь глаза, отбрасываешь все свои страхи и падаешь спиной назад, доверяя нам и зная, что мы тебя поймем.

Я судорожно киваю. Интересно, люди вообще выживают после того, как случайно раздеваются наполовину перед компанией, чье расположение им жизненно необходимо завоевать? Если я прямо сейчас не переключусь на действие, то просто умру со стыда. Я подбегаю к валуну, быстро карабкаюсь на него и поворачиваюсь к ребятам спиной.

— Готовы? — кричу я.

И не дожидаясь ответа, я просто шагаю в пустоту.

Я словно вечность нахожусь в состоянии свободного падения; каждая клеточка моего тела кричит, я проклинаю собственную глупость и то, как опрометчиво ввязалась во все это — в этот лес, в требования обучать меня, в этот дурацкий тест. В моей жизни никогда не было людей за пределами семьи, на которых я могла бы безоговорочно положиться. Что ж, по крайней мере, удар о землю вырубит меня на какое-то время. Может, я даже забуду, какой дурой только что себя выставила.

Но в следующий миг я мягко приземляюсь на сплетение чужих рук.

Не веря собственным глазам, я снизу вверх смотрю на их лица. Ээро выглядит довольным, Мерил — кажется, гордой, Оскар — заинтригованным, Сальватора — настороженной, а Гриффон...

Выражение его лица я прочесть не могу.

Но абсолютно каждый из них протянул руки, чтобы поймать меня.

На этот раз я не пытаюсь сдержать слезы, когда они подступают к глазам.

Они дают мне шанс.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 19

Гриффон дает мне всего секунду, чтобы прийти в себя, после чего объявляет сбор оконченным и кивком указывает в сторону деревни.

— Сегодня и завтра вечером я на патрулировании. Начнем тренировки послезавтра. А пока советую тебе поторопиться. Моя мать скоро вернется со своей смены.

От его недавнего хорошего настроения не осталось и следа.

Я не настолько глупа, чтобы тешить себя иллюзиями, будто мы теперь близки. Неприязнь Гриффона ко мне пустила слишком глубокие корни, да и моя собственная росла не по дням, а по часам. И все же, по пути в деревню меня не покидает надежда. Я уже не так одинока, как сегодня утром.

Этого чувства почти достаточно, чтобы заглушить в мыслях угрозу Мизии:

«И чтобы к полудню обед на всех был готов, не то что вчера. Заставишь нас ждать — пеняй на себя».

Заметив чабрец и орегано, растущие на открытой полянке у самого ручья, я на бегу срываю несколько веточек, мысленно ругая себя за то, что утром даже не заглянула в кухонные шкафы. Но откуда мне было знать, как повернется день? Остается надеяться, что у Цзы найдется хотя бы дикий рис, лук, чеснок и сельдерей. С этими травами я смогу состряпать быстрый и вкусный конджи, если растолку рис перед варкой. Блюдо получается особенно хорошим, если добавить немного сладости, чтобы сбалансировать плотность зерна, но рассчитывать на мед в доме Цзы не приходится.

Я мчусь сквозь чащу, до боли желая поговорить с Джонасом, рассказать ему о своем дне, о том, что я узнала, и о том, что у меня скоро могут появиться друзья. Моя цель прежняя — выяснить, кто убил маму, и очистить имя брата, — тут ничего не изменилось, но, возможно, мне больше не придется нести это бремя в одиночку.

Спустя несколько минут бега в указанном Гриффоном направлении до моих ноздрей доносится родной запах дровяного дыма, ушей достигает приглушенный стук молота из новой кузницы, а впереди брезжит просвет в лесной темени. Я приближаюсь к деревне. Слава Стене. Могу только представить, какие мелкие пакости уготовила бы мне Мизия, вернись она домой в мое отсутствие.

Я чувствую гордость за то, чего только что добилась, возможно, даже слегка задираю нос. Я едва узнаю человека, в которого превращаюсь, но мне кажется, эта новая версия меня начинает мне нравиться.

Я уже собираюсь выйти на опушку, как вдруг звук в двадцати-тридцати футах слева заставляет меня замерсти как вкопанную. Альберт снова выслеживает меня? Но тут мелькает серая тень, и из зарослей выходит юная Венди из Дома Водопроводчиков. Я ныряю за вяз, чтобы понаблюдать. Я плохо знаю эту девочку: ей лет девять или десять, она маловата для своего возраста и кажется очень робкой.

Как и мне, ей совершенно нечего делать в лесу.

Она замирает, пригнувшись, словно дикий зверек, и вдруг замечает нечто, отчего испускает полный ужаса писк. Я перевожу взгляд туда же, радуясь, что меня скрывает густая листва. Кровь стынет в жилах: к ней на лошади трусит Ярек, и лицо его чернее тучи.

Если бы Венди не вышла из леса первой, я бы натолкнулась прямо на него! Меня бы высекли и, скорее всего, заперли под замок. Ноги подкашиваются от облегчения.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Именно поэтому мне требуется несколько секунд, чтобы заметить корзину с яблоками в руках маленькой Водопроводчицы.

Проклятье! Что она натворила?

Я присутствовала на родах Венди вместе с бабушкой. Плод шел ногами вперед; бабушка тогда была благодарна мне за помощь. Роды длились много часов, и когда Венди, наконец, появилась на свет, она была синей. Бабушка била ее по ягодицам, пока малышка не закричала. Мы все тогда плакали от радости.

Венди — желанный ребенок, любимый ребенок. Ребенок, который знает правила.

У нее не должно быть этих яблок.

Я еще сильнее вжимаюсь в кору дерева.

Ярек подносит к губам висящий на шее свисток. Раздается пронзительный визг, и уже через пару секунд рядом объявляется Леонидас — конь молодого стража фыркает и бьет хвостом. Не знаю, почему я испытываю облегчение от того, что Гриффон не мог явиться на этот зов.

— Неси сюда яблоки, девчонка! — кричит Ярек, спешиваясь. Голос можно было и не повышать — он стоит в десяти футах от нее.

Она падает на колени, но не в знак протеста, а от дикого страха. Ее бьет такая крупная дрожь, что это видно даже из моего укрытия. Девочка бросает взгляд через плечо — движение кажется произвольным. Я смотрю в том же направлении. Грудь сдавливает спазм: в листве прячутся брат с сестрой из Дома Стекольщиков.

Должно быть, это была просто глупая детская игра, спор — пробраться в лес и набрать плодов. Все трое оказались храбрее, чем я в их возрасте. Да что там, они храбрее, чем я сама еще сорок восемь часов назад.

— Простите, — лепечет Венди. — Я несла их, чтобы поделиться, честное слово. — Ее голос срывается. — У нас не было ничего сладкого с самой... — Она едва не произносит «свадьбы», моей свадьбы, но вовремя прикусывает язык.

Ярость Ярека растет. Я вижу это по его лицу, хотя говорит он вкрадчиво и тихо:

— Неси их сюда, — повторяет он, и эта нарочитая, размеренная мягкость заставляет волосы на моей коже встать дыбом. — Ты ведь не была настолько глупа, чтобы набрать их в эвакуированном саду? Если так, ты могла подцепить Векс.

Она мотает головой, и я вижу, каких усилий ей стоит снова не посмотреть на друзей.

Только не выдавай их!

Венди поднимается на ватных ногах и преодолевает разделяющее их расстояние. Голова ее покорно опущена, словно она приближается к древнему монарху.

Это зрелище оставляет мерзкий осадок. В Долине мы все равны.

Венди опускает корзину перед Яреком.

— Выбери одно для меня, — приказывает Ярек. — Самое сладкое, что у тебя есть, дитя.

Она стоит ко мне спиной, а лицо Ярека скрыто тенью, так что я не вижу их лиц — только физиономию Леонидаса, остающегося в седле. Его рот расплывается в горькой, торжествующей ухмылке.

Мне стоит колоссальных усилий не выскочить из кустов и не содрать это спесивое выражение с его лица. Но мое появление сейчас никак не смягчит ее участь, а лишь гарантирует наказание мне самой. Да и что ей грозит? Она ведь ребенок. Обычная детская ошибка. Никто не станет пороть девочку ее лет. Возможно, этот случай даже заставит Ярека вернуть Окружение.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Так назывался наш прежний метод правосудия — то, как мы поступали до появления позорных столбов. Мы вставали кольцом вокруг провинившегося, говорили с ним, пели и делились воспоминаниями о том, за что мы его любим, направляя человека обратно к той его лучшей версии, которую мы знали. Это была реакция на проступок, призванная восстановить гармонию, а не причинить боль. Как хорошо было бы вернуться к этому!

Внезапный ужас пронзает внутренности, когда я ловлю себя на этих мыслях. Я снова уговариваю себя жить тихо, не высовываться и следовать правилам. Эта привычка въелась так глубоко, что работает на уровне мышечной памяти. Если я хочу быть достойной доверия моих новых товарищей, я обязана защищать тех, кто нуждается в помощи, чего бы мне это ни стоило.

Я расправляю плечи.

Я уже делаю шаг из-за деревьев, когда чья-то рука мертвой хваткой вцепляется в мое запястье. Это Ээро. Лицо его бледно, указательный палец прижат к губам. Тсс.

Я отчаянно мотаю головой. *Мы не можем бросить ее одну!*

Но Ээро не выпускает меня. Пытаясь беззвучно вырваться из его хватки, я не свожу глаз с Венди. Она копается в корзине, выбирая лучшее яблоко для Ярека. Мое сердце разрывается от вида этой детской невинности.

Когда она протягивает плод, это оказывается идеальный красный шар. Мне невольно вспоминается старая сказка. Я пытаюсь судорожно вспомнить, чем там все закончилось, когда Ярек совершает молниеносное движение. Секунду назад его нож с перламутровой рукоятью покоился на поясе, а в следующий миг он уже бликует на полуденном солнце, отсекая палец Венди.

Ребенок испускает истошный крик агонии и роняет яблоко; кровь хлещет из раны, щедро орошая иссушенную землю.

Мои ноги подкашиваются, я мгновенно забываю о борьбе с Ээро.

— Око за око, нарушительница, — негромко, пугающе мягко произносит Ярек. — Ты расскажешь всем, что воровала у Долины, и именно поэтому лишилась пальца. Пусть увидят, что бывает с теми, кто идет против правил.

Ярек вытирает клинок о плащ, после чего вскакивает в седло и пускает коня вскачь. Лео следует за ним, и оба Стража уносятся в сторону конюшен.

Все произошло так быстро, что мой разум отказывается верить в случившееся.

Ярек искалечил ребенка.

Ээро выпускает мою руку, его лицо онемело от шока.

— Я просто... я пытался защитить ребят в пещерах.

Хорошо, что он отпустил меня, потому что теперь, когда пролилась кровь, меня бы не удержала и целая армия. Тело действует само, опережая мысли. Крики Венди невыносимой болью отдаются в ушах.

— Сидите тихо, пока мы не скроемся из виду, на случай если они вернутся, — полусшепотом кричу я двум испуганным детям Стекольщикам, все еще сидящим в кустах. Они вздрагивают, они и не подозревали о моем присутствии, но им хватает ума остаться на месте.

— Идем, — говорю я, подбегая к Венди. Я бережно заворачиваю отсеченный палец в дубовый лист и прячу в карман, бросив быстрый взгляд туда, куда ускакали Ярек и Лео. — Если поторопимся, моя тетя сможет его пришить.

Ее глаза на бледном, как полотно, лице кажутся огромными расколотыми яйцами.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

— Прости, — всхлипывает она, — прости, мы не должны были брать яблоки. Мы втроем играли и нашли яблоню у льняного поля, прямо у кромки леса. Мы знали, что нельзя туда ходить, но все так голодают... Мы несли их Пекарям для пирогов, — хнычет она. — Я не крала.

— Я верю тебе, — яростно шепчу я.

До чего же мы докатились в этой Долине, если начали отрубать пальцы детям? Я срываю с нее передник, использую завязки вместо жгута, а самой тканью зажимаю рану, чтобы остановить кровотечение.

В этот момент в моей голове настойчиво бьется одна-единственная мысль.

Пожалуй, именно Ярэк — тот самый человек, которого следовало бы Собрать.

Я содрогаюсь от зародившейся во мне жестокости, но гнев и не думает остывать. Я не могу отплатить ему тем же кошмаром, но в моих силах сделать так, чтобы его жизнь стала чертовски неудобной. Потратив полсекунды, я прячу в карман маленькое яблоко и полоску коры скользкого вяза, после чего подхватываю девочку под руку и веду к своему прежнему дому.

Тетя Флоренс стоит у плиты, занимаясь обедом, когда я с шумом вваливаюсь в дом, ведя Венди. Я усаживаю ребенка на кухонный стул и протягиваю тете завернутый палец.

— Мне нужно бежать, — говорю я, хотя всем сердцем хочу остаться.

— Опиумную настойку в руки — и марш отсюда, — командует она.

В экстренных ситуациях Аптекарь не тратит время на пустые расспросы. Взгляд тети Флоренс за толстыми стеклами очков предельно сфокусирован, пока она осматривает рану Венди. Мой наспех наложенный жгут остановил самое сильное кровотечение. Всклипывающая девочка выглядит изнуренной, но держится отрешенно — шок пройдет, когда тетя начнет промывать рану. Пусть Флоренс и не так искусна в наложении швов, как я, дело свое она знает. Она спасет палец.

И все же уходить тяжело. Я протягиваю ей настойку.

— Я могу согреть воду.

— У меня как раз закипает для каши, удачно совпало. — Тетя Флоренс уносит палец к раковине, чтобы очистить его. — Тебя накажут за то, что ты взялась за старое ремесло, так что проваливай.

Вот и все. Я больше не Аптекарь, но еще и не Страж.

В этом пограничном состоянии я чувствую себя по-настоящему опасной.

Я прибегаю на деревенскую площадь, едва переводя дыхание, и успеваю лишь крикнуть в окно Пекарни, что у льняного поля на земле лежат яблоки. Затем я влетаю в Дом Цзы — здесь серо, неуютно и пусто.

Прерывисто дыша, мне пришлось бы долго объясняться, застань меня кто-то из Цзы, я принимаюсь метаться по кухне, распахивая шкафы и морщась от странного запаха, заполнившего комнату. Планшет унесли. Мне до безумия любопытно, где он заряжается и какие команды нужны для того, чтобы поднимать и опускать Сборочную корзину, но сейчас моя главная задача — раздобыть хоть какие-то продукты и успеть приготовить обед.

Каждой семье полагается одинаковый паек на человека: дикий рис, овсяные хлопья, свежие фрукты и овощи, которые каждую пятницу доставляют Дом Фермеров в зависимости от сезона. Хлеб, когда он был в свободном доступе, Пекари приносили по вторникам и воскресеньям. Муку из сверчков и мучных червей доставляют по средам работники инсектариев.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Цзы свалили свои припасы в шкафы как попало, без малейшего намека на порядок. Отсюда и этот гнилостный запах. Сморщенная, обмякшая морковь, превратившиеся в черную пушистую жижу помидоры, травы, ставшие единым неопознаваемым склизким месивом. Чем они вообще питались? Подобная расточительность шокирует, но у меня нет времени на разборки. Нужно срочно ставить еду на огонь.

К огромному облегчению, я нахожу банку с диким рисом, а неподалеку — стебель сельдерея, который еще можно реанимировать. Увядшая морковь придет в норму, как только напится водой, да и найденный лук оказывается в приличном состоянии. Под раковиной, в прохладном месте, я даже натыкаюсь на банку с пригодными в пищу мучными червями. Они добавят белка и придадут блюду приятный ореховый привкус.

Первым делом я тщательно мою руки с мылом в горячей воде. Затем ставлю кастрюлю на огонь, использую пыльную ступку и пестик, чтобы растолочь рис, и быстро шинкую овощи вместе с чабрецом и орегано, которые сорвала у ручья. Я бросаю все это в кипящую воду вместе с промытыми мучными червями.

После этого я беру кастрюлю поменьше и ставлю кипятиться вторую порцию воды — для отвара из скользкого вяза.

Отец в шутку называл этот рецепт «помойным супом», когда учил меня его готовить. Когда отвар становится темным и концентрированным, я очищаю и мелко режу припасенное яблоко, бросая его туда же, чтобы заглушить горечь самого мощного слабительного, какое только можно найти в наших краях. Затем я выливаю получившуюся микстуру прямо в кастрюлю с рисом.

Пусть эти Цзы подавятся.

Я расхаживаю по кухне, ожидая их прихода, но вовремя одергиваю себя. Я одна в доме. Лучшего момента, чтобы заглянуть в мамин дневник, не найти.

Преодолевая ступеньки через одну, я поднимаюсь вверх и достаю записную книжку из-под матраса, с облегчением убедившись, что она на месте. Я открываю страницу, где выписаны все найденные мной буквы, за вычетом V-E-X.

Остается: HAROTIS.

Я возвращаюсь к началу дневника, бегло просматривая уже изученные страницы, чтобы убедиться, что система действительно работает. Ошибки реальны. И когда я дохожу до страниц, которые еще не исследовала, мне почти сразу попадает очередная нестыковка.

В заметке о мяте утверждается, что она обладает естественным магнитным полем, способным притягивать металлы. Абсурд. Стоит слегка присмотреться, как я замечаю более темную букву **n** в слове *mint*. Я заношу ее в свой список. Теперь у меня есть HAROTISN.

Кровь начинает пульсировать в венах. Я рассчитываю быстро найти остальные буквы, но следующие записи оказываются более туманными, а растения — менее знакомыми. Например, статья о зимолюбке гласит, что ее следует избегать при лечении почек, а в заметке оралии утверждается, что она является основным средством против наружных грибковых инфекций. Не зная наверняка, правдивы ли эти сведения, невозможно понять, служит ли едва заметное изменение толщины букв намеренной подсказкой. Сердце сжимается от тоски — если бы только у мамы было время завершить мое обучение!

В этот момент снизу доносится стук открывшейся входной двери.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 20

Я запикиваю дневник под матрас Гриффона и мчусь вниз по лестнице, чувствуя головокружение от нахлынувшей тревоги. Стол уже накрыт, рагу из дикого риса вовсю булькает, а посреди кухни стоит Ярек, который кажется слишком огромным для этого пространства. Мой автоматический рефлекс, въевшийся в самую подкорку, срабатывает мгновенно: стать незаметной, сжаться.

Птичьи, иссиня-черные глаза Ярека переключаются с плиты на меня.

— Внутри Стены, — произносит он наше стандартное приветствие. А затем добавляет: — Пахнет неплохо.

Я киваю так резко, что это больше походит на спазм. Я никогда не оставалась с этим человеком наедине. Он высокий, за шесть футов, поджарый и жилистый. От постоянной работы на открытом воздухе его кожа сильно загорела. Он выглядит здоровым, чего не скажешь о его расположении духа, но есть что-то глубоко пугающее в том, как он держит свое тело в постоянном напряжении, двигая одними лишь глазами.

— Не бойся меня так, дитя. Я не кусаюсь. — Когда он улыбается, чрезмерно острые клыки опровергают его слова. — Налей-ка мне этого рагу. Давненько я не ел нормальной еды под этой крышей.

Всех детей в черте Стены учат готовить, делать заготовки и вести хозяйство. Если никто из семьи Цзы этим не занимается, то исключительно по собственному выбору, а не по незнанию. Я поворачиваюсь к плите и накладываю ему щедрую порцию. На задворках сознания вспыхивает тревожная мысль: не стоило добавлять слабительное в конджи. Это было малодушно и, что хуже всего, могло подвергнуть меня опасности. К тому же, это не вернет Венди ее палец.

— Ты копаешься как глупая овца, девчонка, — цедит он. — Живее накрывай.

После этих слов все мои сомнения испаряются без следа. Я с глухим стуком ставлю дымящуюся миску на стол.

— Да пребудет всегда в избытке.

Он тяжело опускается на стул. В комнате воцаряется тишина, нарушаемая лишь стуком ложки и чавканьем — он затапливает конджи в рот с такой скоростью, словно кто-то собирается отобрать у него еду. Я нарочито медленно вожусь у плиты, проклиная правила приличия, которые обязывают домочадцев разделять трапезу, если они не заняты на работе.

Пока я тяну время, в мыслях всплывает образ Джонаса. Ярек ведь даже не знал моего брата-близнеца. Он без тени сомнения приговорил его к смерти на вершине Стены. Мой взгляд падает на нож у него на поясе, и я вспоминаю оленя, которого потрошила сегодня утром. Сколько времени мне понадобится, чтобы выхватить этот клинок из ножен и вонзить его Яреку прямо в горло?

Роуз! — я мысленно вскрикиваю, пугаясь собственных мыслей.

— Это что, яблоко? — Ярек поднимает на ложке кусочек плода, разглядывая его в тусклом свете, пробивающемся сквозь окно.

Я вздрагиваю, все еще не придя в себя от кровожадных фантазий.

— Да, — я с трудом сглатываю слюну и захожусь в кашле, поперхнувшись. — Нашла одно на земле. Не хотелось переводить сладость.

Когда его глаза вновь устремляются на меня, я прикусываю язык. Технически я не солгала.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Ярек внезапно ерзает на стуле. Неужели скользкий вяз уже начал действовать? Но нет — он просто запускает руку в карман и достает серый лоскут ткани размером не больше ладони.

— Если тебе хочется настоящей сладости, попробуй вот это. — Он кладет лоскут на стол и разворачивает его. Внутри оказываются четыре дюймовые трубочки из цветного стекла: красная, фиолетовая, зеленая и такого оттенка синего, какого я никогда прежде не видела.

— Давай, — подмигивает он. — Это зу-зу.

Помня о том, что я сама подмешала в его тарелку, мне меньше всего хочется пробовать то, что предлагает он. Но тяжелый, непреклонный взгляд его челюсти ясно дает понять: это приказ.

Я тянусь к зеленому кусочку, пораженная его цветом. Он яркий и чистый, словно витражное стекло в часовне. Запаха у него нет. Я кладу его в рот и зажмуриваюсь от подступившего восторга. Это концентрированная, медовая сладость кленового зу-зу, смешанная с какой-то кислинкой, от которой вкусовые рецепторы пускаются в пляс.

— То-то же, — вкрадчиво мурлычет Ярек. — Называется «ранчо-конфета».

Странное название.

— Это Пекари такое делают? — Я вынимаю конфету изо рта, с изумлением рассматривая блестящее зеленое лакомство. Бабушка будет в восторге.

— Это секрет между нами, — подмигивает он. — Кое-что, над чем работают некоторые из нас. Никому ни слова.

Это звучит неправильно.

— Но вы же поделитесь с остальными? Когда у вас будет достаточно?

Он тихо посмеивается:

— Разумеется. Какое же у тебя чуткое сердце. — Его лицо внезапно становится серьезным. — Твоя мать тоже была доброй. Знаешь, мы с Генриеттой были друзьями.

Мне категорически не нравится, как имя моей мамы звучит из его уст. Она никогда не упоминала Ярека, насколько я помню.

— Ген была особенной, — продолжает он, и его черты лица на миг смягчаются, а затем искажаются чем-то, что я готова принять за искреннюю скорбь. — Умная, бесстрашная, поразительная. — Его взгляд резко переключается на меня. — Ты унаследовала от нее что-то, кроме внешности?

Водопроводчик сегодня говорил нечто подобное, но от Ярека это звучит совсем иначе. Его слова, его интонация... мне до безумия хочется, чтобы на мне сейчас было надето еще как минимум два слоя одежды. Я поднимаю руки, чтобы потереть покрывшуюся гусиной кожей кожу, но вовремя останавливаюсь на уровне талии, просто обхватив себя за локти. По какой-то причине я не хочу, чтобы он видел, как сильно он меня напугал.

Сладость на языке мгновенно сменяется горечью. Так вот от чего мама и бабушка пытались меня защитить, умоляя не привлекать к себе внимания?

— Моя мать была намного мудрее, чем я когда-либо буду, — роняю я.

Он рассеянно кивает, после чего переводит тему так резко, что у меня начинает кружиться голова:

— Расскажи о своих знаниях. Ты разбираешься в травах, медицине, приготовлении снадобий. Смогла бы ты создать состав, от которого растение увянет так же быстро, как расцветает от удобрений?

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Странный вопрос. То, как пристально Ярек вглядывается в меня, заставляет мою кожу покрываться мурашками.

— Думаю, смогла бы, хотя Химики справились бы с такой задачей куда лучше.

Он собирается что-то добавить, но в этот момент дверь открывается, и в дом вваливаются Мизия и Гриффон, принося с собой запах улицы и сырости. На щеке Мизии красуется уродливая припухлость — глубокая, воспаленная царапина. Гриффон выглядит настороженным, его антрацитовые глаза так и снуют между отцом и мной.

— Опоздали к первому нормальному обеду за целую вечность, — Ярек откидывается на спинку стула. — Ну и парочка. Садитесь и узнайте, какова еда на вкус на самом деле.

Не знаю, кого именно он пытался задеть — домашние обязанности должны делиться между ними тремя, — но его слова явно бьют по живому.

— Что это? — сухо спрашивает Мисиа.

— Конджи из дикого риса, — отвечаю я, изо всех сил подавляя профессиональный аптекарский рефлекс предложить обработать ее рану.

— Пахнет не как обычный рис, — она подозрительно косится на плиту.

— Я добавила травы.

— Возможно, ты слышала о таких, — вставляет Ярек. — Они придают еде вкус.

А, так готовить здесь должна была Мизия. В школе на уроках истории нам рассказывали о канувшем в лету культурном укладе прошлого, когда женщины несли основное бремя домашних забот. Это казалось дикостью, учитывая, что партнеры вкладывали равные силы в свои ремесла, но в старой истории вообще мало что поддавалось логике.

— Полегче с мамой, — грубо обрывает отца Гриффон. — Она сказала, что ей пришлось прикончить... — он бросает на меня быстрый взгляд, — ...еще одно животное.

Лицо Ярека мгновенно наливается багровым цветом. Он резко подается вперед и замахивается кулаком на сына. Гриффон успевает уклониться от удара, но оказывается намертво прижат спиной к стене.

— Ты прекрасно знаешь, что не смеешь указывать мне, что делать, — цедит Ярек опасно низким голосом, не опуская занесенную руку.

И они так проводят каждый ужин? — мелькает у меня первая мысль. Второй становится мимолетная тревога за Гриффона. Но привычка переживать за него должна когда-нибудь пройти, верно? Я заставляю себя мысленно прокрутить кадр, где он швыряет Джонаса в Сборочную корзину, и это мгновенно отрезвляет. Я продолжаю наблюдать за этой безобразной семейной сценой Цзы с холодным, почти хирургическим бесстрашием.

— Этого следовало ожидать, — спокойно произносит Мизия, расстегивая пояс с мечом.

Я издалека изучаю ее травму: двухдюймовый порез, достаточно глубокий, чтобы наложить пару швов. Похоже, за Стеной действительно появилось то, с чем им приходится сражаться. Неужели я ошиблась, решив, что Питера убил человек, а не зверь? Но какое существо способно оставить те раны, что я видела на его теле?

Она небрежно бросает пояс на спинку стула и заканчивает мысль:

— Отличная тренировка перед важным днем.

Холодный липкий страх медленно сползает по моему позвоночнику. *Важный день.* Что, во имя Стены, это значит?

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

— И где на этот раз объявилась тварь? — спрашивает Ярек.

— Сам знаешь где, — сквозь зубы бросает она.

Воздух в комнате становится настолько густым, что тяжело дышать; между ними буквально искрит готовое вспыхнуть насилие. Но внезапно Ярек отпускает сына и коротко приказывает:

— Живо обратно в патруль.

А затем поворачивается к жене:

— Планшет заряжен для завтрашнего дня?

— Едва-едва, — отвечает Мизия, — но чтобы выставить его отсюда, хватит.

Завтра. Похороны Питера?

Ярек кивает:

— Тогда води меня к тому, что осталось от этого существа.

— Я могу собрать вам еду с собой, — произносит я, сама пугаясь собственной дерзости. — Она еще долго будет теплой.

— Давай, — командует Ярек.

Мои движения кажутся дергаными и неестественными, когда я переливаю конджи в стеклянную банку для консервации. Закрутив крышку, я протягиваю ее ему. Гриффон смотрит на меня с каким-то немым ожиданием, и я опускаю глаза. Если бы я только что не увидела, как отец обходится с ним, я бы с превеликим удовольствием налила ему порцию нашего «помойного супа». Но сейчас я понимаю, что больше не хочу этого делать.

Ярек, решив, что я просто обделяю Гриффона едой из вредности, издевательски смеется над сыном:

— Твоя женушка не слишком-то тебя жалует, а?

— Она мне не жена, — отрезает Гриффон, и его лицо мгновенно превращается в каменную маску. Он размашистым шагом подходит к хлебнице, хватает маленькую буханку, которая, судя по всему, черствая как камень, и с шумом вылетает за дверь.

— Что ж, — произносит Мизия, сужая глаза. — Так дело не пойдет, верно? Твое пренебрежение к нареченному недопустимо, Роуз. После свадьбы все наладится. Я думала подождать, но, пожалуй, нам стоит перенести церемонию на более ранний срок. Что скажешь?

В груди отзывается неожиданно острая, колющая боль. Я ведь любила Гриффон, той чистой, детской любовью, еще до нашей официальной помолвки. Но Мизия предлагает мне совсем не того мальчика, которого я знала. Между тем добрым другом из детства и этим жестким, холодным человеком, который отправил моего брата на плаху, пролегла непреодолимая пропасть. С этим новым Гриффоном, выросшим недоверчивым и чужим, я хочу оттягивать неизбежное до последнего вздоха.

— Это звучит замечательно, — выдавливаю я, натягивая фальшивую улыбку. — Хотите, я соберу конджи и для вас?

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 21

Я не знаю, как именно прошел вечер для Ярека после отвара скользкого вяза, но Мизия устроила ночью в ванной столько шума, что вырвала меня из глубокого сна. Я покосилась на пол, высматривая Гриффона, но его там не было, и я снова закрыла глаза. Когда я открыла их в следующий раз, рассветная палитра неба подсказала, что близится утро, а Гриффона все еще не было. Два утра подряд Страж уходит так, что я даже не замечаю. Мне это совсем не по душе. Пожалуй, стоит повесить на него колокольчик.

Я лежу в постели еще несколько секунд, прислушиваясь к кукареканью петухов и вспоминая сон, который мне только что снился.

В нем была моя мама.

Она вела меня сквозь лес, что-то настойчиво шепча мне на ухо. Я касаюсь своей щеки — сон был настолько реальным, что я почти физически ощущаю тепло ее дыхания. Я смахиваю слезы, скопившиеся в уголках глаз. Увидеть ее лицо так четко было настоящим даром. Хоть бы и Джонас навестил меня во сне. Я сажусь на постели, задаваясь вопросом: что происходит со скорбью, которую нам не дают высказать? Почему мы не можем открыто признать потерю тех, кого Собрали, и одновременно с этим оставаться опорой для нашей общины?

Эти опасные мысли примыкают к остальным, что одолевают меня с тех пор, как моя семья была разрушена. Как же быстро может измениться девушка. Я прошла путь от неприятия одной лишь директивы об уходе за стариками до сомнений во всей системе Долины в целом.

Я быстро одеваюсь на случай, если Гриффон переступит порог.

Когда спускаюсь, Мизия уже внизу; ее волосы влажные после утреннего мытья, сама она одета в простую тунику из домотканой шерсти и брюки — одежду, которую мы все носим в часовню. Опухоль на ее щеке спала по сравнению со вчерашним днем, а царапина покрылась корочкой.

— Я не видела тебя вчера в ванной, — говорит она, скрещивая руки на груди.

Мои губы подергиваются.

— Прости?

— Со вчерашним конджи было что-то не так. Ты его ела?

— Конечно, — бросаю я.

Вот только я его не ела. Я притворно суежилась на кухне, пока они с Яреком не ушли, прихватив свои банки с рисовым супом. Затем я вскипятила немного воды в ковшике, бросила туда овсяные хлопья и твердую корку овечьего сыра. Я была так голодна, что обожгла язык, заглатывая еду. Начисто отскребя ковшик, я выбросила остатки конджи в компост, хорошенько перемешала и вымыла гору посуды, чтобы замести следы.

Мизия продолжает пристально изучать меня. Я подхожу ближе. От нее пахнет медовым лосьоном, который делают в Доме Пчеловодов. Раньше каждой семье выделяли по флакону на сезон, но это было до того, как поля и ульи закрыли. Я не чувствовала этого запаха уже несколько месяцев.

— Сейчас ходит какой-то желудочный грипп, — лгу я, прижимая тыльную сторону запястья к ее лбу, чтобы проверить температуру, которой, я знаю, там нет. — Я сама мучилась с ним на днях. Давай я сделаю тебе чай и тост, чтобы успокоить желудок.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Я буквально спиной чувствую ее сверлящий взгляд, пока готовлю завтрак, но она не произносит ни слова. Молчит она и тогда, когда Ярек с Гриффоном вваливаются в дом, изможденные после, судя по всему, полной ночи патрулирования. Ярек выглядит особенно осунувшимся и желчным, и я ощущаю злой укол удовлетворения. Оба мужчины поднимаются наверх, чтобы переодеться в праздничную одежду для часовни.

Моя мимолетная радость улетучивается, едва Глашатай проходит по нашему переулку, объявляя, что перед сегодняшней проповедью состоятся похороны, и всем надлежит немедленно собраться у Врат Эдема.

Мы с Цзы выходим в прохладный, пахнущий дровяным дымом утренний воздух, и наше дыхание вырывается изо рта белыми облачками. На небе, наконец, решает показаться солнце. Я держу голову опущенной, пока жители деревни нескончаемым потоком выходят из своих домов и устремляются к площади. Все мы останавливаемся на таком расстоянии от Врат, какое официально дозволено правилами. Поскольку Цзы живут в Доме Стражей, предназначенном для охраны центра города, нам четверым идти ближе всех.

Сборочная корзина парит над самой землей, вплотную к Стене, уже принимая свою ношу. При этом зрелище у меня переворачивается всё внутри. Завернутое тело Питера должны были возложить туда во время самой церемонии, а не до нее — еще одно нарушение традиций, от которого у меня зубы сводит. Абсолютно все в происходящем кажется неправильным. Говорят, что подъем к Вратам — это священный путь, возвращение на Небеса, воссоединение с божественным. Но теперь я видела достаточно, чтобы подвергать их слова сомнению.

Судья уже стоит на помосте; ее темная кожа блестит в лучах утреннего света, а мантии колышутся, словно чернила в воде. Ее голос разносится над толпой с привычной властностью, хотя даже она кажется слегка взбудораженной, вероятно, из-за поспешного характера этих похорон.

— Мы вверяем душу Питера Мартинеса Эдему, — возглашает она. — Да очистит восхождение нашего брата; да вознесут его к небу солнце, вода и Стена.

Семья Гончаров стоит чуть поодаль, прижимаясь друг к другу, их плечи содрогаются от рыданий. Магдалина, мать Питера, утыкается лицом в грудь мужа, ее пальцы судорожно впиваются в его тунику, словно она пытается вырвать боль из собственного сердца и похоронить ее в нем. Питер был их старшим сыном, несомненно, горячо любимым. Я снова перевожу взгляд на очертания тела в корзине и тяжело слатываю, вспоминая, как он выглядел вчера. Словно бледная ягода, иссохшая на солнце. Чуть ниже ребер разливается глухая пустота.

Я заставляю свои ноги идти к Гончарам, держа голову как можно ниже, чтобы меня не заметил Ярек. Из-за сковавшего меня страха я едва не лишаюсь дара речи, но мне необходимо поговорить с ними.

— Мне так жаль, — произношу я, и мой голос срывается, когда я встаю рядом.

Магдалина поднимает на меня пустые глаза, ее губы приоткрываются, словно она хочет что-то сказать, но слова не идут. Шоджи, ее муж, откашливается; его голос звучит хрипло и глухо:

— Питер просто пошел за инструментами. Только за инструментами. Он проделывал это десяток раз с тех пор, как нам пришлось покинуть наш район. Десяток раз, и никогда ничего не... — Его речь обрывается рыданием, тело словно складывается пополам, рушась изнутри. — Я сам попросил его сходить туда.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

Что-то внутри меня окончательно раскалывается. Я ищу глазами Ярека. Его нигде не видно. Как и Мизии.

— Совет сказал нам, — едва слышно шепчет Магдалина, и ее голос сочится невыразимой мукой. — Они сказали, что его нужно закрыть... из-за того, что с ним сделал зверь. — Ее взгляд испуганно метается к корзине, лицо искажается от боли.

Мои щеки горят огнем. Я онемело киваю.

Голос Судьи взмывает ввысь, над площадью разносится гимн, слова которого одновременно древние и умиротворяющие. Толпа подхватывает мотив, сливаясь в едином хоре общей скорби. Пока мы поем, Ярек поднимается на помост к Судье, его руки уверенно и быстро ложатся на планшет. Он нажимает на экран, и корзина начинает свой подъем по Вратам Эдема, с тихим жужжанием устремляясь к небу.

Выше, выше, выше — подъемник работает идеально, даже несмотря на отсутствие выломанного куска защитной панели. Внезапное озарение бьет меня как разряд тока: так вот почему кресло Альберта способно парить! Он не просто украл солнечную батарею — он похитил фрагмент наших самых священных технологий! Но вспышка раздражения тут же тонет в новой волне горя, пока я наблюдаю, как останки Питера исчезают в вышине, поглощенные хмурым утренним небом.

Все кончено. Еще одного ребенка Долины больше нет.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 22

Я возвращаюсь к Цзы, чтобы вместе пойти в часовню, как это и заведено у семей в Долине.

Нас с детства учат, что наша часовня была возведена из мрамора, добытого за океаном — огромным массивом соленой воды. Скромные мазанки, выстроившиеся вдоль площади, выглядят на ее фоне убогими тесными коробками.

Самая впечатляющая деталь часовни — ее башня, взмывающая вверх почти на четыре этажа, что вдвое выше любого другого строения внутри Стены. Внутри, за окнами из витражного стекла, скрывается массивный колокол. В священных лучах Солнца эти стекла полыхают багровым, зеленым и золотым.

Ярек и Мизия возглавляют наше шествие вверх по каменным ступеням, окруженные гулом сотен голосов — вся деревня чинно тянется внутрь. Они оба держатся подчеркнуто прямо и зажато. Я замечаю, что Гриффон идет точно так же, и тут же инстинктивно расправляю плечи, пытаюсь соответствовать.

Кто-то в толпе толкает меня, я теряю равновесие и налетаю на Гриффона. Он резко отпрядывает. Я конфузливо втягиваю голову в плечи, привычным жестом дергая прядь волос вперед, чтобы скрыть ту сторону лица, где алеет родимое пятно. Мой нареченный не выносит даже случайного прикосновения ко мне.

Мне должно быть плевать на то, что я внушаю ему отвращение, но мне не плевать, и это начинает злить. Я оборачиваюсь, чтобы испепелить взглядом того, кто меня толкнул, и вижу Ээро. Его волосы гладко зачесаны назад, но вихор на макушке все равно вырвался и торчит торчком, болезненно напоминая мне о Джонасе. Я силой выталкиваю эту мысль из головы.

«Прости», — одними губами произносит Ээро.

Я коротко киваю.

Формально мы вольны садиться куда угодно, но со временем каждый Дом закрепил за собой определенный пятачок. Службы могут длиться до четырех часов, и случаи, когда кому-то требуется срочная медицинская помощь, не редкость, поэтому Аптекари испокон веков занимали задние ряды. Оттуда удобнее всего наблюдать за соседями.

Стражи же всегда занимают самую первую скамью.

Когда мы шествуем по центральному проходу, меня охватывает нечто вроде страха сцены. Я замечаю дядю Ричарда, который пытается поймать мой взгляд и ободряюще улыбнуться, но мне слишком паршиво, чтобы улыбнуться в ответ. Мы доходим до самого алтаря. Ярек садится с краю, у прохода, затем Мизия, следом Гриффон, и, наконец, я. Нас отделяет меньше пятнадцати футов свободного пространства от подиума, где в ярко-красных облачениях стоят Судья, ее муж и трое их детей.

Когда все расселись и в часовне воцарилась тишина, глубокая, как сон, Судья начинает говорить. Ее голос гулко разносится под сводами:

— Приветствую всех. Мне отрадно видеть ваши лица в этот святой день, когда мы собрались, чтобы прославить нашу жизнь, нашу любовь и нашу общину, особенно после столь тяжелой утраты. Прежде чем я начну, есть ли у кого-нибудь объявления?

Обычно это самая короткая и приятная часть службы. Жители делятся новостями о рождениях и бракосочетаниях, сообщают о разных бытовых мелочах, ведь воскресная служба — наша единственная регулярная встреча. Почти всегда отсюда

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

звучат хорошие вести, но когда Мизия поднимается со своего места, Гриффон рядом со мной заметно каменеет.

Он что-то знает?

Мизия поворачивается к прихожанам, ее лицо сурово и непреклонно:

— Я хочу объявить, что мой сын Гриффон сочетается браком с Роуз Олгуд сегодня, прямо здесь, в часовне.

У меня отвисает челюсть.

Гриффон подскакивает как ужаленный.

— Нет! — кричит он на всю часовню.

Его мускулы напряжены, каждая линия тела дышит яростью, щеки пылают, а грудь тяжело вздымается. Он никогда не выглядел более живым — и более невыносимо красивым, — и от этого укол его публичного отказа бьет еще сильнее.

За спиной кто-то прыскает со смеху. Марина? Внутри у меня все горит от стыда. Если бы от унижения можно было умереть, я бы уже валялась мертвой на этом мраморном полу. А потом воскресла бы, чтобы утащить Гриффона за собой в преисподнюю.

Последние крупитцы детской привязанности, которые я еще лелеяла к нему, окончательно и безвозвратно выгорают дотла. И я ловлю себя на мысли, что даже рада этому. Так проще. Так чище.

Мизия резко разворачивается к сыну, ее глаза сужаются в щелки:

— Она твоя нареченная.

Даже сквозь пелену собственного позора я отчетливо вижу, как гневно перекосило челюсть Судьи у алтаря. Она единственная Верховная Жрица, которую я знаю. Ее дети и муж руководят пением гимнов и зажигают свечи, они оказывают поддержку и дают советы вне стен церкви, но только она имеет право проводить таинства.

— Не тебе назначать свадьбы, Артемизия Цзы, — чистый, звенящий голос Судьи разносится над притихшей толпой.

Поскольку Гриффон все еще стоит, мне отлично виден Ярек. Его рука медленно ползет к ножу с перламутровой рукояткой на поясе, и я вздрагиваю, вспоминая кровь, хлеставшую из обрубка пальца Венди. Судья, должно быть, тоже замечает это угрожающее движение, ее губы сжимаются в тонкую линию, но голос остается твердым.

— Для подобного торжества необходимы соответствующие приготовления, — продолжает она, выпрямив спину. — Наши предки были мудры, вплетая строгий порядок и празднества в наши будни. Мы не станем нарушать их устои. — Она сужает глаза, задавая вопрос, который в нашей общине звучит почти как приговор: — Или ты сомневаешься в воле наших благословенных Основателей?

У меня под ложечкой засасывает. Мизия переглядывается с Яреком. Я не замечаю никаких мимических изменений на его лице, но она, должно быть, считывает какой-то одной ей понятный знак, потому что ее воинственная поза едва заметно смягчается.

— Простите меня, — произносит Мизия, глядя на Судью. Ей каким-то образом удается сделать так, что ее покорность звучит как завуалированная угроза. — Вы, безусловно, правы. Пожалуй, стоит подождать еще пару погожих, солнечных дней, чтобы провести свадьбу. Благословить ее истинным триумфом.

Она опускается на скамью, Гриффон тоже садится, пряча лицо в ладонях. Судья буравит Мизию тяжелым взглядом еще три долгих удара сердца, прежде чем начать

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

проповедь с традиционных слов: *«Омытые Солнцем, укорененные в Почве, напоенные Небом...»*

Я сижу в состоянии глубокого шока и не слышу ни единого слова. *Еще пару солнечных дней?* Теперь, когда ее первоначальный план провалился, Мизия хочет дожидаться, пока планшет зарядится полностью! Они ведь не могут планировать еще один Сбор так скоро после Джонаса? И уж точно не в день моей свадьбы, ради всех дождей мира! Деревня этого просто не потерпит, начнется бунт. Но что еще она могла иметь в виду?

В памяти сами собой всплывают вчерашние слова Мизии, которые она обронила по поводу напавшего на нее «зверя»:

«Отличная тренировка перед важным днем».

Интуиция подсказывает мне, что я, сама того не желая, снова окажусь в самом эпицентре того, что они замышляют.

Подвал часовни имеет ту же внушительную площадь, что и верхнее помещение, хотя его убранство куда более аскетично. Потолки здесь низкие, стены и пол выложены простым серым гранитом. Почти все пространство заставлено длинными сосновыми столами и стульями, за исключением небольшого кухонного уголка в глубине. Помимо обедов после служб, мы устраиваем здесь праздники, когда на улице слишком холодно или дождливо.

Спускаясь по лестнице, я зло шиплю Гриффону в спину:

— Тебе обязательно было позорить меня перед всеми?

Всю оставшуюся часть проповеди я сидела, кипя от злости рядом с ним, главным образом для того, чтобы не разреветься. Можно подумать, за эти годы я должна была привыкнуть и обзавестись толстой кожей. Но сколько бы раз Гриффон, Марина и все остальные в этой проклятой деревне ни отвергали меня, это каждый раз бьет под дых с неослабевающей, сучьей силой.

Он хмурится, не глядя на меня:

— Ты сама не хочешь выходить за меня.

— Ты тоже не хочешь жениться на мне! — цежу я. — И какое это имеет отношение к делу? Наш союз одобрен законом, Гриффон. Нам от этого не отвертеться. — Если бы можно было, я бы до сих пор работала в Аптеке.

Он бросает на меня быстрый, колкий взгляд, полный опасных искр:

— Ну конечно, мы ведь никогда не посмеем сделать собственный выбор, верно?

После чего он разворачивается и уходит к Леонидасу, сразу же роняя какую-то фразу, от которой его друг покатывается со смеху. Обида, которая на самом деле является уязвленной гордостью, обвивает меня изнутри, словно ядовитый плющ.

Ярек и Мизия, спустившиеся вниз раньше нас, ведут бурную дискуссию с Пересом и Боудиккой Кхан из западного Дома Стражей — родителями Леонидаса. Они выглядят как брат и сестра, хотя я точно знаю, что это не так. При подборе брачных партнеров кровное родство отслеживается с маниакальной строгостью; Дом Хранителей Записей ведет дотошные генеалогические древа на этот счет. И Перес, и Боудикка — приземистые, крепко сбитые, с черными волосами до плеч, густыми бровями и светло-кариими глазами. Перес к тому же носит окладистую бороду и усы. Во время разговора вся четверка то и дело бросает взгляды в мою сторону. Да и вообще, кажется, половина подвала украдкой пялится на меня.

Что ж, Роуз Олгуд снова в центре внимания. Потрясающе.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Я плетусь к столу раздачи, чтобы налить себе миску рагу с сушеной смородиной, хотя сейчас скорее смогла бы проглотить собственные волосы. Иронично: еще прошлым вечером я молилась о том, чтобы свадьбу отложили, лишь бы не делить постель с Гриффоном. Но втихомолку надеяться на отсрочку и получить публичную пощечину от нареченного, которого ты когда-то в девичьих грезах мечтала поцеловать, — это совершенно разные вещи. Выходка Гриффона и этот их зловеющий план устроить Сбор в день нашей новой свадьбы обрушились на меня оглушительным ударом.

— Завтра займешься переписью.

Я вздрагиваю. Я так глубоко ушла в свои невеселые мысли, что не заметила, как Мизия отделилась от своей группы и подошла ко мне.

— Простите?

Она брезгливо кривит нос:

— Мы не потерпим, чтобы ты слонялась без дела по нашему дому. От безделья одни неприятности. Раз уж свадьба сегодня не состоялась, будешь работать. Мы решили, что ты поможешь Хранителям Записей.

Ежегодная перепись населения — залог нашего выживания. Ее проведение — самая важная и священная обязанность Дома Хранителей Записей. Я перевожу взгляд на Ярека, Боудикку и Переса.

— Хранитель Записей согласен на это? — формулирую я это как вопрос, все еще не веря своим ушам. Выполнение работы чужого Дома без чрезвычайного положения — это нонсенс. Это подрывает сами основы устройства нашей общины.

— Все уже решено, — отрезает она.

Она не ответила на мой вопрос, ушла от ответа. Кожу на затылке начинает покалывать от нехорошего предчувствия. Что, если Ярек и Мизия пытаются заманить меня в ловушку? Вынудить нарушить закон, чтобы у них появился легальный повод отправить меня на Сбор? Пока я пытаюсь увязать это в голове, она подзывает Марину.

На Марине точно такое же простое серое платье, как и на всех нас, но она умудряется в нем сиять. Ее волосы уложены безупречными каскадными волнами, а темно-синие глаза блестят, как драгоценные камни.

— Какая жалость, Роуз, — тянет она, и ее губы мелко дрожат от едва сдерживаемого смеха. — Твой суженый так публично и так демонстративно пошел на попятную.

— Довольно, — обрывает ее Мизия. Прежде чем я успеваю решить, была ли это защита с ее стороны, она продолжает: — Роуз будет помогать твоему Дому проводить перепись в этом году.

— Она нам не нужна! — тут же протестует Марина.

Мне казалось, что хуже чувствовать себя уже невозможно. Оказывается, возможно.

— Я не спрашивала твоего мнения, — ледяным тоном произносит Мизия. — Но если ты хочешь, чтобы сюда подошел Ярек и повторил приказ лично, я могу его позвать.

Я не настолько глупа, чтобы радоваться тому, как осадил мою обидчицу, и упустить из виду главное: тектонический сдвиг в иерархии Долины. Страж не имеет права командовать делами другого Дома. И раз гордая Марина не смеет больше спорить, я начинаю подозревать, что подобное самоуправство происходит уже далеко не в первый раз.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

— Ладно, — бурчит Марина, морща нос в мою сторону. — Завтра будешь ходить от дома к дому и собирать данные. Сразу предупреждаю: работа скучная, холодная, и писать придется очень много. — Она невинно наклоняет голову набок: — Ты ведь умеешь писать, верно?

Она явно пытается меня уязвить, но в этот момент до меня доходит потрясающая, ошеломительная мысль. Хранители Записей заходят в *каждый* дом со своими опросными листами. Они ходят без конвоя и могут беспрепятственно перемещаться по всей деревне.

Мизия думает, что наказывает меня этой рутинной, пытается занять меня пустой работой, чтобы я не путалась у них под ногами до начала официальных тренировок Стражей. Но сама того не ведая, она только что вручила мне идеальное прикрытие для расследования убийства моей матери.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 23

Марина пытается избавиться от меня сразу после того, как Мисиа объявляет, что я буду помогать с переписью, но у меня нет ни малейшего желания возвращаться в коттедж Тзу ни на секунду раньше положенного. К тому же, мне кровь из носа нужно попасть в хранилище. Я следую за ней на улицу, поплотнее запахивая плащ.

— Марина, — окликаю я её, — я бы хотела начать подготовку к завтрашней работе уже сегодня.

Она ускоряет шаг, бросая через плечо:

— В этом нет необходимости. — В её голосе отчетливо слышится раздражение. — Твоя часть работы не требует никакого планирования.

— Это важная задача. Я хочу выполнить её хорошо, — настаиваю я, торопливо пристраиваясь рядом. — Если я хотя бы мельком взгляну на прошлогоднюю перепись, это поможет мне мысленно настроиться.

Она награждает меня испепеляющим взглядом, но возразить ей нечего: я не дала ей ни единого повода для спора.

— Плевать, — цедит она. — Но ко мне зайдёт Лозен, так что мне будет не до тебя. Может, Саймон поможет.

Даже лучше. Если уж мне приходится иметь дело с детьми Хранителя Записей, я стою предпочитая Саймона Марине. К тому же, я только что видела, как он разговаривал с Ээро в часовне. Если я потороплюсь, а Лозен отвлечет Марину, у меня появится шанс проскользнуть в подвал без лишних глаз.

Марина идет, высоко вскинув подбородок и напряженно поджав плечи. Я думаю, что мы так и дойдем в полном молчании, но вдруг она роняет:

— Тебе повезло, что твоя вторая свадьба выпадет на солнечный день. — В её тоне сквозит утрюмая зависть.

— А тебе повезло, что твой брат всё ещё с тобой, — отзываюсь я просто ради того, чтобы хоть что-то сказать. Мои мысли в этот момент заняты исключительно планом проникновения в подвал, как только мы доберемся до её дома.

Марина резко останавливается, её глаза вспыхивают яростью:

— Повезло?

Мне требуется секунда, чтобы осознать, что именно я только что ляпнула. Сердце пропускает удар. Внутри я могу разваливаться на части сколько угодно, но сейчас слишком опасные времена, чтобы демонстрировать это вслух.

— Я знаю, как сильно ты его любишь, — слова спотыкаются друг о друга, пока я пытаюсь исправить положение. — Я только это и имела в виду.

Её губы кривятся в высокомерной усмешке:

— Быть выбранным для Сбора — это великая честь, разве ты не согласна?

Я киваю, чувствуя, как бешено колотится сердце:

— Разумеется. — Я громко сглатываю. — Мы должны уповать на Стену.

Похоже, она хочет добавить что-то ещё, но вместо этого молча возобновляет шаг. До самого дома мы не произносим ни слова. У крыльца нас встречает Лозен — она лениво подпирает спиной стену коттеджа, уперев одну ногу в каменную кладку. Она приходится Леонидасу сестрой, но имеет мало общего как с ним, так и с их родителями. У неё длинные волнистые волосы, на первый взгляд каштановые, хотя я видела, как на солнце они отливают ярко-рыжим. Но самая примечательная черта её лица — это рот, уголки которого всегда приподняты, словно она знает какую-то

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

восхитительную тайну. Я не помню, чтобы она когда-то входила в близкий круг Марины, однако за последние недели на праздниках и в часовне эти двое подозрительно часто держались вместе.

— Роуз Олгуд, — произносит Лозен, отталкиваясь от стены. — Марина не предупреждала, что ты приглашена на наше дневное чаепитие.

— Она и не приглашена, — отрезает Марина. — Сама увязалась. Мисиа хочет, чтобы она завтра помогала мне с переписью.

Лозен ухмыляется:

— Не обязательно говорить об этом с такой кислой миной.

Я затаила дыхание. Никогда в жизни я не видела, чтобы кто-то осмеливался так разговаривать с Мариной Сейнгальт, включая её собственного отца.

— Да пошла ты, — бросает Марина, протискиваясь мимо Лозен в дом. Впрочем, в её словах нет настоящей злобы, и я беру себе на заметку этот урок: кажется, я только что узнала, как именно нужно себя с ней вести.

— После тебя, — говорит Лозен, отступая в сторону. Стоит нам оказаться внутри, как она без лишних предисловий переходит в лобовую атаку: — Ну так что, вы переспали? — спрашивает она, бесцеремонно плюхаясь на диван. Её глаза блестят, а на губах играет всё та же хитрая, лукавая улыбка. — Ты и Гриффон?

Марина задавала мне почти такой же вопрос сразу после Сбора Джонаса.

— Не твоё дело, — отчеканиваю я. Слова должны звучать уверенно, но мой голос предательски дрожит.

Лозен запрокидывает голову и заливается звонким лаем смеха:

— Ладно-ладно, цыплёнок. Не моё так не моё.

Марина садится рядом с ней, изящно скрестив ноги в лодыжках:

— Жаль только, что он тебя ненавидит.

— В часовне была эпичная сцена, — подливает масла в огонь Лозен, не теряя своей улыбки. — Можно подумать, его насильно женят на собственной матери. Как думаешь, что он выкинет в день настоящей свадьбы?

Лозен на два года младше меня, но умудряется заставить меня чувствовать себя неразумным ребенком.

— Думаю, это не имеет значения, — отрезаю я, сытая по горло этим разговором. Пусть думают, что хотят. Я тру переносицу. — Я бы хотела просмотреть прошлогоднюю перепись. Она в библиотеке?

— Да, — бросает Марина, разглаживая складки на тунике. — Думаю, сама дорогу найдешь. Пойдём наверх, Лозен. Я хочу показать тебе то, что у меня в комнате.

Лозен, кажется, уходит с неохотой. Её излишний интерес к моей персоне начинает серьезно тревожить. Поддавшись внезапной вспышке раздражения, я пристально смотрю ей прямо в глаза, затягивая паузу далеко за пределы приличия. Она сдаётся первой — подмигивает мне, соскакивает с дивана и устремляется вслед за Мариной вверх по лестнице.

— Я вижу тебя, Роуз, — доносится её голос уже со ступеней. — Твою настоящую суть.

Черта с два ты что-то видишь, — думаю я, направляясь к той части коттеджа, где располагается библиотека. Я даже не утруждаю себя притворными поисками документов по переписи. В моей голове набатом бьют предсмертные слова Джонаса:

«Всё совсем не так, как ты думаешь. Иди в хранилище».

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

Теперь, когда я стою на пороге прямого нарушения закона, пульс бешено колотится где-то в районе горла. Подозреваю, что Джонас сам спускался туда лишь однажды — он никогда не упоминал о хранилище до нашего последнего разговора.

Глухая, ноющая боль потери вновь прошивает меня насквозь — фантомная травма на месте, где когда-то была моя семья. Вместе с этой болью приходит отчетливое, яркое воспоминание: мама учит нас с Джонасом плавать. Отца к тому времени уже не стало, но это был один из тех редких дней, когда тетя Флоренс, дядя Ричард и Гран согласились полностью взять на себя аптечные дела, и мы устроили себе выходной. День выдался жарким и солнечным, вода была восхитительно прохладной. Я сразу же освоилась на глубине, а вот Джонас шел на дно как топор. Мама тогда пошутила, что его надо было назвать Галькой, на что он парировал: «Тогда тебя надо звать Горой, раз я из тебя получился». Это было так глупо и по-детски наивно, что мы хохотали до коликов в животе.

Это воспоминание буквально перехватывает мне горло.

Я судорожно сжимаю в кармане Счастливого Кролика, косясь в сторону жилых комнат семьи Хранителя Записей. Сверху доносится приглушенный смех Лозен и Марины — они явно чем-то увлечены. Саймон, если повезет, все еще болтает с Ээро. Где их отец, Дэвид, я понятия не имею, но по дороге из часовни мы его не встретили.

Безопасного момента не будет никогда. Нужно действовать сейчас.

Я решительно пересекаю библиотеку, пока остатки смелости окончательно не испарились. Нам рассказывали, что когда-то общие книги деревни хранились в часовне, но три поколения назад Совет Старейшин постановил перенести их в пристройку к дому Хранителя Записей, чтобы честно распределить обязанности — ведь у Хранителя, помимо переписи, других забот почти не было. И только благодаря этой перепланировке обычный человек вообще может легально подойти так близко к дверям самой секретной комнаты во всей Долине Ноя.

Деревянный пол тихонько поскрипывает под моими шагами. В такую прохладную погоду воскресный день идеально подошел бы для того, чтобы свернуться калачиком в кресле с хорошей книгой (что всегда поощрялось общиной), но все мои мысли сосредоточены на двери подвала. Она встроена прямо в книжные стеллажи и сделана из древесины, которая не растет в черте Стены — из кроваво-красного красного дерева, стянутого тяжелыми металлическими полосами. Вместо привычной ручки в самом центре красуется массивное кованое стальное кольцо.

Перешагивая через барьеры из многолетних догм и запретов, я протягиваю руку и хватаюсь за металл. Кольцо обжигает ладонь холодом.

Я тяну его на себя. Но дверь даже не шевелится.

— Его нужно повернуть, — раздается из-за моей спины тихий голос.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 24

Я разворачиваюсь так резко, что едва не теряю равновесие. Дэвид Сейнгалт, отец Саймона и Марины, стоит в дверном проеме, ведущем в их жилые комнаты. Этого просто не может быть. Я не слышала, чтобы входная дверь открывалась. Неужели он все это время находился на кухне или в своей спальне? И как ему удалось подобраться ко мне настолько бесшумно с гипсом на ноге?

— Я ищу материалы для переписи! — выпаливаю я.

Ложь вполне сносная, вот только я зачем-то её прокричала.

Дэвид удивленно приподнимает бровь. Это поджарый, худощавый до скелетоподобного состояния мужчина, если не считать его круглого, выпирающего живота. Те редкие разы, когда мне доводилось стоять с ним рядом, моё внимание неизменно привлекал его специфический лекарственный запах, а также тонкие усики, которые он носит, словно живая черная гусеница, устроившаяся на его верхней губе. Джонас однажды признался мне, что они с Саймоном называют это «надгубной бровью» Дэвида. Мне тогда совсем не хотелось смеяться, но я не сдержалась. Сейчас это воспоминание немного разряжает обстановку: я мысленно представляю бровь, растущую прямо под носом Хранителя Записей.

— Ручка, — произносит он, указывая на дверь хранилища. — Её нужно повернуть, а затем потянуть на себя. Разумеется, когда она не заперта. А она всегда заперта. — Он слегка наклоняет голову. — И все же, зачем тебе понадобились материалы переписи?

Я крепко сцепляю пальцы перед собой, заставляя свое сердце унять сумасшедший бег. В конце концов, коснуться дверной ручки — это ведь не преступление, верно?

— Мисиа поручила мне помогать вам, — отвечаю я.

Лицо Дэвида мгновенно бледнеет, с него словно скатывается вся краска.

— Ярек знает об этом?

Я теряюсь от такого вопроса. Разве его не должно больше волновать то, что с ним самим никто не посоветовался?

— Полагаю, да.

Дэвид устало проводит ладонью по лицу и тяжело вздыхает:

— Раньше в наших краях всё было как-то понятнее, не находишь? — Его рука опускается, и он встречается со мной взглядом. В его глазах сквозит что-то незащитное, растерянное и глубоко неуверенное. — Как думаешь, Роуз... как поступил бы Кирби на моем месте, будь он все еще с нами?

Я открываю рот, но так и не нахожу, что сказать. Зачем он вспоминает моего отца?

— Забудь, — с грустной улыбкой качает головой Дэвид. — Хранителям Записей во время переписи лишние руки никогда не помешают.

Я все еще стою как вкопанная перед дверью в хранилище. Понятно, что сейчас туда не пробраться — не с Дэвидом за спиной.

— Пожалуй, мне пора, — говорю я. — Вернусь завтра.

Из вежливости он предлагает мне чаю, но я отказываюсь: мне хочется сбежать из этого коттеджа как можно скорее. Я обязательно проникну в это хранилище, но раз уж мне нужен ключ, теперь мне необходим четкий план. Лучший вариант — убедить Саймона впустить меня, точно так же, как это сделал Джонас. Но это придется отложить.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Я направляюсь к аптекарскому коттеджу, чтобы провести Гран. Уже занеся руку для стука, я передумываю и решаю сначала заглянуть в окно. Тети Флоренс и дяди Ричарда нигде не видно — скорее всего, ушли на обход. На них двоих сейчас навалилась гора работы, ведь в Долине осталось всего два практикующих Аптекаря. Подозреваю, что их Дом окажется первым в списке, если в каком-то другом перенаселенном семействе родится ребенок или кто-то останется сиротой. Подобное случается редко, но все же бывает.

Гран спит в своем кресле перед камином. Я прислушиваюсь к её дыханию: оно ровное, спокойное, размеренное. Мне не хочется её будить, хотя внутри меня зреет отчаянное, щемящее желание поделиться с ней тем, что у меня, кажется, появился шанс найти единомышленников. С другой стороны, если я расскажу ей про тренировочную группу Гриффона, это только заставит её лишний раз волноваться. Чем меньше людей знает об этом, тем лучше.

Гриффон.

Мысли невольно возвращаются к сегодняшнему утру. Я прекрасно понимаю, что сейчас у меня есть проблемы посерьезнее, но сцена того, как он публично отвергает меня перед всей общиной, намертво выжжена в моей памяти. И что самое паршивое — это не мешает мне помнить, как чертовски хорошо он выглядел в этот момент. Придурок.

Уткнувшись взглядом в землю, я бреду к дому Тзу. Раньше воскресенья были моими любимыми днями недели. В Доме Аптекарей у нас почти не бывало свободного времени, но то, что оно было у большинства остальных жителей, придавало всей Долине атмосферу тихого праздника. Вот я прохожу мимо пожилой Эвдоры из Дома Астрономов: она всматривается в небо, и её серебряные волосы ловят солнечные лучи, вспыхивая подобием нимба. Чуть дальше я улыбаюсь добродушному Томасу из Дома Животноводов, который со спокойной уверенностью ведет своих коз. Эти люди — мой народ — продолжают жить своей привычной жизнью, словно мир вокруг них не рушится на куски. Мысль о том, что я могу потерять кого-то из них, что этот убийца заберет еще одну дорогую мне душу, заставляет внутри меня подняться волне яростной, защитной решимости. Я ускоряю шаг, упрямо сжав челюсти. Кто бы ни стоял за всем этим, он больше не получит шанса никому навредить. Я этого не позволю.

— Есть кто-нибудь? — спрашиваю я, переступая порог коттеджа Тзу. Запах испорченной еды бьет в нос — кажется, он стал еще сильнее, чем был утром, когда мы уходили на похороны. — Эй?

В ответ тишина.

Я оказалась заперта между двумя Домами. Работа по переписи начнется только завтра, для чтения книги я слишком взвинчена, а Джонас — единственный, кому я могла доверять, — мертв.

Остается только одно.

«Кухня — это сердце твоего Дома, Роуз. И только когда сердце здорово, весь остальной организм может процветать».

Так всегда говорила мама, когда учила нас с Джонасом делать заготовки.

У нас с ней были одинаково большие глаза, разве что у меня они темно-янтарные, а у неё были пронзительно-голубыми. Абсолютно идентичная квадратная челюсть и волевой подбородок. Очерченный луком купидона рот с пухлой нижней губой. Правда, на её лице эти черты сочетались куда гармоничнее, впрочем, как и на лице Джонаса.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

Она была самой статной и притягательной женщиной в Долине. Люди не могли сдерживать улыбки, когда она шла по улице. Полагаю, некоторые ей завидовали, но, как и Джонас, Генриетта Олгуд была настолько дружелюбной, что обижаться на неё долго было попросту невозможно.

Последние несколько лет выдались для нас с ней непростыми. В теплице мы работали в идеальном тандеме, понимая друг друга без слов, но за пределами аптекарских обязанностей постоянно препирались по самым ничтожным поводам. Я не могу позволить себе утонуть в пучине сожалений о том, чего уже не вернуть. Если я поддамся этому раскаянию, оно просто парализует меня.

Вместо этого в память о ней я отмою эту грязную кухню.

Вспоминая её залихватистый, сочный смех, я принимаюсь опустошать шкафы, вываливая всё содержимое — продукты, посуду, чистящие средства и инвентарь для консервирования — на кухонный стол и вокруг него. Когда полки пустеют, я наливаю самую большую кастрюлю воды и ставлю её на огонь, чтобы простерилизовать банки. Затем наполняю раковину теплой мыльной водой, готовясь продезинфицировать каждую поверхность. Мне приходится менять воду трижды, прежде чем шкафы, столешницы и плита начинают сиять чистотой. Как только вода в кастрюле закипает, я опускаю туда банки и набираю раковину в четвертый раз — теперь уже для посуды. К тому времени, как я вытираю её насухо и расставляю по местам — поварешки у плиты, чашки над раковиной, тарелки ближе к столу, — банки как раз успевают простерилизоваться.

Я принимаюсь перебирать гору овощей. Морковь, оставшуюся со вчерашнего дня, можно очистить и законсервировать; картофель тоже пойдет в дело, если вырезать черные глазки и гниль. Целая корзина свеклы оказывается в отличном состоянии. Фасоль пересохла, но если очистить её от стручков, она прекрасно разварится в супе. Из двух десятков кукурузных початков живыми оказываются всего три. Для консервации этого мало, так что пушу их на ужин. С тыквой, луком и чесноком все в порядке, нужно только счистить грязь, от которой они могут загнить. Огурцы не годятся ни на что, кроме компоста. Туда же отправляются и помидоры, над которыми уже вьется рой мелких черных мошек. Больно видеть, сколько продуктов пропало зря, но «хотением ткацкий станок не запустишь», так что я выношу гниль на помойку за домом и принимаюсь заготовки.

Я чищу, промываю и раскладываю картофель, свеклу и морковь по отдельным банкам, заливаю кипятком, не доходя на толщину пальца до горлышка, плотно закручиваю крышки и аккуратно опускаю их в чан с бурлящей водой. Пока они стерилизуются, я инспектирую крупы. Приходится выбросить целый мешок овсяной муки, в которой копошатся черви, но дикий рис оказывается чистым, как и овсяные хлопья, и мешок муки из сверчков. Я пересыпаю уцелевшее зерно и очищенную сухую фасоль в стерильные банки и плотно закрываю.

Найденные куски козьего и овечьего сыра засохли настолько, что есть их с хлебом уже не получится, но они идеально подойдут для того, чтобы придать густоту и насыщенный вкус другим блюдам. То же самое и с грибами: я бережно очищаю их от земли и убираю в холщовый мешочек. Баночка сушеной смородины все еще пригодна в пищу, как и сушеные дикие сливы и кислая вишня, которые были выделены Тзу по пайку. Еще я нахожу небольшой тканевый сверток с билтонгом — вяленным мясом, козьим или овечьим, трудно разобрать, — оно в отличном состоянии. А вот хлеба в доме нет вообще; подозреваю, именно его Тзу в основном и уничтожали последнее

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

время. Из четырнадцати коричневых яиц, которые я выудила из самых неожиданных углов, восемь сразу же тонут в холодной воде. Остальные шесть, что всплыли на поверхность, я безжалостно выбрасываю.

Лекарства я оставляю напоследок. Каждому жителю деревни полагается стандартный набор: окопниковая и эхинацеевая мази от порезов и ссадин, бальзам с арникой для ноющих мышц, таблетки из коры белой ивы от жара и головной боли и сушеная мята для успокоения желудка. У Тзу я также обнаруживаю кристаллы Веронала — раньше их можно было получить в Доме Химиков тем, кто страдал от жестокой бессонницы. Кроме того, каждой семье выделяется порция льняного масла и ароматических трав для приготовления шампуня и мыла, а также специи для готовки.

У Тзу все эти ингредиенты валялись в полнейшем беспорядке: шампунь не сварен, готовые средства даже не распечатаны. Неужели мой будущий муж обходится без мыла? Да нет, не похоже. Должно быть, они просто до предела растягивают те крохи, что остались у них в ванной.

Я достаю банки с законсервированными овощами из кипящей воды и замираю, ловя ни с чем не сравнимое чувство глубокого удовлетворения от отчетливых хлопков остывающих крышек — знак того, что вакуум схватился и продукты теперь смогут храниться годами.

Освободив плиту, я принимаюсь за приготовление травяных настоев и тинктур. Первой я завариваю лаванду, и её густой, землисто-цветочный аромат мгновенно снимает накопившееся напряжение. К своей радости, под кучей подгнившего базилика (который я тут же выбрасываю) я нахожу сушеную пурпурную эхинацею и сразу же пускаю её в оборот. Пока измельченные цветы отдают свои соки, я связываю в отдельные пучки тимьян, розмарин, петрушку, шалфей и листья сельдерея, развешивая их сушиться вниз головой у окна. По мере того как кухня обретает ухоженный вид, а воздух наполняется уютными запахами домашней еды и пряных трав, я чувствую, как обретаю утраченное равновесие.

Я даже ловлю себя на том, что тихонько напеваю под нос.

Когда настойки готовы, я беру процеженный лавандовый отвар, чтобы смешать его с основой из льняного масла для жидкого мыла. Лаванда — классический аромат в Долине, нас всех учили делать такое мыло на уроках домоводства. Я стою над раковиной, переливая лавандовую воду, как вдруг до моего носа доносится шлейф от развешанного у окна шалфея. Воспоминание накатывает с такой ошеломляющей силой, словно мама только что сама вошла на кухню: этот особый, ни на что не похожий аромат мыла из шалфея и перечной мяты, которым она мыла нам голову по субботним вечерам, тихонько напевая песни Долины. Я уловила едва заметные следы этого запаха в комнате Джонаса буквально на днях. У Тзу как раз находится достаточно мяты и шалфея с желтыми кончиками, чтобы приготовить точно такую же настойку, какая была у мамы, и я немедленно принимаюсь за работу.

День уже начинает клониться к вечеру, когда я наконец заканчиваю приводить кухню в порядок. Баночки с консервацией выстроились в шкафу ровными рядами, словно шашки на доске, посуда и столы сияют, крупы надежно спрятаны. Лекарства разобраны и снабжены аккуратными ярлыками, травы сохнут в опрятных пучках. На плите аппетитно побулькивает кастрюля с кукурузным чаудером, наполняя дом сладковатым, насыщенным ароматом чеснока, тимьяна, лука и кукурузы. В духовке румянятся простые овсяные галеты, которые я замесила из муки, яйца, воды и тертой корки козьего сыра.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

Пока ужин доходит до готовности, я стираю пыль с мебели в гостиной, протираю полки и подоконники, а затем тщательно подметаю и мою полы. Когда все наконец закончено, я без сил падаю на диван. Ванная комната и прачечная все еще кричат о необходимости генеральной уборки, и я уверена, что наверху меня ждут горы нестираной одежды, но прямо сейчас перед моими глазами предстает безупречно чистая, сияющая уютом гостиная и кухня.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 25

Хрупкий покой длится ровно тридцать секунд, а затем Ярек с грохотом влетает через входную дверь.

Его рубашка разорвана и выглядит обгоревшей чуть выше локтя. От вида содранной, обнаженной плоти, который я успеваю уловить сквозь прореху, мой пульс резко подскакивает. Он замирает, диким взглядом обводит кухню и тяжело рушится на стул:

— Обработай мне руку.

— Мне запрещено заниматься моим прежним ремеслом, — произношу я, позволяя себе несвойственный мне дерзкий вызов в голосе.

— Обработай мне руку! — ревет он.

Я бы с большим удовольствием оставила его страдать. Паршиво, что я целительница, и бросить пациента в таком состоянии означало бы предать мои самые сокровенные убеждения. Мои ноги уже сами несут меня к плите. Я ставлю закипать еще одну кастрюлю воды, достаю из шкафа ножницы, бинты и мазь, после чего разворачиваюсь, чтобы срезать остатки его рукава:

— Что произошло?

Он резко хватается меня за запястья, сжимая их до хруста. Я вздрагиваю и поднимаю на него взгляд. Его зрачки расширены, очевидно, он испытывает адскую боль.

— Без вопросов, — хрипит он.

Я с силой вырываю руки:

— Я не смогу вылечить тебя, если не буду понимать, с чем имею дело. Это ожог? Порез?

Он лишь утробно рычит.

Я прикусываю язык и заканчиваю срезать ткань, обнажая рану, подобной которой я в жизни не видела. Кожа на предплечье покрылась волдырями, образующими идеальный круг размером с мой кулак. А в самом центре зияет небольшое сквозное отверстие. Я осматриваю руку с обратной стороны. Дыхание перехватывает. Травма проходит насквозь, будто кто-то вогнал в него тонкий металлический штырь.

Оружие дозволено носить только Стражам. У них есть мечи, луки и стрелы.

Но ни то, ни другое не могло оставить *такой* след.

В моей голове со свистом вращаются шестеренки. Одно и то же странное оружие, оставляющее дыры в телах. Три жертвы: моя мама, сын Гончаров и теперь Ярек. Я все еще не могу объяснить жуткую, иссушающую природу смерти Питера, но закономерность налицо — она прописана на растерзанной плоти.

А это значит, что Ярек знает, кто убийца! Неужели он получил это ранение, пытаясь его остановить?

— Внутри раны что-то есть? — спрашиваю я, молясь, чтобы голос не выдал моей догадки.

Пока я осматривала его, Ярек сидел неподвижно, но при этом вопросе его челюсти судорожно сжимаются:

— Твоя мать к этому моменту уже закончила бы обработку.

Эти слова бьют под дых. Люди, испытывающие агонию, часто огрызаются на тех, кто их лечит. Я к этому привыкла, но боль, которую сейчас причинил Ярек, была

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

намеренно, он хотел, чтобы мне стало стыдно за мое любопытство. В эту секунду я отчетливо осознаю, каково это — иметь такого человека в качестве отца. В груди разливается холодная жалость к Гриффону.

Поскольку рана Ярека не кровоточит слишком сильно, у меня есть время сбегать в свой старый дом и принести анальгетики — мощные травы, которые замораживают плоть и мышцы.

Но я этого делать не стану.

Вместо этого я неторопливым шагом возвращаюсь к плите и опускаю ложку в закипевшую воду. Затем снимаю кастрюлю с огня и приоткрываю дверцу духовки, чтобы овсяные галеты оставались теплыми, но не подгорели. Пока ложка стерилизуется, я медленно и тщательно мою руки. Сохраняя этот неспешный, издевательский темп, я щипцами достаю раскаленный инструмент и кладу его на полотенце рядом с Яреком.

Я могла бы предупредить его, что сейчас будет больно.

Вместо этого я резко шагаю вперед и всаживаю указательный палец так глубоко в дыру, как только могу, чтобы убедиться, что внутри нет инородных предметов. Из его груди вырывается непроизвольный хрип, который он тут же подавляет, стиснув зубы. Я едва сдерживаю улыбку. Как и ожидалось, я не нащупываю ничего, кроме сочащегося месива разорванных мышц. Я вытаскиваю палец и перехватываю щипцами ложку. Металл все еще невыносимо горячий.

Глядя ему прямо в глаза, я ввожу раскаленный докрасна черенок ложки прямо в рану Ярека, даже не поморщившись от резкого запаха жженного мяса. Если рана не была полностью прижжена до этого, то теперь-то уж точно.

Это тебе за палец Венди.

Глаза Ярека вспыхивают яростью, рот перекашивает судорогой, но на этот раз он не издает ни звука, хотя его лоб мгновенно покрывается крупными каплями пота.

Стукнув по кончику черенка, который показался с обратной стороны его руки, я деловито произношу:

— Чище я сделать не смогу. — Я резко выдергиваю ложку. — Но зашивать я тебя не буду. Рана такой глубины должна заживать изнутри. Я забью её окопниковой мазью и наложу повязку. Тебе придется менять её и обновлять мазь каждые два дня. Если занесешь грязь, можешь распрощаться с рукой.

Ярек коротко кивает.

Я дезинфицирую и бинтую его руку. Когда заканчиваю, он, покачиваясь, поднимается на ноги, опираясь на стол, чтобы не упасть. Головокружение — абсолютно естественная реакция организма в его состоянии, но я чувствую, что он готов умереть, лишь бы я этого не заметила.

— Что, слабость накатила? — спрашиваю я, получая искреннее удовольствие от момента. — Лучше посиди минутку.

Он хмурится:

— У меня нет минуты. Мизия и Гриффон скоро будут здесь. — Он кивает на кастрюлю с чаудером. — Накроешь на стол, когда они вернутся.

«Конечно», — вот что я должна была сказать. *«Как пожелаете».*

Это было бы вежливо. Идеальный пример тех гармоничных, угодливых фраз, которые нас призывают выбирать всегда и везде. Я уже собираюсь процедить это с максимальным сарказмом, как вдруг меня пронзает осознание. Оно обрушивается на меня с такой внезапной, сокрушительной силой, что я шумно выдыхаю.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

— Ты был за Стеной.

Вся мозаика разом складывается в единую картину: эта странная рана, нанесенная оружием, которого нет и в помине в Долине Ноя. Намек Гриффона о том, что такое устройство можно смастерить во Внешнем Мире. Зеленая сладость, которую Ярэк дал мне попробовать. Роскошное зеркало в их гостиной. Я была так занята своей мелкой местью, что упустила из виду очевидное: Стражи каким-то образом исследуют мир за пределами Стены.

— Это ересь, — отрезает Ярэк, и его тон становится угрожающе острым. — Наши Основатели позаботились о том, чтобы единственным выходом из Долины были Врата Эдема.

Несмотря на ранение, он вполне способен переломать мне кости, если я сейчас же не возьму свои слова назад. Но мне плевать на опасность, которую он представляет. Сейчас имеет значение только одно.

Если наши Стражи могут выжить Там, то Джонас, возможно, тоже все еще жив.

Марина говорила, что кто-то из Собранных выживает за Стеной. Я была уверена, что она просто издевается надо мной, но потом Гриффон признал, что это возможно, прежде чем разбить мне сердце словами о том, что у Джонаса не было ни единого шанса. Но если Стражи спокойно уходят во Внешний Мир и возвращаются обратно, значит, шанс есть!

Я бросаюсь к двери, но Ярэк, даже будучи раненым, оказывается слишком быстрым и сильным.

Я не успеваю сделать и шагу, как его здоровая рука железным обручем обвивает мою талию. Вторая ладонь — та самая, на раненой руке, которую я только что прижала, — мертвой хваткой вцепляется в мою шею, безошибочно пережимая нерв. Правую сторону моего тела мгновенно парализует. Левая половина дергается, я пытаюсь царапаться, но не могу нанести ни одного толкового удара.

— Тихо, тихо, маленькая свинка, — воркует Ярэк мне в волосы.

На волне бешеной ярости мне удастся извернуться, завести левую руку ему за спину и со всей силы крутануть кожу прямо над свежей повязкой.

Ярэк рычит от боли и роняет меня на пол.

В этот самый момент в дом входит Гриффон, держа под мышкой какой-то сверток, обернутый плотной тканью. Его лицо буквально превращается в камень, когда он оценивает картину: я, валяющаяся на полу и судорожно хватаящая ртом воздух от избытка адреналина, с растрепавшимися волосами, и его отец, тяжело возвышающийся надо мной со сжатыми кулаками.

Ярэк буравит Гриффона взглядом:

— Не смотри на меня так, щенок, — рычит он. — Если она не нужна тебе, то мне и подавно.

Мне требуется пара секунд, чтобы понять, как всё это выглядит со стороны для вошедшего. Мои щеки мгновенно вспыхивают огнем. При этом я с мстительным удовольствием замечаю, как сквозь свежий бинт на руке Ярэка начинает проступать кровь.

— Не... смей... так говорить о ней, — цедит Гриффон, и в его голосе слышится глухое рычание.

Ярэк удивленно вскидывает брови:

— О, теперь ты заговорил о заботе? Ты, который сегодня утром в часовне опозорил её перед всей деревней?

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

Как же сильно меня злит, что Ярек бьет в самую точку. Взгляд Гриффона перекидывается на меня. Внутри него бушует ярость, но на этот раз — впервые в жизни — она направлена не на меня.

— Извинись, — приказывает он отцу.

У меня отвисает челюсть.

Ярек разражается смехом. Этот звук напоминает треск речного льда под ногами:

— Сначала ты стреляешь в меня, а теперь будешь учить, как себя вести?

Я едва сдерживаю судорожный вздох. Кажется, Ярек только что сболтнул нечто невероятно важное, пусть я и не до конца понимаю истинный смысл его слов. Мой взгляд намертво приковывается к свертку в руках Гриффона. По тому, как он его держит, я понимаю, что вещь довольно увесистая. Неужели это и есть то самое оружие, которое пробило дыру в руке Ярека? И, возможно, убило сына Гончаров и мою маму? Но это же бред. Гриффон может быть мне кем угодно, но он точно не убийца.

— Подключи его к зарядной станции, — бросает Ярек, кивая на предмет. — Мне нужно поговорить с Инженером о его емкости. — Затем его тон резко меняется. Он поворачивается ко мне, все еще стоящей на коленях, щелкает каблуками и отвечает быстрый, подчеркнуто галантный поклон. — Тысяча извинений, если я задел твои нежные чувства, — произносит он приторно-сладким голосом. Точно так же он говорил перед тем, как отрубить палец Венди. — Увы, не всем нам дано быть такими любящими джентльменами, как твой будущий муж.

Я растерянно перевожу взгляд с Ярека на Гриффона, пытаюсь разгадать, в какую игру они играют.

Но Ярек стремительно выходит из коттеджа прежде, чем я успеваю прийти в себя.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 26

Стоило его отцу скрыться из виду, как на лице Гриффона отразилась тяжелейшая, глубокая тень одиночества. Я отворачиваюсь, чувствуя, что любые слова утешения сделают только хуже, а у меня, признаться, внезапно пропало всякое желание причинять ему боль. В любом случае, мне нужно было совладать с собственными бушующими эмоциями. Неужели я ошиблась насчет того, что Ярек выходил за Стену? Судя по сцене, свидетельницей которой я только что стала, он был ранен оружием, созданным в Доме Инженеров, а вовсе не кем-то из Внешнего Мира. Возможно, надежда и отчаяние затмили мой разум, заставив искать связи там, где их нет.

— Что в одеяле? — спрашиваю я, поднимаясь на ноги. Я нарочно отворачиваюсь и принимаюсь перетягивать свои волосы в пучок, чтобы дать Гриффону возможность прийти в себя.

— Оружие, — бросает он.

— Какое именно?

Гриффон молчит так долго, что я вынуждена обернуться. Он стоит точно там же, где его оставил отец, не отрывая взгляда от свертка в своих руках.

— Гриффон?

Он моргает, словно очнувшись от сна. Его брови раздраженно сдвигаются к переносице, когда он вспоминает, как я полагаю, насколько сильно меня презирает.

— Оно новое. Для защиты.

Он не ответил на мой вопрос, но породил новый:

— Защиты от чего, конкретно?

— Тебе лучше не знать, — отрезает он, направляясь к задней двери дома. Проходя мимо, он задевает меня плечом. Скорее всего, случайно, но это раздувает внутри меня пожар. Я сыта по горло его отношением. Я сыта по горло вообще всем. Я бросаюсь за ним.

— О, поверь, я как раз хочу знать, — язвительно бросаю я. — На какого это зверя вы открыли охоту?

Гриффон толкает заднюю дверь и выходит на пронзительный осенний воздух. С загона на другом конце деревни доносится блеяние овец, пока я иду за ним шаг в шаг. Перехватив сверток поудобнее, он ступает на лестницу, прибитую к задней стене коттеджа, и начинает карабкаться вверх.

— Мы должны быть готовы к любой опасности внутри Стены и к любым угрозам, которые пытаются прорваться внутрь, — кричит он через плечо.

Так просто он от меня не отделается.

— Ладно, а что именно находится *там*, за Стеной? — Гриффон уже преодолел половину пути и упорно молчит. — Я имею право знать! — выкрикиваю я, хватаясь за перекладины вслед за ним.

Он добирается до верха лестницы и ловко перемахивает на крышу, исчезая из виду. Я торопливо взбираюсь за ним. Едва почувствовав твердую опору под ногами, я продолжаю:

— Ты сам сказал, что есть шанс, что Джонас жив. Я имею право знать, с чем он там столкнулся!

— Джонас мертв, и ты круглая дура, если думаешь иначе.

Внутри меня с грохотом срывает клапан. Еще секунду назад я твердо стояла на ногах, а в следующую — уже лечу на него, и каждая клетка моего тела вопит о желании

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

причинить ему такую же сильную боль, какую он причинил мне. Я налетаю на него снизу, вбивая плечо прямо в его колени. Он сдавленно ухает и шатается, крепко прижимая сверток к груди и заваливаясь вперед. Его свободная рука рефлекторно выбрасывается назад и цепляет ворот моей рубашки. Мы закручиваемся в хаотичном клубке из рук и ног, пока он с глухим стуком не падает на спину прямо на крышу.

Я оказываюсь распластанной на его груди. Из нас обоих вышибло дух. Его пальцы все еще намертво запутались в моем воротнике, а вторая рука сжимает оружие.

— Осторожнее! — рывкает он.

— Нет! — кричу я прямо ему в лицо. — До тех пор, пока ты все не объяснишь! — В моем голосе сквозят годы накопленной обиды и боли, но мне плевать, насколько жалкой я сейчас выгляжу. Я устала жить в неведении. — Почему ты ненавидишь меня, Гриффон? Что я вообще тебе сделала, за что ты так меня презираешь?

Он резко перекатывает меня в сторону, поднимается и кладет свой сверток на выступающий карниз.

— Я не ненавижу тебя, — бормочет он, отводя взгляд.

Я вскакиваю на ноги и хватаю его за руку, заставляя повернуться ко мне:

— Да что ты? А ведешь себя в точности наоборот! Ты буквально игнорируешь меня, даже когда мы остаемся наедине. А в те редкие моменты, когда снисходишь до того, чтобы заметить мое существование, ты смотришь на меня так, словно я нанесла тебе личное оскорбление. Я уже молчу о том, что тебе настолько противна сама мысль о нашей свадьбе, что ты публично унизил меня перед всей деревней! — Я ловлю себя на том, что практически срываюсь на крик, и силой приглушаю голос, чтобы соседи не услышали нашу первую предсвадебную склоку. — Знаешь, перспектива провести остаток жизни с человеком, который даже брезгует делить со мной постель — тоже не предел моих мечтаний, Гриффон!

Я понимаю, что это не совсем справедливо с моей стороны, вообще-то, я была глубоко благодарна ему за то, что он не настаивал на этой близости, что должно быть абсолютным минимумом, но уязвленная гордость редко поддается логике. Я делаю глубокий, успокаивающий вдох, но продолжаю крепко удерживать его руку:

— Твое отношение ко мне очевидно. Ты демонстрируешь его годами, и я устала ломать голову над причинами. Так что будь добр, просто объясни мне все.

Он внимательно изучает меня, по-настоящему вглядываясь в мое лицо.

И все же молчит.

Я тяжело вздыхаю и отпускаю его руку:

— Тебе не обязательно врать. Я уже много лет знаю, что ты влюблен в Марину. Она рассказала мне правду сразу после церемонии обручения. Я просто давала тебе шанс наконец подтвердить это.

В его глазах вспыхивает опасный блеск:

— Что?

Я обхватываю себя руками, защищаясь от холода:

— Ведь именно поэтому ты меня ненавидишь, верно? Ты любил её, а я, наверное... — Я сглатываю, пораженная собственной откровенности. — Наверное, я была слишком привязана к тебе, и это было очевидно, поэтому ты и разорвал нашу дружбу. А теперь, когда Джонас мертв и я осталась единственным препятствием между тобой и Мариной, ты ненавидишь меня еще сильнее... — Мой голос затихает. Я сама до конца не осознавала эту горькую правду, пока не произнесла её вслух.

— Была слишком привязана? — Его голос звучит пугающе тихо.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

— Я не хотела, чтобы так вышло, — признаюсь я, отчаянно пытаюсь удержать голос от дрожи. — И мне жаль, что я навязывала тебе свои чувства. Ты был моим лучшим другом, а тебе нужна была Марина. — Ком застревает в горле. Зачем я вообще все это ему рассказываю? Наверное, после всех этих кошмарных потерь у меня просто не осталось сил прятать под замок старые раны.

— И ты хотела, чтобы вместо неё я хотел тебя? — Выражение его лица становится абсолютно нечитаемым.

— Да, — выдыхаю я, ошеломленная собственной честностью. — Наверное, хотела.

— Позволь мне это исправить, — хрипло произносит он.

Жовна на его челюсти резко перекачивается. Мне кажется, что сейчас он скажет какую-нибудь очередную гадость, но вместо этого его сильная рука обвивает мою талию, рывком притягивает меня к себе, и он прижимается своими губами к моим. Мое тело реагирует инстинктивно, подаваясь вперед и изгибаясь навстречу ему. Я и так стою на цыпочках, и мне кажется, что он вот-вот оторвет меня от крыши, хотя от этого поцелуя я и без того словно парю в невесомости. Сколько раз я видела Гриффона хмурым — это выражение лица он, казалось, берег исключительно для меня, но я никогда не могла даже вообразить, что его губы могут быть такими мягкими... и такими электризирующими.

В этом поцелуе крылся весь груз слов, которые мы годами оставляли невысказанными. Я задыхалась от них, но теперь я чувствовала их медовую сладость и томительный жар.

Затем он резко отпускает меня.

Я покачиваюсь и делаю шаг назад. Он тяжело дышит, не сводя взгляда с моих губ.

А потом отступает еще дальше, в сторону стеклянного куба высотой по пояс, установленного прямо в центре крыши. Что это такое, и как давно оно здесь находится? Неужели такие кубы стоят на крышах всех домов Стражей? И, что гораздо важнее, Гриффон Цзы только что... поцеловал меня?

— Подойди, — говорит он, уже полностью вернув себе самообладание.

Я качаю головой. Мне кажется, я вообще больше никогда не смогу пошевелиться.

— Пожалуйста, — в его голосе проскальзывает непривычная, едва уловимая нежность.

Этого оказывается достаточно, чтобы мои ноги послушались. Я медленно подхожу, осторожно касаясь пальцами припухших губ. В груди пульсирует дикий клубок эмоций, но сейчас точно не время его распутывать.

— Смотри, — произносит он, отпирая и приподнимая верхнюю крышку куба. Внутри лежит планшет Сбора. Он касается пальцем экрана, тот на мгновение вспыхивает и снова гаснет. — Ему нужна подзарядка после похорон Питера. Еще пара солнечных дней, и с его помощью можно будет открыть проход на Стену. — Он упорно избегает смотреть на меня.

— Но ты ведь сам сказал, что я дура, если думаю, что Джонас...

— Я лишь говорю, что это возможно, — резко перебивает Гриффон.

— Значит, Стражи все-таки спускали корзину Сбора во Внешний Мир?

Он качает головой:

— Нет. — Темная туча набегает на его лицо. — По крайней мере, мне об этом ничего не известно. Но мой отец определенно достает эти странные вещи... откуда-то извне.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Гриффон всматривается в предзакатную даль, его резкий профиль словно высечен из камня самой луной. И тут до меня доходит.

— Ты что-то шепнул Джонасу прямо перед тем, как столкнуть его вниз, — говорю я, заставляя себя воскресить в памяти ту чудовищную сцену. — Что ты ему сказал?

Гриффон трет ладонью глаза. Он не отвечает.

— Ты рассказал ему, как выжить? — Меня начинает колотить крупная дрожь.

Гриффон едва заметно, натянуто кивает:

— Я сказал ему искать спуск с противоположной стороны Стены. И чтобы он искал воду и укрытие, если доберется до низа. Это всё.

Нам всегда твердили, что те, кого удостоили Сбора, оставляют корзину и возносятся прямоком на Небеса. Что же тогда означает вся эта система, если выжить там действительно реально? Неужели человек способен спуститься по ту сторону Стены? Мой голос срывается:

— Там есть опасности? На самой Стене и во Внешнем Мире?

— Почти наверняка. Истинная природа тех бедствий, что заставили наших святых Основателей укрыться за этой Стеной, давно утеряна во времени, но детей нашего Дома с малых лет подробно обучают тому, какие угрозы таит в себе Внешний Мир. — Он поворачивается ко мне, его глаза кажутся абсолютно черными в ступающих сумерках. — Именно поэтому я считаю, что Джонас не мог выжить. Прости. Мне не следовало давать вам обоим ложную надежду.

В голове гудит:

— Тогда зачем ты рассказываешь мне все это сейчас?

Его лицо ожесточается:

— Я говорю это всем, кто проходит у меня обучение. Если нас поймают, нас отправят на Сбор. Мы должны знать хотя бы элементарные основы выживания Там, насколько мы сами можем о них судить.

— То есть ты тренируешь нас для верной смерти?

Его брови сдвигаются еще сильнее:

— У моего отца есть планы, в которые он меня не посвящает. Все, что я знаю наверняка — он считает, что это новое оружие сделает Стражей непобедимыми. Что оно поможет остановить то, что истребляет нас прямо внутри Стены. — Он бросает на меня яростный взгляд. — Я с ним не согласен. Поэтому я учу каждого, у кого хватает смелости попросить об этом. Мы должны уметь защитить друг друга.

Моя голова идет кругом. Ниточек становится слишком много, и я не успеваю за них цепляться.

— Ты ведь знаешь, что Джонас не убивал мою мать. Он не убийца. Смерть Питера сразу после Сбора Джонаса — прямое тому доказательство.

Лицо Гриффона мгновенно замыкается:

— Все, что я знаю — внутри Стены рыщет опасность. Но это еще не означает, что твой брат был полностью невиновен.

Вот так, всего одной фразой, он напоминает мне, за что именно я его недолюбливаю. Я чувствую себя последней предательницей за то, что позволила ему поцеловать себя.

Его следующие слова, произнесенные настолько тихо, что я едва их различаю, застают меня врасплох:

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

— Но в одном мой отец все-таки прав. Он прекрасно знает, на что ты способна. Ты лучший Аптекарь, которого видела эта Долина. И ты нужна ему в нашем Доме для того, что он задумал.

Он констатирует это как сухой факт, без тени похвалы. У меня нет времени осмыслить это, потому что меня пронзает новый, леденящий душу ужас:

— Так вот почему Николу отправили на Сбор? Чтобы сделать меня Стражем?

— Я не знаю, — челюсть Гриффона каменеет.

Я застываю, не в силах вымолвить ни слова. Сердце разрывается от боли за парня, которого, возможно, приговорили к смерти только за то, что он был моим нареченным — пусть даже в детстве он и ел землю.

Гриффон всматривается в мое лицо, а затем издает нетерпеливый звук. Он снова поворачивается к свертку, который принес с собой, и разворачивает ткань. Наконец-то я вижу устройство, пробившего дыру в мышцах Ярека. Как и рана, которую оно оставляет, само оружие выглядит абсолютно чужеродным. Его рукоять длиной около четырех дюймов сделана из гладкого серебристого металла. К металлическому основанию припаяна длинная стеклянная трубка. В месте их соединения находится небольшая скоба с пусковым крючком внутри. Конец трубки выглядит обгоревшим и закопченным.

Я чувствую к этому предмету какой-то первобытный, глубокий подсознательный набожный страх.

— Отец верит, что это станет ключом к нашей обороне, — говорит Гриффон. — Сегодня он позволил мне сделать один выстрел.

Я все еще пытаюсь переварить поток шокирующей информации, но профессиональное любопытство берет верх:

— Что оно делает?

— Думаю, ты уже видела результат из первых рук, — отвечает он. — Оно выпускает снаряды, которые насквозь прожигают и разрывают любую поверхность. — В его глазах вспыхивает мрачное удовлетворение. — Я видел повязку отца и кровь на ней. Внушительное количество, учитывая, что, когда я видел его в последний раз, кровотечение почти остановилось.

Меня обдаёт волной стыда, в конце концов, я дипломированный целитель и намеренно причинила пациенту боль, но я быстро подавляю это чувство. Самооборона не требует ни оправданий, ни извинений.

— Он сказал, что это ты нанес ему ту рану.

Взгляд Гриффона слегка тускнеет:

— Это была случайность. Исключительно моя вина.

— Такое оружие одно, или есть еще?

Его лицо снова становится непроницаемым:

— Еще есть. Они хранятся на оружейном складе возле нашего тренировочного лагеря.

Я ненадолго задумываюсь:

— Насколько оно громкое? — спрашиваю я.

— Что?

— Когда из него стреляешь. Насколько сильный звук?

Он слегка прикусывает губу:

— Очень громкий. И при выстреле идет сильная отдача.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

Барабаны свадебного марша гремели оглушительно, но разве я не слышала те три странных, глухих хлопка прямо перед тем, как начались крики? Музыка вполне могла заглушить звук нового оружия Ярека. Но убило ли оно сына Гончаров? Нет, из раны Ярека кровь могла хлестать часами, но тело того несчастного мальчика нашли полностью иссушенным, в нем не осталось ни капли влаги.

Я лихорадочно сопоставляю все факты.

— Ты все еще будешь меня тренировать?

Гриффон переводит взгляд на луну. Весь состоящий из острых линий, с золотистой кожей — настоящий Аполлон в ночи.

— И это твой окончательный выбор? — тихо спрашивает он.

Я отвечаю без секундного колебания:

— Да.

Он тяжело вздыхает, снова встречаясь со мной взглядом:

— Что ж, тогда тебе повезло, что тебя распределили на перепись. Если этого прикрытия окажется мало, то мои родители в обозримом будущем будут пропадать на двойных сменах. Вечера должны быть в твоём распоряжении.

Я согласно киваю. Учитывая все, что я только что узнала, мне нужно научиться драться как можно скорее.

Когда я впервые услышала о том, что за Стеной можно выжить сначала из двусмысленных намеков Марины, а затем от самого Гриффона, я отмахнулась от этой мысли. Марина врет так же легко, как дышит, а Гриффон тогда говорил так, будто просто пересказывал сказки, в которые сам едва верит. Но если он открыто говорит об этом своим ученикам, если он сказал это самому Джонасу... значит, это чистая правда.

А раз так, то Джонас жив. Он ждет. Он борется. И я не могу оставить его там одного. В ту самую секунду, когда Гриффон признался, что подарил Джонасу надежду, я окончательно поняла, что должна сделать. Я поднимусь на эту Стену, как только планшет накопит достаточно энергии для запуска.

А это значит, что у меня осталось совсем мало времени, чтобы найти настоящего убийцу.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 27

Меня будят крики.

Сначала мне кажется, что это отголоски моих собственных кошмаров — мне как раз снился Джонас, который сидел, сжавшись в комок на вершине Стены, и горько плакал, но затем я замечаю Гриффона. Он метается по полу, отчаянно борясь с кем-то во сне. Я смотрю на него, перебирая в голове все причины, по которым мне не следовало бы его утешать. Я пытаюсь внушить себе, что хочу видеть его страдания, но это уже неправда.

Только не после того поцелуя.

Я касаюсь пальцами губ, невольно вспоминая тот день, когда впервые накладывала Гриффону швы. Мне тогда было пять, ему — шесть. Он слишком сильно разбаловался во время игры с Лео и рассек себе голову о камень. К тому моменту мне как раз подарили мою первую походную аптечку, чтобы я могла помогать при несчастных случаях, но мне еще никогда не приходилось зашивать раны на живом человеке. Помню, как мне было до смерти страшно. Но семь швов спустя Гриффон был уже почти как новенький.

На следующее утро он начал провожать меня в школу, каждый день принося по ромашке, пока они цвели. Он не забросил это даже после смерти моего отца, когда я заиклилась на мысли, что лишь фанатичное, слепое следование правилам способно уберечь мою семью от беды. Когда Марина и остальные девчонки начали травить меня, он все равно продолжал ходить со мной до школы и обратно, а в обед почти всегда садился рядом — вплоть до самой церемонии обручения.

Мне так хочется понять его, разобраться в том, что он чувствовал в тот день. Конечно, тогда он не знал о моих чувствах к нему, а потому не мог догадываться, насколько глубоким и болезненным окажется его предательство. И все же, ради той грустной, одинокой маленькой девочки, которой я была, он просто обязан извиниться.

Впрочем, как и я перед ним.

Прежде чем я успеваю передумать, я бесшумно соскальзываю с кровати, ступая босыми ногами по холодному полу. Даже во сне челюсти Гриффона плотно сжаты. Его пальцы судорожно вздрагивают, пытаюсь нащупать оружие, которого здесь нет.

При виде его в таком состоянии — уязвимым, истерзанным — сердце болезненно сжимается. На тренировке, а затем и на крыше он сам признался, что идет наперекор отцу — человеку, чьей любви и уважения он так отчаянно жаждет. Должно быть, это настоящая пытка, когда тебя разрывает между долгом перед семьей и собственной совестью.

Я опускаюсь на пол рядом с ним и аккуратно перекладываю его голову к себе на колени. Его глаза мгновенно распахиваются — дикие, полные паники, но как только он узнает меня, взгляд парня смягчается.

Я ласково убираю волосы с его лба, пропуская сквозь пальцы темные, шелковистые пряди. Он снова напрягается, его веки подрагивают, то закрываясь, то открываясь, пока наконец глаза не закрываются совсем.

Я тихонько запеваю, и всякое сопротивление окончательно покидает его тело. Эту колыбельную отец когда-то пел нам с Джонасом, когда мир вокруг еще казался простым и понятным. В отличие от любимой песни бабушки «Там, в Долине Ноя», у этой мелодия была сладкой и неуловимо печальной.

Воронье да гнедые, чубарые да серые,

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Шесть маленьких лошадок в упряжке бегут.

Баю-бай, не плачь, засыпай...

Мои пальцы выводят медленные круги на виске Гриффона, бережно разглаживая скопившееся напряжение.

Его глаза снова приоткрываются. Он перехватывает мое запястье, и мое сердце испуганно спотыкается. В его взгляде читается немая мольба.

— Ты мне не нужна, — хрипит он. — Мне вообще никто не нужен.

Он еще не до конца проснулся. Я замираю, боясь даже вздохнуть, и жду, пока его хватка ослабнет. Наконец его рука бессильно опускается, едва задев мою ногу, и падает на пол. По моей коже пробегает крупная дрожь. *«Я просто возвращаю долг старой дружбы»*, — убеждаю я себя, пока сердце гулко бухает в грудную клетку. *«Ничего больше»*.

Я возобновляю медленные, ритмичные движения, поглаживая его по лбу и разглаживая морщинки, оставленные тревогой и болью. Его дыхание выравнивается, он тяжелее опускается головой на мои колени. Мои пальцы массируют его виски, распутывая скопившиеся там тугие узлы.

Он судорожно вздыхает, слегка приоткрывая рот, и мой взгляд невольно приковывается к линии его губ — мягких и полных. Я мысленно представляю едва уловимое касание его горячего дыхания на своей коже. Пульс бьет набатом.

Затем я аккуратно разминаю его челюсть, снимая последнее напряжение. Его тело окончательно расслабляется, послушно отзываясь на мои прикосновения. Он заснул. На этот раз по-настоящему. В такие моменты он кажется удивительно красивым. И умиротворенным. Я позволяю себе задержаться так еще на пару мгновений. Затем медленно, с предельной осторожностью, я перекладываю его голову со своих колен на свернутое одеяло. Он слегка ворочается, хмуря брови, словно чувствуя мое исчезновение, но глаз не открывает. Я поднимаюсь на ноги; колени затекли, а икры мелко дрожат. Я смотрю на него еще мгновение, после чего силой заставляю себя отвернуться.

Я уже забираюсь обратно в постель, когда тихий голос заставляет меня застыть на месте.

— Спасибо, — доносится из темноты едва различимый шепот.

Я залезаю под тяжелое одеяло, так ничего и не ответив, пока внутри меня острым лезвием пробивается внезапная мысль: мой будущий муж, возможно, вовсе меня не ненавидит.

И это знание кажется мне изощренной жестокостью.

Потому что оно открылось мне именно тогда, когда я твердо решила навсегда покинуть Долину Ноя.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 28

Я просыпаюсь, когда на улице еще совсем темно.

И чувствую почти облегчение от того, что Гриффона уже нет в комнате. Щеки обдаёт жаром при воспоминании о нашем поцелуе и той внезапной близости, что возникла между нами после. Лучше оставить эти мысли ночи. Я быстро одеваюсь и выхожу в верхний коридор.

Тихое похрапывание, доносящееся из спальни Ярека и Мизии, говорит о том, что один из них (или оба) крепко спит. Я спускаюсь вниз, чтобы умыться, а также причесать и связать волосы в привычные практичные пучки. Теперь, когда кухня и гостиная сияют чистотой, состояние ванной комнаты кажется просто невыносимым. Если бы сегодня мне не нужно было начинать переписку, я бы не задумываясь принялась за уборку. Но сейчас мой план состоит в том, чтобы приготовить завтрак, задобрить родителей Цзы и поскорее сбежать в коттедж Хранителя Записей. Если я закончу с делами по переписи пораньше, а я *точно* закончу с ними пораньше, я смогу затеряться в лесу и успеть на тренировку.

Планшет должен зарядиться за один-два солнечных дня. Если маленькая Мари смогла его украсть, то смогу и я, хотя Цзы наверняка следят за ним куда бдительнее, чем Хранитель Записей. Разгорающееся, но все еще хмурое небо намекает на очередной пасмурный день. А пока суть да дело, мне необходимо пробраться в хранилище, чем больше я об этом думаю, тем сильнее убеждаюсь, что именно из-за него Джонас стал мишенью, и освоить как можно больше боевых навыков, чтобы выжить за пределами Долины. Я не питаю иллюзий, будто пара дней тренировок спасет меня от кошмаров Внешнего Мира, но действие хотя бы отвлекает меня от паники, которая накатывает при одной только мысли о побеге.

Я сжимаю Счастливого Кролика в кармане, вдавливая его края в ладонь чуть сильнее, чем это комфортно.

— Нас ждет великий день, верно, малыш? — шепчу я.

Его осязаемая плотность, похожая на крепкий орешек, успокаивает меня на пути к кухне. Я планировала разогреть вчерашний чаудер, но обнаруживаю, что кастрюля уже пуста. *Дай мне терпения, Счастливый Кролик.* Я делаю глубокий вдох и принимаюсь смешивать овсяные хлопья с горстью льняного семени и красной смородины — порция рассчитана на весь Дом. Я искренне благодарна этой минуте тишины и заземления, прежде чем со ступеней доносятся шаги Мизии.

— Ты избалуешь нас своей стряпней, — ровным тоном произносит она. Суровость её коротко остриженных волос подчеркивает свежий синяк под глазом, симметричный раненой щеке.

— Что случилось? — спрашиваю я.

— Несчастный случай на тренировке, — отзывается она, слегка касаясь пальцами ушибленной плоти. Точно так же всегда говорил Гриффон, когда приходил в школу с побоями. Она кивает на плиту: — Что ты готовишь сегодня?

— Овсяные хлопья. Я бы хотела добавить немного свекольного сахара, но не нашла его. Вы не знаете, куда делась ваша порция по пайку?

— Скорее всего, Гриффон забрал, — в её голосе впервые проскальзывает теплота, когда речь заходит о сыне. — Он у нас жуткий сладкоежка. Завтра я раздобуду еще.

Я живу здесь всего несколько дней, но этого времени вполне хватило, чтобы понять: семья Цзы, а возможно, и все Стражи, живут совсем по другим правилам,

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

нежели остальная деревня. И все же меня шокирует то, как буднично и нагло она об этом говорит. Сахар на этот месяц уже выдали. Новой порции не должно быть еще недели две.

— Какие у вас обязанности на сегодня? — спрашиваю я, потянувшись за чайником. Обычное утреннее приветствие, но мне действительно любопытно.

Она садится за стол, и на её лице мелькает слабая, незащитная улыбка, когда я протягиваю ей чашку горячего цикориевого чая. Утренний напиток поможет ей сосредоточиться и улучшит пищеварение.

— У нас есть аванпост на северной стороне, — говорит она, глубоко вдыхая горьковатый аромат. — Я сегодня в дозоре.

— Я напеку кукурузных лепешек, возьмете с собой, — предлагаю я.

— Из тебя выйдет хорошая жена.

Я внимательно смотрю на неё, пытаюсь понять, не издевается ли она, но Мизия, кажется, абсолютно искренна. В Долине мужа и жены делят домашние обязанности поровну. Но если бы я действительно хотела быть хорошей супругой, я бы заставила остальных членов семьи тоже вносить свой вклад. И впервые в жизни я задумываюсь о том, насколько, должно быть, Мизия одинока.

Овсянка начинает выкипать, выдергивая меня из размышлений. Я резко бросаюсь к плите, случайно смахнув ложку со столешницы.

— Неуклюжая девчонка, — тихо бормочет она.

— Я возьму другую, — жизнерадостно отзываюсь я, наполняя её тарелку. Ягоды красной смородины в каше внезапно напоминают мне сгустки крови. Весь аппетит, с которым я проснулась, мгновенно улетучивается.

Мизия изучает меня долгим, слишком пристальным взглядом, после чего принимается за еду.

Утро пролетает незаметно. Если бы не тоска по Джонасу, я бы даже получила удовольствие от переписи. Ходить по улице, заглядывать в мастерские, наблюдать за жителями, занятыми своими ремеслами, разговаривать с людьми, с которыми раньше я едва здоровалась... всё это приносит странную радость. Коттедж за коттеджем я вношу в списки членов моей общины, попутно высматривая любые зацепки, которые могли бы пролить свет на два недавних убийства. Единственное, что я замечаю — это то, какими уставшими выглядят многие из нас, и насколько пусты кухонные шкафы в домах.

Закончив дневную норму на рекордной скорости, я незаметно ускользаю в лес.

Когда я прихожу, Реата из Дома Химиков уже приготовила свежую родниковую воду и политые медом сверчковые галеты. Мерил, Сэл, Ээро и Гриффон уже на месте. При виде моего нареченного в животе сладко екает: рукава его рубахи закатаны до локтей, обнажая сильные предплечья, пока он что-то показывает Сэл. Я не видела его со вчерашнего вечера, и в голове тут же запускается привычный рой сомнений. Вдруг он испытывает отвращение к воспоминаниям о поцелуе? Вполне возможно, что никто здесь, включая моего будущего мужа, вообще не рад моему присутствию.

Может, они обсуждали меня до того, как я пришла? Желудок скручивает спазмом, я уже подумываю развернуться и уйти. Но тут подходит Ээро и дружески хлопает меня по спине, Мерил тепло улыбается, и мои тревоги мгновенно тают. *«Ты справишься, Роузи»*. Я улыбаюсь. На этот раз мой внутренний голос прозвучал точь-в-точь как Джонас.

— В круг! — командует Гриффон.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Я вытягиваюсь по струнке. Остальные следуют моему примеру, выстраиваясь вокруг него. Альберта нигде не видно, но малышка Мари, кажется, вполне довольна ролью зрителя: её свежие кудряшки забавно подпрыгивают, пока она слушает объяснения Гриффона о планах на сегодняшний вечер.

— Начнем с рукопашного боя, и если новенькая не будет слишком сильно нас задерживать, — он впервые с моего прихода бросает на меня быстрый взгляд, — перейдем к шестам.

Его слова должны были меня уязвить, но в его тоне появилось что-то новое, едва уловимо приветливое. Он поддразнивает меня точно так же, как и остальных. Его привычная холодность не исчезла насовсем, но заметно смягчилась. От этого под кожей словно начинают лопаться щекочущие пузырьки.

Я мысленно давлу их. В холодном свете дня я прекрасно понимаю, что не имею права терять бдительность рядом с Гриффоном, и один потрясающий поцелуй ничего не меняет. Мало того что он лично препроводил Джонаса к корзине, так он еще и сын человека, который годами лгал всей Долине и манипулировал людьми. Возможно, сам Гриффон и не в восторге от этого, но я не могу позволить себе влюбиться в парня, чья семья запустила свои корни в ту самую систему, которую мне необходимо уничтожить. Ярываю наш затянувшийся зрительный контакт.

— Продолжим с того места, на котором остановились на прошлой неделе, — хмурится он, возвращаясь к делу. — Захваты запястий и удушающие замки.

Я сама не верю своим глазам, когда вижу, как моя собственная рука взмывает вверх:

— Какого соперника мы должны себе представлять во время боя?

Сэл ощутимо — и весьма чувствительно — толкает меня локтем в бок:

— Заткнись и слушай.

Мерил примирительно гладит Сэл по спине:

— Вообще-то это разумный вопрос, разве нет? — Она ищет поддержки у Гриффона, но его глаза все еще сердито прищурены на Сэл. — Ты ведь сам учил нас, Гриффон, что точки опоры и рычаги меняются в зависимости от комплекции противника.

Гриффон раздраженно трет ладонью коротко стриженую голову. Он явно на взводе. Неужели я уже умудрилась растратить тот крошечный лимит дружелюбия, что возник между нами?

— Шаг вперед, — приказывает он мне.

Что он задумал? Желудок завязывается узлом, когда я выхожу в центр круга. Мне слишком страшно смотреть на остальных. Может, это какое-то изощренное испытание для новичков, вроде вчерашнего прыжка доверия, только хуже? Я останавливаюсь прямо перед Гриффоном. Его дыхание частое и прерывистое, но руки расслабленно опущены вдоль туловища. Я утыкаюсь взглядом в его ладони, потому что боюсь посмотреть ему в лицо. Сильные руки, испещренные тонкими шрамами, коротко и аккуратно подстриженные ногти. День хоть и пасмурный, но удивительно теплый, и ворот его рубахи расстегнут. Мой взгляд невольно скользит выше — по обнаженной шее, к губам, к упрямому носу и, наконец, встречается с его ониксовыми глазами.

В следующую секунду я уже лечу на спину.

Ошеломленная, я судорожно хватаю ртом воздух. Перевернутая вверх тормашками лицо Сэл весело улыбается мне, её щеки округлились от явного удовольствия.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Стоящий рядом Ээро ободряюще кивает:

— Сам через это проходил. На твоём месте я бы поскорее поднялся.

Я бы с большим удовольствием отрастила когти и зарылась глубоко в землю.

— Твой первый урок, — произносит Гриффон, возвышаясь надо мной и заслоняя собой свет. — Всегда следи за глазами противника, независимо от его роста и комплекции. Глаза всегда выдают следующее движение.

— Иффф, — выдавливаю я.

Он наклоняется и протягивает мне руку:

— Что-что?

Все еще пытаюсь восстановить дыхание, я тянусь к его ладони: — Иффф... если мой противник...

Быстро, словно по мановению волшебной палочки, он переворачивает меня на живот, впечатывая мою щеку прямо в сухую землю. Тот жалкий поток воздуха, что мне удалось набрать, снова с корнем выбит из моих легких.

— Ты опять это сделала, — констатирует Гриффон.

Ээро сочувственно кивает:

— Точно-точно, — подтверждает он, опускаясь на корточки и демонстративно тыча указательным и средним пальцами себе в глаза. — Ты снова смотрела на его руки, а не на зенки.

Я киваю, чувствуя, как внутри меня разгорается упрямый, злой огонек. Я переворачиваюсь на спину и снизу вверх смотрю на Гриффона. На его губах играет издевательская усмешка, когда он в очередной раз предлагает мне руку. Мой взгляд демонстративно косится на его ладонь — я заглатываю наживку.

Молниеносно, словно оса, он совершает выпад, пытаюсь перехватить мое запястье, но на этот раз я готова. Я позволяю ему схватить мою руку, но вместо того чтобы подняться, я со всей силы дергаю его на себя. Гриффон теряет равновесие. Я резко выбрасываю ногу, подсекая его под лодыжку и создавая неожиданное давление на ахиллово сухожилие — одну из самых уязвимых зон на ноге. Его колено подгибается. Я мощным рывком отрываю тело от земли, собираюсь повалить его, пока он дезориентирован.

Но за его плечами годы суровых тренировок Стражей.

Мы сталкиваемся где-то посередине.

Он виртуозно использует мою собственную инерцию движения вверх, чтобы вернуть устойчивость. Его рука намертво обхватывает мою талию, перенося весь вес на левую ногу. Он удерживает меня на весу, намертво прижав к себе; наши лица находятся в считанных дюймах друг от друга, а дыхание переплетается. Я упрямо, с вызовом смотрю ему прямо в глаза, кожей ощущая жесткое давление его тела. Это все равно что обнимать дерево. Теплое, невероятно сбивающее с толку дерево.

— Уоу-уоу! — кричит Ээро, взрываясь аплодисментами.

Гриффон разжимает руки. Я опускаюсь на собственные ноги, которые почему-то предательски дрожат. Он все еще не отвел взгляда, поэтому я тоже упорно смотрю на него. Выражение его лица... я никогда раньше не видела у него такого выражения, по крайней мере, обращенного ко мне. Изумленный восторг? Прежде чем я успеваю сделать окончательный вывод, его зрачки едва заметно косятся влево, и я тут же инстинктивно отпрыгиваю вправо, уходя от его внезапного выпада. Вся моя жизнь, проведенная за изучением движений пациентов, предвосхищением их слабостей, потребностей и хаотично дергающихся конечностей, наконец-то принесла свои плоды.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

К собственному величайшему удивлению, я запрокидываю голову и звонко, искренне смеюсь. Я чувствую себя сильной. Я чувствую себя живой.

— Ну что, Грифф, она достаточно быстро учится на твой вкус? — подначивает его Ээро.

Мой смех мгновенно обрывается, когда до меня доходит: я понятия не имею, какотреагирует Гриффон. Я только что едва не уложила его на лопатки прямо на глазах у его же учеников. Он вполне может прийти в ярость. Его отец на его месте точно бы пришел. Но, к моему огромному облегчению, я вижу, что он широко и открыто улыбается. Эта улыбка — теплая, искренняя — летит прямо мне в сердце. Уже второй раз за эту неделю мне кажется, что передо мной стоит тот самый мальчик, которым он был когда-то, лучший друг моего детства.

— Да, — усмехается Гриффон, тихо качая головой. — Достаточно быстро.

Я рискую бросить взгляд на остальных. Маленькая Мари стоит с разинутым ртом, Ээро с точно таким же выражением лица смотрит на неё, а Оскар с ухмылкой качает головой. Мерил выглядит так, словно готова прямо сейчас меня обнять. Единственной, на кого это не произвело абсолютно никакого впечатления, остается Сэл. Привычный рефлекс немедленно сжаться и стать незаметной срабатывает автоматически; мне требуется немало усилий, чтобы подавить его.

— По парам, — командует Гриффон, и улыбка мгновенно исчезает с его лица, уступая место деловому тону. — Ээро и Роуз, Оскар и Мерил. Сэл, ты со мной. Сначала все смотрят, как мы демонстрируем прием, и только потом пробуют сами. Сейчас мы разберем, как с помощью болевых замков на запястья полностью обездвижить человека.

Гриффон наглядно показывает точки воздействия на руке Сэл, подробно объясняя анатомические последствия. К своему восторгу, я обнаруживаю, что мои медицинские знания невероятно помогают мне в этом упражнении. Я раз за разом легко и быстро укладываю Ээро на лопатки. Впрочем, пару раз ему тоже удастся поймать меня на хороший замок.

— Клянусь Солнцем и Землей, Роуз, а ты чертовски хороша в этом деле! — восклицает он, потирая локоть, которым только что приложился о землю. Мы оба с ног до головы извалялись в грязи и гарантированно покроемся синяками к утру, но я не помню, когда в последний раз чувствовала себя настолько живой. — Ты уверена, что не тренировалась где-то втайне от всех?

Я протягиваю ему руку, помогая подняться:

— Как ни странно, подготовка Аптекарей включает в себя детальное знание анатомии, а это очень помогает.

Ээро широко улыбается, демонстрируя свой легкий, добродушный нрав. Теперь мне абсолютно понятно, почему они с Джоном были — нет, *остаются* — лучшими друзьями. Они оба покладистые и благородные. Но Ээро на несколько лет моложе нас. На самом деле, разве он не учился в одном классе с...

— Странно, что Альберта сегодня нет, — замечаю я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно более небрежно. — Хотя, признаться, я его почти не знаю. Вы с ним когда-нибудь дружили?

Густые темные брови Ээро озадаченно сдвигаются:

— Не особо. А что?

«Потому что мне кажется, что я видела его прячущимся за часовней в то самое утро, когда убили мою мать».

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

— Да нет, ничего, — выдавливаю я натянутую улыбку. — Просто поддерживаю разговор. — Я опускаю руку в карман и слегка сжимаю Счастливого Кролика.

На другом конце тренировочной площадки Сэл умудряется поймать Гриффона на отличный захват, и тот вынужден опуститься на одно колено. Он позволяет ей помочь ему подняться, искренне хвалит её и дает пару ценных советов, как сделать движение еще более точным. Как бы сильно я ни пыталась защитить свое сердце, внутри все равно происходит что-то странное, когда я вижу, с какой щедростью и уважением он делится своими знаниями. Я просто не могу представить, чтобы родители Гриффона отреагировали как-то иначе, кроме дикой ярости, если бы их одолел обычный деревенский житель. Откуда в нем эта внутренняя грация и благородство?

Словно услышав мои мысли, он переводит взгляд на меня, и его глаза удерживают мои с такой силой, что это кажется физическим прикосновением. Я резко отворачиваюсь, чувствуя, как краснеют щеки.

— Знаешь, — негромко произносит Ээро, переводя взгляд с Гриффона на меня и обратно, — если бы вы двое хотя бы притворились, что влюблены друг в друга, вместо того чтобы устраивать в часовне публичные сцены с заявлениями о взаимной ненависти на всю деревню, Мизия и Ярек, возможно, дали бы вам обоим куда больше свободы.

Он чертовски прав, но у меня внутри все переворачивается от одной мысли о том, чтобы завести об этом разговор.

«Эй, Гриффон, как насчет того, чтобы развить успех того случайного безумного поцелуя и сделать вид, будто у нас нет аллергии друг на друга? Может, будем иногда держаться за руки и с любовью смотреть друг другу в глаза?»

— Поменялись партнерами, — командует Гриффон прежде, чем я успеваю что-то ответить Ээро.

Дыхание перехватывает. Неужели мы снова будем спарринговать друг с другом? Кожа начинает мелко вибрировать от напряжения.

— Оскар, ты встаешь с Ээро. Мери, переходи к Роуз.

Я пытаюсь убедить себя, что то чувство падения, которое я сейчас испытала — это всего лишь облегчение.

Мери останавливается напротив меня, на её бледном лице играет безмятежная улыбка:

— Ну что, мне ты тоже наваляешь? — спрашивает она своим хриплым голосом. Выражение её лица абсолютно открытое, в нем нет ни капли осуждения или зависти.

— Просто сегодня удачный день, — признаюсь я. — Наверное, везет новичкам.

— Может, поделишься со мной частичкой своего везения? — Она улыбается, делает движение, словно собирается поправить воротник рубашки, но вместо этого молниеносно обвивает рукой мою шею и швыряет меня на землю. От удара у меня едва зубы не крошатся. Мы боремся еще несколько раундов. Я как раз прошу её показать мне, как именно она провернула тот обманный захват запястья, который полностью застал меня врасплох, когда замечаю, что Гриффон выходит из круга и направляется вглубь пещеры. Через минуту он возвращается, держа в руках охапку прямых, идеально отполированных деревянных шестов — каждый длиной с его рост и толщиной примерно в половину моего запястья.

— Кто хочет поработать с оружием?

Ээро взрывается радостным воплем.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 29

Я вся превращаюсь в слух, пока Гриффон объясняет базовые движения с оружием, которое он называет шестом бо. Мы стоим кругом, он — в самом центре. Похоже, остальные уже тренировались с ним раньше, но для меня это в новинку. Впрочем, мне сразу становится очевидно, насколько выгодно в бою оружие, позволяющее атаковать на расстоянии. Нам велено относиться к шесту как к продолжению собственной руки или ноги, только куда более смертоносному.

Это критически важно, когда сражаешься с нечеловеческими существами.

— С какими, например? — спрашиваю я. Я просто не могу пропустить это мимо ушей. Гриффон говорил, что тренирует ребят, чтобы они могли защитить себя. Не знаю, вдавался ли он в подробности, но если ему известно, *кто* или *что* охотится на нас внутри Стены, он обязан рассказать.

Челюсть Гриффона дергается — этот жест, как я уже успела заметить, обычно означает, что я его раздражаю.

— Опасные животные, — бросает он. — Твари.

— Какие еще твари? Горные львы? — Нам всегда говорили, будто наши предки истребили их еще несколько поколений назад, но в ту же секунду я вспоминаю отца, растерзанного существом, которое так никто и не нашел. — Я никогда их не видела.

— Может, ты просто была слишком занята ролью Маленькой Мисс Совершенство, чтобы что-то замечать? — мрачно вставляет Сэл.

Её слова вонзаются стрелой прямо мне в сердце. А я-то наивно полагала, что мы наконец начали ладить.

— Я не совершенство.

Мерил кладет руку на плечо Сэл, но та грубо стряхивает её ладонь.

— А со стороны и не скажешь! Всегда сдавала школьные задания раньше всех. Не пропустила ни одной проповеди. Приняла Николу как первого нареченного с таким видом, словно тебе подарили луну с неба, хотя мы все прекрасно знаем, что ты хотела совсем другого. — Она мимолетно косится на Гриффона. Я едва успеваю сдержать судорожный вздох, как её сердитый взгляд снова пригвоздил меня к месту. — И позволила моей бабушке умереть.

Сэл ловким движением ноги подбрасывает с земли шест, ловит его и швыряет мне, после чего подхватывает второй.

— Мы всё видели. Те из нас, кто не вписывался в эту чертову систему.

— Не вписывался? — переспрашиваю я, окончательно сбита с толку. В этой деревне не было никого, кто чувствовал бы себя большим аутсайдером, чем я. — Все знают, что вы с Мерил не разлей вода. И что твой нареченный, Саймон, станет прекрасным дополнением для Дома Сапожников.

Сэл яростно качает головой.

— Саймон отвратителен. Я бы в жизни его не выбрала!

— Сальватора, — твердо обрывает её Мерил. — Роуз в этом не виновата, и ты сама это прекрасно знаешь.

— Но именно из-за таких, как она, всё это и катится к чертям! — кричит Сэл. Она кривляется, переходя на издевательский певческий тон, и шутовски качает головой, цитируя утреннюю клятву, которую каждый ученик произносит перед началом занятий (и которую я всегда чеканила громче всех): — *«Систему храни — и она защитит, по правилам жизнь без падений летит»*. — Она с плевым капает на землю.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

— А в итоге у меня больше нет бабушки, я связана с женихом, которого никогда не полюблю, и обязана всю жизнь вкалывать на ненавистной работе. И всё потому, что мы заперты в этой загнивающей Долине Ноя.

Заперты? Внутри Стены может быть опасно, но снаружи всё в сотни раз хуже. Без Стены мы бы давно погибли! Да я бы всё на свете отдала, лишь бы Джонас сейчас был здесь, в безопасности, вместе со всеми нами. Я открываю рот, чтобы возразить, но не успеваю вымолвить ни слова: Сэл бросается в атаку. Она делает резкий подсекающий замах шестом по моим голням и ощутимо прикладывается по костям. Я отскакиваю назад, до крови прикусив язык, чтобы не закричать от боли. Мне удастся быстро вернуть равновесие и встать в стойку, но я все равно пропускаю её следующий выпад в плечо.

Я инстинктивно ищу глазами Гриффона, ожидая помощи.

Но он удерживает остальных на месте. Он хочет, чтобы мы с Сэл сами во всем разобрались.

Тоже мне, учитель. Я приседаю и резко разворачиваюсь, едва успевая уклониться от удара, нацеленного мне прямо в голову. Она бьется не на шутку, всерьез. Я резко вклиниваю свой шест между её лодыжек и дергаю влево, заставляя её ноги скреститься в борьбе за равновесие. Сэл с глухим стуком валится на землю.

Я тут же разворачиваюсь и протягиваю ей руку:

— Мне жаль.

И вдруг с удивлением чувствую, что по щекам течет что-то мокрое. Неужели я плачу? Её удары оставили ужасную, жгучую боль, но дело не в этом. Сэл несет в себе глубокую, неизлечимую рану, и искренне верит, что я причастна к её появлению.

Вместо того чтобы принять мою помощь, она пружиной взмывает на ноги и со всей силы втыкает торец своего шеста мне в живот. Я со стоном сгибаюсь пополам.

— Жаль? — задыхаясь, выплевывает она. — Законы, которые ты так свято оберегаешь, превращают мою жизнь в бессмыслицу, а тебе просто жаль?

Она заносит шест для нового удара. Я вскидываю свой для блока. Оглушительный треск столкнувшихся деревьев эхом разносится по лесу. Руки буквально вибрируют от силы отдачи.

— Да, — выдыхаю я. Мы обе тяжело и часто дышим после схватки. — Я понятия об этом не имела.

Я пытаюсь подсесть ей ноги, но она подпрыгивает — точь-в-точь как в игре, в которую мы играли в детстве. Её ноги приземляются одновременно с тяжелым ударом оружия, который со свистом проносится в считанных дюймах от моего уха.

— Вы, те, кто отказывается просыпаться, держите в темноте и всех остальных! — цедит Сэл. — Старые правила больше не работают, да и никогда не работали. Но из-за таких слепых подлиз, как ты, мы так и сдохнем здесь, как овцы в загоне!

И в этот момент внутри меня вспыхивает, разгораясь неистовым пожаром, настоящая, чистая ярость. Её жар разливается по венам дикой смесью боли и извращенного удовольствия. В глазах темнеет, а контуры мира вокруг становятся неестественно яркими. Я сама перехожу в наступление, яростно вращая шест.

— Да, я следовала правилам! А что еще, черт возьми, я должна была делать?! Я всего лишь один человек! — Сэл оступается и падает навзничь, я с размаху прыгаю сверху, прижимая её к земле и занеся оружие для финального удара. — Я не знала, что можно как-то иначе! Я просто не знала!

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Её шест делает молниеносный, пугающий полукруг, устремляясь прямо к моему горлу. Я выставляю свой щитом — я знаю, что этот блок может напрочь сломать ей запястье, но выбор невелик: либо это, либо моя трахея окажется раздавленной.

В последнюю долю секунды чьи-то железные руки намертво перехватывают наши шесты прямо перед столкновением.

Это Гриффон. Я ошарашенно уставляюсь на него, шумно и прерывисто хватая ртом воздух.

Оскар, Мерил, Ээро и Мари замерли вокруг нас с разинутыми ртами.

— Достаточно, — отрезает он.

Мне невыносимо видеть жалость в его глазах. Жалость, судя по всему, к нам обеим.

— Тебе следовало разуть глаза гораздо раньше, — бурчит Сэл. В её голосе все еще слышна злость, но теперь к ней примешивается и легкий испуг.

Я обвожу взглядом круг, всматриваясь в лица своих сверстников, которые неделями, если не месяцами, рисковали собственной безопасностью, тайно тренируясь здесь. Это кажется несправедливым, но в глубине души я знаю: Сэл права. Мне следовало обратить внимание на происходящее гораздо, гораздо раньше.

— Простите меня, — произношу я, встречаясь взглядом с каждым из них по очереди — точно так же, как тогда, когда клялась хранить их тайну. — Я была трусихой. — Я не стану оправдываться и объяснять, почему вела себя именно так. В тот момент, когда количество Жатв начало стремительно расти, я обязана была заговорить. Но вместо этого я просто засунула язык поглубже и покорно шла за стадом. — Сэл права. Я прятала голову в песок.

— Ой, Роуз, ну ты чего, так ей ничего и не скажешь? — вдруг подает голос Ээро.

Мы все как один оборачиваемся к нему. Он морщится, словно сама необходимость говорить причиняет ему физическую боль.

— Не скажу что? — недоумеваю я.

Он бросает быстрый взгляд на Сэл, а затем утыкается глазами в землю.

— Джонас взял с меня слово, что я никому не разболтаю, но ты сейчас ведешь себя слишком уж упрямо.

Мне хочется хорошенько встряхнуть его:

— Да договаривай же ты! Что не разболтаешь?

Он указывает пальцем на Сэл:

— Не разболтаю, что ты тайком лечила таких людей, как её бабушка. Что ты была готова пойти под плети, лишь бы облегчить участь наших стариков, хотя это строжайше запрещено законом. — Он опускает руку. — Мы с Джонасом лично видели, как ты проскальзывала через заднюю дверь в коттедж Лесника, чтобы обработать загноившуюся рану Маттиаса, когда его семье уже велели готовиться к похоронам. Джонас сказал, что ты делаешь это для всех брошенных стариков, и заставил меня поклясться, что я тебя не выдам. Но ты должна хотя бы рассказать Сэл, чтобы она знала: ты не просто равнодушно позволила её бабушке умереть.

Грудь Сэл тяжело вздымается. Она делает шаг ко мне:

— Ты... ты действительно сделала всё возможное, чтобы спасти Амину?

Я не знаю, куда девать глаза. Я чувствую себя абсолютно голой, выставленной на всеобщее обозрение. Значит, Джонас всё знал о моих визитах?.. Мне до безумия хочется ухватиться за эту спасительную соломинку, которую так вовремя протянул Ээро, но я сдерживаюсь. Пришло время отвечать за свои ошибки.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

— Нет, Сальватора, — твердо говорю я. — Не всё. Мне очень жаль, но я не стану тебе лгать. Я слишком долго колебалась, прежде чем решиться украсть для неё антибиотиков. — От этой правды мне становится невыносимо стыдно, но я заставляю себя продолжать: — Но тот день полностью меня изменил. Твое горе и вся эта чудовищная несправедливость пробудили во мне то, что спало слишком долго. В нашей деревне сегодня живы люди, которых уже не было бы на свете, если бы не тот урок, который мне преподала твоя бабушка. В этом — наследие Амины.

— Она была уже обречена, но ты всё равно попыталась, — Сэл шумно выдыхает, словно каждое слово дается ей с трудом. — Ты пошла на это, прекрасно зная, какая цена за это грозит... а я обвинила тебя в её убийстве.

Сердце сжимается от боли.

— Ты только что потеряла близкого человека.

Она вскидывает руки, и я инстинктивно вздрагиваю, ожидая удара, но в следующую секунду обнаруживаю себя в её крепких объятиях.

— Прости, — просто шепчет она. — Я была не права.

Она оказывается удивительно сильной и сжимает меня так, что едва не вышибает дух.

— Ну, в том, что я была жуткой подлизой и ябедничала Священнику, ты не ошиблась, — тихо смеюсь я, уткнувшись в её густые волнистые волосы.

— Ну, это да, тут не поспоришь, — хохочет Сэл, наконец отпуская меня и делая шаг назад. — Настоящая выскочка.

— Но зато эта выскочка спасла кучу народа в деревне, — улыбается Ээро. — И она не стояла бы сейчас здесь, с нами, на тренировке, если бы оставалась той же прежней любимицей учителей. Это тоже имеет значение. Не то, какими мы были когда-то, а то, кто мы есть прямо сейчас.

В этот момент он становится так невероятно похож на Джонаса. В горле встает ком, слова застревают, и я лишь благодарно киваю, принимая и обиду, и похвалу.

Я могу стать лучше. Я обязательно стану лучше.

Вдруг лицо Ээро вытягивается, словно он только что вспомнил о чем-то ужасном.

— Проклятье... Есть кое-что еще.

У меня перехватывает дыхание. Кажется, еще одной порции плохих новостей я просто не выдержу.

— Что?

Он виновато опускает голову, выглядя совершенно несчастным.

— Ну, понимаешь, тут такое дело... — тянет он, явно не решаясь выговорить это вслух.

Меня начинает охватывать паника. Но когда плотник наконец поднимает голову, в его глазах пляшут озорные чертики. Он вовсе ухмыляется!

— Кто последний, тот тухлое яйцо!

И со звонким, победным воплем этот симулянт срывается с места и на всех парах несется прямо в глубь леса. Оскар, запрокинув голову, подхватывает его крик и бросается следом. А затем — к моему полнейшему изумлению — за ними устремляется и Гриффон. Что ж, похоже, на сегодня тренировка официально окончена.

— Кто последний куда?! — спрашиваю я, чувствуя себя ужасно заторможенной.

— Сейчас сама увидишь! — МериЛ хватается за руки меня и Сальватору и с силой тащит за собой сквозь заросли.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Вскоре мы выбегаем к ручью. Ээро и Оскар уже вовсю дурачатся и брызгаются в воде.

«Джонасу бы здесь точно понравилось», — невольно проносится у меня в голове.

— Главный секрет — вообще не думать перед тем, как прыгнуть, — на ходу объясняет Мерил, нетерпеливо стягивая тунику через голову и оставаясь в одном исподнем. — Потому что вода там — чистый лед.

Ээро с разбегу закручивает идеальную «бомбочку» в прозрачную гладь ручья. Я вскрикиваю, когда на меня обрушивается каскад ледяных брызг. Весь день было прохладно — идеальная погода для физических нагрузок, но для купания, мягко говоря, рановато. Я стою на берегу, наблюдая, как Мерил и Ээро шумно плещутся, и даже Сэл вскоре присоединяется к их веселью. Оскар выныривает чуть ниже по течению и ловко взбирается на огромный валун, который выше его в два раза. Крошечный водопад превратил этот камень в идеальную природную горку. Парень с хохотом скатывается вниз, с головой скрывается под водой, а затем всплывает, пуская изо рта забавный фонтанчик.

— Отлично снимает напряжение в натруженных мышцах, — раздается прямо над ухом голос Гриффона. Он стоит так близко, что его плечо едва не касается моего. То, как он держится — гордо, уверенно, — неуловимо напоминает мне статуи из наших старых учебников истории. Внезапное, острое желание увеличить дистанцию между нами и спастись от этого смущения — вот что заставляет меня наконец скинуть верхнюю рубашку, брюки и решительно сделать шаг с обрыва.

Вода оказывается настолько ледяной, что легкие мгновенно спазмирует. Я ухажу под воду до самого дна, зарываясь пальцами ног в мягкий речной песок. От резкого перепада температур сердце начинает бешено колотиться, но вместе с тем из мышц действительно уходит вся свинцовая усталость, в точности как и обещал Гриффон. Я остаюсь под водой так долго, как только позволяют легкие, после чего мощным рывком выталкиваю себя на поверхность. Мое появление встречают дружным одобрительным гулом. Вдруг я слышу какой-то чистый, звонкий звук и с изумлением осознаю: этот звук — мой собственный смех. От этого открытия мне становится еще веселее. Я кружусь в воде, бесконечно рада тому, что тело постепенно привыкает к холоду. Мне удастся проплавать еще несколько минут, наблюдая за играми ребят, прежде чем я, наконец, поворачиваю к берегу. Гриффон выбирается из воды чуть впереди меня. Когда он ступает на траву, я замечаю, что по задней стороне его икры струится тонкая струйка ярко-алой крови. Должно быть, сильно оцарапался о какой-то острый камень на дне.

— Тебе нужно промыть рану, — говорю я, глядя, как багровая кровь смешивается с каплями воды. — Давай я помогу.

Я быстро осматриваю берег в поисках сфагнома и почти сразу натыкаюсь на сочную зеленую подушку мха. Это отличный природный антибиотик, который к тому же прекрасно останавливает кровь. Я отрываю приличный кусок и плотно прижимаю его к ране на ноге Гриффона. И только в этот момент, почувствовав тяжелую, теплую ладонь на своем плече, я осознаю, что меня бьет крупная дрожь.

— Я сам подержу, — тихо говорит он. Когда он наклоняется, чтобы перехватить мох, его пальцы на долю секунды касаются моих. Он резко, словно обжегшись, отдергивает руку.

Я отчетливо слышу стук собственного сердца. Интересно, мои щеки сейчас пылают так же сильно, как у него?

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

В эту минуту рядом с нами из воды материализуется мокрый Ээро. Его зубы вовсю выстукивают чечетку.

— О-о-о, прямо как в старые добрые времена! — ухмыляется он, переводя взгляд на Гриффона. — Роуз снова латает тебя после того, как ты притаился в школу в синяках от своего папаши.

Я тяжело сглатываю. Я всегда втайне подозревала, что травмы Гриффона были результатом далеко не только изнурительных тренировок Стражей, иначе с какой стати он наотрез отказывался лечиться в Аптекарском коттедже? Но теперь, когда я сама пожила под крышей дома Цзы, этому появились неопровержимые доказательства. Я смотрю на Гриффона, всем сердцем желая как-то утешить его, приглушить эту боль, но он уже закрылся. Его темные глаза мгновенно потускнели, словно подернувшись серой дымкой.

— Нам пора возвращаться по домам. Уже поздно, — холодно бросает он, хватая свои вещи и размашистым, сердитым шагом направляется обратно к пещерам.

Мне до безумия хочется побежать за ним, сказать что-то действительно важное, но ноги словно налились свинцом и приросли к земле.

— Ну ты и удружил, Ээро, — злобно зыркает на него Сэл.

И я не могу с ней не согласиться. К чести парня, у него, по крайней мере, хватает совести выглядеть искренне виноватым, пока мы, стуча зубами от холода, натягиваем сухие туники и брюки на влажные тела.

К моему удивлению, подает голос молчаливый Оскар:

— Гриффон рискует абсолютно всем, чтобы тренировать нас.

— Зачем? — спрашиваю я, наконец озвучивая вопрос, который не дает мне покоя с той самой секунды, как я впервые наткнулась на их тайные сборы. Я знаю версию самого Гриффона, но во что верят они сами? — И ради чего вы все точно так же рискуете головой, приходя сюда?

Ребята переглядываются между собой.

— Дом Стражей сосредоточил в своих руках слишком много власти, — берет слово Мерил, и её чистый голос Проводника придает словам особую, весомую торжественность. — Это продолжается уже довольно долго. Они без конца твердят, будто делают это ради нашей безопасности, что это лишь естественное расширение их прямых обязанностей. И поначалу, думаю, так оно и было. Но теперь они объявляют Жатву за Жатвой, даже не советуясь с Хранителем Записей. Мы все это видим. Они запирают нас по домам, заваливают работой по горло, чтобы у нас просто не оставалось времени задавать вопросы, не говоря уже о том, чтобы что-то предпринять. — Она печально качает головой. — Гриффон тоже считает, что они зашли слишком далеко, хотя сам в жизни в этом не признается. И помощь нам — единственный доступный ему способ хоть как-то загладить вину.

— Я была самой первой, — тихо произносит Сэл. — Моего отца приговорили к Жатве за то, что он посмел пойти против Ярека. И именно Гриффон был тем, кто вел его к корзине.

По спине пробегает волна первобытного, слишком хорошо знакомого мне ужаса. Я слишком хорошо знаю, каково это — смотреть, как уводят тех, кого ты любишь больше всего на свете, и оставаться один на один с пепелищем своей жизни.

— Мне кажется, в тот день в Гриффоне что-то умерло. Он прекрасно понимает, что его отец затеял какую-то грязную игру, и что, пока Ярек управляет всем в Долине, никто из нас за Стеной не может чувствовать себя в безопасности. Эти тренировки для

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

него — способ примириться с собственной совестью и той ролью, которую его заставляют играть. — Она хищно ухмыляется. — Он сам пришел ко мне на следующую ночь после гибели отца. Сказал, что драка — это единственное, чему его научили в этой жизни, но он готов поделиться этим знанием со мной. А я ответила, что если я буду учиться защищать себя, то Мерил пойдет со мной.

— А мне в свою очередь пришлось притащить за собой муженька, — шутиливо толкает Ээро в бок Мерил.

Тот глупо и счастливо улыбается:

— А я вообще привел Оскара чисто случайно, когда он застукал меня, когда я посреди ночи уползал на тренировку.

— Эй, да я бы тебя ни за что не сдал! — возмущается Оскар.

По тому, как весело хохочет Ээро, я понимаю, что эта история пересказывалась в их компании уже не один десяток раз. Потому что они — настоящие друзья. И они невероятно отважны. Я кожей ощущаю окутывающее меня тепло этой дружбы, когда лицо Мерил снова становится пугающе серьезным. — Мы прекрасно понимаем, что кучка подростков с деревянными шестами не сможет в одиночку изменить систему. Нужно действовать глобальнее.

— Цыц! — шикает на неё Сэл.

— Сама цыц, — Мерил сурово прищуривает свои карие глаза, используя редкий для неё властный тон. — Роуз сейчас подвергает себя точно такой же опасности, как и все мы, приходя сюда. Она имеет право знать правду.

Сэл упрямо сжимает челюсти, но больше не возражает, и Мерил продолжает:

— Мы собираемся остановить Ярека, — она твердо смотрит мне в глаза. — Именно он стоит за всеми этими новыми карательными законами и бесконечными Жатвами. По идее, всем должен заправлять Хранитель Записей, но Давид Сейнгалт слишком слаб и бесхарактерен. Эта система не сдвинется с мертвой точки, пока мы сами не приложим к этому руку. И для начала мы намерены лишить Ярека его места в Совете.

— Как? — срывается с моих губ первый и самый очевидный вопрос. И следом за ним тут же вылетает второй: — А Гриффон об этом знает?

— Нет, ни в коем случае, — морщится Ээро. — Мы пока и сами до конца не понимаем, как именно это повернуть, но кое-какие соображения уже есть. Знаешь, мы ведь не единственные. В деревне полно людей, которые видят, что жизнь в Долине катится в пропасть, и многие готовы рискнуть головой ради перемен. Особенно теперь, когда Джонаса так нагло подставили.

Мощная волна эмоций едва не сбивает меня с ног:

— Значит... вы тоже не верите, что это сделал он?

Мерил крепко, по-матерински прижимает меня к себе:

— Да конечно же нет, Роуз! Мы все прекрасно знаем, что за этим стоит Ярек. Он безжалостно убирает со своего пути любого, кто пытается копать под него.

— Так, всё, хорош! — громко прерывает её Сэл. — Мы и так разболтали слишком много лишнего.

Мерил выпускает меня из объятий, и я внезапно чувствую странную, звенящую легкость во всем теле. Мы дружной гурьбой спешим обратно к пещерам. По дороге я наспех заплетаю волосы в тугие косы, чтобы скрыть, что они насквозь мокрые, втайне ругая себя за то, что не подумала об этом перед тем, как с головой нырять в ручей.

Судя по углу наклона солнца, мы совершенно потеряли счет времени.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

— Гриффон только что ушел, — недовольным тоном произносит Альберт, вырывая из темноты пещеры нам навстречу. Он что, сидел внутри всё это время? Даже с учетом того, что он теперь может понемногу двигаться, в Долине не так уж много мест, где официально мертвый парень мог бы безмятежно проводить целые дни. Он подкатывает свое кресло поближе ко мне, налегая на колеса по старинке, и в его голосе сквозит откровенная обида:

— Так значит, ты теперь тренируешься здесь на постоянной основе?

— Не твое дело, Альберт, — отрезает Сэл.

Интересно, какая муха её укусила в отношении него, но я не могу не согласиться с её тоном. Новые улики, указывающие на то, что оружие убийства принадлежало Стражам, слегка поумерили мои подозрения на счет Альберта, но я всё еще не доверяю ему ни на грош.

Ээро сладко потягивается:

— Ох, Роуз, ну и наплачешься же ты сегодня ночью после наших спаррингов, тут даже ледяной ручей не спасет.

— Это уж точно, — подтверждает Оскар. — Причем самое веселье начнется часа через три. Помню свой первый день тренировок — я потом руки выше пупка поднять не мог. Хорошо хоть, мне тогда по работе нужно было только подол подшивать.

Все дружно улыбаются. Все, кроме Альберта, который продолжает сверлить меня своим тяжелым, пристальным взглядом.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 30

Приближаясь к дому Цзы, я замечаю, что в окнах горит свет. Я ожидала, что Гриффон вернется в коттедж первым, поэтому мне и в голову не приходит тревожиться, ровно до тех пор, пока я не открываю дверь. За кухонным столом сидит Соджорнер. А рядом с ней — Ярек, Мизия и мой нареченный.

В животе всё мгновенно переворачивается от дурного предчувствия.

— Где ты была? — Ярек чеканит каждое слово, словно нарезает его на аккуратные кубики.

— Я же уже сказал вам, — вмешивается Гриффон, и в его взгляде вспыхивает предостережение. — Мы хотели побыть наедине. Я вернулся раньше Роуз, чтобы никто ничего не заподозрил... не догадался, что мы...

Ярек резко поворачивается к сыну. Он буквально раздувается от ярости. Мне даже думать не хочется, что бы он сейчас сделал, не будь в комнате Соджорнер.

— Я спросил её.

Сердце колотится так сильно, что это причиняет почти физическую боль.

— Мизия сама попросила меня заглянуть, — говорит Соджорнер, поднимаясь с места. Она подходит ближе и кладет ладони мне на плечи, внимательно всматриваясь в мои глаза. Со стороны, должно быть, кажется, будто она проявляет чрезмерную заботу — качество, которым так славится её Дом. Но на самом деле я понимаю: она просто выигрывает для меня время, чтобы я успела собраться с мыслями. — Она попросила меня провести предсвадебную беседу. Есть определенные опасения, что вы двое до сих пор не нашли общего языка. Нет ничего необычного в том, что нареченным парам требуется поддержка на этом этапе, но если уж вы тайком сбегаете вместе...

Она оставляет фразу повиснуть в воздухе, как до этого сделал Гриффон. И тут я вспоминаю недавнее предложение Ээро — притвориться, будто мы влюблены, чтобы ослабить бдительность семьи Цзы. Прежде чем страх окончательно парализует меня, я решительно шагаю к Гриффону. Он резко вскакивает, его руки напрягаться, похоже, он ожидает, что я собираюсь на него напасть. Вместо этого я переплетаю пальцы у него на затылке и приподнимаю подбородок, чтобы заглянуть прямо в его обсидиановые глаза.

Его маска на мгновение соскальзывает, обнажая растерянность и уязвимость. Это потому, что он так долго был Кастером? На секунду меня затапливает укол вины за то, что я так бессовестно им манипулирую, но другого выхода у нас просто нет. Я прижимаюсь головой к его груди, его сердце бешено колотится, должно быть, от страха, что нас вот-вот поймают, и сквозь ресницы смотрю на Ярека и Мисию.

— Простите, что заставила вас всех волноваться, — тихо произношу я. — Я глубоко равнодушна к Гриффону еще с самого детства.

Последнее, по крайней мере, чистая правда. А то, что я давно перестала это чувствовать, им знать совершенно необязательно.

Ярек презрительно фыркает:

— А со стороны и не скажешь.

— Роуз всегда была скрытной и сдержанной, — мягко, но с ноткой укора замечает Соджорнер. — Меня ничуть не удивляет, что мы не знали о её истинных чувствах. Гриффон, а ты испытываешь то же самое?

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Мне безумно хочется увидеть его реакцию, но в то же время у меня просто не хватает смелости взглянуть ему в лицо. Поэтому я лишь сильнее утыкаюсь носом в его рубашку. От него пахнет речной прохладой и сосновой хвоей.

— Я бы не пошел с ней, если бы это было не так, — глухо отзывается он. Слова рождаются где-то глубоко в его груди, перекатываясь, точно тяжелые камни.

— Нам следовало дожидаться свадьбы, — добавляю я. В нашей деревне целомудрие до брака считается важной добродетелью, которую молодежь обязана оберегать до официального союза. Однако если девушку видят с её же нареченным, большинство жителей закрывают на это глаза. Я прекрасно понимаю, что сейчас говорю именно то, что они хотят услышать. И все же этот момент кажется настолько интимным и личным, что я вынуждена отстраниться от Гриффона.

Без его тепла я внезапно чувствую себя как-то неуютно и незащищенно.

— Может, нам стоит поженить вас прямо сейчас? — ледяным тоном предлагает Ярек.

— Еще чего! Ни в коем случае! — отрезает Мизия. — Ты прекрасно знаешь, что Давид назначил церемонию на эту пятницу. Он настоял на большом, пышном праздновании.

Это известие застаёт меня врасплох, как и странная, едва уловимая дрожь в её голосе. С какой стати Хранителю Записей вообще вмешиваться в назначение даты моей свадьбы, да еще и требовать, чтобы это было громкое, привлекающее всеобщее внимание событие? Мне определенно нужно будет задать этому человеку несколько вопросов, когда завтра я пойду забирать бланки для переписи населения.

Ярек недовольно ворчит:

— Ладно. Устраивайте свое представление. Я знаю, как сильно ты падка на всю эту мишуру.

— Ты, кажется, забыл, что я — Страж? — слова Мизии буквально замерзают в воздухе, а её сильные, тренированные руки, покоящиеся на столе, угрожающе напрягаются. — И очень скоро у нас появится еще один. Гриффон, завтра, как только Роуз закончит с переписью, ты приведешь её на экскурсию по тренировочным лагерям во вторую смену. Это тебя устроит, дорогой муженек? Показать нашей маленькой призовой свинке её будущие обязанности?

Ярек поднимается, демонстративно проигнорировав выпад жены.

— Гриффон, за мной, — командует он. — У нас есть работа.

Я рискую бросить быстрый взгляд на Гриффона. Похоже, он хочет что-то сказать мне на прощание. Его глаза на мгновение косятся в сторону отца, а затем он покорно опускает голову. Ярек широким шагом направляется к двери, на ходу подхватывая оружие, сложенное неподалеку. Он привычно застегивает тяжелый меч на пояс, а затем закрепляет метательные ножи на лодыжках и запястьях.

Гриффон молча следует его примеру.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 31

— Вставай.

Меня грубо вырывает из глубокого сна. На мгновение накатывает дезориентация. Кролик Счастливчик прижат к моей груди так сильно, что его лапки оставили вмятины на моей ладони. Я сплю в постели Гриффона, а сам он стоит прямо надо мной.

— Что это было там, внизу? — требовательно спрашивает он.

В его голосе слышится то ли замешательство, то ли искренняя обида. Я сажусь на постели и отползаю назад, пока не упираюсь спиной в стену. Кожа на плечах покрывается гусиной кожей от прикосновения к прохладной штукатурке.

— Ты о чем?

— Вешалась на меня, — бросает он. Он стремительно подходит к платяному шкафу и с такой силой выдергивает оттуда свои постельные принадлежности, что во все стороны разлетаются перья. Из недр шкафа вываливаются какие-то бумаги, но он тут же поспешно запихивает их обратно. — Ты ведь просто притворялась, что я тебе безразличен, верно? Если позволишь, я бы порекомендовал тебе потренироваться на досуге. Сегодня на твоей стороне был эффект неожиданности, но в остальном твое представление оказалось весьма посредственным.

Я подаюсь вперед, сердце испуганно и часто стучит, но меня внезапно охватывает сильное раздражение. Не он ли сам только что нагло наврал родителям, будто мы сбежали, чтобы потискать друг друга втихаря? Я совершенно не понимаю, что у него на уме, и мне это до чертиков надоело.

— Зачем ты поцеловал меня тогда на крыше, Гриффон?

Мне кажется, он промолчит. И действительно, какое-то время в комнате царит оглушительная тишина. А затем он произносит:

— Ты была единственным, о чем я вообще мог думать, Роуз. — В его голосе звучит пугающая, обнаженная честность.

От шока из моего горла вырывается какой-то удушливый, совершенно дурацкий звук, до обидного похожий на всхлип. Я часто моргаю, отчаянно пытаюсь сообразить, о чем, во имя Стены, он вообще говорит.

Гриффон тяжело вздыхает:

— Мне было невыносимо стыдно приходить в школу в синяках и ссадинах, но ты всегда обрабатывала их с таким видом, словно в этом не было моей вины. Ты латала меня, а потом расспрашивала обо всем на свете. — Он все еще стоит ко мне спиной, упершись широкой ладонью в деревянную дверцу шкафа. — Ты помнишь? Тебе обязательно нужно было знать, какое мое любимое блюдо, нравится ли мне синий цвет и что я больше люблю — читать книги или играть в шарик.

Я густо краснею:

— Я была очень одиноким ребенком.

— Нет, — он качает головой. Его голос становится мягче, и он тихо вздыхает: — Ты была чуткой, умной и невероятно талантливой целительницей. И ты была самоотверженной, Роуз. Глядя на тебя, я сам становился лучше. Хотя с тем же успехом мог бы легко вырасти точной копией своего отца.

Я соскальзываю с кровати и поднимаюсь на ноги, которые сейчас кажутся мне стеклянными. — Ты ни капли на него не похож, Гриффон. — Мне критически важно, чтобы он это услышал. И пусть я, скорее всего, никогда в жизни не смогу забыть, как

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

именно его руки опускали моего брата в Жатвенную корзину... я все равно не хочу, чтобы мой старый друг изводил себя призраками прошлого.

Но он продолжает говорить так, словно вообще не слышит моих слов:

— А потом тебя нарекли Николе. — Он делает паузу. — И у меня больше не было на тебя никаких прав. Во всяком случае, на ту тебя, о которой я мечтал. И тогда мне стало гораздо проще тебя ненавидеть.

Сердце делает кульбит. Что он такое говорит?

— Первые несколько месяцев после церемонии мне стоило титанических усилий просто избегать тебя, но со временем это вошло в привычку. Я смирился со своей участью. И с твоей, и с участью Николы. — Гриффон переводит дыхание, и это ожидание становится для меня почти мучительным. — Но то, что ты сказала на крыше... — он замолкает, словно пугаясь того, куда могут завести его эти мысли.

Инстинктивно я протягиваю к нему руку, но в последнюю секунду одергиваю себя. Меня буквально потряхивает от избытка чувств, я кажусь себе сплошным оголенным нервом. Разумеется, мы не могли быть вместе, но ради чего мы оба растоптали и принесли в жертву нашу дружбу на целых четыре года, вместо того чтобы просто сесть и честно поговорить о своей боли?

Он оборачивается и смотрит на мои губы с такой пугающей интенсивностью, что по телу снова пробегает волна мурашек. Но вместо того чтобы прижаться к ним своими, его взгляд возвращается к моим глазам.

— Вот почему я выступил против нашей помолвки в часовне, — его глаза горят яростным, неистовым огнем. — Я не хочу, чтобы тебя силой заставляли выходить за меня, Роуз. И когда ты подошла ко мне сегодня внизу... это не было посредственно. На какую-то долю секунды я действительно поверил, что ты можешь испытывать ко мне то же самое, что и я к тебе. Мне жаль, что я поставил тебя в неловкое положение. И я буду до конца своих дней просить прощения за то, что стал частью Жатвы Джонаса.

Я покорно киваю, и на глаза наворачиваются слезы, потому что я кожей чувствую: сейчас он говорит чистую правду.

— Я верю тебе, — произношу я, но на самом деле эти слова означают другое: «Я прощаю тебя. Настолько, насколько вообще способна это сделать». Но уже слишком поздно. Как только планшет полностью зарядится, я должна буду оставить его и эту Долину навсегда.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 32

Я была уверена, что после такого разговора у меня скорее получится взлететь на Стену без всякой корзины, чем уснуть, но усталость и измождение прошлых дней, в конце концов, взяли свое. Когда я просыпаюсь, первая мысль, которая приходит в голову — будто кто-то намертво привязал меня к кровати и долго, методично бил палкой.

Я глухо застонала, поднося ладонь к лицу. Оскар ни капли не преувеличивал, когда говорил о том, насколько всё будет болеть. И тут я замечаю расцветающие на запястье лилово-зеленые синяки — наглядный след вчерашней тренировки. Придется хорошенько следить за тем, чтобы рукава рубашки всегда были опущены как можно ниже.

Но затем я замечаю кое-что еще, кое-что совершенно чудесное: сквозь окно в комнату бьют яркие, золотистые лучи утреннего солнца!

Я резко сажусь. Если такая погода продержится весь день, планшет зарядится полностью. А если и завтрашний день вопреки всем прогнозам Астронома окажется солнечным, я смогу забрать устройство и спуститься в корзине к Джонасу. Будь я на его месте, я бы держалась поближе к Вратам Эдема — либо на самой вершине Стены, либо у её подножия с той стороны, если бы удалось спуститься.

Держись, братишка. Я иду.

Я уже собираюсь сбросить одеяло, но замечаю, что впервые с момента моего переезда в коттедж Цзы Гриффон всё еще спит на полу рядом с кроватью. Я замираю, разглядывая его, а сердце в груди начинает испуганно бухать. Одеяло запуталось у него в ногах. Неужели ему снились кошмары, которых я не услышала? Солнечный луч нежно скользит по его лицу, очерчивая линию закрытых глаз и упрямый изгиб носа. Его обнаженная грудь мерно и спокойно вздымается, одна ладонь небрежно брошена сверху.

В полусне он выглядит таким беззащитным, на расстоянии вытянутой руки от меня. Сама не понимая, что делаю, я протягиваю руку к его лицу. Не думаю, что я действительно собиралась коснуться его, но мне уже никогда об этом не узнать, потому что его пальцы мертвой хваткой смыкаются на моем запястье за мгновение до того, как я успеваю приблизиться.

Один резкий рывок — и я с грацией перевернутой черепахи впечатываюсь прямым в широкую, теплую грудь Гриффона.

— Что ты делаешь?! — возмущенно требую я ответа.

— А что делала ты? — Его глаза абсолютно чистые, а губы тронуты легкой усмешкой.

— У тебя на лице была какая-то букашка, — нагло вру я.

Он приподнимает одну бровь:

— И ты собиралась меня спасти?

Я резко вырываю руку, поднимаюсь на ноги и невольно застонав от пронзившей тело боли.

— Мышцы затекли? — спрашивает он, поворачиваясь на бок лицом ко мне и подперев голову локтем.

— Ничуть. — Сама не знаю, зачем продолжаю упрямиться. Я судорожно разглаживаю подол пижамы. — Я пойду приготовлю завтрак. — Я перехватываю повседневную одежду, перекинутую через изножье кровати. У меня два варианта: либо

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

одеться прямо здесь, либо спускаться в ванную, рискуя столкнуться в коридоре с Яреком в одном ночном белье. — Отвернись.

— Мы все вчера купались в ручье, — невозмутимо констатирует он факт. — Надеюсь, ты не думаешь, что твоя мокрая сорочка оставила простор для воображения?

— Замолчи! — я затыкаю уши руками.

Из его груди вырывается странный звук, и до меня не сразу доходит, что он тихо, искренне посмеивается.

— Для Аптекаря ты на удивление сильно стесняешься человеческого тела, — замечает он.

— Ты говоришь точь-в-точь как твоя мать. — Я чувствую, как лицо недовольно кривится.

— Бывают вещи и похуже. Говорить как мой отец, например. — Он легко поднимается на ноги и подходит к комоду. Спинной ко мне он выбирает чистую тунику. И несмотря на всю свою застенчивость, я просто не могу отвести взгляд от того, как перекачиваются мышцы под его кожей, когда он поднимает руки, чтобы натянуть одежду. В тот момент, когда он принимается аккуратно сворачивать свой походный матрас, я решаю, что веду себя глупо. Развернувшись к противоположной стене, я начинаю стягивать пижамную куртку.

— Роуз, стой! — резко вскрикивает он.

Я оборачиваюсь.

Гриффон выглядит так, словно ему причинили физическую боль. От его недавнего шутивого тона не осталось и следа — выражение лица изменилось на сто восемьдесят градусов.

— Роуз, — произносит он, пристально вглядываясь в меня. — Ты вообще сама понимаешь, чего хочешь от этой жизни?

— Что, прости? — Я ошарашенно оглядываюсь по сторонам. Я понятия не имею, к чему он клонит, но в его словах сквозит что-то похожее на оскорбление.

Он устало проводит ладонью по лицу и тяжело вздыхает:

— Ты стала Аптекарем просто потому, что родилась в этой семье. Ты потрясающе справляешься, пойми меня правильно, но ты бы никогда не открыла в себе этот талант, если бы не слепая случайность при рождении. Ты собиралась выйти замуж за Николу только потому, что вас распределили друг другу. — Его голос падает до шепота. — Теперь ты выходишь за меня по той же самой причине. И ты собираешься переодеваться прямо передо мной только потому, что я поддразнил тебя, назвав слишком трусливой. Ты хоть раз в жизни задумывалась о том, что дорого лично тебе?

Острая точность этого вопроса бьет под дых. Я судорожно пытаюсь отыскать в мыслях хоть какую-то истину, в которую сама искренне верю:

— Ты был мне дорог. Когда мы были детьми.

— Почему?

Перед глазами проносятся все наши тайные надежды, мечты, глупые планы и детские страхи, которыми мы делились друг с другом. То, как бережно он умел слушать и как рядом с ним во мне просыпалось всё самое лучшее.

— Потому что с тобой всё было правильно и просто. Когда мы были вместе... я чувствовала себя целой.

— Но ты мне об этом так и не сказала, — в его тоне нет упрека, только тихая грусть.

Я в крайнем раздражении всплескиваю руками:

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

— Это ты вообще-то перестал со мной разговаривать!

Он едва заметно склоняет голову, признавая мою правоту. *Справедливо*, — читается в его жесте. Мне бы остановиться, пока перевес на моей стороне, но старые, годами вбивавшиеся в голову программы умирают неохотно.

— И во всем остальном у меня тоже не было выбора. Так уж устроена наша Долина.

Гриффон качает головой:

— Но неужели ты ни разу не разозлилась? Не пыталась бунтовать против этого?

В памяти тут же всплывают строчки школьной клятвы, обрываясь на полуслове: «Систему храни — и она защитит, по правилам жизнь...» Я слишком долго затакивала свои настоящие чувства как можно глубже. Но теперь, когда Джонаса забрали, а меня вынудили жить под одной крышей с людьми, которым я не могу доверять, у меня просто больше нет сил удерживать эту плотину.

— Смерть отца полностью сломала меня, — признаюсь я, твердо удерживая его взгляд. — Сейчас я отчаянно жалею, что не начала задавать вопросы еще тогда, но я была слишком напугана. Я наивно верила, что если буду беспрекословно следовать правилам, то смогу защитить оставшихся членов семьи. — Голос предательски ломается от осознания того, насколько жестоко я ошибалась. — Но больше этому не бывать, Гриффон. Я больше не собираюсь покорно идти на заклание. Я готова бороться за то, во что верю. — В груди становится тесно, дыхание сбивается. Я сама не понимаю, почему так сильно разгорячилась. Ведь он не пытается сделать мне больно.

Он молча изучает меня, и на его красивом лице проступает выражение глубокой, беспредельной тоски.

— Как твой муж, я буду стоять за тебя горой. Даже если этот выбор сделали за тебя. — Он мягко обходит меня, оставляя в воздухе едва уловимый шлейф соснового аромата. — Обязательно поешь сегодня, — бросает он уже у самой двери. — Ты слишком много работаешь и вечно пропускаешь обеды.

После чего за ним тихо закрывается дверь.

Мне требуется нечеловеческое усилие воли, чтобы не броситься вслед за ним и не признаться во всем: что я собираюсь бежать и искать Джонаса. Как бы приятно ни было тешить себя иллюзиями, будто Гриффон согласится помочь мне устроить побег, реальность куда прозаичнее — скорее всего, он сделает всё, чтобы отговорить меня от этого безумия. И я бы не смогла его за это винить. Но для меня есть лишь одна вещь, которая страшнее мысли о побеге за Стену вслед за братом-близнецом — это остаться здесь и до конца своих дней мучиться вопросом, обрекла ли я его на медленную и мучительную смерть.

Проходит несколько долгих минут, прежде чем мне удастся взять себя в руки. Я делаю глубокий вдох, невидящим взором уставившись на платяной шкаф. И тут в памяти всплывает вчерашний вечер — те самые бумаги, которые Гриффон так судорожно пытался спрятать обратно на полку. Разумеется, это совершенно не мое дело, но любопытство — куда более приятный спутник, чем удушающий страх. Я стремительно подхожу к шкафу. Запускаю руку под сложенные одеяла и подушки. И извлекаю на свет плотную пачку листов.

Рисунки углем. Потрясающе точные, детальные наброски: вековые деревья, изгибы Стены, домашний скот на пастбище. И на доброй половине из них изображена девушка, как две капли воды похожая на меня. Вот только на этих рисунках над её головой всегда ярко сияет солнце.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

Сердце сладко и больно сжимается, и я тихо вздыхаю.

Как же всё-таки просто было жить еще всего несколько дней назад, когда человек, которого я оставляла позади, был для меня всего лишь врагом.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 33

Когда я прихожу на кухню, там обнаруживается только Ярек.

— В стенах Стены, — произношу я нараспев, слегка склонив голову в знак почтения. Надеюсь, этот жест поможет нам начать сегодняшний день с правильной ноты. — Мизия и Гриффон присоединятся к нам на завтрак? — Я направляюсь к дровяной печи, чтобы растопить её.

— А ты не спросила об этом своего нареченного, пока утреннее солнце застало тебя в его объятиях? — спрашивает Ярек, но в его голосе почему-то нет привычной язвительности. Сегодня он выглядит еще более изнуренным и уставшим, чем накануне вечером.

Я бросаю быстрый взгляд на его раненую руку, скрытую до самого локтя рукавом рубашки. Никаких видимых признаков заражения крови или избыточного отека. Я ставлю кастрюлю с водой на разогревающуюся плиту, высыпаю туда овсяные хлопья и добавляю щепотку лаванды. Как бы мне сейчас пригодились черные грецкие орехи, чтобы придать блюду хоть какой-то вкус. Скоро нам должны доставить свежую партию фруктов и овощей — то небольшое, что еще остается в закромах в это время года, но пока что нашим утренним рационом будет обычная каша.

— Какие у тебя планы на день? — интересуюсь я.

— Всё как обычно, — отзывается он. — Проверить периметр на предмет прорывов. Тренировка Стражей. Гриффон покажет тебе, как всё устроено, сегодня днем.

Ах да, точно: мой нареченный должен отвести меня посмотреть на их занятия. Сегодня будет чертовски трудно выкроить время для хранилища, но я просто не имею права отказываться от этой затеи, особенно теперь, когда я окончательно решила бежать на поиски Джонаса.

Кажется, с момента той злополучной Жатвы не было ни единой минуты, чтобы я не думала о нем. Мне то и дело хочется отпустить какую-нибудь глупую шутку, которой мы обычно перебрасывались, или поделиться с ним новым открытием. Вот только теперь, вместо того чтобы в красках воображать его гибель и мучиться вопросом, была ли она быстрой, я думаю о другом. Не холодно ли ему? Не ранен ли он? Жива ли в нем еще надежда?

Я не глупа, особенно когда дело касается вопросов жизни и смерти. Я прекрасно понимаю, что моего близнеца, возможно, уже давно нет в живых, но если я поднимусь на вершину Стены, то смогу хотя бы своими глазами поискать улики и узнать его судьбу. В конце концов, я пережила гибель отца и видела его тело. Как бы ужасно это ни было, в этом присутствовало какое-то успокоение, финальная точка.

— Когда ты готовишь, ты точь-в-точь как Генриетта.

Я замираю на месте, удерживая деревянную ложку прямо над булькающей кастрюлей, ароматный пар от которой окутывает мое лицо. Я совсем позабыла, что Ярек сидит здесь.

— Ты видел, как готовит моя мама?

— Один раз, когда был совсем молодым, — его голос звучит так, словно он мысленно перенесся на много лет назад. — Мне было лет четырнадцать или пятнадцать. Я был из-за чего-то жутко расстроен. Прогулял тренировку и сам не заметил, как ноги привели меня к Аптекарьскому Коттеджу — меня привлекло

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

невероятно красивое пение. Дома была только твоя мама, она как раз готовила ужин. Генриетта пела как настоящий ангел. И выглядела точно так же.

И он тихо заводит «Там, в Долине Ноя» — ту самую колыбельную, которую на днях напевала моя бабушка. У Ярека оказывается на удивление глубокий, чувственный баритон:

— Спи, мой ангел, засыпай, страх из сердца прогоняй.

Нас Стена объединила, нашу веру закрепила...

Я рискую украдкой взглянуть на него. Черты его лица расслабились. Пожалуй, это первый раз за всю неделю, когда он не выглядит как хищная птица, высматривающая жертву. Неужели этот человек действительно мог приложить руку к убийству моей матери, как искренне верят Мериал и остальные? В эту секунду он выглядит по-настоящему потрясенным своими же воспоминаниями.

Ярек проводит ладонью по своим коротко остриженным волосам, словно пытаюсь силой стереть это нахлынувшее видение.

— В жизни не слышал более сладкого голоса. Истинное проклятье, что она не родилась в Доме Менестрелей. Я ведь был влюблен в неё. Ты знала об этом?

Он задает этот вопрос без всякого ожидания ответа, и это как нельзя кстати, потому что я буквально лишилась дара речи. Должно быть, он чертовски, смертельно устал, раз решился излить передо мной душу. И как бы сильно мне ни была противна сама мысль о том, что Ярек когда-то вздыхал по моей матери, в глубине души я чувствую странную, неожиданную благодарность. Какое прекрасное воспоминание. Именно такой мама и хотела бы остаться в памяти людей.

— Влюблен в кого? — раздаётся со ступенек голос Мизии.

По спине пробегает волна липкого страха. Несмотря на все экстренные ситуации, которые вечно происходили в Аптекарском Доме, наша семья всегда оставалась тихой и мирной. Цзы же ведут себя так, словно от очередного мордобоя их отделяет всего одно неверно сказанное слово.

— В тебя, конечно же, дорогая, — язвительно отзывается Ярек, мгновенно меняя тон.

В эту самую секунду каша в кастрюле вскипает и выплескивается прямо на кухонную стойку. Я поспешно переставляю горячую посуду в раковину, с ужасом осознавая, что за последние два дня уже второй раз чуть не сжигаю завтрак. Пока я судорожно вытираю липкий беспорядок, я прямо кожей чувствую, как Мизия мысленно взвешивает, стоит ли верить словам мужа. К счастью, с заднего двора в дом заходит Гриффон, тем самым разряжая сгустившуюся атмосферу. Но на смену облегчению тут же приходит полнейшее замешательство: парень уверенно шагает прямо ко мне и по-хозяйски кладет ладонь на мою поясницу. Он наклоняется и нежно целует меня в лоб, после чего пристально смотрит мне в глаза. По телу пробегает дрожь, и я инстинктивно отвожу взгляд, не выдерживая этой интимной близости.

Мизия смотрит на нас с явным подозрением. И тут до меня доходит, что именно делает Гриффон. Он просто подыгрывает, в точности так же, как я сама делала вчера вечером. Я приподнимаюсь на цыпочки, слегка тянусь вверх и неуклюже чмокаю его в щеку, умудрившись при этом издать какой-то странный, слишком громкий чавкающий звук. Мне становится невыносимо стыдно от осознания того, что он был абсолютно прав: притворство дается мне из рук вон плохо. Не то чтобы у меня был богатый опыт в поцелуях. Ну, если не считать того случая на крыше. И тем не менее после моей неловкой «атаки» Гриффон медленно открывает свои обсидиановые глаза,

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

словно только что очнулся от глубокого сна. В этой черной глубине полыхает настоящий пожар. Его губы трогает едва заметная улыбка.

Подав завтрак семейству Цзы, я пытаюсь незаметно выскользнуть из дома, на ходу сочиняя ложь о том, будто пообещала Хранителю Записей явиться как можно раньше. Однако Гриффон преграждает мне путь, и одной его выразительно приподнятой брови мне вполне достаточно, чтобы понять: он ни за что не выпустит меня на улицу голодной. Я недовольно фыркаю, с размаху плюхаюсь на стул и принимаюсь быстро запихивать в себя кашу. Вечные препирательства и колкости старших Цзы за столом изрядно портят аппетит, но было бы откровенной ложью сказать, что какая-то крошечная часть меня не тронута этой заботой со стороны Гриффона. Обычно в этой жизни обо всех заботилась именно я.

Сполоснув тарелку, я, наконец, выхожу на улицу. Прямо на пороге солнце ласково касается моего лица, словно даря теплую улыбку. Я искренне надеюсь, что планшет на крыше сейчас впитывает в себя каждую каплю этого драгоценного света. Добравшись до дверей библиотеки, захожу внутрь без стука. И пускай это здание вплотную примыкает к жилым комнатам Хранителя Записей, оно всё равно остается общественным местом.

Прямо у входа стоит Саймон, усердно заталкивая какую-то книгу обратно на полку.

— Роуз!

На нем надеты короткие шорты, полностью обнажающие его узловатые, угловатые колени. Ему не досталось идеальной симметрии лица, которой так славилась Марина, но, к счастью, он не унаследовал и её стержневой, злобный характер. Сейчас парень выглядит одновременно и искренне радым меня видеть, и немного виноватым.

— Привет, — я нервно потираю кожу между большим и указательным пальцами. Я всеми силами искала возможности застать его одного с того самого дня, как Джонаса угнали на Жатву. Но если я начну действовать слишком напористо и в лоб спрошу, что именно мой брат увидел в хранилище в то утро, не замкнется ли он в себе?

— Что читаешь? — как можно более невинным тоном спрашиваю я, заправляя выбивающуюся прядь волос за ухо.

— Да так, скукотищу всякую, — Саймон поспешно прячет руки в карманы. — Книгу про солнечную энергию.

— Можно взглянуть? — я сама поражаюсь собственной наглости. С самого детства нас учили, что спрашивать человека о том, что он читает — верх неприличия. Это расценивается как грубое вторжение в частную жизнь и мысли. К тому же многие жители Долины вообще не притрагиваются к книгам после окончания школы, и лишнее привлечение внимания к этой теме могло выставить их в неловком свете.

Однако для Саймона этот вопрос оказывается идеальным попаданием. Его лицо мгновенно озаряется восторгом. Он тянется к полке и достает книгу, которую только что спрятал. На обложке значится название: *«Солнечная энергия для скромного бюджета»*. Мне кажется, этот текст куда больше подошел бы Дому Инженеров, но, полагаю, Хранителю Записей по долгу службы положено иметь хотя бы поверхностное представление о самых разных вещах. Я терпеливо позволяю ему показать мне несколько чертежей и схем, пока он увлеченно объясняет концепции, которые Альберт наверняка щелкал бы как орешки, но которые пролетают абсолютно мимо моей головы. Однако вскоре мое терпение иссякает. Груз вины за то, что я так и не

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

выслушала Джонаса в последний раз, когда видела его живым, становится просто невыносимым, а я понятия не имею, в какую секунду нас может кто-то прервать.

— Саймон, пожалуйста, расскажи мне, что вы с Джоном увидели в хранилище в то утро, когда его забрали. Я безумно по нему скучаю. Если я буду знать, что произошло в его последние часы здесь, мне... мне правда станет легче.

Лицо парня мгновенно блекнет. Он испуганно косится в сторону жилых комнат матери.

— Я бы с радостью, Роуз, но Марина меня просто со свету сживет, если узнает.

Пульс резко подскакивает. Своим ответом он только что лично подтвердил, что Джон не просто что-то там увидел, а наткнулся на нечто действительно важное — на то, о чем Марина прекрасно знает.

— А Марине-то какое дело?

Саймон сокрушенно качает головой:

— То, что находится в хранилище — тайна, которую дозволено знать исключительно Хранителям Записей. Мы приносим в этом священную клятву. Мне вообще не следовало пускать Джонаса туда, вниз. Я просто... просто хотел повыпендриваться перед ним.

— Какую еще клятву? И кому? — Да, мы с самого детства помогаем своим Домам в работе, но никто из нас не приносит официальную присягу по профессии до тех пор, пока не вступит в брак. А они с Сальваторой, очевидно, пока еще не связаны узами со своими половинками.

Саймон нервно заламывает руки:

— Я не могу тебе сказать. — Он вздрагивает и переходит на испуганный шепот: — Если жители деревни узнают об этом, это принесет им лишь боль и вред.

А вот это уже что-то новенькое.

— Раз Джонас это видел, значит, и мне необходимо знать, — твердо отрезаю я. — Тебе не обязательно лично вести меня туда. Просто подскажи, где искать.

Саймон качает головой:

— Подвал заперт.

Это я и без него знаю.

— Где ключ?

Он качает головой еще более яростно, наотрез отказываясь отвечать.

— Саймон, — я стараюсь говорить как можно медленнее и четче, — я всё равно от этого не отступаю. Мне бы очень хотелось услышать правду именно от тебя, но если ты решишь промолчать, я найду другой способ.

— Ладно, — обреченно выдыхает он, выглядя совершенно несчастным. — Я расскажу тебе, Роуз, но только ради того, чтобы ты сама не полезла на рожон и не пострадала. Это меньшее, что я могу сделать для него. — На последнем слове его голос предательски срывается, и я понимаю, что он имеет в виду моего брата. Горе этого мальчишки настолько осязаемо, настолько созвучно моему собственному, что я не выдерживаю и мягко беру его за руку. — Понимаешь... у нас там, внизу, хранится абсолютно вся история нашей Долины, — начинает он.

— Ну, разумеется, — киваю я.

Он еще раз испуганно оглядывается по сторонам и понижает голос до едва различимого шепота:

— Чего никто не знает, так это того, что за стеллажами со стандартными свитками есть еще одна, тайная комната. Мой отец наткнулся на нее около девяти

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

месяцев назад — говорит, в один прекрасный день потайная дверь просто сама взяла и отъехала в сторону. И там полно вещей, которых я в жизни не видывал! Сладости, вкус которых даже вообразить невозможно, еда в странных металлических банках, инструменты, оружие... Должно быть, Основатели спрятали всё это там, вот только бог весть ради какой цели.

Его лицо горит от возбуждения, но меня от его слов бросает в самый настоящий ужас. Кажется, я уже пробовала одну такую сладость — ту самую зеленую конфету «рэнчер зу-зу», которую мне дал Ярек. Судя по всему, именно оттуда он притащил и то странное устройство, что сейчас заряжается у него на крыше. Звучит вполне логично. Но как бы ни была шокирующей эта информация о припрятанных запасах из времен до постройки Стены, я в упор не вижу здесь ничего такого, из-за чего Джонаса могли бы в экстренном порядке отправить на Жатву. Какие-то древние консервы? Нет. Мой брат совершенно точно наткнулся на что-то гораздо более опасное — мы определенно являемся не теми, за кого себя выдаем, и я намерена выяснить это во что бы то ни стало. Я уже собираюсь расспросить Саймона подробнее, когда в дверях внезапно материализуется Марина.

— Ты опоздала. — Её платиновые волосы уложены в четыре изящные косы, переплетенные на спине в один толстый, тугой жгут. — Ты должна была явиться сюда еще до рассвета.

Что-то я не помню, чтобы мы об этом договаривались.

— Мне нужно было приготовить завтрак для моей семьи, — вежливо отвечаю я, хотя от самого слова «семья» применительно к Цзы меня внутри буквально начинает тошнить. Но мне жизненно необходимо восстановить её веру в мою покорность после той досадной оговорки по дороге из часовни.

— Как мило с твоей стороны. — Она высокомерно смотрит на меня сверху вниз, выглядя сегодня на редкость взвинченной и не в духе. — Вот списки для переписи. Ты должна успеть обойти как минимум пятнадцать домов до конца сегодняшнего дня.

— Что? — я ошарашенно приоткрываю рот. — Это невозможно. Мне говорили всего про одиннадцать. Я один человек, к тому же сегодня днем я обязана присутствовать на тренировке Стражей.

А еще мне нужно как-то пробраться в твое чертово хранилище и незаметно уползти к пещерам.

Она лишь презрительно усмехается в ответ:

— Ну ты же у нас так потрясающе справляешься со всем, за что бы ни взялась, верно, Роуз?

Это звучит настолько нелепо, что даже не заслуживает ответа. Я протягиваю руку, чтобы забрать бланки переписи, но она крепко вцепляется в бумаги, не спеша их отдавать.

— Я бы очень хотела пригласить вас с Гриффоном к нам на ужин на этой неделе, — вкрадчиво произносит она. — Скажем, сразу после вашей свадьбы.

— Не обольщайтесь, — сквозь зубы бормочу я.

Её лицо кривится так, словно она только что съела что-то невероятно кислое. На этот раз я резко и с силой дергаю листы на себя, буквально вырывая их из её пальцев.

После чего разворачиваюсь и выхожу обратно под яркие лучи утреннего солнца.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 34

— Привет, — обращаюсь я к девочке, что стоит перед коттеджем Водопроводчиков спиной ко мне. — Твои родители дома?

Когда она оборачивается, я узнаю Уэнди, ту самую малышку, чей палец отрезал Ярек.

— Ох... — вырывается у меня, и мой взгляд невольно опускается к месту её травмы.

Она моргает, и по её усыпанному веснушками лицу разливается робкая улыбка. Глаза у неё карие, как и у большинства жителей Долины, но слегка приподнятые у внешних уголков, что придает ей задорный, почти эльфийский вид. Она приподнимает руку, замотанную толстым слоем бинтов. — Твоя тетя считает, что палец снова будет работать как надо. Она сказала, это благодаря твоей быстрой помощи.

С души мгновенно спадает огромный, давящий камень.

— Я так рада это слышать. — Не прикасаясь к ней, я внимательно осматриваю её лицо на предмет лихорадочного румянца и проверяю обнаженное запястье — нет ли зловещих красных полос, предвещающих заражение. Девочка выглядит абсолютно здоровой. — Очень сильно болит?

— Только если обо что-нибудь стукнусь. — Её улыбка угасает, и она низко опускает голову. — Но это всё ерунда по сравнению со стыдом... стыдом быть воровкой.

В горле встает горький ком. Она слишком мала, чтобы клеймить себя подобными словами.

— Ты не воровка, Уэнди. — Я опускаюсь на корточки, чтобы наши глаза оказались на одном уровне, и мягко заставляю её посмотреть на меня. — Искать еду, чтобы принести её в деревню — это не преступление.

Её глаза мгновенно наполняются слезами:

— Но мне ведь нельзя было ходить в лес.

Я упрямо сжимаю челюсти. Сердце разрывается от мысли, насколько ничтожной и виноватой заставил чувствовать себя эту кроху Ярек.

— Играть там, где не положено — совсем не то же самое, что красть. А ходить в лес нам запрещают исключительно ради нашей собственной безопасности.

Хотя сама я в это больше не верю, особенно после того, как лично побывала по ту сторону. Но Уэнди сейчас эта правда ни к чему. Я ласково глажу её по голове и слегка тяну за косичку:

— Ты не заслужила такого обращения. Ярек не должен был так поступать.

— Ты говоришь против своего Дома, — тихо замечает она.

Внутри всё испуганно переворачивается. Когда это я успела начать так открыто и естественно бунтовать? Вопреки всему, в ушах до сих пор настойчиво звенит мамин голос: *«Не выделяйся»*.

— Уэнди! — из коттеджа выходит Август. Я не видела его с того самого дня, когда мне показалось, будто он угрожает моей бабушке.

— В стенах Стены, — произношу я, приподнимая руку в приветственном жесте. — Я помогаю Хранителям Записей проводить перепись населения. Могу я занять немного вашего времени?

— Я занят, — отрезает он. Глубокие морщинки вокруг его глаз и рта красноречиво говорят о том, что он умеет улыбаться, хотя я, хоть убей, не помню, когда видела его

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

улыбающимся в последний раз. В последние месяцы они с мамой часто вместе обходили деревню, и Август всегда выглядел предельно серьезным. Он вытирает руки о тяжелый рабочий фартук. — Но ты спасла палец моей девочки. Я у тебя в долгу.

Я искренне изумлена:

— За взаимовыручку плата не требуется.

Он настороженно оглядывается по сторонам. Его дом — последний в моем сегодняшнем списке. Улицы совершенно пусты, все жители давно разошлись по своим рабочим местам.

— Раньше так и было, — глухо роняет он. — Чего мы стоим на пороге? Заходи в дом.

Холодная дрожь проносится по позвоночнику. Семьи, которые я навещала вчера, были подчеркнуто дружелюбны. Они строго следовали обычаям: предлагали чай, усаживали за стол и максимально подробно отвечали на вопросы. Но это замечание Водопроводчика о том, «как всё было раньше» — первая отчетливая искра того самого скрытого бунта, который движет Мерил, Сал, Эро и Оскаром. Неужели я всё это время ошибалась на счет Августа?

Я послушно следую за ним внутрь. Если не считать аккуратного ящика с инструментами у двери, штабеля труб у стены и ровных рядов профессиональных справочников вперемешку с библиотечными книгами на полках, этот коттедж ничем не отличается от остальных жилищ в Долине. Открытая планировка первого этажа: кухня, обеденная зона и общая комната; лестница, ведущая наверх к спальням; и дверь на задний двор, где расположены прачечная и ванная. Разве что здесь нет той удушливой сырости, которой со временем пропитались многие наши дома — этого едва уловимого запаха плесени в стенах. Ну, оно и неудивительно, у Водопроводчиков трубы явно никогда не текли. Похоже, дома больше никого нет.

— Налить тебе чаю?

— Нет, спасибо. — Я уже на собственном горьком опыте усвоила, что от предложений выпить чаю лучше вежливо отказываться. Вчера к концу обхода я чувствовала себя так, словно мне самой скоро потребуется водопроводчик.

— Что ж, тогда я налью себе, — говорит он. — Если передумаешь, просто скажи.

— Хорошо. Спасибо.

На нем надет серый рабочий костюм, и я замечаю, что на его штанах и тунике гораздо больше карманов, чем на моей одежде. Какое практичное решение. Интересно, он сам их пришил или отправлял специальный запрос в Дом Портных?

Он переносит свистящий чайник к столу.

— Моя бабушка когда-то тоже принадлежала к Дому Водопроводчиков, — выпаливаю я прежде, чем успеваю подумать. Комната на мгновение словно покачивается. Не слишком ли смело я прощупываю почву?

Август замирает с чайником в руке:

— Верно. Она была родной сестрой моего отца.

— Вы помните её? Когда она еще жила здесь?

Он тихо посмеивается, и глубокие, красивые морщины на его лице становятся еще заметнее. Я ловлю себя на том, что впервые рядом с ним чувствую себя абсолютно спокойно.

— Я еще не настолько старик, дитя. Твоя бабушка ушла отсюда в семнадцать лет, когда вышла замуж за твоего деда. — Его взгляд внезапно становится предельно серьезным. — Она сама рассказала тебе, что была Водопроводчиком?

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Я киваю. Мне до сих пор не верится, что я озвучила это вслух перед посторонним человеком. Я торопливо вытаскиваю бланки переписи из сумки. Ткань рубашки цепляется за край планшета, задирая рукав и полностью обнажая налившиеся синяки на моем предплечье.

Он с глухим стуком опускает чайник на стол, его голос превращается в низкое рычание:

— Это Ярек сделал?

Я поспешно одергиваю рукав вниз:

— Нет-нет, что вы.

Он недоверчиво разглядывает меня, слегка склонив голову набок.

— Значит, боевые синяки, — констатирует он. — И при всём этом ты занимаешься переписью вместо того, чтобы тренироваться вместе со своим новым Домом.

Я упорно смотрю в сторону, боясь, что глаза выдадут меня с потрохами. Когда я наконец решаюсь снова взглянуть на него, на его лице застыло глубокое, сосредоточенное выражение, словно он прямо сейчас принимает какое-то судьбоносное решение. Он наливает чай, возвращает чайник на плиту и с дымящейся кружкой подходит к входной двери. Уэнди так и сидит на крыльце.

— Дай знать, если увидишь на улице кого-то, кому могут понадобиться наши услуги, — говорит он, протягивая дочери кружку. — Согреешься.

Сердце испуганно делает двойной удар. Кажется, он только что завуалированно приказал дочери посторожить снаружи.

Уэнди с благодарностью принимает чай. Август плотно закрывает дверь, возвращается к столу и садится, слегка отодвинув стул и расслабленно скрестив ноги в лодыжках. Я устраиваюсь напротив него. Поза у него абсолютно непринужденная, чего никак нельзя сказать о его словах.

— У нас мало времени, — чеканит он. — Когда ты заходила в другие коттеджи, сколько примерно времени уходило на расспросы?

— Минут двадцать на каждый. — Я снимаю ремень сумки с плеча и опускаю её на стол. — Мне нужно узнать...

Он поднимает мозолистую ладонь, прерывая меня:

— Я прекрасно знаю, что тебе нужно узнать. Мне пятьдесят восемь лет, мое имя Август Огер. Я живу здесь со своим отцом, Гефестом, ему семьдесят шесть, и это именно ты поддерживаешь в нем жизнь своими таблетками из ивовой коры после его последнего сердечного приступа.

Желудок подкатывает прямым к горлу от ужаса.

Он издает короткий щелкающий звук языком, без тени страха проговаривая вслух информацию, за которую нас обоих могли бы сварить заживо, услышь это кто-то посторонний.

— Я знаю, что ты думала, будто мы ни о чем не догадываемся, и меня вполне устраивало такое положение дел. Еще я живу со своей женой, Коко, ей сорок девять, моим братом Альфонсом, ему пятьдесят четыре, и его женой Кейт, которой пятьдесят шесть. У них есть пятнадцатилетний сын Эдвард, он сейчас на занятиях в школе. У нас с Коко две девочки: Уэнди, которая сейчас на крыльце, ей девять, и восьмилетняя Лидия. Лидия тоже в школе, но я скорее сам сигану за Стену, чем позволю её сестре вернуться к занятиям до того, как её рука полностью заживет. Ни одна тварь больше не назовет Уэнди воровкой.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

Он с силой хлопает ладонью по столу. От этого резкого звука я невольно вздрагиваю.

— Коко и Альфонс сейчас на обходе, выполняют привычную работу нашего Дома. Латают протечки, замеряют давление в трубах, чистят засоры. Кейт уже несколько недель как прикомандирована к Картерам — помогает им на скорую руку проложить систему орошения для новых полей. Обычно я тоже с ними, но сегодня остался дома из-за Уэнди. Гефест, скорее всего, спит наверху. В ближайшее время никто из нас не планирует умирать, жениться или беременеть. Ты всё записала?

Я судорожно перечитываю всё, что успела лихорадочно набросать на бумаге, и покорно киваю.

И тут он произносит слова, за которые любого из нас гарантированно отправили бы на Жатву прямо сегодня:

— Вот и славно. Значит, тыходишь в ту группу, которую тайно обучают сражаться?

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 35

Я издаю тонкий писк.

Он кивает: «Я так и думал». Он подается вперед, барабанив пальцами по столу.

- Это дает нам минут пятнадцать, чтобы обсудить главное. Мы не теряем пахотные земли из-за какого-либо существа, известного в Долине.

Грифель моего карандаша ломается с сухим щелчком.

- Простите?

- То, что я сейчас скажу, не должно покинуть эту комнату, — произносит он, и каждое слово ложится на стол тяжелым камнем. — Если только ты не хочешь, чтобы мы оба отправились в корзине к Вратам Эдема, как только планшет зарядится.

Холодная и быстрая дрожь пробегает по моему телу. Я киваю, чувствуя, как язык во рту становится словно ватным.

Он бросает взгляд в сторону передней части дома; мышцы на его шее напрягаются, когда он прислушивается. Лишь убедившись, что кругом тихо, он продолжает еще тише, чем прежде:

- Совет заявляет, будто нас охотятся дикие звери — на полях и возле пасек прямо к востоку от Врат.

Я снова киваю. Страх распространился среди людей, густой и безмолвный, как дым, сразу после того, как эти зоны закрыли. Вслед за ним пришел голод.

- Но там нет никаких зверей.

Голос Августа падает еще ниже, и мне приходится напрячься, чтобы его разобрать.

- Ни помета, ни следов, ни одного отпечатка лап. Ни одно живое существо не рисковало заходить в заброшенную зону после последнего дождя, это точно.

У меня перехватывает дыхание, и я кусаю губу, чтобы не вскрикнуть. Я подозревала, что Совет лжет, когда увидела тело Питера, но чтобы никаких животных вообще?

- Ярек говорил...

- Я знаю, что он говорил, - ответ Августа звучит резко и грубо. Он проводит руками по волосам, тронутым сединой, и его пальцы дрожат достаточно заметно, чтобы мое сердце забилося в ритме чечетки. - Я сам ходил туда, Роуз. Я видел всё своими глазами. Там нет никаких звериных следов. Ни кролика, ни оленя, даже чертовой лисы нет.

Я представляю себе этот теперь уже заброшенный кусок пахотной земли вдоль Стены, где восемь месяцев назад погибли двое Стражей. Я содрогаюсь, и Август кивает.

- Если бы я не знал наверняка, — говорит он, — я бы решил, что животные боятся этого места так же сильно, как и мы.

Кажется, он хочет сказать больше, но вместо этого лишь морщится. Ему не следовало ходить туда с проверкой. Мы оба это знаем. Правила предельно ясны: в закрытые поля разрешено входить только Стражам.

Я открываю рот, но слова застревают, путаются.

- Что же там тогда?

На мгновение мне кажется, что он не ответит. Его взгляд блуждает мимо меня, к двери. Наконец, он произносит:

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

- Что-то ужасное. И Ярек хочет, чтобы так оно и оставалось. Ты же видишь, кого он отправляет на Жатву, верно? Тех, кто противится новым правилам, или тех, кто мог бы рассказать нам, что происходит на самом деле.

Ровно то, о чем твердили Мерил и остальные. Он избавляется от всех, кто стоит у него на пути.

- Твоя мать перешла Яреку дорогу, и её вместе с твоим братом убрали, как урок для всех остальных, — произносит Август тяжелым тоном.

Я выпрямляюсь:

- Вы видели? Вы видели, что случилось с моей матерью? Вы были очень близки с ней.

Его лицо омрачается:

- Нет. Она стояла здесь, а через миг её уже не было, и твой брат остался там с ножом в руках, - его лоб тяжелеет. - Но я знаю, что Ярек к этому причастен. У него свои планы, которых нам не разглядеть. Не думаю, что твоей бабушке или моему отцу позволят задержаться здесь надолго.

Масштаб происходящего подавляет меня:

- Вы должны сказать Хранителю Записей.

Август с визгом пододвигает стул:

- Я не доверяю Дэвиду. У него нет сил противостоять Яреку. И если ты кому-нибудь скажешь, что я это произнес, я поклянусь, что ты лжешь, - он смотрит мне в глаза. - К тому же, меня, скорее всего, всё равно отправят на Жатву.

Он оказал мне невероятное доверие. Больше, чем я, вероятно, заслуживаю, учитывая моё прошлое. Я киваю и щипаю себя за кожу между большим и указательным пальцем, связывая воедино то, что только что узнала, с тем, что говорил Гриффон о желании отца видеть меня в их Доме.

- Это еще не всё, — добавляет Август.

Мои глаза встречаются с его лицом.

- Я думаю, Ярек припрятывает еду и раздает излишки тем, кто ему угоден. В Домах Стражей, куда я заходил чинить водопровод, на столах явно больше всего, чем у остальных.

- Вы правы, — подтверждаю я. — Я видела это сама»э.

Мои новые друзья были абсолютно правы: Ярек опасен для всех нас. Он разрушает рай и мир, которые мы построили в Долине Ноя.

- Я говорю тебе это только из-за того, что ты сделала для Уэнди и Гефеста, — отрывисто произносит Август. — И потому что доверял твоей матери. Она была доброй и честной женщиной. Тебе следует знать, во что ты ввязываешься, и у меня есть совет на этот случай.

Он подается вперед, надавливая на стол указательным пальцем.

- Когда у тебя больше ничего не остается, ищи в себе гнев. Это отличный спутник, по крайней мере, на короткое время. Ему не нужно ни есть, ни спать, ни ходить в туалет, - он резко откидывается на спинку стула, поднимая руки. - Вот и всё, долг уплачен».

- Пусть Стена всегда защищает тебя, — произношу я. Наше самое искреннее выражение благодарности еще никогда не казалось таким уместным.

Что-то в его лице смягчается, трещина в камне.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

- Пожалуйста, будь осторожна, Роуз. Этому Совету не нравятся вопросы. А ответы им нравятся еще меньше. И прошу тебя, не ходи в закрытую часть Стены. Какова бы ни была правда, есть причина, по которой звери избегают этого места.

Я киваю с комком в горле и собираю материалы для переписи.

Август, кажется, хочет добавить что-то еще, но его перебивает сдавленный крик Уэнди.

Август вскакивает быстрее, чем я успеваю что-либо сказать. Я следую за ним к выходу, и солнечный свет на мгновение ослепляет меня. Я часто моргаю и вижу Лино Чихули из Дома Стекольщиков — он пробегает мимо, прижимая к груди обмякшее тело сына. Не раздумывая, я срываюсь с места и бегу за ними, подошвы моих ботинок гулко бьют по сухой земле, а Август ругается позади.

Тропинка к Аптекарскому Коттеджу петляет, и жители Долины расступаются, когда Лино проносится мимо.

- Пожалуйста, — повторяет он, — пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, — в ритме его отчаянного бега.

Я всё понимаю еще до того, как мы добегает до клиники. Я понимаю это по волдырям на носу и губах мальчика, которые видны, когда я настигаю его отца. Я понимаю по безжизненной тишине его безвольно висящей руки. Я понимаю, потому что уже видела это раньше.

Векс вернулся.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 36

Дядя Ричард склонился над ступкой, когда мы врываемся в дом, перетирая какую-то смесь. Его глаза расширяются, когда он видит нас, а затем сужаются от ужасного осознания. Одним движением он сметает работу в сторону, освобождая место на столе.

— Кладите его сюда, — командует он.

Лино опускает сына с такой нежностью, что у меня в груди разливается глухая боль. Белокурые кудри мальчика влажные от пота, веснушчатое лицо обмякло. В уголках рта, поверх волдырей, виднеется черное пятно. То самое, которое я видела месяцы назад, когда начали умирать первые жертвы Векса.

Дядя Ричард наклоняется, прислушиваясь к дыханию, пытаюсь нащупать пульс. Я уже знаю, что он его не найдет.

Его плечи опускаются, когда он отступает от стола.

— Мне жаль. Он ушел.

Наступает тишина, огромная и жестокая. Стекольщик падает на стул, прижимая к себе руку сына, словно еще может согреть её своей любовью, и издает звук, который я не забуду никогда — сырой, животный вой, который, кажется, исходит откуда-то извне его тела.

— Еще утром он был в порядке, — давится словами Лино.

Я подхожу ближе к Финну, глазами изучая тело мальчика. И тут замечаю, что на рукаве его рубашки, у запястья, есть слабое, еще не высохшее пятно, словно его окунули в оранжевую жидкость.

Или в воду с высоким содержанием металла.

Воду, доступную только в запретной части города.

Дядя Ричард тоже это видит.

— Он посещал твою старую мастерскую в карантинной зоне?

— Совершенно точно нет, — клянется Лино.

— Кто-нибудь еще в вашем доме болен? — спрашиваю я. — Хоть першение в горле, легкий жар?

Лино качает головой.

Я сама только что была в той зоне, осматривая тело Питера, и чувствую себя нормально. В голове возникает тяжелая мысль, настолько ужасная, что мне трудно в неё поверить: если вирус столько недель оставался без хозяев, он должен был стать нежизнеспособным. Антибиотики не помогали предыдущим жертвам, что исключает бактериальную инфекцию. А если это не то и не другое... то Векс — вовсе не болезнь.

— Дядя, — начинаю я, но он качает головой, призывая меня к молчанию.

Снаружи начинает бить деревенский колокол — тревога. Кто-то уже предупредил Стражей. Они скоро будут здесь, и если застанут меня рядом с целебными травами...

— Роуз, — шепчет дядя Ричард, — тебе нужно уходить. Сейчас же.

Я хочу спорить, но он прав. Я пятюсь к двери, не в силах оторвать взгляд от лица Финна. Он выглядит таким уязвимым в этой жуткой неподвижности, с волдырями на лице. Я вспоминаю, как он смеялся всего неделю назад, бегая по рынку со змеем, сделанным из промасленного пергамента и тонких деревянных прутьев, которые помог ему смастерить Джонас.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

И тут я вспоминаю кое-что еще: Финн, прячущийся в лесу с сестрой, когда Уэнди поймали с яблоками. Что она сказала мне, когда я торопливо уводила её обратно, придерживая одной рукой, а другой сжимая её отрезанный палец?

«Мы втроем играли и нашли дерево возле льняного поля, прямо в лесу. Нам не следовало туда ходить, но все были такие голодные».

Возможно, она сможет дать мне больше ответов. Я вылетаю из коттеджа, отчаянно пытаюсь найти её. Если мои подозрения верны, то Ярек терроризирует нас за пределами наших самых смелых кошмаров, но мне нужно подтверждение. К счастью, я нахожу девочку прямо там, где оставила её — она стоит перед домом Водопроводчиков, сжав кулаки. Её щеки красные и мокрые. Кажется, она не моргала с тех пор, как мимо неё пронесли Финна.

Я опускаюсь на колени.

— Уэнди. Ты ведь дружишь с Финном и его сестрой, верно?

Она кивает. Всклипывает.

— Мы играли в лесу. До того...

До её наказания.

— Пожалуйста, Уэнди, — я кладу руку ей на плечо. — Где еще вы играли?

Её глаза округляются, но она качает головой, отказываясь отвечать.

— Я уже знаю, что Финн ходил в карантинную зону, — говорю я. — Ты не в беде, но мне нужно знать, был ли кто-то еще с ним.

— Это был только Финн! — выпаливает она и в ужасе прижимает ладонь ко рту из-за этого признания.

— Всё в порядке, — я сжимаю её плечо. — Ему уже не страшны наказания. Куда он ходил? Может, в свой коттедж, за любимой книгой?

Она качает головой.

— Он ходил к колодцу. Только к колодцу, но часто. Он говорил, что это единственная вода, которая кажется ему вкусной. — Она кривится. — По-моему, она отдает ржавчиной, но Финн на ней вырос. Он превратил это в игру, забегая туда и обратно незамеченным.

— Не говори никому о том, что рассказала мне, — приказываю я, — и, пожалуйста, оставайся там, где безопасно. — Затем я заключаю её в объятия и мчусь к карантинной зоне, чтобы подтвердить то, что уже боюсь назвать правдой.

Я тороплюсь по булыжным мостовым, ныряя за сушилки Кожевников, когда мимо проходит патруль Стражей. Я обдумываю всё, что знаю, пытаюсь сложить страшные части головоломки воедино.

По словам Саймона, девять месяцев назад его отец обнаружил за хранилищем комнату, полную оружия и припасов. Вскоре после этого погибли Стражи, якобы от нападения дикого зверя, хотя теперь я полностью сомневаюсь в этой истории.

Ярек — сделавший себя главой всех пяти домов Стражей — объявил пахотные земли у Стены небезопасными, и вскоре начались перебои с пайками. Затем появились позорные столбы, был введен комендантский час. Всё под предлогом «безопасности».

Четыре месяца спустя появился Векс. У него были все признаки вируса, поэтому по совету моей матери Совет ввел карантин в той части деревни — напротив зоны, закрытой из-за мнимых нападений животных. Это стоило нам еще больше ресурсов. Люди стали голодными и беспокойными.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Некоторые поначалу выступали против Ярека и Совета. Судя по подозрениям Августа и Мерил, этих людей отправляли на Жатву. Если они правы, то, что раньше было честью, позволявшей жителям Долины заботиться об общине даже после смерти, теперь стало оружием в руках Ярека. Затем, месяц назад, Риа — по-видимому, близкая подруга моей матери — симулировала самоотправку на Жатву в Доме Химиков.

Где-то в то же время мама начала кодировать сообщение в своем дневнике, который я нашла спрятанным в угле. А всего несколько дней назад её убили на глазах у всех, возможно, оружием из той самой тайной комнаты.

Моего брата подставили и отправили на Жатву, и его наказание почти наверняка было спланировано заранее, учитывая, что корзина уже была спущена со своего места среди Небес. На следующий день Питера из Дома Гончаров нашли в эвакуированной промышленной зоне, далеко от места двух других нападениях животных. Состояние его тела было пугающим, и казалось, что его притащили сюда уже после смерти.

На нас охотятся, но не животные, о которых я когда-либо слышала.

Август подтвердил это.

И Ярек об этом знает. Командует ли он убийцей или просто прячется в его тени? И, что важнее для моей текущей миссии, почему он нас травит?

Потому что именно это, как я теперь считаю, и есть Векс: яд.

Я останавливаюсь, чтобы перевести дух, возле участка Стены, покрытого фиолетовыми лозами, настолько густыми, что они почти скрывают древние камни. Это совсем рядом с тем местом, где нашли тело Питера. Вокруг меня — группа пустых домов: Колесников, Кожевников, Гончаров, Стекольников, Бондарей и Кузнецов. Коттеджи стоят жутко, как пустые скелеты.

Но я здесь не ради них. Я пришла к колодцу.

Вокруг него — множество детских следов. После введения карантина несколько раз шел дождь, так что они, должно быть, принадлежат Финну, мальчику, который просто жаждал вкуса своей любимой воды.

Воды, которая, безусловно, токсична.

Я ныряю в заброшенный коттедж Стекольников и нахожу маленькую бутылочку. Надеюсь, что моя теория верна и я в опасности, только если выпью эту воду, я иду к колодцу, зачерпываю немного и закрываю бутылку пробкой.

Я прячу образец в сумку и уже собираюсь уходить, когда замечаю второй комплект следов за колодцем — взрослые, но странные. Один отпечаток обычный, а второй волочится, как будто идущий носил на ноге что-то громоздкое... вроде гипса.

Дэвид.

Был ли он здесь, преследуя ту же ужасную догадку? Я добавляю это к своему растущему списку вопросов для Хранителя Записей. Если Дэвид подозревает — так же, как и я, — что Ярек травит нас в дополнение к сговору с убийцей, может быть, он поможет мне раскрыть причину. И, может быть, в этот раз он перестанет отводить взгляд и наконец займет позицию.

Именно об этом я думаю, когда тень рассекает мой путь.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 37

Гриффон идет прямо ко мне, его форма Стража безупречна, как всегда, а лицо помрачнело от гнева. Рука покоится на эфесе меча.

— Что, во имя Стены, ты здесь делаешь? — требует он ответа.

— Ребенок мертв, — говорю я. — Очередная жертва Векса. Или, по крайней мере, так это выглядит.

Насколько я знаю, Гриффон может быть замешан в грандиозном плане своего отца, хотя мне тошно даже думать об этом. Он знал о странном оружии отца и, по-видимому, о накоплении ресурсов тоже.

Его выражение лица едва заметно меняется — удивление, сменяющееся беспокойством.

— Тебе не следует здесь быть, — говорит он, теперь мягче, но не менее настойчиво. — Это небезопасно.

— Мне нужно...

— Тебе нужно делать то, что тебе говорят, — перебивает он, делая шаг ближе. Слишком близко. Я чувствую запах кожи его формы, металла, которым начищен меч. — Ты не можешь бродить по запретным зонам, Роуз. Тебя накажут.

Его властность разжигает мой гнев.

— С каких пор моя безопасность стала твоей заботой, Страж? Твой долг — перед отцом, а не передо мной.

Что-то мелькает на его лице, вероятно, обида, прежде чем его выражение снова становится жестким. Я морщусь, понимая, что мои слова прозвучали резче, чем я планировала, но Гриффону пора понять, что он не может командовать мной вечно.

— Пойдем, — говорит он, протягивая ко мне руку. — По пути к тренировочной площадке что-нибудь съедим. Помни о своих заданиях на сегодня.

Я отстраняюсь. Мне нужно поговорить с Дэвидом, передать этот образец воды Риа и сделать то, что кажется самым важным: выяснить, что знала моя мать. «В-Е-К-С», — спрятала она в своем дневнике, и теперь я догадываюсь, почему. Возможно, эта догадка поможет мне расшифровать остальное.

— Не раньше, чем я заскочу в Аптекарский Коттедж, — возражаю я. — Мне нужно кое-что проверить.

— Роуз...

Добрым словом можно добиться большего, чем грубостью, — всегда говорила бабушка.

— Только на минутку. Пожалуйста.

— Ладно, — смягчается он, его голос звучит хрипло. — Но я пойду с тобой.

Мы идем в напряженном молчании, и я не могу не задаться вопросом о внезапной опеке Гриффона. Конечно, когда-то мы были друзьями, но это кажется чем-то иным. Он что-то скрывает от меня. Я уверена в этом. Что ж, он может присоединиться к остальным в этом отношении. Я начинаю понимать, что вся наша деревня — это осиное гнездо секретов.

— Подожди здесь, — говорю я Гриффону возле Аптекарского Коттеджа.

Он всё равно следует за мной через заднюю дверь. Я издаю раздраженный звук. Хорошо хоть дядя Ричард ушел, вероятно, вызванный Советом Старейшин объяснять смерть Финна. Отлично. Мне не нужно, чтобы он задавал вопросы о том, что я собираюсь сделать.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

— Что ты ищешь? — спрашивает Гриффон, пока я целеустремленно направляюсь к кладовой.

Я игнорирую его, распахивая тяжелую деревянную дверь, за которой скрываются полки, уставленные травами, настойками и лекарственными средствами. Стеллаж моей матери не тронут. Я игнорирую сушеные корни и стеклянные банки, чтобы выдвинуть её ящик.

Уголь.

Пакетики с ним. Больше, чем нужно любому обычному аптекарю.

— Я так и знала, — шепчу я.

— Что? — спрашивает Гриффон, внезапно оказавшись слишком близко за моей спиной.

Я поворачиваюсь к нему лицом, мой голос звучит тихо и уверенно, несмотря на ярость, поднимающуюся внутри меня.

— Векс — это не вирус, Гриффон. Это яд. Моя мать знала это. Она приготовила эти пакетики на случай новой «вспышки». — Я делаю глубокий вдох. — Вот почему её убили.

Его лицо бледнеет.

— Роуз, ты не можешь просто так обвинять...

— Хранитель Записей тоже знает об этом, я подозреваю. Я видела его следы вокруг колодца. — Я упираю руки в бока, сужив глаза. — Что затеял твой отец?

Гриффон хватается за плечи, и я остро чувствую размер его рук.

— Потише, — шипит он. — Это небезопасно обсуждать.

— Значит, ты всё-таки что-то знаешь! — бросаю я вызов, пытаюсь разгадать его взгляд.

На мгновение в его глазах я вижу борьбу. Затем он отпускает меня, и я чувствую непривычную легкость там, где только что были его руки.

— Нам нужно идти на тренировочную площадку, — говорит он, его голос звучит нарочито нейтрально. — Моя мать ждет.

Он не ответит мне. Я и без вопросов знаю, что он не примет никаких дальнейших отговорок, пока мы не выполним наш долг Стражей. Ладно. Сегодня вечером я снова попытаюсь взломать код моей матери. Какой бы ни была правда о Вексе, о её смерти, об этой деревне с её каменной Стеной и древними тайнами, я её найду. Даже если это убьет меня.

Что, судя по тому, что я узнала сегодня, становится всё более вероятным.

Верный своему слову, Гриффон делает остановку у Пекарей после того, как я сдаю заполненные бланки переписи в коттедж Хранителя Записей. Он очаровывает младшую дочь пекаря, и та отдает нам вчерашние булочки. Я удивлена, видя, каким дружелюбным он может быть с другими. Мы едим и идем, теплое солнце светит на нас, когда вопрос неожиданно слетает с моих губ:

— Как ты думаешь, твои родители любят друг друга?

Его брови хмурятся.

— Почему ты спрашиваешь?

Потому что я подозреваю, что Ярэк ответственен за убийство моей матери, а его любовь к ней всё усложнила бы.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

— Кое-что твое отец сказал сегодня утром. — Я сомневаюсь, стоит ли вообще это повторять, но я зашла слишком далеко, чтобы отступать. — Что он был влюблен в мою маму, когда они были подростками.

Выражение лица Гриффона болезненное, но не удивленное.

— Сюда, — говорит он, направляя меня в переулок, по которому я, кажется, никогда не ходила. Тренировочная площадка Стражей находится в стороне, и у многих из нас есть повод туда наведаться. Мне любопытно увидеть новое место в Долине.

Я думаю, что Гриффон игнорирует мой вопрос, и решаю не настаивать, но затем он говорит:

— Моя мать любила моего отца. Мой отец любил твою мать. Он никогда этого не скрывал. На самом деле, вскоре после смерти твоего отца он просил расторгнуть брак с моей матерью, чтобы жениться на Генриетте.

У меня отвисает челюсть.

— Расторгнуть брак? — Я никогда не слышала о подобном.

— Ага, — он звучит так же отвращенно, как и я.

Представление о том, как Гриффон разрывает нашу помолвку ради женитьбы на ком-то другом, вызывает острый и внезапный укол сочувствия к Мизии. И ведь я даже не люблю своего жениха. Почти.

Я думаю о том, что Ярек ухаживал за моей матерью. Могут ли два человека быть более противоположными по темпераменту? Насколько я знаю, он никогда не навещал её, за исключением того случая, в котором он признался сегодня утром. В момент гибели мамы я поверила, что увидела на лице Ярека неподдельное горе, но он тут же скрыл его. Конечно, с тех пор я узнала, что он человек, который многое скрывает. Он мог притворяться грустным, чтобы отвести любые подозрения о своей причастности.

И всё же это казалось реальным.

— Хранитель Записей отклонил его просьбу? — спрашиваю я.

Гриффон разводит руками:

— Ему и не пришлось. Он спросил твою маму, и она ответила, что хочет остаться Кастером до конца своих дней. Я слышал, как мои родители ссорились из-за этого.

Я чувствую прилив яростной гордости. Моя мать противостояла Яреку. Возможно, и от этой мысли становится больно, он был настолько оскорблен её отказом, что организовал её смерть и подставу Джонаса. Эта мысль переворачивает мой желудок. Но нет, думаю я, быстро отбрасывая эту перспективу. Похоже, моя мать отвергла Ярека более десяти лет назад. Её недавнее убийство не могло быть связано с этим, верно?

— Почему твой отец запретил нам смотреть на ваши тренировки? — Это ограничение было введено вместе с комендантским часом.

Гриффон пожимает плечами. Мы покинули деревню и теперь пробираемся через поля, золотая пшеница вокруг нас скошена так коротко, как будто подстрижена.

— Ты ведь не хочешь наблюдать, как Кузнецы занимаются своим ремеслом? Или как Водопроводчики чинят трубы?

— Но я могла бы, — говорю я. — Если бы они делали это передо мной. Скажем, если бы они пришли в мой коттедж что-то починить или я пошла бы к Кузнецу заказать какой-нибудь инструмент.

Он бросает на меня озадаченный взгляд.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

— Ты так жаждешь смотреть, как Стражи тренируются? Неужели наши полуденные демонстрации не удовлетворили твой аппетит?

Мой румянец приводит меня в замешательство, но, кажется, его это забавляет. Прежде чем я успеваю придумать ответ, мы ступаем на узкую тропинку в конце поля и вынуждены идти гуськом в лес. Мы идем несколько минут, когда я слышу незнакомый звук, похожий на барабанную дробь, прямо перед тем, как мы выходим на поляну.

Огромный сарай стоит прямо впереди, и то, что издает шум, находится сразу за ним. Но Гриффон хочет, чтобы сначала мы заглянули внутрь здания.

— Игрушки моего отца. — Он распахивает двойные двери.

Требуется мгновение, чтобы мои глаза привыкли. Когда они привыкают, я не знаю, что и думать. Сначала это похоже на обычный сарай: стола, вероятно, чтобы размещать патрульных лошадей Стражей во время тренировок, хотя они проводят ночь в более крупной конюшне, которую содержат наши Животноводы, сеновал, полки для упряжи.

Но задняя стена — это настоящий арсенал.

Некоторые инструменты знакомы, такие как мечи, посохи, луки и стрелы, но большинство из них чужеродны. Итерации оружия, которым Гриффон случайно ранил своего отца. Пары металлических браслетов. То, что выглядит как большие лейки. И на земле — несколько корзин с круглыми, бугристыми предметами.

Я содрогаюсь от потенциала насилия, который накопил Ярек. Много из этого должно было попасть сюда из той тайной комнаты под коттеджем Хранителя Записей, потому что я никогда не видела такого оружия в Долине Ноя.

Прежде чем я успеваю что-то сказать, Гриффон захлопывает дверь. Он держится так неподвижно, что кажется, будто он сейчас сломается.

— Хранитель Записей нашел оружие в хранилище. Он поделился им с моим отцом, который поручил Дому Инженеров изготовить еще больше. В основном папу интересуют взрывчатые вещества, но это единственное, что Дом Инженеров не в состоянии воссоздать. Им нужны материалы, которых у нас нет внутри Стены, как бы отчаянно мой отец ни пытался их достать.

Он смотрит на меня так, будто я должна понимать, что это значит. Когда я молчу, он качает головой.

— Тогда пойдем на тренировочное поле?

Он срыгается и обходит сарай.

Я следую за ним, в ужасе от увиденного.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 38

Я знаю, что существует пять Домов Стражей. Благодаря переписи я также выяснила, что в деревне сейчас сорок три Стража, более десяти процентов нашего населения, хотя мне не разрешали заходить в их коттеджи. Двадцать восемь из них сейчас передо мной: они маршируют в ногу по открытому полю, мечи пристегнуты к бедрам, взгляды устремлены вперед, пока Мизия командует ими с наблюдательной платформы в десяти футах над землей. Видеть столько Стражей в полном боевом облачении — ошеломляюще, особенно когда я думаю о том, какой контроль Ярек осуществляет над ними.

Гриффон ведет меня по лестнице на вторую платформу, зеркальную копию платформы Мизии. Поле между нами огромное, овальной формы, окруженное густыми деревьями.

Мизия замечает наше присутствие, но не прекращает тренировку.

— Что они делают? — шепчу я Гриффону. Мой шепот излишен: они всё равно не могли бы услышать меня из-за топота.

— Маршируют. Это последний приказ Ярека. — В его голосе отчетливо слышится неприязнь.

— Ты считаешь это пустой тратой времени?

Гриффон пожимает плечом:

- Он хочет послушания. Единообразия. Я предпочитаю, чтобы мы умели хорошо сражаться.

— Значит, ты прогуливаешь, когда они маршируют?

Прежде чем Гриффон успевает ответить, пронзительный свист разрывает воздух, за которым следует вспышка света. Я хлопаю себя по ушам, когда взрыв сотрясает землю с такой силой, что меня сбивает с ног. Я жестко приземляюсь на деревянный настил. Звук мощный, даже с такого расстояния, но я вижу, как вздрагивают лишь ближайшие ветви деревьев, значит, эффект ограничен только тренировочной площадкой.

Гриффон протягивает мне руку. Я принимаю её, качая головой, чтобы отогнать звон в ушах. Сердце колотится в бешеном ритме.

— Что это было?

Он указывает на тренировочное поле. Стражи потеряли всякое подобие организованного марша. Они сцепились друг с другом, сражаясь с невероятной скоростью и силой. Мизия наблюдает, её лицо сияет. Когда она дает свисток, они замирают, словно статуи. Когда свистит снова, они начинают с того же места: кулаки и ноги летят, сверкают оскаленные зубы.

— Они же убьют друг друга, — говорю я.

— Нет. — Гриффон кивает в сторону двух мужчин, которые держат лезвия у горл друг друга. Я ожидаю увидеть кровь, но прямо перед смертельным ударом они оба прячут оружие и начинают сражаться голыми руками. — Это часть нашей подготовки. Знать, когда отступить, а когда идти к горлу. — Он хмурится. — Тренировки стали жестокими. Гораздо более, чем мы привыкли.

У меня всё еще звенит в ушах.

— Что это был за шум и свет? — Сомневаюсь, что Ярек стал бы тратить незаменимую взрывчатку на тренировки, но и на технологию Долины это было не похоже.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

— Светошумовая граната. Хранитель Записей однажды прочитал о них и упомянул об этом моему отцу. Яреку эта идея так понравилась, что он приказал их изготовить. Он говорит, что мы не узнаем истинную силу человека, пока он не окажется под давлением. Он использует звук и суматоху, чтобы имитировать бой в непредвиденных условиях.

Аптекари тоже должны учиться работать в стрессовых ситуациях, но мы точно не берем за привычку намеренно его создавать.

— Как ты это терпишь?

Гриффон весь напрягается.

— Никак. Я так и сказал отцу, когда он впервые представил этот стиль тренировок. С тех пор мне не разрешали возвращаться, вплоть до сегодняшнего дня. — Он делает бледное подобие улыбки. — Кажется, мой отец не доверяет мне ничего, кроме патрулирования периметра на дальней стороне Долины. Это «охота на бекаса».

— На кого?

— Охота на бекаса. — Он звучит горько. — Это термин из Времен До. Означает занятие, лишённое смысла. Бекасов не существует. Как и угрозы внутри Стены, по крайней мере, за пределами места, где были найдены тела. Я должен знать. Я исходил каждый дюйм этого места сотни раз.

— Здесь нет угроз, — поправляю я, — кроме существа, которое убило моего отца. — Глупо защищаться, но мне не нравится, что он намекает, будто зверь, растерзавший моего отца, не был реальной опасностью.

Гриффон отворачивается.

— Кроме этого.

Я изучаю солдат — ведь именно так они мне напоминают, военную силу, о которой я читала только в учебниках истории. Их лица мне знакомы, но я никогда не видела их такими. Точными. Бездумными. Жестокими. И если то, как они выполняют каждое требование Мизии, о чем-то говорит, то Ярек добился того бездумного подчинения, которое требовал.

— Я хочу уйти, — говорю я.

Гриффон наклоняет голову:

- Насмотрелась?

— Достаточно зрелищ, — отвечаю я. — Я готова практиковаться в честном бою.

Яростная благодарность в его взгляде, должно быть, лишила меня здравого смысла, потому что, несмотря на всё происходящее, я ловлю себя на том, что моя рука тянется к его, когда мы начинаем спускаться.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 39

Ээро, Сэл и Мерил ждут у нашего тренировочного места: Сэл и Ээро сидят рядом, а Мерил примостилась на скале «Доверия». Мари и Риа нигде не видно, но Альберт сидит в устье пещеры, плотно прижав стул к земле. Вероятно, парение требует огромного количества энергии, поэтому я понимаю, почему он бережет эту способность для труднопроходимой местности. Его выражение лица угрюмое, и он выглядит так, словно не спал или не мылся несколько дней. Темно-коричневая кожа под глазами запала, но то, что никто больше не достаивает его даже взглядом, говорит мне, что такой вид — дело обычное.

Возможно, он чувствует вину за украденную технику.

Я на секунду позволяю себе пофантазировать, что могла бы украсть её обратно — использовать панель Альберта, чтобы быстрее зарядить планшет и догнать Джонаса у Стены. Жаль только, что я понятия не имею, как её подключить. Я качаю головой.

— Альберт, можешь провести тесты этого образца воды? — спрашиваю я, выуживая бутылку из сумки.

Как бы я ни не доверяла Альберту, он всё еще обученный химик. Если я не скажу ему, откуда взяла воду, он должен справиться.

— На что мне её проверять?

Его резкий тон застает меня врасплох.

— На всё, что не является водой.

— Что? На это могут уйти дни.

Словно у него в расписании есть что-то более важное? Он живет в пещере.

— Пожалуйста, сделай это как можно скорее.

Он бросает на меня свирепый взгляд, прежде чем унести бутылку внутрь.

— Где Оскар? — спрашивает Гриффон остальных.

— Работает над свадебным платьем для вашего высочества, — говорит Сэл, закатывая на меня глаза. — Оно должно произвести фурор.

— Что? — переспрашиваю я.

— О, — говорит Мерил, и её лицо заливает сочувствие с высоты её насеста. — Ты не знала. Мизия приказала Оскару взять твое первое свадебное платье и превратить его в наряд, «достойный королевы».

— Что? — снова говорю я. Похоже, это единственное слово, которое я знаю. Наше выживание за Стеной зависит от равенства, гармонии. Если выставить меня напоказ в роскошных одеждах, это подорвет единство деревни, сделав меня мишенью. Этого добивается Мизия?

— А во что будешь одет ты, Гриффон? — дразнит его Ээро.

Гриффон бросается на него с кошачьей грацией. Они борются несколько мгновений, пока Ээро не начинает смеяться так сильно, что не может продолжать. Гриффон качает головой, но он улыбается.

— Сегодня мы научимся выбираться из удушающих захватов, — говорит он группе.

Он разбивает нас на пары, оставляя Ээро в стороне, так как нас нечетное количество без Оскара. Гриффон ведет меня в центр круга для демонстрации. Он поддерживает зрительный контакт, что должно было бы вызвать неловкость, но вместо этого позволяет мне расслабиться ровно настолько, чтобы впитать его слова.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

— Если противник хватает тебя за шею одной рукой, вот так, — говорит он, — взмахни доминирующей рукой вверх и вокруг, опуская её на сгиб его локтя со всей мощностью, какая у тебя есть. Суставы уязвимы.

Я делаю, как он велит. Его рука разжимается.

— Если они держат тебя двумя руками... — Он смотрит на меня, спрашивая разрешения. Я киваю, и он кладет обе руки мне на шею. Сердцебиение учащается, тело инстинктивно сигнализирует, что я позволила себе оказаться в опасности. Но тревога почти сразу исчезает, сменяясь неожиданной уверенностью: Гриффон он не причинит мне вреда, по крайней мере, не так. Я жажду его следующей инструкции, мотивированная учиться сражаться, как никогда прежде.

— Переплети пальцы перед грудью, — говорит он, — и толкни их прямо вверх, к небу, прямо между их ру...

Как только смысл его слов доходит до меня, я перехожу к действию. Я застаю его врасплох, выкрикивая что-то, когда разрываю захват Гриффона — то, к чему он призывал вчера, но я стеснялась попробовать до сих пор. Думаю, он был прав... Это действительно придало мне сил.

Гриффон моргает, и мы обмениваемся одинаковыми улыбками. Его близость, интимность наших общих эмоций ускоряют мой пульс.

— А если тебя прижали? — спрашиваю я, чувствуя смелость.

Вспышка удивления смягчает его лицо, и он ведет меня назад к скале, прижимая к холодному камню. Взгляды Сэл и Мерил встречаются — *ты это видишь?* — когда Гриффон поднимает предплечье, зависая перед моей шеей. Это блокирует мой обзор на девушек, но не на довольную ухмылку Ээро. С силой воли, о которой, как я думала, человек не может обладать, я заставляю себя не краснеть.

— Лоб удивительно прочен, — говорит он через плечо, постукивая по своему. — Он может нанести большой урон, особенно когда противник прижал тебя. Близость дает силу. Ударь лбом им в лицо, стараясь не выдать свое движение.

— А если ты ниже их ростом? — спрашивает Мерил.

— Тем лучше, если удар лбом приходится на уровень носа. — Он кладет руку на затылок и мягко направляет голову вперед и вниз. Верхняя передняя часть моего черепа идеально встречается с переносицей его носа, его губы почти касаются центра моего лба.

Альберт выходит из пещеры и останавливается в метре от Гриффона и меня. Я пользуюсь передышкой, отрывая взгляд от своего жениха, но Гриффон, кажется, его не замечает.

— Мерил и Сэл, вы двое отрабатывайте все три способа освобождения друг с другом. Ээро, я скоро подойду к тебе.

Он снова обращает внимание на меня. Когда наши глаза встречаются, по мне проходит электрический разряд. Он такой захватывающий, такой уверенный в своей силе и знаниях, что на секунду я задумываюсь о том, как выглядело бы наше будущее, если бы я просто позволяла принимать решения за меня: выйти замуж за Гриффона. Тренироваться. Рожать детей. Позволить убийце остаться на свободе, а Яреку — захватывать всё больше власти в Долине.

Я знаю, это невозможно. Невежество — это клетка с меховой подкладкой, в которую нельзя вернуться. Не после того, как дверь открылась. Но всё же...

Я снова позволяю ему обхватить мою шею. Как и вчера, знание анатомии помогает мне помнить, куда — и понимать, почему — направлять силу в моих

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

движениях. После часа повторений я научилась надежно освобождаться от всех базовых захватов, которые Гриффон пытается на мне применить. Я даже умудряюсь один раз хорошо приложиться лбом ему в щеку, прежде чем он успевает отскочить.

— О-о, — окликает Ээро с того места, где наблюдает со скалы. — Марине не понравится твое личико в синяках, Гриффон.

От этого комментария я теряю равновесие. Пропускаю тычок в плечо, и иглы пронзают мою руку. Я разворачиваюсь, едва избегая апперкота, который часто следует за ударами Гриффона.

— Заткнись, — бурчит он в сторону Ээро, не сводя с меня глаз.

Я знаю, что Ээро просто дразнился. Но был ли он прав? Действительно ли что-то было между Гриффоном и Мариной? Мои детские комплексы, вскормленные на плодородной почве лет насмешек и отказов, лезут на поверхность.

Альберт достаточно близко, чтобы его резкие слова достигли моего уха:

— Да, Ээро. Заткнись.

Я настолько потрясена яростью в его мальчишеском голосе, что оборачиваюсь посмотреть на него.

— Будь внимательнее, Роуз, — рычит Гриффон, — иначе там, снаружи, тебе достанется. Гнев, который кипел под поверхностью Гриффона, внезапно закипает. Насмешки Ээро, моя невнимательность. Я не знаю, что его спровоцировало, но выражение его лица говорит мне, что он подумывает выплеснуть свое разочарование на меня.

— Ешь землю, — говорю я, отказываясь быть его мишенью.

Я отступаю от него. Мне нужно время, чтобы разобраться в том приступе ревности, который я только что испытала. Все знают, что Альберт сохнет по Марине, поэтому неудивительно, что он не хочет представлять Гриффона и её вместе. Но Ээро не дразнил Альберта. Он дразнил Гриффона. Это, плюс глубина реакции мальчика, заставляет меня думать, что между Мариной и моим женихом действительно что-то может быть. Мне стыдно, что я начала позволять себе влюбиться в него. Я не знаю, какова его конечная цель, но это не имеет значения. Его чувства к Марине сделают мой уход ради спасения Джонаса гораздо проще.

— Ты закончила свой перерыв? — голос Гриффона звучит крайне раздраженно.

И этим он нажимает на мой переключатель. Я снова в деле, замахиваясь на него драматичным правым хуком. Невозможно было бы не увидеть его, поэтому мне удастся пронести свой настоящий ход, апперкот, мимо его начальной защиты. Только годы тренировок удерживают мой кулак от точного попадания. Вместо того чтобы вонзить его ему в подбородок, я наношу солидный удар по руке, которую он поднял, чтобы заблокировать меня.

Он слегка спотыкается, выравнивается.

Раздражение пробегает по его чертам. Его плечи, а затем руки совершают все те микродвижения — почти дрожь, — которые сигнализируют, что он напрягается, чтобы обрушить ужас на своего противника: меня. Я обнаруживаю, что отвечаю ему движение в движение, перекачиваясь на носки, во рту металлический привкус. Я чувствую, что он вот-вот прыгнет, когда, к моему великому разочарованию, он замирает, сдерживая себя с видимым усилием.

Значит, вот в чем фокус — вывести его из себя. Нанести удар, пока он мечтает о Марине.

— Перерыв. — Его голос звучит глубже, чем я когда-либо слышала.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Адреналин пульсирует во мне. Я умираю от желания отпустить какую-нибудь колючку о том, что он забыл следить за моими глазами, но Мерил уже берет меня за руку, Сэл за другую, и они тащат меня к ручью.

— Было весело, — сухо говорит Сэл, подталкивая меня к воде. — Почему бы тебе не остыть?

— Почему бы тебе не заняться своими делами? — огрызаюсь я.

Прогулка позволила мне успокоиться настолько, что я больше не киплю, но я всё еще на взводе. Ни язвительное замечание Ээро, ни реакция Гриффона не должны были вывести меня из себя настолько сильно. Должно быть, это накопившееся горе последних нескольких дней дает о себе знать.

Мерил щелкает языком.

— Не в духе, Роуз.

— Ты так думаешь? — говорит Сэл. Она обращается ко мне, указывая на серебристый ручей. — Холодная вода помогает вернуться в себя. — Она бросает на меня злобный взгляд. — Пощечина тоже помогает. Но только если предпочитаешь.

Я хмурюсь, но опускаюсь на колени и плечу кристально чистой водой на щеки. Она настолько холодная, что я судорожно вдыхаю воздух. Мои руки немеют, но я не перестаю плескаться, потому что Сэл права: вода заставляет покалывание утихнуть. Когда я снова обретаю контроль над чувствами, я сажусь на попу у края ручья.

— Прости, Сэл. Не знаю, что на меня нашло.

Сальваторе плюхается рядом со мной, но отвечает Мерил:

— Стражи называют это боевой яростью. Мы все это чувствовали. Ты можешь практиковаться пару часов, всё идет хорошо, потом кто-то наносит удар как надо, и ни с того ни с сего ты становишься ростом три метра и состоишь из огня.

— А если они скажут что-то обидное, всё еще хуже, — продолжает Сэл, пока Мерил садится по другую сторону от неё. — И, вероятно, это сильнее, когда дерешься со своим мужем.

Я бросаю на неё взгляд, чтобы проверить, серьезно ли она, но её рот изогнут в редкой улыбке. Это сжигает остатки моей... как там Мерил назвала? Боевой ярости. Теперь я просто чувствую себя уставшей. И хочу пить. Я наклоняюсь вперед, чтобы сделать большой глоток воды из ручья.

— Он не мой муж.

— Одно и то же.

— Нет, это не так. — Я вытираю руки о штаны. — Вы не понимаете. - С этим конкретным обручением есть трудности. У большинства будущих пар нет долгой истории вражды или невесты, которая планирует сбежать до свадебной церемонии, поэтому, когда Сэл вскакивает на ноги, я оказываюсь совершенно не готова.

— Хватит жалеть себя, Роуз, — бормочет она, уходя.

У меня отвисает челюсть. Не знаю, что я сказала такого, чтобы расстроить её. Я смотрю на Мерил и понимаю, что жду, когда она утешит меня, как всегда делает, когда Сэл слишком резка. Но она просто разрывает коричневый лист, не встречаясь со мной взглядом.

— Ты не знаешь о нас, да? — наконец вздыхает она.

Я наклоняю голову, пытаюсь понять, что происходит.

— О нас с Сэл? — Мерил поднимает то, что осталось от листа, скелет, лишенный плоти. — Мы любим друг друга.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

Я собираюсь сказать, что, конечно, любят, они лучшие подруги, и все это знают, но потом я понимаю. Нас предостерегают не влюбляться ни в кого, кроме своего суженого, но даже я знаю, что чувства не всегда так работают. Пример: я и Гриффон.

— Простите.

Мерил держится совершенно неподвижно.

— Таков путь Долины, не так ли? наших партнеров выбирают для нас исходя из размера Дома, возраста и родословной. Не много места для любви, особенно для пары, которая никогда не сможет родить ребенка.

Мерил бросает остатки листа в воду. Мы смотрим, как он плывет вниз по течению, легкий, как паук на поверхности ручья.

— Мы с ней хотим чего-то другого, — говорит она. — Чего-то лучшего.

Чего-то лучшего. Я кручу эти слова в голове. До того, как Джонаса Собралы, я была слишком занята работой и следованием правилам, чтобы даже подумать о таком. Лучшее сообщество, чем то, в котором я родилась... Как бы оно вообще выглядело?

Что бы я отдала за совет отца прямо сейчас. Я была так мала, когда его убили, но помню его как человека уравновешенного и отзывчивого. Оптимиста, даже в тяжелые времена.

— Ты доверяешь Гриффону? — спрашиваю я Мерил. Вопрос внезапно кажется важным.

— Доверяю ли я ему? — Она, кажется, взвешивает свои слова. — Он предан своей семье, но он также любит Долину. Он в трудном положении, и это заставляет его иногда казаться двумя разными людьми. Он пытается сделать всё возможное для обеих групп, но я думаю, скоро ему придется выбирать. Мы или они. — Она вскакивает на ноги, стряхивая листья с брюк, прежде чем предложить мне руку. — Мы должны перестать быть благодарными за крошки и начать бороться за свободу, Роуз.

Я позволяю ей помочь мне подняться.

— Мне стыдно признаться, что я думала, что она у нас есть. Свобода. Счастье.

Она качает головой, её мягкие карие глаза подернуты мудростью не по годам.

— Нельзя иметь ни то, ни другое без выбора, на самом деле. — Затем она слегка бьет меня в плечо. — Но я не думаю, что тебе должно быть стыдно. Мы все просыпаемся в разное время и по разным причинам. Важно то, что мы делаем после того, как услышали зов.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 40

Когда мы возвращаемся, Реата стоит снаружи пещеры. Она двигается с заметной скованностью, придерживая рукой поясницу так, словно её беспокоят почки.

— Ты в порядке? — спрашиваю я.

Она одаривает меня улыбкой:

— Просто инфекция почек. Скорее всего, само пройдет.

Мои брови сходятся к переносице. Это не план лечения.

— В коттедже Аптекарей должен быть тоник из толокнянки. Может, мне принести его к следующей тренировке?

Она кивает, принимая мою помощь: — Спасибо. Если бы твоя мать была здесь, она бы уже дала мне зимолюбки. Она всегда помогала быстрее всего, хотя мама говорила, что это растение капризное в выращивании.

Я никогда раньше не работала с зимолюбкой и пытаюсь вспомнить, где вообще слышала это название, как вдруг в памяти всплывает страница из дневника матери.

Зимолюбку следует избегать при лечении почек, — писала она.

А разве буква «з» не была прописана чуть темнее? Тогда я знала недостаточно, чтобы придать этому значение. Реата отошла, чтобы помочь Мари, которая только что появилась, заплести волосы. Это позволяет мне крепко зажмуриться, представляя в уме свой текущий список букв:

Я вижу «В», «Е», «К», "С" перед мысленным взором. «Векс».

Ниже — «О», «А», «Р», «И», «С», «Ш», «Т» и «Н».

А если добавить «З»?

«З», «О», «А», «Р», «И», «С», «Ш», «Т», «Н».

Нет.

«О», «Т», «Р», «А», «В», «А»...

«О», «Т», «Р», «А», «В», «А». Отравление! Разумеется! Волна удовлетворения прокатывается по мне, когда мои подозрения подтверждаются. Я мрачно улыбаюсь. Я справилась с этим, мама.

Остаются «Р», «Е», «А», «Т», «А».

Реата.

Похоже, я принесла свой образец прямо к источнику.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 41

— Реата, можно тебя на пару слов? — я сама удивлена твердости своего голоса.

— Конечно, — отвечает она бодро, заканчивая прическу Мари. Она наблюдает, пока остальные не скрываются в лесу, когда тренировка на день завершена. Я ожидаю, что она пригласит меня в пещеру, но она остается снаружи, отправляя Мари внутрь готовить ужин.

Я потираю руки, чтобы согреться от предвечерней прохлады, не зная, с чего начать. *Вы отравляете жителей Долины Ноя? О, и кстати, не вы ли случайно убили мою мать и Питера, потому что только дурак мог бы подумать, что эти смерти не связаны? И, наконец, используете ли вы своего четырнадцатилетнего сына, чтобы выполнять грязную работу?* В последнее я сомневаюсь, потому что она всегда казалась заботливой матерью, но и убежденность в том, что в тот день я видела именно его тень, не отбрасываю.

Она застает меня врасплох:

— Это из-за воды?

— Альберт тебе сказал, — почти констатирую я.

Она кивает так резко, что её косы подпрыгивают.

— Он был не лучшим выбором. Мой мальчик — гениальный мастер, но в химии он совсем не силен. — Прежде чем я успеваю собраться с мыслями, она поджигает губы. — Помнишь собрания, о которых я упоминала, когда ты приходила сюда в первый раз?

Я киваю, не понимая, к чему она клонит.

— Да. Ты проводила их здесь, но не говорила, с кем. Только то, что их больше нет.

— Это было правдой лишь отчасти. Двоих из них действительно нет. — Она громко вдыхает носом. — Марк, отец Сальваторы. И Генриетта.

Я выпрямляюсь. Мама?

— О чем были эти собрания?

— Мне запрещено тебе рассказывать.

Я не могу скрыть раздражения.

— Тогда зачем вообще было что-то говорить?

К моему удивлению, она не выглядит расстроенной тем, что я повысила голос. Напротив, она выглядит гордой.

— Не теряй этот огонь, Роуз, — говорит она. — Он тебе понадобится.

— Хорошо, — отвечаю я, и гнев внутри разгорается сильнее. — Тогда я проявлю его прямо сейчас. Я знаю, что вы создали яд, чтобы использовать его против жителей деревни. — Её спокойствие на долю секунды дает трещину, и я обретаю новую уверенность.

— Я подозреваю, что вы могли совершать убийства, чтобы скрыть свои преступления, — продолжаю я, и кусочки пазла встают на свои места. — Моя мать, Питер и те Стражи восемь месяцев назад. Должно быть, они застали вас на месте преступления. — В последнем я догадываюсь. Господи, я догадываюсь обо всем. Но если мама её подозревала, то и я буду.

Реата отшатывается.

— Ты не понимаешь, о чем говоришь! — Её щеки пылают. — Я не имею никакого отношения к этим смертям, Роуз Олгуд. — Она делает успокаивающий вдох, который мое тело непроизвольно копирует. — Я и яд не создавала, но я воссоздала его... по

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

приказу Ярека Цзы. В то время я понятия не имела, для чего он собирается его использовать.

Я резко вдыхаю.

— Воссоздала? — Моя рука нащупывает «Счастливого кролика» в кармане, а глаза Реаты устремлены к Небесам.

Следующие слова она шепчет:

— Прости меня, Хен. Она должна знать. — Реата обнимает себя за плечи. — Ярек обнаружил тайник с предметами Времен До где-то внутри Стены.

Та самая секретная комната в хранилище Хранителя Записей — кошмар, который продолжает подбрасывать сюрпризы.

— Там была бутылка с пометкой «гербицид», — продолжает Реата. — Ярек принес её мне для репликации, сказал, что ему нужно больше для защиты Долины. Он решил, что это нечто, что Основатели считали критически важным для нашего выживания. Сначала я следовала его приказам, боясь того, что он сделает с моими детьми, если я откажусь. Но потом, месяц назад, я прекратила.

Кровь в моих жилах словно густеет.

— Почему?

Её глаза отводятся в сторону.

— Твоя мать выяснила, что вызывает этот гербицид.

— Векс, — говорю я.

Глаза Реаты расширяются, она кивает.

— Векс.

— Зачем Яреку травить своих же людей? — спрашиваю я.

Реата качает головой.

— Я не знаю, и твоя мать тоже не знала. Возможно, чтобы ослабить нас, или чтобы вызвать панику и дать себе предлог для консолидации власти.

— Но зачем? — повторяю я. — Внутри Стены у нас есть все инструменты для рая. Зачем кому-то использовать их, чтобы разрушать, а не строить?

Она протягивает руки ладонями вверх.

— Только Ярек знает. Он — источник нашего зла.

Фрустрация накрывает меня с головой.

— Почему же вы тогда не выступили против него?

Её гримаса становится болезненнее.

— Мы пытались, те из нас, кто встречался здесь. Но к тому времени, как мы поняли, что Ярек и Мизия больше не следуют правилам Долины, было слишком поздно. Они забирали нашу свободу так медленно, что нам поначалу и в голову не приходило сопротивляться; теперь же они обладают слишком большой властью и преследуют наши семьи, если видят в нас угрозу.

— Поэтому вы сбежали в пещеры, — тихо говорю я. — Вы прячетесь здесь.

— Мы прячемся и надеемся.

— На что?

— На восстание. Возглавляемое вашим поколением. — Её рот превращается в тонкую линию. — Было время, когда мы верили, что наше сообщество сильно настолько, насколько силен его самый слабый член. Когда мы заботились друг о друге. Мы можем вернуться к этому, с помощью тех из вас, кто тренируется.

— Вы перекладываете свои проблемы на наши плечи, даже не говоря нам, с чем мы боремся! — я не могу сдержаться, мой голос срывается от несправедливости. — А

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

сами прячетесь в пещере. Ваши семьи в безопасности. — Это жестокие слова, но я не могу иначе. Она разжигает мой гнев, не давая выхода.

Она отшатывается, словно от удара.

— Грядет что-то огромное. Ты даже не представляешь.

Я всплескиваю руками.

— Так расскажи мне!

— Мам? — Мари выглядывает из пещеры, её карие глаза расширены от страха.

Я расстроила её.

— Прости, — говорю я, прежде чем снова сосредоточиться на Реате, готовясь убедить её в чем-то — в чем угодно, — а если не получится, заставить её почувствовать стыд за то, что она допустила. Тепло в моей руке возвращает меня к реальности. Это Мари, переплетающая свои пальцы с моими.

Её улыбка с торчащими передними зубами робкая.

— Я видела, как ты сегодня дралась. Ты такая быстрая и сильная.

Я пытаюсь улыбнуться в ответ.

— Спасибо. Мне это нравится. — Я делаю дрожащий вдох. — В смысле, боевые искусства.

— Гриффон сказал, что научит меня. Когда я подрасту. Как думаешь, он научит?

Она выглядит такой полной надежд.

— Если он сказал, что научит, то был бы ужасным человеком, если бы не сдержал слово.

Мари морщит нос.

— Это не ответ.

Мой смех удивляет меня, выпуская немного пара.

— Ты права. — Я приседаю, чтобы заглянуть ей в глаза. — Вот что я думаю. Если Гриффон пообещал, что научит тебя, значит, так и будет. Ему важно, чтобы мы все умели защищать себя.

Она счастливо кивает.

— Он тоже так говорил. Роуз?

— Да?

— Как думаешь, ты могла бы принести мне картофельную булочку от Пекарей, когда придешь в следующий раз? Я почти привыкла жить здесь. Я почти даже не скучаю по друзьям. — Она ерзает так, что я мгновенно перестаю ей верить. — Но иногда мне снятся эти булочки.

Мой взгляд падает на Реату, и я уже знаю, что там увижу. Её лицо сияет материнским сожалением. Я поворачиваюсь обратно к Мари.

— Договорились. В следующий раз, когда Пекарь испечет картофельные булочки, я принесу одну для тебя.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 42

Я несу в сердце благодарную улыбку Мари, пробираясь обратно к коттеджу семьи Цзы, сжимая её, словно спасательный круг, в своем рушащемся мировоззрении. Так много вещей, о которых я уже должна была знать. Против которых должна была выступить.

Позорные столбы. Черда Сборов. Комендантский час.

Но это лишь недавние перемены. Мерил помогла мне увидеть проблемы, вшитые в нашу систему с самого начала. Закон, требующий, чтобы мы вступали в браки между Домами, основываясь не на любви, а на цифрах. Нужен еще один работник? Пожалуйста. Слишком много людей? Переведи одного в другое место. Хочешь сохранить свои навыки после перехода в новый Дом? Очень жаль, ты обязан гнуть ту борозду, которую тебе назначили пахать. Я видела, насколько разрушительны эти правила, вблизи и лично во время переписи, заметила крошечные трещины, которых не увидела бы до Сбора Джонаса.

Разве я не видела Сильвана, сына из Дома Лесников, стоящего у дома Гончаров и наблюдающего с чем-то вроде любви за тем, как Тошико работает за гончарным кругом? Может, я уловила проблеск отчаяния на лице дочери Канатчика, когда она рассказывала мне, как любит сочинять истории, но понимает, что не может иметь ручку и бумагу, кроме тех, что необходимы для школьных заданий? Если честно, даже мой собственный брат был не на своем месте в обязанностях нашего Дома. Джонас учился, и он так хорошо ладил с людьми, что преуспел бы, но его настоящий талант лежал в изготовлении игрушек, и разве я не испытала несправедливость всего этого на собственном опыте, когда меня перевели из Дома Аптекарей в Стражи, ожидая, что я откажусь от всей жизни, потраченной на обучение?

Слепая косность существовала всегда, но я предпочитала видеть её как незыблемую реальность, а не как проблему, требующую решения. В конце концов, мне повезло родиться в идеальном для меня Доме. Другие, такие как Сэл и Мерил, имели возможность в первом ряду наблюдать за гнилью системы, которая подавляет нас всех.

Я иду по мощеной дорожке, приближаясь к коттеджу Цзы, достаточно близко, чтобы представить, что чувствую запах дикого риса, который оставила накрытым томиться на плите. К этому времени он должен стать кремовым. Я поправляю волосы, тунику, брюки. Ярека и Мизии не должно быть дома, только Гриффон, но, учитывая то, что произошло прошлой ночью, я хочу быть готова на случай, если они вернулись раньше. Если они внутри, я поклянусь, что заблудилась во время переписи. Или, может быть, скажу, что мы с Гриффоном снова сбежали. Меня передергивает от этой мысли.

Я оглядываюсь. До дома Цзы десять секунд ходьбы за углом. Переулок пуст, большинство уже собрались вокруг своих обеденных столов. Убедившись, что я одна, я покачиваю бедрами, сокращая расстояние до коттеджа Цзы, имитируя походку, которую видела у других женщин Долины. Ээро был прав: чем лучше я смогу притворяться влюбленной, тем лучше, поэтому я пытаюсь думать о «супружеских» мыслях, но в данный момент не могу представить, какими бы они были.

— Что думаешь, Счастливый кролик? — шепчу я игрушке в кармане. — Между этой нелепостью и моей готовкой я должна продержаться пару дней, чтобы Ярек и Мизия оставили меня в покое, верно?

— Роуз.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

Я подпрыгиваю. Это Гриффон. Он ждал снаружи у входной двери, скрытый тенью. Солнце и Вода, какой кошмар. Он только что видел, как я практиковала кокетство!

— У меня что-то попало в глаз, — лепечу я. — И в ботинок. Вот почему я так шла. Я еще...

Я не успеваю закончить предложение, потому что он делает шаг вперед, и его взгляд настолько полон любви, что я думаю, будто сплю. Он протягивает руки, и я скольжу в них. Я смотрю в его глаза, ошеломленная.

Не могу поверить, что эта походка сработала!

Свободной рукой он открывает входную дверь и закручивает меня в тепло коттеджа Цзы, его рот в нескольких дюймах от моего. Я не могу оторвать взгляд от его обсидиановых глаз, от тоски в них.

Он собирается поцеловать меня снова? Мой мозг кружится.

Он наклоняется, его губы приближаются к моим. Они проходят мимо моих губ, и я чувствую боль от чего-то потерянного. Но затем его дыхание обжигает мне ухо.

— Ты была у Оскара, примеряла платье, — мурлычет он.

Кто-то откашливается.

Я выпрямляюсь. Оглядываю кухню Цзы.

И чувствую, как кровь отхлынула от моего лица.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 43

— Мы тебя заждались, — говорит Мизия.

Она сидит за обеденным столом, прямая и острая, как шахматная фигура, с коротко стриженными волосами. За её спиной, у плиты в кухонных рукавицах, стоит костлявая средняя дочь Пекарей, Ирма — та самая, что печет любимые тарталетки Джонаса с смородиной. Чтобы вместить всех гостей, были принесены две большие деревянные доски и еще несколько стульев. Семья Цзы — Ярек, Мизия и Гриффон. Клан Ханов — Перес, Боудикка, Лозен и Леонидас, но без жены Лео, Хедды, или их четырех сыновей. А также Дэвид Сейнгайт и его дети, Марина и Саймон.

Оскар.

Бабушка.

Мне кажется, что я теряю сознание. Я ищу что-то твердое и нахожу Гриффона. Я вцепляюсь в него. В тесном помещении стоит удушливый запах жареного мяса, жирный и агрессивный.

— Твои тетя и дядя не смогли прийти на ужин, — говорит Мизия, и её голос сочится приторным, наигранным разочарованием. — В Доме Водопроводчиков возникла болезнь, с которой им пришлось разбираться.

Мой взгляд мечется к Яреку. Получил ли он известие о той ереси, которой поделился со мной Август? Не причинили ли его Стражи вреда семье Водопроводчиков? Но лицо мужчины не выдает ничего.

— Младшего отправили домой из школы с чем-то вроде гриппа, — говорит бабушка. Она кажется на удивление бодрой, голос её ясен, с идеальной ноткой сожаления. — Должно быть, начало сезона.

Оскар постоянно и с тревогой смотрит вниз на свой рукав, а затем снова на меня, двигая только глазами. Как будто они пытаются сбежать из его головы. Почему он здесь? Сейнгайты и Ханы дружат с Цзы. Ирма, как ни странно, кажется, готовит для нас, как служанка из былых времен. И бабушка здесь явно для того, чтобы напомнить о власти, которую Ярек и Мизия имеют надо мной. Но Оскар?

Ты была у Оскара, примеряла платье.

И тут до меня доходит: он смотрит не на рукав. Он смотрит на свою рубашку. На одежду. Я наконец понимаю.

— Оскар, так любезно с твоей стороны было пригласить меня сегодня к себе, чтобы показать прогресс, которого ты достиг в работе над моим свадебным платьем.

Его голова опускается с облегчением.

Губа Мизии кривится.

— Мы обеспокоились, когда ты не пришла со своим портным.

Оскар украдкой дергает себя за воротник.

Новый прыжок.

— Я переодевалась. Нет причин нам обоим заставлять вас ждать.

Ярек, кажется, скупает от этого обмена любезностями.

— Я голоден.

— Кажется, готово, — говорит Ирма, заглядывая в духовку, — но я не уверена.

— Сойдет и так, — бормочет Ярек. Он тянется к корзине со свежим хлебом — хлеба здесь не было, когда я уходила утром — и вытаскивает картофельную булочку. Сминает её в комок и запихивает целиком в рот. Меня тошнит от мысли, как бы Мари

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

наслаждалась ею. Однако я быстро отгоняю эту мысль, так как каждый нерв в моем теле кричит: я в опасности.

Только я не знаю, в какой именно.

— Так мило со стороны Цзы пригласить нас всех, — говорит бабушка, ни к кому конкретно не обращаясь. Её щеки бледные и блестящие. Надеюсь, они не заставили её идти сюда пешком. — Так давно я не ужинала в другом Доме.

Ирма вытаскивает из духовки большой противень. Ей тяжело поднять его.

Гриффон идет ей на помощь, оставляя меня стоять у двери. Когда я вижу то чудовище, которое он ставит на стол, мне хочется, чтобы он был рядом, чтобы я могла опереться на него. Это огромная розовая груда мяса, больше новорожденного ягненка. Я никогда не видела, чтобы плоть такого размера готовили целиком, только кусочки в рагу или пирогах, либо полоски вяленого мяса.

— Что это? — выпаливаю я.

Ярек улыбается.

— Пахнет чудесно, не так ли? Это дикий кабан, добытый в лесу.

Гриффон перемещает противень в центр стола, устанавливая его между мисками с дымящейся кукурузой, печеными сливами, взбитым картофелем и горшочком с чесночным маслом. Это пир, но мысль о том, чтобы устроить его себе, пока деревня медленно голодает, отбивает у меня аппетит.

— Кабан? — Из наших книг я знаю, что это были крупные, туловищеобразные животные с короткими ногами и пяточками вместо носов. У самцов, кабанов, были острые как бритва клыки. Я никогда не видела их внутри Стены, а этот огромный кусок мяса? Это могло быть любое существо. Ни головы, ни ног. Просто жареная плоть в форме гигантской буханки хлеба.

Гриффон быстро, один раз, качает головой, и смысл понятен.

Не ешь это.

Мой живот беспокойно урчит.

— Садись, — командует Мизия. — Ирма была достаточно любезна, чтобы приготовить нам ужин. Ты проявляешь неуважение к ней, стоя.

Это было бы правдой, если бы это был дом Ирмы, но это не так, а значит, мы проявляем к ней неуважение, не предлагая еды, которую приготовили сами. Я замечаю, как Ирма смотрит на стол с открытым голодом. По всей деревне сейчас время ужина, и она наверняка проработала весь день, как и все мы. Почему её заставляют трудиться ради чужого обеда, готовя еду, которую она не может есть?

— Пожалуйста, Ирма, — говорю я, игнорируя свирепый взгляд Мисии, и занимаю свободное место рядом с бабушкой. — Не хочешь сесть рядом со мной? Я хочу послушать о твоих школьных заданиях, пока мы едим.

— Она закончила, правда ведь, девочка? — говорит Мизия. — Спасибо за помощь. Дальше мы сами.

Ирма кивает, снимает фартук и делает реверанс матери Гриффона, как будто мы в часовне. Она бросает последний, полный тоски взгляд на стол и исчезает за дверью.

Ярек достает нож из-за пояса, поглаживая его перламутровую рукоять. Не очищая, он отрезает кусок мяса.

— Кто хочет еще?

Сейнгалты и Ханы жадно поднимают свои тарелки.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

— Мне вполне хватит этого, — бодро говорит бабушка, указывая на горшок рядом с собой. В нем простая каша из дикого риса, которую я оставила томиться на весь день. Её рука дрожит, но Ярек, кажется, не замечает.

— Чепуха, — говорит он. — Понюхай это мясо. Разве оно не великолепно?

Запах богатый и приторный, не похожий ни на что, что я чувствовала раньше. Розовый, блестящий цвет мяса сжимает мои внутренности. Даже без предупреждения Гриффона сомневаюсь, что я стала бы его пробовать.

— В моем возрасте желудок может вытерпеть не так уж много, — говорит бабушка.

— Позволь мне помочь тебе, — говорю я. Накладываю ей немного каши и порцию фаршированных слив, зная, что она их обожает. Последние летние фрукты в Доме Аптекарей мы съели много недель назад. — Гриффон? Оскар?

Я беру их тарелки и наполняю их едой с моего края стола, избегая скользкого мяса. Оскар смотрит на него с вожделением, но не возражает. Мизия, кажется, хочет заставить нас попробовать его, но Ярек говорит, приковывая всё внимание в комнате.

— Давайте выпьем пруну. Мизия, наливай.

— Слышали! Слышали! — восклицает Дэвид, протягивая свой стакан.

Жена Ярека встает, наполняя наши чашки из кувшина. Кроме Гриффона, принесшего мясо к столу, еду подавали только женщины. Мне это не по душе. Я нюхаю коричневатый ликер, который она мне наливает, и морщу нос. Я никогда не пробовала пруну, напиток, обычно приберегаемый для деревенских праздников. Он пахнет как испорченные фрукты, и те, кто его пьют, становятся глупыми или угрюмыми. Но что мне терять? Я делаю глоток. Вкус резкий, но не такой плохой, как я ожидала. Делаю второй глоток и решаю, что предпочитаю воду.

Ярек осушает свой стакан и протягивает его Мизии для немедленного наполнения.

— Наши тренировки идут хорошо, не так ли, Перес? Боудикка?

У Боудикки на конце вилки огромный блестящий кусок мяса, зависший прямо у её рта. И тут я понимаю, что он мне напоминает — и внешне, и по запаху: обожженную плоть от раны Ярека. Кусочек печеной сливы, который я только что проглотила, подступает к горлу, но я сглатываю.

— Мы никогда не были сильнее, — отвечает за них Перес. Его жена отправляет розовый кусочек в рот, улыбаясь и кивая, пока жует.

— Это здорово, — говорит Марина, звуча настолько скучающе, насколько это вообще возможно. Сегодня вечером она выглядит особенно привлекательно, её волосы уложены в сложные косы, которые хитро соединяются в косу, перекинутую через плечо. Её темно-синие глаза сияют, как речная вода, и так же холодны. Замечаю, что она тоже избегает мяса, разрезая его на мелкие кусочки и перемещая по тарелке. — Но можем ли мы поговорить о чем-то, что касается нас всех? — продолжает она. — Например, о пятничной вечеринке?

Рот Дэвида сжимается.

— Молчи, — говорит он. Марина не замужем, она еще девочка. Ей не следует вырывать контроль над разговором у старшего.

Марина переводит внимание на меня, игнорируя отца, чтобы поговорить о нем.

— Ты должна поблагодарить моего отца. Именно он решил, что твоя свадьба будет в эту пятницу, и что ради удачи она должна состояться вечером.

Я слышу в её голосе редкую для неё ревность, хотя не думаю, что она хоть раз взглянула на Гриффона с тех пор, как мы с ним вошли. Надеюсь, это знак того, что

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

всё, что было между ними, теперь закончено, по крайней мере, с её стороны. Это несправедливая мысль. В конце концов, я ухожу. Было бы по-доброму пожелать им с Мариной счастья, но я не могу.

— Он настаивает, что никакой другой день не подойдет, — продолжает она. — Его исследования говорят, что это должно быть большое торжество. Наш Дом жизненно важен для всего, что есть внутри этой Стены.

Пока она говорит, Саймон передразнивает отца, принимая его осанку и чопорный, осуждающий вид так идеально, что я с трудом сдерживаю смех. Лозен и Леонидас даже не пытаются, смеясь вслух над отцом Сейнгаалом.

— Тихо, я сказал! — рявкает Дэвид.

Но Ярэк, кажется, едва замечает это.

— Ничего этого не было бы возможно без Хранителей Записей, — говорит он великодушно. — Ни навыков, которые мы получили, ни радостного праздника в пятницу. Ваши знания, — говорит он, поднимая бокал в их честь, — это наша сила.

Марина улыбается мне через стол.

— И у меня есть ключ.

Она проводит большим пальцем под белой лентой на шее и приподнимает её. В Долине не так много замков, а значит, я видела немного ключей, но стиль этого я узнаю по книге. Это охранный ключ из серого металла, длиной с мой указательный палец и в полпальца толщиной. Один конец имеет арочный дизайн, который напоминает мне витражи часовни. Другой сконструирован из линий металла, запутанных, как лабиринт.

Это может быть только одно: ключ от хранилища Хранителей Записей. Должно быть, Саймон рассказал ей, что я спрашивала о нем. Маленький стукач. Пытаюсь поймать его взгляд, но он отворачивается.

Трапеза продолжается. Стражи, все, кроме Гриффона, говорят больше всех. Их голоса становятся громче по мере того, как они пьют, пока их не начинает перекрывать всё остальное. Мы вынуждены слушать грубые шутки, которые я понимаю лишь наполовину, скучные истории об их тренировках и сплетни о людях Долины, которые наконец-то втягивают Марину в разговор.

Еда на моей тарелке застывает. Два глотка пруну вызвали у меня изжогу. В комнате жарко и тесно. Хуже всего то, что бабушка слабеет. В это время она уже должна быть в постели. Я решаю, что совсем не жалею, что мы перестали меняться ужинами в Долине, как вдруг осознаю, что в болтовне наступает пауза и все уставились на меня.

Моё дыхание сбивается. Оглядываю стол. Марина и Лео выглядят довольными, счастливыми, что я выпала из общего ритма. Оскар выглядит обеспокоенным. Лозен пытается не засмеяться.

— Я что, неясно выразилась? — спрашивает Мизия. Она хочет смутить меня, но дело в том, что она сама уже заплетает языком. Она выпила не меньше четырех стаканов пруну.

— Прости, — говорю я. — Я не слушала.

Глаза Мизии сужаются.

— Я спросила, какая часть твоего нового свадебного платья тебе нравится больше всего?

— Оно не закончено. — Стоит больших усилий не посмотреть на Оскара.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

— Но, должно быть, оно почти готово, — бормочет Марина. — Свадьба уже не за горами.

— Если только ты не солгал нам, Оскар, — говорит Мизия, — о своей способности закончить его вовремя.

Комната внезапно, необъяснимо пульсирует гневом. Мизия встает, в её руке появляется обнаженный кинжал. Я вскакиваю, бросаясь, чтобы вклиниться между ней и Оскаром. Гриффон оказывается на ногах почти так же быстро.

— Вышивка бисером! — вставляю я. — Я обожаю вышивку бисером. Она намного красивее моей собственной.

Мизия тяжело дышит. Она так близко, что я чувствую запах мяса и кислого напитка из её рта. Краем глаза вижу, как Гриффон делает шаг ближе.

— Оскар проделал прекрасную работу, — говорю я мягко. Свет отражается от ножа в её руке. — Он закончит всё в самый раз.

Мизия моргает. Её взгляд фокусируется. Как будто она возвращается в реальность, делает длинный глоток из своего бокала, прежде чем снова опуститься на стул. Воздух выходит из моих легких. Когда Гриффон встает рядом со мной, вижу, что его рука лежит на его собственном клинке.

— Итак, на чем мы остановились? — спрашивает Ярек, как будто всей этой сцены не было.

— Ты говорил о Доме Аптекарей, когда мы поняли, что Роуз не слушала, — глаза Марины блестят от злости. — Ты говорил, что хотел бы, чтобы в пятницу у них было особое почетное место.

— Ах да. Лиллиан, что ты об этом думаешь?

Мы все переводим внимание на бабушку, которая ссутулилась на своем стуле, прижав подбородок к груди.

— Бабушка! — Я спешу к ней, но Гриффон оказывается там первым. Он осторожно касается её шеи, а затем прижимает ухо к её голове.

— Она спит, — говорит он. И обращается к отцу. — Вам не следовало приказывать ей приходить сегодня вечером.

Меня словно ударили. Он приказал ей прийти? Как будто моя бабушка была Стражем на тренировке?

Ярек поднимает бровь в предупреждении.

— Кажется, я тебя не расслышал. Не хочешь повторить?

Гриффон качает головой.

— Нет. Что я хочу сделать, так это помочь Лиллиан добраться домой. — Мы все наблюдаем, как он осторожно берет бабушку на руки.

— Положи её, — рычит Ярек, — чтобы она могла извиниться за то, что заснула за столом, и присоединиться к нашему разговору.

Я никогда не видела, чтобы Гриффон открыто бросал вызов отцу. Он замирает на мгновение. Я жду, что он съезжится, выполнит свой долг перед Яреком, как всегда делал. Вместо этого он несет бабушку прямо ко мне.

— Хочешь пожелать ей спокойной ночи?

Я всё еще в шоке, поэтому мне требуется секунда, чтобы осознать невероятную доброту, которую он предлагает — шанс проверить пульс и дыхание бабушки, прежде чем он унесет её домой. Он должен понимать, что я не успокоюсь, пока не сделаю этого. Я бешено моргаю, отказываясь плакать. Целую бабушку в щеку. Её дыхание ровное. Касаюсь шеи, с облегчением отмечая, что пульс слабый, но нормальный.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

— Спасибо, — говорю я, только для его ушей.

Наблюдая, как он уносит её за дверь, я чувствую смирение от внезапного озарения.

Джонас никак не мог вырваться от Гриффона до своего Сбора, как я думала раньше. Мой брат всегда был художавым — целитель, а не боец. Гриффон неоднократно доказывал на деревенских показательных выступлениях, что он один из самых сильных Стражей в Долине.

Он намеренно отпустил моего брата, чтобы мы могли попрощаться.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 44

Я говорю, что плохо себя чувствую, и сразу же иду спать. Меньше всего мне хочется провести еще хоть секунду в этой компании. Мне стыдно, что я бросила Оскара, но недостаточно, чтобы остаться. Я как-нибудь заглажу свою вину перед ним.

Как только я добираюсь до спальни Гриффона, я достаю дневник мамы — скорее ради утешения, чем для чего-то еще. Он лежит точно там, где я его оставила, спрятанный под матрасом. Я устраиваюсь на полу, прислонившись к кровати, и зажигаю свечу. Свободной рукой я перекаत्याю в пальцах Счастливого кролика.

Риа подозревает, что грядет нечто грандиозное, и Мизия с Яреком фактически признались, что это произойдет в пятницу, в день моей свадьбы. Связано ли это с гербицидом, которым он отравил промышленный район? И еще кое-что, что не дает мне покоя: почему именно там? Я содрогаюсь, представляя количество жертв, если бы он выбрал колодец, из которого люди действительно любили пить.

Жирная, горячая слеза падает на потертую кожу дневника, и я понимаю, что плачу. Моя мама поняла, что «Векс» — это яд, достаточно давно, чтобы закодировать информацию в своих записях и приготовить пакетики с углем. Так почему же она мне ничего не сказала?

Возможно, она хотела проверить свою теорию, прежде чем раскрыть правду. Это имело бы смысл. Она хотела быть уверенной, прежде чем обвинять Ярека. Были ли у нее догадки, почему он это сделал?

Я шмыгаю носом. Если они у нее были, возможно, они записаны в дневнике.

Я открываю его с самого начала, ища упущенную зацепку, что угодно, что могло бы показаться странным и что я могла не заметить. Мои мысли блуждают, пока я изучаю текст. Несмотря на все подозрения, моя мама все еще следовала старым правилам, тем неписаным законам, которые велют нам помалкивать о вещах, вызывающих у людей дискомфорт. Она воспитала меня так, чтобы я скользила по поверхности, придерживаясь светских бесед. Именно это отрицание на уровне всей деревни позволило всем этим несчастьям и неравенству гнить и расти.

Свеча догорает, пока я листаю страницы, читая и перечитывая их.

Я не нахожу никакой новой информации, как ни стараюсь. Наконец, когда мои глаза становятся слишком тяжелыми для чтения, я закрываю дневник, проводя пальцами по коже. Я засовываю его обратно под матрас и задуваю свечу за мгновение до того, как она погасла бы сама. Ложусь на кровать, пытаюсь разгадать головоломку того, с чем мы столкнулись, пока меня не забирает сон.

Меня будит какое-то время спустя шорох снизу.

— Гриффон? — спрашиваю я.

Я слышу вдох рядом с полом и понимаю, что это единственный ответ, который я от него получу, но спустя несколько тактов он шепчет:

— Да?

Я медлю. Но потом, вспомнив, как бережно он нес бабушку домой сегодня вечером, я решаю сделать шаг навстречу.

— Джонас видел что-то в хранилище Хранителей Записей в то утро, когда его Собрали. Он пытался рассказать мне об этом, но я была слишком...

— Слишком занята тем, что тебя заставляли выйти за меня? — его голос звучит устало. И не просто устало, а изможденно.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

— Что-то вроде того, — говорю я, потому что это достаточно близко к истине. Ему не нужно знать подробностей, того, что меня едва не вырвало. Я заглядываю через край кровати. — Он... не успел рассказать мне, что видел там внизу, но что бы это ни было, думаю, это касается нас всех.

Гриффон опирается на локоть. Сегодня почти полнолуние, поэтому я вижу, с каким напряженным вниманием он смотрит на меня.

— В каком смысле? — спрашивает он.

Я сажусь, кутаясь в одеяло.

— Не знаю, но то, что Ярэк сказал за ужином о знаниях Хранителей Записей, заставляет меня задуматься, не связаны ли они. — Я не рассказываю Гриффону то, что сказала мне Риа, не упоминаю и об отравлении. Я до сих пор не знаю, могу ли полностью ему доверять.

— Ты просила заглянуть в хранилище?

Я не могу понять, насмехается он или нет.

— Конечно, просила. Марина отрицала, что Джонас вообще был там в тот день. Саймон, по крайней мере, подтвердил, что Джонас видел то, чего не должен был, но он тоже не пустил меня туда. Дверь в погреб заперта. Полагаю, это тот ключ, который носит Марина.

Он снова ложится, сцепив руки за головой.

Я подаюсь вперед.

— Ты знаешь, что задумали твои мама и папа?

Гриффон качает головой, его голос звучит, как два трущихся друг о друга камня.

— Мой отец не делится со мной своими планами. — Он замолкает на мгновение.

— Если он собирается причинить вред другим, ты будешь сражаться с ним?

— Конечно, — отвечаю я без колебаний.

Тишина растягивается между нами. Я чувствую его сосновый запах, слышу ровное дыхание. Я думаю, что готова ко всему, что он скажет дальше, когда он бормочет:

— Я не позволю этого.

Я фыркаю.

— Не тебе решать.

— Посмотрим. — Он смотрит в потолок. — Какими были твои родители? Я имею в виду дома.

Смена темы застает меня врасплох, но чистое горе, которое она приносит, почти как облегчение. Я откидываюсь на кровать, подсознательно повторяя позу Гриффона.

— Папа был книжным червем, как и Джонас. Они проводили много времени, читая у огня. И он любил насекомых, соседи звали его, когда нужно было поймать и выпустить паука. — Я подозреваю, что он был из Дома Фермеров-Инсектицидов, но, конечно, мы об этом никогда не говорили. — А мама? Она была особенной, как ты знаешь. Гений в растениях и зельях, и целитель с самыми нежными руками.

— Как и ты, — его голос звучит задумчиво.

— Полагаю, что да. — Интересно, почему у меня кожа горит? — Только лучше, я думаю. По крайней мере, лучше ладила с людьми.

Яркое воспоминание всплывает в памяти. Оно заставляет меня улыбнуться.

— Папа однажды устроил для нее вечеринку, — говорю я. — У нее была тяжелая неделя. По долине гулял респираторный вирус, и мама была единственной, кто мог успокоить больных младенцев. Она спала в среднем по два-три часа в сутки, поэтому

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

папа решил, что мы покажем ей, как она нам дорога. И не только мы, из Дома Аптекарей, но и сельчане тоже. — Я поправляю положение на кровати. — Он испек её любимые лавандовые кексы, пригласил всех, кто был свободен, и мы спрятались в гостиной. Когда мама вошла в дверь, мы все выскочили и закричали: «Сюрприз!». Кроме Джонаса. Нам было всего по пять лет, и у него тогда был дефект речи. Он прокричал: «Пёр-приз!».

Я провожу пальцем по шву простыни, вспоминая своего близнеца маленьким мальчиком и пытаюсь удержать сердце в целости с помощью надежды и слез, когда вспоминаю нечто шокирующее. Ярек был там. На той вечеринке. Я думала, он никогда не заходил к нам, кроме того случая, о котором упоминал. Но я ошибалась.

— Как ты думаешь, наши родители когда-нибудь дружили? — спрашиваю я.

Гриффон выдыхает носом.

— Ты знаешь, что мой отец любил твою мать. Он этого не скрывал.

Вот только я этого не знала. Не знала до вчерашнего дня, пока он сам не сказал.

— Он был на мамином сюрприз-празднике. — Еще одна мысль приходит мне в голову: мой отец умер через несколько дней после этого.

— Похоже на правду, — говорит Гриффон.

Мы молчим некоторое время.

— Что было не так с тем мясом сегодня вечером? — спрашиваю я, надеясь продолжить один из наших самых долгих разговоров с детства.

— Не узнал его. — Он прочищает горло. — Оно не было похоже ни на одно существо, которое я знаю внутри Стены.

— И ты бы знал, — говорю я, повторяя то, что он сказал мне на тренировке Стражей, — потому что ты сотни раз исходил каждый дюйм Долины во время охоты на бекасов. — У меня внутри всё обрывается, когда до меня наконец доходит, что он имел в виду на самом деле. То, что я отказывалась слышать, но не могу больше отрицать. Я медленно сажусь, пульс бешено колотится в венах.

— Ага, — говорит он, его мысли явно блуждают. — Знал бы.

— И внутри Стены нет крупных, опасных существ, — говорю я.

Его ответ звучит медленнее, слово тянется.

— Даааа.

— Кроме того, что убило моего отца.

Ответа нет. Время останавливается.

— Гриффон? — Всё еще ничего, хотя сердце колотится так громко, что трудно что-либо услышать. Мой голос звучит тонко, когда он наконец вырывается. — Ярек убил моего папу?

Я смотрю на него и вижу, как он перестает дышать. Пустота ползет под кожей.

— Я не знаю, — отвечает Гриффон, но он лжет нам обоим. — У моего отца бывает вспыльчивый характер, но я не хочу верить, что он убийца.

Я думаю о своем добром папе. Лечил всех, не причинял вреда никому. А потом о Яреке, угрюмом и злом, ненавидящем свою жену и сына. Как тьма могла оказаться сильнее света?

— Роуз? — говорит он мягко.

— Что? — я вытираю глаза.

— Я не позволю ему причинить тебе вред.

Он пытается отвлечь меня? От вероятности, что его отец убил моего?

— Слишком поздно.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

Мне больше не хочется разговаривать, но мне нужно кое-что, что может дать только Грифон. Моя цель — остановить Ярека и вернуть брата, но я не дура. Если мне удастся взобраться на Стену, я знаю, что шансы на возвращение близки к нулю.

Я проглатываю эмоции, стараясь говорить спокойно.

— Но ты можешь обещать мне кое-что? Позаботишься о бабушке, если со мной что-то случится? Ты был так добр к ней сегодня вечером, так что... ты проследишь, чтобы никто её не обидел?

Его ответ звучит напряженно.

— Это мой долг как Стража.

Я пережевываю и проглатываю боль от мысли, что оставляю её.

— Но ты обещаешь?

Пауза. Затем:

— Обещаю.

— Спасибо, Грифон.

— Ничего не случится ни с тобой, ни с ней, пока я жив, Роуз. Клянусь. — Я слышу, как он поворачивается на другой бок. — А теперь попытайся поспать.

Долгое время я не могу уснуть.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 45

Следующий день выдался облачным, к моему разочарованию. Я готовлю завтрак, пока Гриффон убирает последствия вчерашнего вечернего собрания. Мы работаем в усталом молчании. Как только мои утренние дела закончены, я спешу в коттедж Хранителей Записей, входя через библиотеку, как и в прошлый раз.

На этот раз я остаюсь наедине с книгами. Я проверяю массивную дверь, ведущую в хранилище, заранее зная, что она будет заперта. Я уже подумываю о том, чтобы просто вырубить Марину и забрать ключ, как только увижу её, но тут слышу шмыганье носом, доносящееся из жилых помещений. Это похоже на плач.

— Привет? — неуверенно говорю я. Звук прекращается, но никто не отвечает. Если это Марина, мне глубоко плевать, что она плачет. Разве что она ранена. Как бы я её ни презирала, я не могу оставить раненого жителя без присмотра. — Всё в порядке?

Мне отвечают грохотом из кухни Сейнгалтов. Я бросаюсь туда.

Дэвид стоит на коленях, пытаясь собрать вещи, рассыпанные по полу. Я приседаю, чтобы помочь ему, и только тогда вижу, что это: ярко окрашенные упаковки из «Запределья». Металлические цилиндры с этикетками «Куриный суп с лапшой», «Запеченные бобы» и нечто под названием «Водяные орехи». Это же еда!

Глаза Дэвида красные, его тонкие усы блестят от влаги. Неужели он плакал?

— Пожалуйста, — говорит он. — Не рассказывай никому. Я могу всё объяснить.

— Я уже знаю о секретной комнате, которую вы нашли в подвале, — мое лицо искажает гримаса отвращения. — И о награде из «Времен До» внутри неё.

— Я понимаю, — говорит он, заметив мое выражение. Он встает, поднимая цилиндры и складывая их в открытый шкаф, из которого они, должно быть, выпали. — Я сам себя презираю. Это происходит так медленно, что поначалу даже не замечаешь. Дюйм за дюймом ты привыкаешь получать чуть больше, чем остальные. Через какое-то время твой мозг проворачивает ловкий трюк и внушает тебе, что ты это заслужил, хотя ты не делаешь ничего иного или лучшего, чем все остальные вокруг. — Он пожимает плечами. — Как только ты убеждаешь себя, что это по праву твое, ты будешь бороться за то, чтобы это сохранить.

У меня во рту пересохло.

— В Долине люди голодают.

Дэвид кивает, стоя лицом к шкафу, и продолжает складывать вещи. Цвета контейнеров шокируют меня. Красно-белый суп, золотистая каемка на бобах, ярко-синий цвет чего-то под названием «SPAM». Когда всё сложено обратно в шкаф, он закрывает его и поворачивается ко мне.

— Я не всегда был таким, — говорит он. — Слабым, я имею в виду. — Он бросает на меня грустную улыбку. — Когда Джоан была жива, мы уравнивали друг друга. Тогда всё было лучше.

Он заигрывает с ересью, намекая, что её Сбор был чем-то меньшим, чем честь, но мне уже давно на это наплевать.

— Вы могли бы перераспределить найденную еду, — предлагаю я. — Поделиться тем, что осталось, со всеми. Вернуться к тому, как всё было внутри Стены.

— О, иметь ясность ума ребенка, — грустно говорит он.

— Пошел ты, — выплевываю я, шокированная своими словами, и тут же, почти сразу, злюсь, что не сказала ничего похуже.

Он поднимает руки.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

— Я не хотел тебя оскорбить. Просто есть вещи, которых ты не знаешь, вот и всё.

— Например, тот факт, что «Векс» — это массовое отравление? О чем вы, полагаю, тоже знаете, раз я видела ваши следы у карантинного колодца.

Его плечи опускаются.

— Как ты догадалась? Про «Векс»?

— Удачно угадала, — говорю я. Это всё, чего заслуживает этот человек. Я не могу поверить, как сильно я всё еще уважала его, даже пять минут назад. Только потому, что он был Хранителем Записей. — В чем его цель?

— Этого я не знаю, — говорит он, и его выражение лица становится мрачным. — Я надеялся выяснить, но когда пошел туда в тот день, ничего не нашел. Ты нашла? — Его голос звучит с надеждой.

Я качаю головой, в ярости. Гербицид был найден в хранилище. Дэвид наверняка знает больше, чем говорит. Я решаю применить новый подход.

— Так как давно Ярек стал тем, кто на самом деле всем заправляет?

Поведение Дэвида меняется, лицо каменеет. Я зашла слишком далеко.

— Ты никому не расскажешь о еде, которую здесь видела, — приказывает он.

Мне интересно, как и когда Ярек вырвал такую власть у Дома Хранителей Записей. Как долго он ждал своей очереди в Совете Старейшин? Это ли видел Джонас в хранилище? Неопровержимое доказательство контроля Ярека?

Те из нас, кто внутри Стены. Мы не те, кем вы нас считаете.

— Мне нужно заняться переписью, — говорю я в ответ. — У меня сегодня много домов для посещения.

Я собираю свои бумаги. Дэвид следует за мной, хотя инстинктивно я понимаю, что допрос окончен. Я не узнала ничего ценного, только еще больше разочаровалась в своих лидерах.

— Прости за Марину, — говорит он, явно пытаюсь успокоить себя бессмысленным, не имеющим отношения к делу извинением. — Я знаю, она бывает немного невыносимой.

Я даже не достаиваю его кивком. Человек у власти, который предпочитает ничего не делать перед лицом несправедливости, в миллион раз хуже, чем подросток, который плохо себя ведет.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 46

Весь день, пока я выполняю обязанности по переписи, меня гнетут тяжелые чувства: беспокойство за Джонаса, свежая скорбь о смерти отца, страх перед той властью, которую накопил Ярек. Мне с трудом удастся сохранять самообладание до самого обеда.

На тренировку сегодня приходят все, даже Оскар, который должен был работать над моим платьем. Риа приветствует нас, но кажется рассеянной и почти сразу уходит в пещеру. Мари устраивается на краю поляны, чтобы наблюдать за нами, и её улыбка становится такой широкой, что почти разрывает лицо, когда я достаю три картофельные булочки, которые стащила с ужина накануне вечером.

— По одной для каждого Химики! — восклицает она.

— Верно. — Когда она убегает внутрь, чтобы поделиться ими с матерью, я вслух задаюсь вопросом, где Альберт.

Оскар пожимает плечами.

— Его не было здесь, когда я пришел. Я не видел его и внутри, когда заходил попить воды.

— Ты теперь его мама? — бросает мне Сэл.

— Нет. — Я тру затылок. У меня дурное предчувствие, но я не могу объяснить его даже самой себе. — Куда он уходит, когда его здесь нет?

— А куда уходишь ты, когда тебя здесь нет? — парирует Сэл.

— Это не одно и то же. У меня есть обязанности. Места, которые мне разрешено посещать, и места, куда нельзя. Как и у остальных. Химики вообще не должны нигде шлаться. По крайней мере, внутри Стены. Я думала, он будет держаться поближе к пещерам.

— Думаю, Альберту просто скучно, — говорит Мерил. — Я знаю, что мне было бы скучно.

— Разбейтесь на пары, — говорит Гриффон, кладя конец разговору.

Мы начинаем с повторения всего, что узнали за последние два дня. Ближний бой, посохи, базовые захваты за нервные узлы и запястья. Я в паре с Ээро, и он заставляет меня чувствовать себя так комфортно, что я начинаю рассказывать ему истории Аптекарей, пока мы тренируемся. О том, как папа перепутал пищевую аллергию с корью, как бабушка стала той, к кому все обращались при родах, как взволнован был Джонас, когда нашел в библиотеке книгу «Еда — это лекарство». Я провожу удачный подсечку и помогаю Ээро подняться, когда он говорит мне, что ему не нравится то, над чем работает Дом Плотников.

Я так заболталась, что он застал меня врасплох.

— О чем ты?

Он бросает взгляд на остальных. Гриффон держит Оскара в удушающем захвате и учит, как освободиться. Мерил скрутила руку Сэл за спиной, обездвижив её. Она наклоняется, чтобы прошептать что-то, и Сэл краснеет, улыбаясь.

— В том-то и дело, — говорит он, и морщинки беспокойства бороздят его рот. — Я не уверен. В смысле, я знаю, как это выглядит, но не знаю, для чего это будет использоваться. Ярек работал с моим отцом над чертежами, но никто из них не хотел говорить мне больше. Это двойной слой дерева, укрепленный железными полосами, которые перекрещиваются между слоями, как ребра зверя. Это огромная штука, Роуз. Она похожа на какую-то извращенную клетку, но стены изогнуты наружу в верхней

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

части, будто они предназначены не для того, чтобы удерживать кого-то внутри, а чтобы не пустить снаружи.

Я задаю вопрос, на который, как я боюсь, уже знаю ответ.

— К какому сроку это должно быть закончено?

— К пятнице. — Он смотрит куда-то вдаль. — Я ненавижу, когда нам приказывали строить столбы для порки, но то, что мы делаем сейчас, кажется еще хуже. Мы почти закончили. Осталось только собрать это на площади.

— Ты говорил родителям, что чувствуешь?

— Да. — Он закусывает губу. — Они боятся Стражей.

Мы оба на мгновение замираем. Стражи должны защищать нас, охранять. Конечно, жители не должны их бояться. И все же...

— Я хотел сказать тебе кое-что еще, — продолжает Ээро. — Мне приснился Джонас. — Он говорит быстро, хмурясь. — Он прятался. Ему было холодно. Он плакал. Я слышал его, но не мог найти. Ты не думаешь, что он все еще может быть жив?

У меня жжет глаза.

— Я не знаю, Ээро.

— Я скучаю по нему.

Я обхватываю себя руками.

— Я тоже.

Мы возобновляем спарринг, но сердце больше не лежит к этому, и парень-плотник наносит мне один удачный удар за другим. К тому времени, как Гриффон объявляет об окончании тренировки, на моих синяках уже появились новые синяки.

— Мы вернемся в деревню разными путями, — говорит Гриффон. — И завтра придем сюда по отдельности. Будьте бдительны. Стражи на этой неделе находятся в состоянии повышенной готовности. Никто из нас не хочет попасться на нарушении правил.

Все кивают. Сэл говорит, что останется, чтобы дать Мари заплести ей косы, как ребенок умолял сделать. Ээро, Оскар, Мери и я расходимся в разные стороны. Я нахожусь примерно в ста метрах от пещер, идя вдоль ручья, когда слышу треск ветки позади себя. Я оборачиваюсь.

Это Гриффон.

— Что с тобой там было? — спрашивает он. — Ты позволила Ээро размазать себя. — Его лицо выглядит странно в тених. Искривлено.

Я пожимаю плечами, чтобы скрыть трепет, пробежавший по коже. Он шел за мной.

— Тяжелый день.

Он делает шаг вперед, странность, которую я видела, исчезает.

— У Стражей не бывает тяжелых дней.

— Хорошо, что я не одна из них, тогда.

Он изучает меня, и на его губах играет нечто похожее на улыбку.

— Да. Хорошо. В следующий раз советую не позволять Ээро так часто тебя бросать.

Я закатываю глаза, но сама улыбаюсь.

— Сражайся лучше. — Я стучу себя по голове. — Почему я сама об этом не подумала?

Гриффон делает шаг ближе, посылая волну жара по моему позвоночнику. Я могла бы поклясться Почвой под ногами, что он собирался попросить поцеловать меня снова,

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

когда дерево позади него шелестит, и Леонидас спрыгивает с ветвей, его лицо искажено ликованием.

Мое горло сжимается, как кулак. Гриффон резко разворачивается, чтобы встать между нами. Видел ли Лео, как мы тренировались? Но у меня едва хватает времени побеспокоиться об этом, прежде чем крик чистой агонии разрывает лес. Отбросив конфронтацию на второй план, мы втроем бросаемся на страшный звук. Легкие горят, пока я пытаюсь поспеть за Стражами. Думаю, мы направляемся к заброшенному промышленному району, где нашли тело Питера. Чем ближе мы подходим, тем громче становятся звуки битвы. Лязг металла о металл, крики боли и жуткая какофония шуршания, от которой по коже ползают мурашки.

Наконец, мы врываемся на поляну.

Я спотыкаюсь и замираю, не в силах осознать то, что вижу.

Древние, огромные лозы, которые всегда верно цеплялись за нашу Стену,... движутся.

Нет, понимаю я, и у меня пересыхает во рту. Они не движутся. Они атакуют. Они извиваются, как змеи, мясистый шелест их толстых стеблей звучит гротескно по-человечески, когда они хватают Небулу из Дома Стражей и поднимают её с земли. Ярэк и Мизия Цзы тоже здесь, плюс еще один Страж, чьего имени я не знаю. Они полосуют растительность сверкающими клинками, их лица свирепы, пока они пытаются освободить Небулу.

Лоза проносится мимо моего лица, оставляя жгучий след. Я пригибаюсь, с ужасом наблюдая, как толстый зелено-фиолетовый жгут, поймавший Небулу, начинает сжиматься. Она издает ужасный удушливый крик. Её ноги дрыгаются в воздухе, сопротивление слабеет, когда лоза пульсирует и вздувается, а её кожа натягивается на костях, приобретая ужасающий сероватый оттенок.

Её высасывают досуха. Прямо как Питера.

— Сзади! — кричу я, когда толстая лоза тянется к горлу Ярэка. Он разворачивается, его клинок сверкает в идеальной дуге, которая рассекает её. Темно-фиолетовый сок брызжет из пореза, но на его месте появляются три новых усика.

Гриффон бросается в гущу событий, его движения текучи. Он сражается в идеальной синхронности с родителями, их клинки летают в смертельном танце стали и точности. Леонидас следует его примеру, но лоз слишком много, слишком много углов атаки. Каждый разрез порождает два новых жгута, а затем лоза снова хватается Стража, утягивая его назад, пока другие тщетно бросаются на помощь.

Лозы хлещут, как кнуты, зазубренные шипы сверкают на святом Солнце. Я с ужасом наблюдаю, как одна из них обвивается вокруг шеи второго Стража, поднимая его в воздух. Он перерезает лозу, которая душит его, но как только он касается земли, другая тут же набрасывается, хватая его за ногу и волоча по поляне. Он царапает землю, пальцы бороздят почву, крича, пока шипы разрывают его плоть.

Кровь брызжет, окрашивая землю в красный.

Его крик обрывается, когда лоза откидывается назад и вонзается ему в живот, тело яростно дергается, прежде чем обмякнуть, плоть обвисает, пока лоза пьет его. Труп падает, глаза широко открыты и пусты. Растение выпускает его с влажным, тошнотворным шипением, обращая голодные усики к Мизии.

Всё происходит так быстро.

Мизия сражается с грацией пантеры, её короткие темные волосы блестят от крови, когда она ныряет под хлещущую лозу, перерезая её одним изящным

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

движением. Отрезанный кусок извивается на земле, подергиваясь. Меня тошнит. Лозы неумолимы, они рвутся вперед, нападая со всех сторон. Мизия кружится, её клинок разрезает воздух, но лоза ловит её сзади, обвиваясь вокруг талии, сбивая с ног.

— МАМА! — кричит Гриффон, его тело — сплошное размытое пятно, когда он бросается вперед. Он прыгает, меч сверкает, одним ударом перерезая лозу, охватывающую её. Мизия падает на землю, перекатываясь на ноги, без тени страха в глазах. Её взгляд встречается с моим через всю поляну, и на один головокружительный миг я вижу вспышку чего-то сырого, отчаянного.

Лоза щелкает в мою сторону, и я отступаю, сердце колотится, разум пуст от ужаса. У меня нет оружия. Нет меча. Нет способа защитить себя. Какая польза от уроков Гриффона против такой твари? Шуршащее, гудящее существо, если его можно так назвать, наносит удар снова, на этот раз целясь мне в живот, шипы сверкают. Я бросаюсь на землю в последний момент, грязь впивается в ладони, когда лоза проносится над головой. Она изгибается, готовая ударить снова. Я вскакиваю на ноги, мозг ослеплен паникой.

— Нет! — глаза Гриффона безумны, когда он пробивается ко мне, но он окружен, лозы обвивают его клинок, оттягивая назад. Я вижу, как напрягаются его мышцы, тело дрожит от усилий, но он не может дотянуться до меня.

Я не могу дышать. Не могу двигаться. Это кошмар. Это не по-настоящему. Это не может быть правдой.

— Роуз! — голос Мизии, резкий, властный, прорезает хаос. Я дергаюсь в её сторону, встречая её свирепый взгляд. Она покрыта грязью и кровью, волосы свалялись от крови, глаза горят. — Канистру!

Я моргаю, дезориентированная. О чем она говорит? Но тут я вижу её, лежащую на боку в нескольких футах от меня: одна из больших металлических канистр, которые я видела в сарае с оружием Стражей. У неё есть курок, как у тепличного распылителя. Я бросаюсь к ней, пальцы смыкаются на холодном металле. Она тяжелее, чем я ожидала.

Когда лоза делает выпад, я нажимаю на курок, и струя бледного тумана вырывается наружу, окутывая её. Лоза изгибается, корчась на земле, её плоть пузырится и покрывается волдырями, прежде чем она отступает, отпрянув, как загнанный зверь.

Это действительно сработало. Надежда вспыхивает в груди.

Но прежде чем я успеваю выпустить еще порцию спрея, другой усик бросается вперед, его шип полосует меня по боку. Я вспоминаю шипы, которые видела растущими возле Врат Эдема, — эти гораздо больше. Боль вспыхивает белым огнем за глазами, кислота разливается по венам. Я падаю на колени, обхватив рану. Лоза откидывается, готовая ударить снова. Я вожусь с канистрой, зрение размывается от боли. Я сжимаю курок, облако тумана летит вперед навстречу лозе. Она замирает на середине удара, вздрагивая, а затем отскакивает с яростным щелчком. Её шипы скручиваются внутрь, как у папоротника, когда она отступает.

Остальные лозы следуют за ней, фиолетово-зеленая армия, ползущая обратно вверх по Стене.

И вот так, мы больше не под атакой.

Два Стража мертвы. Ярек, Мизия, Гриффон и Леонидас покрыты кровью и растительной слизью, их мечи бессильно висят в руках. Я на земле, истекаю кровью, все еще сжимая распылитель.

Ярек открывает рот, чтобы прореветь что-то в небо.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

— Что. Это. Было? — требует Гриффон, когда его отец замолкает.

Лео, хромая, подходит к Яреку, чтобы прошептать что-то. Доносит на нас за тренировки? Сейчас трудно думать об этом.

Ярек отмахивается от Леонидаса.

— Да, да, — говорит он ему. Его взгляд задерживается на двух иссохших трупах, прежде чем он берет себя в руки. — Это была ужасная атака животного из Долины, — говорит он сыну. — Мы должны еще сильнее ужесточить комендантский час.

Сейчас разгар дня, но я этого не говорю.

— О каком Желтом Солнце ты говоришь? — с недоверием спрашивает Гриффон. — Это не было животное! Это была плотядная лоза. Почему ты врешь нам в лицо?

Ярек делает шаг вперед и бьет сына с такой силой, что звук отдается от деревьев.

Я бросаюсь на Ярека, игнорируя боль в боку. Гриффон приходит в себя после удара отца достаточно быстро, чтобы подхватить меня в воздухе.

Ярек посмеивается.

— А у твоей невесты есть боевой дух. Ей нужно научиться контролю, правда. Как я и говорил, произошло еще одно ужасное нападение животных, а это значит, что мы должны оцепить больше сельхозугодий. Меньше еды требует еще одного Сбора. — Его тон не допускает возражений. — Мы добавим благословенную жертву к празднованию в пятницу. Разве это не будет чудесно, Роуз? Еще одна свадьба, еще один Сбор. Всё для тебя.

У меня горит горло от желания закричать на него, но я проглатываю ярость. Есть только одно объяснение тому, что Ярек так равнодушно отреагировал на лозы-убийцы. Он уже знал. И Мизия с Лео тоже, судя по всему. О, бедный Гриффон. Они скрывали это от него.

А теперь он пытается заставить нас отрицать доказательства собственных глаз, уже планируя использовать эту атаку, чтобы заставить людей согласиться на еще один Сбор так скоро после Джонаса. И разве мы с Гриффоном не будем выглядеть дураками, если попытаемся убедить сельчан, что растения нас убивают? Как давно Ярек знает об этом и почему он не сказал никому за пределами Дома Стражей, или даже своему собственному сыну?

— Ты ранена! — кричит Гриффон, бросаясь ко мне.

Я смотрю вниз на кровь, капающую с края моей рубашки. Ха, похоже, так и есть.

Это последнее, о чем я думаю, прежде чем всё погружается во тьму.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 47

- Ну же, ну же, вот так, — приговаривает тетя Флоренс. — Еще несколько стежков, и ты будешь как новенькая.

- Ты возишься слишком долго, - голос Лео звучит брезгливо.

Мои глаза трепещут и открываются. Я лежу в коттедже Аптекарей, на хирургическом столе. Я видела эту комнату тысячу раз, но никогда — с этого ракурса. Тетя Флоренс внимательно осматривает мой живот, её набор для наложения швов лежит рядом. Она щурится сквозь толстые линзы очков. Лео нетерпеливо стоит за её спиной, пытаясь заглянуть через плечо.

Я осторожно ощупываю края раны, оставленной лозой. Она сильно кровоточила, но не была особенно глубокой. Семи стежков должно хватить.

Тетя Флоренс ловит мой взгляд, её рот сжат в тонкую линию.

— Ты очнулась, — говорит она. — По-видимому, на тебя напало дикое животное.

— Двое Стражей погибли, спасая её, — вставляет Лео, бросая на меня предостерегающий взгляд.

Глаза тети Флоренс сужаются, но она продолжает говорить со мной.

— Все оказалось не так плохо, как выглядело, — говорит она. — Ты очень скоро снова будешь на ногах.

— Где Гриффон? — спрашиваю я.

Лео начинает перебирать ряд банок с перевязочными материалами.

— Оставь их в покое, — отчитывает его тетя Флоренс. — Они стерильны.

Лео поворачивается, закатывая глаза.

— Гриффон патрулирует периметр, и это то, что он должен был делать всё это время, вместо того чтобы тайком убегать с вами, бездельниками. Ярек приказал мне следить за тобой. Ты была сильно порезана.

— Я в порядке, — говорю я, пытаюсь сесть.

Тетя Флоренс мягко укладывает меня обратно.

— Мне нужно понаблюдать за ней, — говорит она Лео.

— С ней всё будет хорошо, — пренебрежительно бросает Лео. — Её бабушка здесь. Ярек сказал, что хочет получить от тебя отчет, как только ты закончишь зашивать её.

Тетя Флоренс вздыхает. Она обрабатывает мою рану, что причиняет больше боли, чем сами стежки. Когда она заканчивает, то разминает спину и идет к раковине мыть руки; её движения медленные, выверенные. Она так держится, когда расстроена. По-настоящему расстроена. Она вытирает руки о передник, прежде чем сменить его на чистый.

— Отдыхай, Роза. Я всё уберу, когда вернусь. — Она смотрит на меня тем же строгим взглядом, который я сама когда-то бросала пациентам, подозревая, что они нарушат постельный режим. — После вас, — говорит она Лео.

Они исчезают за дверью. Оставшись одна в операционной, я сползаю со стола, морщась от резкого натяжения свежих швов, и нетвердой походкой выхожу в главную комнату коттеджа. Я ожидаю увидеть бабушку у камина.

Вместо неё там Август.

— Должно быть, ты задаешься вопросом, почему мы так много от тебя скрывали, — говорит он, когда я вхожу, его голос хрипл.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 48

- Лилиан наверху, отдыхает, — говорит он. — Я сказал ей, что поговорю с тобой. Присядешь, пожалуйста?

Я осторожно опускаюсь в любимое кресло бабушки.

- Отца Ярека отправили на Сбор через несколько недель после его рождения, — говорит Август, выбирая последнюю тему на свете, которую я ожидала услышать. — Его мать впала в депрессию после этого, хотя никто из нас не замечал, пока не стало слишком поздно. Она кормила Ярека ровно столько, чтобы поддерживать в нем жизнь, - линии на его лице кажутся глубже. — Велики шансы, что она никогда не прикасалась к нему, кроме как чтобы сменить пеленки и донести до часовни. Она растила его одна до пяти лет, пока он не пошел в школу. Именно тогда она начала гнать свой прун, выпивая каждый день.

Я ахаю. Общественный провал такого масштаба трудно представить. Я думаю обо всех людях, которые должны были отвести взгляд, начиная с её собственной семьи и других Домов Стражей.

Август, кажется, читает мои мысли.

- Мы никогда не простим себе этого. Способ, который она использовала для изготовления прун, был небезопасным. Она случайно отравила себя. После этого о Яреке заботились его дядя и тетя, но он так и не нашел своего места. Когда ему было четырнадцать и его поймали на подглядывании в чью-то спальню через окно, мы предложили ему поддержку через традиционное Окружение, напоминая ему, почему мы любим его, но мальчик отказался. Он не нарушил закон, так что выбор был за ним. Жаль, что мы не настояли. Именно тогда он начал фокусироваться на твоей матери. Он любил её нездоровой любовью.

Я меняю позу, морщась от того, как натягиваются швы.

- Это лозы напали на тебя? — спрашивает он.

Я ахаю, моя рука летит к боку. Из всех секретов внутри Стены это предательство ранит больше всего.

- Давно ты узнал, что на нас охотится растение?

Он делает глубокий вдох.

- Недавно. Я видел, как оно ожило в карантинной зоне за день до твоей свадьбы. Подхватило птицу из воздуха и высушило досуха.

Он вздрагивает при этом воспоминании.

— Я рассказал Генриетте, но она попросила меня придержать информацию, пока не поговорит с Яреком, - он разводит руками. — На следующий день она была мертва.

Холодный, жгучий шок заливает мои вены.

- Ты думаешь, это секрет, который нужно хранить? Тогда чем ты лучше Ярека? Сегодня погибли еще два гражданина, Август.

Я выплевываю его имя, как проклятие.

Его лицо обвисает.

- Я знаю, ты расстроена, девочка, и это справедливо, но не позволяй гневу взять над собой верх. После смерти твоей матери я поделился тем, что знал, с некоторыми другими. Мы держали это в тайне, чтобы защитить всех, включая тебя, пока у нас не будет плана. И при всех их недостатках Ярек и его Стражи пытаются справиться с зеленым зверем. Конечно, ты права, может, нам стоило рассказать об этом всей

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

деревне, - он вздыхает, поворачивая ладони вверх. — В этом-то и беда Долины. Мы проводим жизни, избегая уродливых истин и называя это добротой. Это трагедия.

- Трагедия, — говорю я, дрожа от едва сдерживаемой ярости, — это продолжать так, как сейчас, поддерживая систему, которая благопритствует немногим и лишает выбора всех. Мы должны вырвать эту гниль с корнем, и нам нужно начать со Сбора Ярека.

Я моргаю, шокированная собственными словами.

Он резко выпрямляется.

- Два зла не делают одно добро.

Я встаю слишком быстро, швы тянет, и я морщусь. Как он смеет пытаться быть мне наставником?

- Я не хочу делать добро! Я хочу спасти Джонаса, - я понимаю, что дрожу. - Я хочу защитить свою бабушку, тетю и дядю.

Я хочу отомстить за мать и брата.

- Я, я, я», — рычит он. — Ты слышишь себя?

Я чувствую, как жар приливает к щекам, пока он продолжает.

— Я не хочу тебя стыдить, Роуз. Твоя страсть направлена в нужное русло, и ты права — жаль, что я не заговорил раньше. До того как Питер...» — его голос срывается на имени мальчика, но он продолжает, — но ты забываешь кое-что важное: Долина Ноя — это сообщество. Мы работаем только тогда, когда работаем вместе».

- Ярек хочет причинить нам вред! Нет времени тратить на то, чтобы переубеждать людей.

- Кто сказал?

Я разочарованно кривлю губы. Он не видел, как растение пожирает людей, не слышал, как Ярек отрицает это, пока трупы его товарищей лежат у него под ногами.

Август цокает языком.

- Ты думаешь, я глупый старик, но если я чему-то и научился в жизни, так это: если хочешь идти быстро — иди один. Если хочешь уйти далеко — идите вместе.

Он делает шаг вперед, подходя ко мне мягче, чем позволяет его грузная фигура.

— Посоветуйся с друзьями, затем собери доказательства существования лозубийц, которые невозможно будет опровергнуть. И помни: никогда не сражайся только за себя, не тогда, когда другие ведут ту же битву.

Он так близко, что я вижу редкие седые волоски в его черных бровях. Не знаю, как бы я ответила, если бы не крик снаружи за дверью.

- Пир через час! У Стражей есть мясо для всех! Собирайте семьи на пир через час!

Горло сжимается, когда я думаю о розовой плоти, поданной вчера вечером. Неужели её будет больше? И если да, то откуда она берется? Я удивлена внезапным желанием найти Гриффона и прижаться к его груди. Он единственный человек, который понял бы.

- Мне нужно идти. Скажи Гран, что я принесу ей еды.

Август смотрит мне вслед, когда я выскальзываю за дверь, его выражение лица встревожено.

Если хочешь идти быстро — иди один. Если хочешь уйти далеко — идите вместе. Звучит как нечто, что сказал бы мой отец. Но его больше нет, не так ли? Я качаю головой и спешу к коттеджу Цзы, намереваясь привести себя в порядок. По пути я систематизирую то, что теперь считаю правдой:

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

В какой-то момент Ярек обнаружил, что растение охотится на нас. Он эвакуировал район, где оно убило тех первых Стражей, сказав нам, что на нас напали дикие животные. Должно быть, он обнаружил корни в промышленной зоне возле Врат Эдема и попытался дать отпор с помощью гербицида, оставленного нашими предками в секретной комнате Хранителей Записей. Однако, отравляя растение, он случайно отравил жителей деревни. Вместо того чтобы признаться, он позволил нам верить, что это загадочная болезнь, и допустил карантин в том районе.

Когда моя мать узнала правду, Ярек убил её с помощью оружия, которое могли бы узнать только его верные Стражи. Он тоже получил его у Хранителя Записей, манипулируя жалким Дэвидом Сейнгалтом. Хотя это до сих пор не объясняет, почему корзина для Сбора оказалась внизу в день моей свадьбы. Ярек всегда намеревался подставить моего брата? И если да, то почему?

Я прищуриваюсь, глядя в небо. Судя по бледному свету, я была без сознания один, может быть, два часа. Деревня гудит новостями о пире. Приближаясь к площади, я улавливаю запах жареного животного мяса. Он отличается от приторно-сладкого жирного запаха мяса, приготовленного на кухне Цзы вчера вечером, и я благодарю за это Стену. Я думаю о Гриффоне, нежно несущем бабушку домой после ужина, и мне интересно, каково это — иметь кого-то рядом в эти ужасные времена? Партнера, которому я могла бы действительно доверять.

Я сворачиваю в переулок, и вот он — будто мои мысли привели меня к нему. Мое сердце парит. Гриффон стоит перед коттеджем Хранителя Записей, спиной ко мне, его руки прижаты к стене, словно он поддерживает её. Я понимаю, что, несмотря на все мои усилия, я влюбляюсь в эти руки. Представляю, как они запутались в моих волосах, притягивая меня ближе. Я качаю головой. Прекрати, Роуз. Сейчас не время для этого. Мир в огне, и в любом случае, ты скоро покинешь Долину Ноя.

- Гриффон?

Он отступает от стены и поворачивается, обнаруживая... Марину Сейнголт.

Она медленно открывает глаза, её выражение лица блаженное. Заметив меня, дьявольская ухмылка расползается по её рту. «Угадай, мы застали тебя дважды».

Это день церемонии помолвки повторяется снова.

Он умолял меня поцеловать его, знаешь ли, — сказала Марина. Это объясняет, почему она так отчаянно хотела узнать, как прошла моя первая ночь с Гриффоном. И шутка Ээро на днях тоже. Она звучала правдиво. Я спотыкаюсь назад, задыхаясь от унижения. Моё сердце выжжено. Я падаю на стену коттеджа Менестреля.

- Роуз? - Энкус, муж Менестреля, выходит на порог. В руках у него лира. — Ты в порядке?

Гриффон делает шаг ко мне, его лицо напряжено — вина? Лучше бы это была она, но я уже мчусь к центру деревни.

Размер костра перед сценой дезориентирует меня, как и толпа, собравшаяся вокруг него. Я прижимаю руку к швам на боку. Почему все так рано? Люди, звуки, дым — всё это вызывает у меня головокружение. Вот почему мне требуется мгновение, чтобы заметить, кто стоит на сцене.

Мерил, Сэл, Оскар и Ээро.

Они выглядят напуганными.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 49

— Расступитесь, дайте ей пройти! — ревет Ярек, шагая к краю сцены и указывая на меня через всю деревенскую площадь.

Люди отступают, точно так же, как они делали это на моей свадьбе.

— Роуз Олгуд, — воркует он, — присоединяйся к своим друзьям.

Я спотыкаюсь, двигаясь вперед. Встревоженный шепот прорезает меня насквозь, так что к тому времени, когда я добираюсь до сцены, мне кажется, что я истекаю кровью от тысячи крошечных порезов. Что происходит?

— Вот так, — говорит Ярек, протягивая мне руку.

Я отказываюсь дотрагиваться до него. Я иду к ступеням, чувствуя, как натягиваются швы на боку. Я ощущаю жар от огня, пульсирующую боль в ране. Дымящаяся яма была вырыта и разведена достаточно давно, чтобы большие куски мяса почти прожарились; содранная кожа существа, я с облегчением замечаю, что она выглядит как обычная оленина, коричневая и хрустящая. Неужели они охотились слишком близко к Стене, когда зверь напал?

Я ступаю на сцену, гадая, каков может быть конечный план Ярека.

Он смотрит на меня с яростью за то, что я отвергла его руку, а затем поворачивается к толпе. Он привел себя в порядок. Только потому, что я стою близко, я замечаю синяки и ссадины от сегодняшней битвы. Я смотрю на толпу. Большинство жителей ожидают чего-то. Они голодны, и им предлагают неожиданную еду. Как и я, они понятия не имеют, что затеял Ярек.

— Прежде чем мы начнем пир, боюсь, у меня есть трагические новости, — говорит Ярек деревне, его голос разносится над площадью.

В толпе поднимается взволнованный гул.

Он поднимает руки.

— Среди нас предатель!

Гул превращается в рев. Яреку требуется несколько минут, чтобы вернуть контроль над аудиторией.

— Именно так, — говорит он. — Один или несколько ваших соседей или, возможно, даже член вашего собственного Дома обнаружили внутри Стены тайник с едой, оставленный нашими Основателями. Они приберегли её для себя, пока остальные из нас голодают! Мы не знаем, где они её нашли, но это эгоистичное, нечестивое поведение подрывает основы нашей благословенной Долины. Нам нужна помощь каждого, чтобы искоренить зло в наших рядах.

Шок распространяется по толпе, как лесной пожар. Я не могу поверить в наглость Ярека. Он пытается свалить свои преступления на невиновных! Но затем я осознаю гениальность этого хода. Обвинитель — это последний человек, которого можно заподозрить в преступлении.

— Откуда ты знаешь? — кричит голос с задних рядов. — Какие у тебя есть доказательства, что кто-то прячет еду, оставленную Основателями?

Отряд Стражей немедленно проталкивается сквозь толпу, чтобы найти смельчака, но Ярек останавливает их взмахом руки.

— Это справедливый вопрос, — восклицает он. Он лезет за пазуху своего плаща и достает две жестяные банки, размером с колоду карт.

— Смотрите, копченая рыба! Деликатес времен До Того.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Он держит банки на виду. Кроваво-красное и золотое сияние жестянок сверкает в свете костра. Редкая еда, должно быть, выглядит для наших голодных жителей как спасение.

— Мы обнаружили эти банки во время патрулирования внутреннего периметра, эти и многие другие, многие из них пусты, потому что предатель ел их. Мы держим контрабанду под замком ради всеобщей безопасности. Однако, — говорит он, делая паузу для эффекта, — Совет согласился предложить эти две банки в качестве награды тому, кто выдаст предателя.

Толпа напирает, прижимая тех, кто стоит ближе к сцене, к дереву, вышибая из них дыхание, когда люди лезут вперед, чтобы рассмотреть получше.

— Назад! — кричу я. — Вы причиняете боль тем, кто впереди!

Но жители не успокаиваются, пока Ярек не прячет еду обратно под плащ.

— Наше обнаружение предателя вместе с еще одним нападением дикого животного прямо сегодня, которое стоило нам двух жизней Стражей, влечет за собой необходимое изменение правил.

Толпа издает коллективный вздох от этого ужасного заявления. Двое Стражей мертвы.

— Из-за участвовавших нападений и предателя среди нас комендантский час будет перенесен по понятным причинам, — продолжает Ярек. — После сегодняшнего пира никому не позволено находиться вне дома после захода солнца, за исключением исполнения обязанностей, одобренных Стражами. Чем скорее предатель будет найден, тем скорее мы сможем вернуться к нормальной жизни. — Он встряхивает полу плаща, где лежат банки. Те из нас, кто рядом, слышат, как они звякают друг о друга.

Мы слабы, когда разобщены. Ярек знает это. Он создал голод и неравенство, а теперь играет на них, чтобы настроить нас друг против друга, вместо того чтобы задавать вопросы ему. Я в отчаянии смотрю на своих друзей. Они крепко прижимаются друг к другу: Оскар с одного края, Сэл с другого, Ээро и Мерил посередине. Сэл протягивает мне руку. Я спешу схватиться за неё, чувствуя прилив тепла, когда она сжимает мою ладонь в ответ.

— Почему мы здесь? — шепчу я.

Она качает головой.

— Нас вытащили из домов.

Я удивлена, почувствовав, что Сальватора дрожит, но потом опускаю взгляд и понимаю, что это Ээро, с другой её стороны, трясется, его дрожь так сильна, что передается по всей линии.

— Но у нас есть больше, чем одна проблема в наших рядах, — заявляет Ярек, наконец направляя внимание толпы на пятерых из нас. — Полюбуйтесь на этих преступников.

Я слышу крик гнева из толпы. Использование Яреком этого оскорбления пробило брешь в оцепенении хотя бы одного жителя. У нас в Долине Ноя нет «преступников». У нас есть люди, даже если они совершили что-то неправильное.

Ярек качает головой и делает примирительный жест.

— Ну-ну, я знаю, это резкий термин, но эти пятеро воровали время у Долины, а также крали знания у Дома, который им не принадлежит!

Толпа приходит в движение. Я сканирую её, ища дружелюбные глаза. В основном я вижу тревожный голод. Я была сыта в коттедже Цзы; эти люди — явно нет.

— Вы слышали правильно! — провозглашает Ярек. — Они учились сражаться!

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

— Нет! — кричит кто-то из толпы, ведь именно в это он их превращает, их страх и тревога находят точку приложения в нас. Они голодны из-за диеты из каши, встревожены неизвестностью из-за Сборов и напуганы, потому что он говорит им, что дикие животные вырезают нас.

Оскар гримасничает, и я понимаю, что мы с ним пришли к одному и тому же выводу: Ярек дает деревне общего врага. Нас.

— Да, — говорит Ярек, понижая голос, словно ему трудно произнести эту мерзость. — Сражаться. Вы захотите спросить себя, что они собирались делать со своим новым навыком. Ничего честного, могу вам обещать.

— Бейте их! — кричит кто-то.

Ноги Ээро подкашиваются, но Мерил поддерживает его с одной стороны, а Сэл — с другой. Он почти на голову ниже девушек, все еще ожидающий своего подросткового скачка роста.

Ярек качает головой, как будто осознание того, что пятеро из нас нарушили закон, причиняет ему такую боль, что он едва может говорить.

— Возможно, это и есть ответ, но я не могу принять решение, не посоветовавшись с Хранителем Записей и моим Советом. Мы — народ правил, помните. Справедливый народ. Они будут содержаться в часовне, пока мы не решим, какое наказание будет подходящим. Стражи, увести их.

Ээро издает писк, прежде чем спрыгнуть со сцены. Ищет утешения у своей семьи? Я часто забываю о его возрасте из-за его дружбы с моим братом, но в свои четырнадцать Ээро немногим больше ребенка. Ярек закатывает глаза на безуспешную попытку побега и щелкает пальцами, указывая Леонидасу вернуть его. Рев толпы достигает крещендо. Я не могу понять, требуют ли они нашей крови или спорят с Яреком. Возможно, и то, и другое.

Он не выглядит обеспокоенным, его улыбка безмятежна.

Где Гриффон? Разве он не должен быть на сцене с нами? Неужели ему так мало дела до меня, что он остался с Мариной? Этот сорняк в душе.

— Тишина! — кричит Ярек, но жители не слушают. Они возбужденно переговариваются между собой, обступая сцену, заставляя её шататься и скрипеть. Лицо Ярека наконец напрягается.

Я сканирую толпу, ища Ээро. Его затопчут в этом безумии. Я замечаю его, когда он ныряет за сцену, бегущий к Вратам Эдема. Его легко заметить: он крадется вдоль края площади в отчаянной попытке побега. Леонидас следует за ним по пятам, подходя слишком близко к Стене, если судить по его тревожным взглядам на неё.

Святые Солнце и Почва, осознаю я. Держаться в двадцати футах от Стены никогда не было вопросом почтения, верно? Эта норма существует, чтобы никто из нас не спровоцировал зверя.

Это означает, что гербицид тоже не был гипотезой. Тот, кто дал нам нашу религию, знал об угрозе. Должно быть, именно это и отправило наших Основателей в Долину: зверь, подобного которому нет в наших историях. О, Джонас. Я представляю его там, в окружении голодных зеленых лоз.

Я запикиваю это отвлечение в свой вечно пополняющийся кабинет предательств, заставляя себя вернуться в настоящее и ожидая, когда Леонидас вернет Ээро. Он настигает его, хотя Ээро, должно быть, не замечает этого, потому что его темп не меняется. Я замечаю других Плотников на противоположной стороне сцены. Как тяжело им будет видеть наказание сына. Но мы должны принять удар. От него не уйти.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

Лео почти догнал его. Но вместо того чтобы схватить Ээро, Леонидас поднимает свое оружие — посох, такой же, с каким мы тренировались. О нет! Он хочет сбить мальчика с ног. Я делаю шаг к краю сцены с криком на губах.

Леонидас опускает посох не на голову Ээро, как я ожидала, а между его щиколоток. Небольшой поворот посоха — и Ээро сбит с ног. Одним быстрым движением Лео отправляет его в полет.

К Стене.

Лозы наверху шуршат. Монстр.

Я бросаюсь со сцены, пробиваясь к краю толпы и крича предупреждение. Я двигаюсь быстро, боль от свежих швов — лишь далекое воспоминание. Не знаю, было ли нападение Леонидаса на Ээро случайностью, злобой или чем-то еще, но я должна остановить его, чтобы у Ээро был шанс сбежать.

Я врезаюсь в Лео, как кирпичная стрела, сбивая его с ног. Он сопротивляется, даже лежа на земле, пытаюсь подсечь мне ноги, но я готова. Я подпрыгиваю, чтобы избежать подсечки, и, приземлившись, успеваю вырвать его нож из ножен на поясе. Я никогда не смогла бы одолеть его, если бы он не был измотан сегодняшней битвой с лозами.

Я стою над Леонидасом, по ноге с каждой стороны его груди, сжимая нож прямо над его сердцем. Я ищу глазами Ээро, молясь, чтобы его отсутствие означало побег, а не захват плотоядным зверем, когда лезвие со свистом рассекает воздух, полосую мне плечо.

Нож Леонидаса безвредно падает на землю.

Я поднимаю глаза, чтобы увидеть, кто напал на меня.

Гриффон.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 50

Стражи набрасываются на меня прежде, чем я успеваю отреагировать. Из плеча сочится кровь, и, по крайней мере, один из моих швов разошелся. Единственное мое облегчение в том, что Ээро протаскивают мимо меня; он невредим, если не считать синяков, оставленных злобным Леонидасом. Никто не говорит ни слова, по крайней мере, я не слышу, когда Ээро, Сэл, Мери и Оскара приковывают к позорным столбам, вместо того чтобы отправить в подвал часовни. Должно быть, причина в попытке побега Ээро.

Меня ведут к ним, и сухой щелчок свежей кожи разносится по площади. Неужели Кожевники изготовили новые плети вместе с поясами и подтяжками, которые они с любовью делают для каждого жителя, достигшего шестнадцатилетия? Мои друзья вскрикивают от боли, и я проваливаюсь в бездну шока, отключаясь от внешнего мира. Я почти не осознаю, как меня внезапно уводят от столбов — к какой судьбе, я не знаю.

Все это время у меня лишь одна мысль: Гриффон предал меня.

Дважды.

Что я наделала, раскрыв перед ним карты? Он есть и всегда был верен Яреку, даже ненавидя этого человека. Страж до мозга костей, не говоря уже о безумной влюбленности в мою школьную мучительницу. Я была идиоткой. Он, должно быть, подбросил те эскизы, чтобы размягнуть меня, поцеловал, чтобы усилить опустошение, когда я пойму, кому на самом деле принадлежит его сердце. Вся его доброта была уловкой. И она сработала, не так ли? Я начала доверять ему, открываться, чтобы у него был шанс... что? Унизить меня?

Они с Мариной, вероятно, смеются над этим сейчас. Пораженные тем, что кто-то может быть таким доверчивый, таким отчаянно нуждающимся в компании, как Роуз Олгуд.

Часть меня пытается возразить, что Гриффон не настолько бессердечен, да и у него нет свободного времени, чтобы в нашем возрасте тратить его на пережевывание унылых школьных издевательств. Я отчаянно хочу верить, что все это — какое-то душераздирающее, но в конечном итоге безобидное недоразумение. Но единственная информация, на которую я могу рассчитывать, это то, что я вижу собственными глазами.

Грудь сдавливает. Ко всему прочему, мое существование накликало беду на моих друзей. Они тренировались без происшествий, пока я не присоединилась.

Но почему Гриффон вообще начал тренировать их, если его интересовало только служение родителям? Я покусываю внутреннюю сторону щеки, пока Стражи тащат меня в подвал часовни. Ничего не имеет смысла. Все кажется зыбким, полная картина ускользает. Я не знаю, что делать с гневом и замешательством, текущими в моих венах, словно осколки стекла.

Меня бросают на пол погреба. Обычные столы и стулья сложены в стороне, пространство кажется огромным без них. Затем дверь со скрежетом закрывается, я даже не знала, что она может закрываться, и комната погружается в темноту.

Оставшись одна, я начинаю рыдать.

Примерно через полчаса дверь открывается вновь, и внутрь затапливают моих четырех окровавленных друзей.

Мери видит меня в углу и тут же ковыляет ко мне.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

- Как плечо? — спрашивает она. Её только что выпороли, но она беспокоится о моей ножевой ране.

Я пытаюсь отползти назад, но прямо за мной стена. Добрая, настоящая Мерил еще не понимает, что я — причина их бед. Что именно меня поймал Леонидас. Я не могу вынести вида зарождающейся в ней ненависти ко мне.

- Дай нам взглянуть на тебя, — говорит Сэл, шаркая, чтобы встать рядом с ней. Оскар и Ээро следуют за ними. Все четверо сторбились от боли, засохшие дорожки слез пачкают их лица, кровь капает со спин.

- Нет! - Паника душит меня. - Это всё моя вина!

Мерил качает головой, движение медленное и жалкое.

- Нет, это не так. Это вина Ярека.

Моя грудь вздымается от знакомого чувства вины, которое я унаследовала от матери.

- Ни у кого из нас не было бы проблем, если бы я не начала тренироваться с вами! До этого вы были в порядке.

У меня начинается гипервентиляция, дыхание перехватывает.

Сэл сгибает колени и с размаху бьет меня по щеке. Затем она выпрямляется, морщась.

- Годами ждала, чтобы сделать это, — говорит она. — Хотя не думала, что смогу сделать это на глазах у твоего суженого, - мрачно улыбаясь, она продолжает: - Мы никогда не были в порядке. Мы всегда рисковали, тренируясь. Не присваивай чужую вину. Это только замедлит нас.

Щека горит, но я больше не на грани обморока.

- Гриффон. Он метнул в меня нож.

- И хорошо, что метнул, — говорит Оскар. — Иначе остальные Стражи убили бы тебя сто раз. И были бы правы. Вся деревня видела, как ты собиралась пришпилить Леонидаса, как жука.

Голос Мерил тише.

- Он не мог просто позволить тебе заколоть его друга, Роуз. Неважно, что он к тебе чувствует.

- Он спас тебя от порки, — говорит Ээро, и в его голосе слышится нечто вроде восхищения. — Четверо Стражей удерживали его, когда он увидел, что тебя тащат к столбам. Должно быть, его отец решил, что пороть тебя — больше хлопот, чем оно того стоит, и махнул рукой, отправляя тебя в часовню.

- Для меня Гриффон умер, — выплевываю я. — Я видела, как он целовался с Мариной прямо перед тем, как я пришла на площадь.

Никто не отвечает на это, хотя на лице Сальваторы промелькнуло выражение жалости. Это ранит, особенно от неё.

- Неважно, — говорю я, желая, чтобы пол разверзся и поглотил меня.

За дверью подвала какой-то шум. Мы все напрягаемся. Кто идет за нами следом? Через несколько мгновений дверь открывается, и входит дядя Ричард, взволнованный, его рыжие волосы парят вокруг головы, как сахарная вата. Лео следует за ним, роясь в медицинской сумке моего дяди.

- Можешь взять это, — говорит Лео, вытаскивая набор для наложения швов. — Больше ничего.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

- Никаких обезболивающих? — протестует дядя Ричард. — Никакой мази от ран после плетей?

Лео сверлит меня взглядом.

- Она не собиралась предлагать мне обезболивающее, прежде чем вонзить нож мне в грудь, не так ли? — рывкает он. — У вас десять минут.

Он с грохотом захлопывает дверь.

Милый, вечно взволнованный дядя Ричард осматривает сцену — я, съездившаяся в углу, Сэл, Оскар, Ээро и Мери, стоящие рядом, спины их туник разорваны и окровавлены — и бросается к нам.

Сначала он подходит ко мне, чтобы осмотреть мое пульсирующее плечо, как мне кажется. Вместо этого он шепчет:

- Мы слишком долго ждали. Мы должны вытащить вас всех отсюда.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 51

Я лишилась дара речи. К счастью, Сальватора — нет.

- Что значит "вытащить нас отсюда"?

Дядя Ричард бросает взгляд на дверь, а затем снова на меня.

- Ярек вынудил нас действовать. - Он приглаживает мои волосы, понизив голос. - У нас мало времени. Роза, я хочу, чтобы ты была внимательна.

- Разве ты не должен сначала зашить её? — спрашивает Мерил.

Он отодвигает мою тунуку, обнажая травму. Рана покрылась коркой крови, но очевидно, что она неглубокая. Кинжал лишь оцарапал поверхность. Либо Гриффон был очень точен, либо мне очень повезло.

- Ей это не нужно, - он очищает края пореза маленькой тряпочкой, продолжая говорить:

- Роуз, слушай. Август рассказал нам, что ты видела лозы-убийцы. Флоренс и я никогда не стали бы хранить это в секрете, если бы знали, к чему это приведет, но сейчас уже слишком поздно для всего, кроме сожалений.

В его светло-карих глазах стоят слезы.

Мерил с шумом втягивает воздух.

- Ты сказал... лозы-убийцы?

Он кивает.

- Ты знаешь их. Те, что цепляются за Стену, укоренившись в заброшенном промышленном районе. Эти лозы — плотоядные.

Эро ахает, и я думаю о том, как ужасно, должно быть, было еще более юному Питеру Мартинесу, увидевшему, как они оживают в первый и последний раз.

- Похоже, они питаются млекопитающими. Ты замечала, какими фиолетовыми стали листья в последнее время?

Я замечала, проходя мимо.

- Генриетта полагала, что изменение цвета совпадает с учащением нападений. Мы думаем, это сигнализирует о созревании.

Дядя Ричард оглядывает темный подвал, задерживаясь на каждом из избитых пленников, прежде чем снова перевести взгляд на меня.

- Мы надеялись, что у нас будет еще несколько дней, чтобы спланировать, как с этим бороться, но, очевидно, это невозможно.

Мы слышим шум за дверью подвала, похожий на спор. Дядя Ричард говорит быстрее.

- Больше никаких секретов, Роза. Мы считаем, что Ярек знает об этом монстре уже несколько месяцев и пытается отравить его. Мы также полагаем, что Генриетта говорила с Яреком об этом яде утром в день твоей свадьбы, - он касается моей щеки. - И что он убил её за это. Как именно — мы до сих пор не знаем.

Я прокручиваю в голове догадки, которые дядя Ричард только что подтвердил, и чувствую, как мои глаза расширяются от ужаса. Теперь, когда я знаю, что Стражи и Питер погибли иначе, чем моя мать, всё становится очевидно: это было не просто оружие из хранилища, убившее маму, — это было то самое оружие, заряжавшееся на крыше Цзы. И Ярек приказал одному из трех жителей, которых не ждали на моей свадьбе, застрелить её.

Альберт.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Как Ярек узнал, что мальчик все еще внутри Стены? И, что еще важнее, если Ярек знает, что я его раскусила, почему он до сих пор меня не убил?

- Почему я еще жива? — спрашиваю я.

Смех дяди Ричарда безрадостен.

- Лично я? Думаю, ты слишком похожа на мать. Он убил её однажды, издалека. Возможно, он просто не смог вынести того, чтобы сделать это снова.

Ярость разрывает меня на части. Я жива не потому, что я ценна для Долины, не потому, что я важна, а потому, что Ярек не может справиться с собственным чувством вины. Мне хочется кричать.

- Так что же нам делать? — спрашивает Сэл.

Волна благодарности за это «нам» делает меня слабой.

- Мы вытащим вас, ребята, отсюда. Это во-первых. А потом придумаем, что делать дальше.

Я уже собираюсь спросить, кто входит в это дядино «мы», как вдруг снаружи у двери подвала слышится возня.

- Быстрее, дядя, — говорю я. — Ананси нужен инсулин, а Беате из Дома Гончаров не выживет без нитроглицерина сегодня. Гефесту должно хватить ивовой коры еще на пару дней.

Я едва успеваю договорить, как дверь подвала распахивается.

- Пора идти, — командует Лео.

- Я обещаю, что сделаю это, Роза, — шепчет дядя Ричард. Он достает маленький горшочек из-за пояса и сует мне в руку, пока Лео подходит ближе, а затем поднимает иглу, которую не успел использовать. - Но я не закончил наложение швов, — говорит он Лео.

- Надо было работать быстрее, - Лео касается эфеса своего меча, на случай, если его слова были недостаточно понятны.

Дядя Ричард вздыхает и встает.

- Ты знаешь, что делать с раной, Роуз, — говорит он мне. — Доверься процессу.

Его голос звучит мягко, но я улавливаю интонацию. *Доверься процессу*. Какому процессу? Заточению в подвале? Но Лео уже выводит его. Я смотрю на баночку с бальзамом из арники и эхинацеи, который он мне подsunул, а затем — на изумленные лица друзей.

- Я хочу услышать больше об этой... штуке-убийце? — спрашивает Оскар.

- Ты не хочешь этого знать, но я все равно расскажу.

Когда описываю атаку, свидетельницей которой стала, их охватывает возмущение, затем вопросы и, наконец, смирение.

- Она загнала нас в ловушку здесь, — говорит Ээро, и в его голосе звучит страх. — Как нам убить её?

- Не знаю, — мрачно отвечаю я. — Она сильна, иначе Ярек уже давно бы изрубил её в куски. - Я делаю такой глубокий вдох, какой позволяют мои раны. — Но, кажется, я наконец поняла, что Ярек и Мизия планируют сделать в пятницу.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 52

Все, что я узнала со времен жестокого Сбора Ионы, сложилось в единую, страшную картину. Поклонение Ярека предметам Основателей, еда, новые причудливые виды оружия и та куча взрывчатки, которую, как сказал Гриффон, его отец обожает. То, как Ярек заставляет своих Стражей тренироваться с шумовыми приспособлениями, чтобы они научились сражаться, не теряя концентрации от громких взрывов. Клеточная конструкция, которую, по словам Ээро, Дом Плотников вынуждали построить, чтобы что-то удержать снаружи.

- Думаю, Ярек хочет взорвать Стену, — все мое тело дрожит. - Он жаждет власти. И хочет вещей, которые не может получить. Готова поспорить, он воображает, что и то, и другое лежит по Ту Сторону.

Я ожидаю ахов и споров. Вместо этого все четверо замирают, словно из камня.

- Гриффон тоже это подозревает, — наконец произносит Мерил.

Земля словно уходит у меня из-под ног.

Мерил смотрит на остальных.

- Пора рассказать ей все. Никаких больше секретов. Они голодны и кусают всех, особенно тех, кто их хранит.

- Никто из нас не знал, можно ли тебе доверять, — говорит Оскар будничным тоном. — Даже после того, как ты начала тренироваться.

Я ошеломлена.

- /Но вы доверяете Гриффону!

- Доверяем, — кивают они, практически в унисон.

- И это сэкономило бы нам кучу времени, если бы ты тоже доверяла, — добавляет Мерил. — Он подозревает отца и хочет остановить его.

- Как? — спрашиваю я. Я не утруждаю себя ответом насчет Гриффона. Она ведь не может всерьез ожидать, что я буду доверять ему, признавая при этом, что он скрывал от меня такую огромную тайну.

- Мы пока не знаем.

Каменная плита усталости опускается на мои плечи. Так много секретов привели к тому, что мы потратили столько времени впустую. Я поднимаю бальзам.

- Чем скорее мы нанесем это, тем лучше вы будете себя чувствовать.

Они медлят, а затем Оскар поворачивается и поднимает рубашку. Я стараюсь не заплакать при виде его опухшей, окровавленной спины. Я наношу мазь как можно бережнее. Он вздрагивает от моего прикосновения, а затем вздыхает. Я сделала этот бальзам сама. Он вытягивает боль, уменьшает отек и ускоряет заживление.

- Гриффон знал о лозах? — спрашиваю я. Думаю, нет. Он казался искренне ошеломленным недавней атакой.

Ээро качает головой, с завистью поглядывая на Оскара.

- Нет. Никто из нас не знал, до сегодняшнего дня.

Я осторожно опускаю рубашку Оскара, бальзам не даст ей прилипнуть к плоти, и перехожу к Ээро. Закончив с ним, я показываю, что следующая Сэл, но она жестом указывает на Мерил.

- Тот яд, о котором говорил дядя Ричард, — говорю я, — тот самый, из-за которого мама спорила с Яреком? Он действительно отпугивает растение. Я видела это своими глазами, когда оно напало в карантинной зоне. Но он ядовит и для людей тоже.

Мерил резко поворачивается, морщась от боли.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

- В карантинной зоне? Святая Стена... это же Векс, верно? Они пытались уничтожить растение, а вместо этого убили жителей.

Я киваю, впечатленная её сообразительностью. Эти четверо заслуживают знать не меньше, чем я. Стоит ли мне поделиться своим планом спасения Джонаса? Несмотря на всё, через что мы прошли, мне трудно им доверять. Но я вспоминаю слова Августа:

Если хочешь идти быстро — иди один. Если хочешь идти далеко — идите вместе.

- В пятницу я поднимаюсь на Стену», — слова поначалу звучат неуверенно, а затем вырываются потоком. — Чтобы спасти Джонаса. Когда я вернусь вниз, если вернусь, я хочу, чтобы Ярека Подвергли Сбору. Когда он исчезнет, мы, как деревня, сможем решить, как двигаться дальше.

- Ты хочешь, чтобы Ярека Подвергли Сбору... — Сальватора замолкает, не веря своим ушам. — И как именно ты планируешь это сделать? Хлопать мамиными ресницами и вежливо попросить его залезть в корзину?

Мерил слегка хлопает Сальватору по руке, но Сэл права. Если выразиться так, это звучит невероятно.

- Я полагаю, у него не будет выбора, если все узнают, что он от них скрывал, — слабо предлагаю я.

- Они не поверят тебе. Ты не человек, чьи приказы они выполняли так долго, — говорит Сэл. Она наблюдает, как я заканчиваю наносить бальзам Мерил, а затем облегченно вздыхает, когда я начинаю лечить её спину.

- Сэл права, — извиняющимся тоном говорит Мерил. — Может, если бы мы сразу выступили против Ярека, у нас был бы шанс. Но он приучил нас терять свободу по кусочкам, день за днем. Люди теперь готовы следовать за ним до самой смерти. Это либо признать, что они позволили ему творить, либо умереть.

- Мы теряем из виду главное, — вставляет Оскар.

- Что именно? — спрашиваю я.

Оскар смотрит на пол, прежде чем начертить круг в пыли, скопившейся в углу.

- Это Долина Ноя, — говорит он, указывая вокруг. — Мы жили здесь мирно, сколько, больше сотни лет?

Я прикусываю язык, чтобы не назвать точную цифру: 120. Мы все киваем.

- Конечно, Долине нужны улучшения. Но у нас не было таких проблем, — он указывает на свою опухшую спину, — пока Ярек не почувствовал вкус к власти. И, как выяснилось, к предметам из-за Предела.

Я смотрю на его круг, чувствуя себя глупо.

- Что ты хочешь сказать?

- Я говорю, что мы уничтожим корзину Сбора, табличку и любую взрывчатку, которую он планирует использовать, чтобы прорвать Стену, — говорит Оскар, опираясь на пятки. — Убедимся, что никакого "за Предел" не будет никогда. Без искушения Ярека будет легче вернуть порядок.

Ээро качает головой.

- Дом Инженеров просто сделает еще взрывчатки.

- Нет, — говорю я, наконец обретая надежду. — Гриффон ясно дал понять, что внутри Стены нет материалов, чтобы воспроизвести их. - Я медленно добавляю следующую часть. Очень важно, чтобы они поняли. — Я думаю, это отличная идея — избавиться от запасов Ярека. Но если мы уничтожим табличку и корзину, Джонас навсегда останется в ловушке наверху Стены.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

Выражение лица Оскара говорит мне обо всем, чего он не произносит. То же знание отражается в лицах Сэл, Ээро и Мерил. Они верят, что мой брат-близнец мертв.

- Мне жаль, — говорит Мерил с жалким видом. — Но я думаю, Оскар прав. Мы не можем рисковать, чтобы Ярек когда-либо получил доступ к внешнему миру. Мы не знаем, какие ужасы могут последовать за ним обратно. И мы не можем продолжать Сборы, теперь, когда там наверху, возможно, есть что-то... нападающее на тех, кого чествуют. Единственный способ гарантировать нашу безопасность — уничтожить оружие и табличку. Как только они исчезнут, мы сможем рассказать жителям о яде и показать им угрозу у Врат Эдема. Вместе мы сможем придумать, как с ней бороться. Верно?

Она протягивает руку. Сэл кладет свою сверху, затем Оскар, потом Ээро и, наконец, неохотно я.

Я заключаю сделку, потому что знаю: они правы. Запасы Основателей в хранилище положили всему этому начало, простая жадность подточила десятилетия общности. Если не Ярек попытается проделать дыру в Стене, то кто-то другой, ведь те, кто внутри, уже почувствовали вкус Предела. Мы должны навсегда уничтожить их доступ к таким опасностям.

Моим друзьям незачем знать, что к тому времени, как они это сделают, я уже буду на Стене вместе со своим братом.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 53

Мне удастся вырвать несколько часов сна на холодном полу подвала, и весь этот сон пронизан кошмарами. Джонас, кричащий о помощи, его лицо искажено ужасом. Бабушку, которую везут вверх в корзине, бросая, словно жертву для зеленого монстра. Гриффон и Марина целуются, прерываясь лишь на мгновение, чтобы посмеяться и ткнуть в меня пальцем. Все мои зубы выпадают один за другим.

После каждого такого сна я просыпаюсь в испуге, сжимаю Счастливого Кролика, шепчу ему, что все будет хорошо. Я говорю ему, что новый план не сильно отличается от предыдущего. Я никогда по-настоящему не верила, что смогу тайком пробраться вниз по Стене вместе с Джонасом. Небеса — это билет в один конец, я это знаю.

Я также знаю: если есть хоть малейшая возможность, что мой брат-близнец жив там, наверху, съезжился и прячется, я не смогу жить дальше, не попытавшись его спасти. Если удастся, я захвачу немного взрывчатки, чтобы сбросить ее на монстра-лозу — Зверя, как я стала его называть, так что даже если я не вернусь, я смогу защитить тех, кто остался внутри.

Наконец, план позволяет мне уснуть спокойно.

Единственное окно в подвале пропускает серый, призрачный свет, когда наступает утро. Сегодня четверг, и солнца не видать. Если Астрономы правы, а они почти всегда правы, завтра все будет им залито.

Завтра вечером торжество.

Конец моей жизни внутри Стены. Я планирую уйти, как только табличка зарядится.

Ээро шевелится рядом со мной, стонет, поднимаясь.

- Ничто так не бодрит, как сон на каменном полу с окровавленной спиной, - он начинает потягиваться, но передумывает. - По крайней мере, здесь холодно.

Я проверяю раны у всех, прежде чем осмотреть швы на животе и порез на плече. Мы все ноем от боли, но признаков инфекции нет. Мази хватило на всех. Мы заживает.

- Хоть ты немного поспала, — ворчит Сэл.

Она и Мерил лежат у двери, рука Сэл нежно лежит на плече подруги. Она опускает легкий поцелуй на макушку Мерил, когда шаги топают по лестнице. Сэл помогает Мерил подняться и отойти от двери так быстро, как только может; обе бледнеют от боли при резком движении.

Дверь открывается.

Входят Гриффон и Леонидас. У Гриффона фингал под глазом и разбита губа. Лео выглядит так, будто спал на перине. Я удивлена, что Ярек не наказал его за то, что он чуть не показал всей деревне зеленого Зверя в действии.

- Гриффон! — вскрикивает Мерил, шагая к нему.

Его челюсти сжаты.

- Мы за Роуз. Остальные ждут суда.

"Видите? — хочу сказать я остальным. — Вы наконец-то видите его истинное лицо". Вместо этого я стальные нервы. Ни за что я не выйду за дверь с Предателем.

- Почему меня забирают?

- Хранитель Записей считает, что ты — и, в частности, наша свадьба — важны для сохранения единства деревни. В свете последних событий. Так что ты должна готовиться.

Грудь горит. Он, должно быть, шутит.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

- Я не оставляю остальных здесь. И уж точно не ради свадьбы с тобой.

- У тебя нет выбора. - Лео ухмыляется.

Глаза Гриффона пронзают меня.

- Стражи расквартированы в коттедже Аптекаря. Есть опасения, что твои тетя, дядя и бабушка поддерживают твой бунт. Любое дальнейшее... неуважение с твоей стороны будет сочтено доказательством их участия.

Они держат мою семью в заложниках. Почему я не удивлена?

- Иди, — говорит мне Сэл. — Мы предпочли бы быть здесь, чем заниматься своими делами. Ведь так, Оскар? Ээро? Мер?

Они кивают, их глаза сияют.

И все же я не могу представить, как оставляю их здесь.

- Пожалуйста, — говорит Гриффон, его взгляд тяжел.

Его искренний тон мог бы сработать, если бы он совсем недавно не полоснул меня по плечу после, о, поцелуя с девушкой, которая превратила мои школьные годы в пытку. Не говоря уже о том, что он, по-видимому, все это время подозревал о планах Ярека и не сказал мне ни слова. Внезапно я чувствую себя маленькой и глупой, но через мгновение меня снова охватывает ярость — я злюсь на то, что позволила себе довериться ему насчет Джонаса и хранилища.

Я ненавижу Гриффона Цзы больше, чем когда-либо прежде.

Но я не вижу иного выбора, кроме как идти с ним. Я поворачиваюсь к остальным. Свиристая Сэл, талантливый Оскар, невинный Ээро и умная, оптимистичная Мерил. Именно ей я вверяю Счастливого Кролика, надеюсь, что его чары утешат их, как утешали меня. Я сую крошечную фигурку ей в руки как обещание.

- Я не забуду о вас здесь, — говорю я им всем.

- Помни о плане, — говорит Оскар, склонив голову. — И доверься процессу.

- Что он имеет в виду? — рявкает Лео. — Какой план?

- Искупить наши ошибки, конечно, — говорю я с притворным благочестием. Я проталкиваюсь мимо Лео и уже на полпути вверх по лестнице, когда слышу, как он говорит Гриффону, что собирается остаться и преподать остальным урок. Я не уверена, что именно ему ответили, но когда Лео появляется, потирая быстро опухающую щеку, я догадываюсь.

- Принесите им еду, воду и ведро, — рычит Гриффон на Стража наверху лестницы. — Лео, моему отцу нужен отчет об их состоянии немедленно.

Лео сверлит Гриффона взглядом, а затем в ярости уходит. Интересно, что было бы, если бы я сделала так же: просто прошла через парадную дверь часовни и не оглянулась. Я решаю проверить это. Я дохожу почти до входа, прежде чем Гриффон хватает меня за руку со стальной хваткой.

- Ты не захочешь уходить сейчас, — говорит он.

Я поворачиваюсь так быстро, как позволяют раны, и оказываюсь с ним лицом к лицу.

- И почему это? — спрашиваю я.

- Ты нужна здесь.

Я выпячиваю подбородок.

- Марина велела тебе это сказать?

Почти сразу я жалею о своих словах, о том, что они раскрывают состояние моего сердца.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

- Нет, — говорит он, мягко прижимая меня к ближайшей стене, точно повторяя движение, которое он проделал с Мариной прошлой ночью. Как он смеет! Я ненавижу то, что от этого у меня внутри все переворачивается.

- Но она позволила мне подойти достаточно близко, чтобы забрать это.

Он поднимает ключ с белой лентой от хранилища Хранителя Записей.

Облегчение, граничащее с эйфорией, охватывает меня.

Тело Гриффона прижимается к моему, гарантируя, что Стражи позади не увидят, как он передает мне ключ. Он с отвращением изучает предмет, пока я не надеваю завязанную ленту на шею, пряча ключ под одеждой.

- Ты мне должна, — говорит он. — У нее губы были жирные.

Мое сердцебиение эхом отзывается от его груди и возвращается ко мне, сильнее, чем прежде.

- Почему? — спрашиваю я. Я имею в виду: почему он рискнул украсть ключ, почему он помогает мне, почему он сделал все таким запутанным?

Почему???

Он кладет палец мне под подбородок, продолжая разыгрывать спектакль, будто мы любовники, воссоединившиеся после ужасной ночи разлуки.

- Ты сказала, что Джонас видел что-то в хранилище, что-то, что, как ты думаешь, стало причиной его Сбора. Это может быть связано с тем, что происходит с моим отцом и другими Стражами. В любом случае, ты хотела ключ, и я достал его для тебя.

Утопая в тепле его тела, я слабею, слезы щиплют глаза от нахлынувших эмоций, вызванных его объяснением. Эмоций, которые я не должна чувствовать, учитывая мои планы на завтрашний вечер. Я собираюсь оставить наш священный союз, и все же, на одно эгоистичное мгновение, хочу остаться здесь, с Гриффоном, навсегда.

- Спасибо, — говорю я.

Его рот сжимается. Он бросает взгляд через плечо. Один Страж вышел через заднюю дверь часовни, по-видимому, за припасами для заключенных. Другой подозрительно наблюдает за Гриффоном и мной. Он покидает свой пост и начинает шагать к нам.

Я говорю быстро:

- Ты знал, что нас атаковало растение?

Он вздрагивает:

- Нет, я видел это впервые, - его взгляд падает на мое плечо. — И мне жаль, что я метнул в тебя нож. Я не мог... я не мог позволить тебе убить его. Я хотел бы, чтобы был другой путь.

Я киваю. Он говорит правду. Приближающийся Страж уже почти рядом, его рука на эфесе меча. Спутница Конфуция делает шаг вперед, ее выражение лица сурово.

- Роуз, — громко говорит она. — Я готова к беседе с тобой.

Страж, который приближался, останавливается, сбитый с толку.

Я смотрю на Гриффона. Он отходит в сторону и протягивает руку, воплощение любезности:

- Моя мать попросила провести предсвадебное консультирование для каждого из нас, учитывая ситуацию. Я свое уже прошел.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 54

Я следую за Соджорнер в её кабинет, лихорадочно перебирая в уме оправдания, как бы сбежать. Я не могу слушать проповеди и советы о браке для союза, который не собираюсь поддерживать, особенно пока Долина Ноя атакована изнутри.

Соджорнер закрывает за мной дверь. В кабинете тихо и уютно: стены обшиты темным деревом, всюду полки с книгами, в центре — письменный стол. Я уже собралась разыграть карту болезни, но она поднимает руку, призывая к молчанию. Прижимается ухом к двери. Слушает. Затем достает один из красных плащей своего Дома и протягивает мне.

— При пристальном осмотре он не поможет, но если накинешь капюшон и будешь держаться подальше от главных улиц, все должно быть хорошо.

Я ошеломлена.

— Что вы делаете?

— Гриффон сказал, что тебе нужно попасть в коттедж Хранителя Записей, — говорит она, направляя меня к заднему выходу.

Я останавливаюсь так резко, что скольжу ногами.

— Нет, я имею в виду, что вы делаете? Лгать о своих обязанностях незаконно.

Она забирает у меня плащ и осторожно набрасывает мне на плечи, застегивая у шеи.

— Роуз, доброе сердце всегда нарушает дурной закон. — Она накидывает капюшон, открывая простой синий крест, вытатуированный у неё за ухом, когда она снова бросает взгляд на дверь в часовню. — У тебя есть время до звона колоколов. Надеюсь, ты найдешь то, что ищешь.

И она выталкивает меня через выход, который, к моему удивлению, ведет прямо на улицу. Слышны отдаленные голоса: Лео и кто-то еще. Я прижимаюсь к задней стене часовни. Сухая трава царапает щиколотки. За тенью часовни — широкий открытый участок брусчатки, который нужно пересечь, чтобы добраться до любой другой части деревни.

— ...Только на одну ночь, — говорит Лео, его голос звучит приглушенно. — Потом он отправит их четверых первыми, после того как мы убьем Зверя и взорвем Стену. Пусть они примут на себя удар всего, что там снаружи.

Я замираю на полушаге, когда из-за угла выходит Томрис из дома Стражей Кинаны — защитников северного квадранта деревни, — а рядом с ней Лео. Только благодаря тому, что они так близко, я могу слышать детали их приглушенного разговора. Я вжимаюсь в стену сильнее, раны на плече и боку пульсируют от боли, а сердце колотится так громко, что, я уверена, выдаст меня, когда они останавливаются всего в нескольких футах от меня.

Томрис шепчет ответ:

— Думаешь, Ярек прав? Что наши Основатели были... обмануты? Что за Стеной все не так уж плохо? Он кажется таким уверенным, но зачем тогда было основывать это место?

Это он им рассказывает?

— Я не смею ставить под сомнение моих лидеров, — рычит Лео, заставляя её замолчать. — Но, как я и сказал, поэтому хорошо, что он отправляет их первыми. Если он ошибается, они примут удар на себя.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Они даже не смотрят в мою сторону, когда я медленно, бесшумно пробираюсь дальше вдоль здания, пока не оказываюсь на противоположной стороне от них. Я делаю размеренные вдохи, чтобы успокоиться. Что лучше: рвануть через открытое пространство или идти неспешным шагом, как простой служитель, выполняющий задание? Я выбираю средний темп, хотя нервы натянуты слишком сильно, чтобы следить за шагами. Если кто-то посмотрит на меня, то подумает, что я страдаю от спазмов, но удача на моей стороне — никто не окликает меня, пока я не достигну спасительного переулка.

Я прохожу еще пятьдесят футов, прежде чем вторая пара патрульных Стражей заставляет меня нырнуть между бочками, сложенными перед перенесенным коттеджем Бондарей. Сердце бьет по ушам, на спине выступает пот.

Стражи проходят мимо.

Я встаю, смотрю по сторонам.

Чисто.

Я бегу оставшееся расстояние и ныряю в библиотеку. У меня нет плана на случай встречи с кем-то. К счастью, в рабочее время комната, как обычно, пуста. Я прикрываю за собой дверь и крадусь через зал, но слишком рано благодарю удачу.

— Марина? — окликает Саймон. — Принеси мне сэндвич с мясом, оставшимся со вчерашнего вечера, если будешь делать себе.

Горло сжимается. Я скольжу к двери в подвал, трясущимися руками достаю ключ и вставляю его в скважину. Поворачиваю, ожидая, что он не сработает. Вместо этого раздается нежная серия щелчков, звучащих для меня как музыка. Я поворачиваю металлическое кольцо и тяну. Дверь открывается. Мне удастся спрятать ключ в ладони, шагнуть в подвал и прикрыть дверь почти до конца как раз в тот момент, когда Саймон Сейнголт входит в библиотеку.

— Марина? Ты слышала меня?

Его видно через щель. Я слишком боюсь закрыть её, чтобы не привлечь внимание, поэтому задерживаю дыхание. Он оглядывает библиотеку, разочарованно фыркает и исчезает. Я осторожно закрываю дверь до конца и опускаюсь на верхнюю ступеньку лестницы. Время против меня, но пульс зашкаливает. Я заставляю себя успокоиться, массируя виски. Рука тянется к карману, и я вспоминаю, что отдала Счастливого Кролика Мерил.

Это напоминание о том, как срочна моя миссия. Мои друзья все еще заперты в подвале часовни, и, судя по словам Лео, завтра их собираются отправить в качестве приманки. Жителям скажут, что вскрытие Стены — ради общего блага, и они поверят, как только Ярек покажет им плотоядное растение. Конечно, он скажет, что только что обнаружил его. Я встаю, дотягиваюсь до выключателя, который заметила перед тем, как закрыть дверь. Щелчок — и ряд ламп освещает путь вглубь подвала Сейнголтов. Молюсь, чтобы свет не был виден снаружи.

Шагов не слышно, и я принимаю это за добрый знак.

— Поехали, — шепчу я, спускаясь по деревянной лестнице.

Я встряхиваю плащ, избавляясь от утреннего холода и аромата ладана из часовни. Ступеньки скрипят под ногами. Я считаю до семнадцати и оказываюсь на полу подвала.

Он сделан из камня, как и подвал часовни: одна огромная монолитная плита. Сейф стоит в другом конце комнаты, стены между ними завалены книгами и свитками, небрежно забитыми на полках. В углу стоит металлическое сооружение с

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

трубками. Принюхиваюсь. Пруно. Этот запах всегда преследует Дэвида. Рядом с ним другая машина, выдувающая теплый воздух.

Металлическая дверь сейфа приоткрыта. Вместо ручки — диск размером с тарелку. Прежде чем подойти, я замираю, прислушиваясь к звукам жизни. Тишина.

Дверь выглядит тяжелой. Возможно, Хранитель Записей просто предпочитает не закрывать её. Норм, защищающих это место, не говоря уже о замке наверху лестницы, должно быть достаточно, чтобы отвлечь любопытных. Или, может быть, пьянство Дэвида сделало его ленивым. Какова бы ни была причина, я благодарна.

Я крадусь вперед, почти бесшумно в своих мягких туфлях из козьей кожи. Удивлена отсутствием сырости здесь. Прошлой ночью под часовней я привыкла к её запаху. Решаю, что именно для этого нужна машина, выдувающая теплый воздух рядом с пруну: чтобы убрать влажность и сохранить наши священные записи. Я тяну за диск, упираясь ногами, чтобы сдвинуть массивную металлическую дверь.

Заглядываю внутрь. Зажмуриваюсь, открываю. Еще раз. Сейф пуст, за исключением двух предметов в центре: пьедестал размером с кухонный стол, а на нем — огромная закрытая книга. Если бы она стояла вертикально, то доставала бы мне до пояса. Открытая, она была бы длиннее, чем обе мои вытянутые руки.

Над центром массивной книги висит веревка, ведущая к голой лампочке. Я дергаю за неё, удивленная тем, что она прохладная и гладкая. Лампа вспыхивает, настолько ярко, что мне приходится закрыть глаза, пока они не привыкнут. Тогда я вижу, что «веревка» — это нить крошечных, на удивление одинаковых металлических шариков, явно времен «До Того». Я возвращаю внимание к книге, проводя руками по кожаному переплету, по буквам, выгравированным так глубоко, что я могла бы прочесть их одними кончиками пальцев.

На обложке вытиснено: «Исправительный институт Долины Ноя».

Мы не те, кем кажемся.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 55

Мир кренится, сходит с оси, когда я открываю обложку.

Первая страница тонка, как кружево, каждое слово на ней написано от руки.

По соглашению первоначальных заключенных, информация, содержащаяся в настоящем документе, становится частной собственностью начальника Исправительного института Долины Ноя Хелен Хейс, в дальнейшем именуемой Хранителем Записей. Хранитель Записей гарантирует, что никто в Долине не сможет получить доступ к этой информации, за исключением случаев, когда это признано необходимым для выживания сообщества. Истинная история нашего происхождения умирает вместе с первым поколением.

Так скажем все мы.

Неверие прошивает кожу, ледяные мурашки тревоги.

Ниже этой декларации — сотни подписей, кривых, теснящихся по всей странице, написанных чернилами разных цветов. Синие, черные, даже фиолетовые — все они выцвели от времени. Некоторые — не более чем курица лапой, но другие я могу разобрать.

Линда Дюпри Джолли Хендрикс Аллен Джонсон

Я переворачиваю страницу, поднимая запах пыли и тлена. Эта бумага на ощупь отличается от предыдущей. Она толстая и гладкая, как дубовый лист. Из чего бы она ни была сделана, она сохранила черные чернила так хорошо, что слова выглядят как написанные только что.

Часть I: История Долины Ноя

Паника скребет по моим нервам. Становится трудно дышать. Ниже заголовка вклеено эссе, первоначально написанное для издания под названием «Нью-Йорк Таймс». Оно датировано 15 августа, 120 лет назад.

Благодаря щедрому финансированию основателя TechnoSphere Эрроу Корра, проект «Исследование поведенческой перенастройки и наследственности» (BRAINS) готов принять своих первых 400 добровольцев. Этот уникальный проект на юго-востоке Миннесоты, прозванный его основателями «Долиной Ноя», является первым в серии запланированных экспериментальных поселений, призванных отделить насильственных преступников от населения.

Шаги над головой выдают, что кто-то ходит по коттеджу Хранителя Записей — Марина? Саймон? — но я не могу остановиться, чтобы обратить на это внимание. Мое сердце бьется в больном, глухом ритме.

Все 400 добровольцев отбывают несколько пожизненных заключений без права на условно-досрочное освобождение. Однако в случае успеха эксперимента Корр планирует строительство аналогичных объектов для более «гуманного» содержания менее опасных преступников, неимущих и мигрантов.

Шаги звучат так, словно вошли в библиотеку.

Чтобы дать добровольцам лучший шанс на реабилитацию, эксперты Корра построили обнесенное стеной аграрное общество, минимизирующее стресс заключенных. Базовые тяготы устранены: каждому добровольцу присваиваются имя, супруг, дом и профессия. Позитивное поведение будет моделироваться и поощряться, а правовая, религиозная и образовательная системы Долины разработаны для продвижения радикального равенства, конформизма, единства и принятия. Добровольцы будут доставлены внутрь поселения с необходимыми припасами и

Джес Лоури - Зеленая Клетка **Jess Lourey - The Verdant Cage**

ресурсами для выживания на веки вечные. Затем непреодолимая стена, окружающая Долину Ноя, будет запечатана.

Корр в интервью признал, что испытывает смешанные чувства, начиная проект, завершение которого он никогда не увидит, но для него честь предложить «своему ближнему путь к искуплению». Биотехнологический магнат имел в виду конечную цель исследования: правоохранительные органы со временем признают потомков добровольцев исправившимися, пригласив их вернуться в наше законопослушное общество спустя пять поколений.

По словам Корра, многопоколенческое заключение представляет собой этическую альтернативу смертной казни, которая «гарантирует, что худшие наклонности преступников будут искоренены, а причиненный ими вред полностью возмещен» прежде, чем кто-либо из потомков получит свободу.

Шаги над головой стихают.

Хотя многие поддерживают эту миссию, некоторые правозащитники выступают против инициативы Долины. Одна проблема едва не остановила проект в самом начале: кто освободит пятое поколение?

В ответ Корр внес поправки в чертеж Долины, добавив «скрытый выход, настроенный на автоматическое открытие через 120 лет со дня официального основания». Он надеется, что другие воспримут этот компромисс как жест доброй воли, но «готов поспорить, что наши добровольцы все равно не захотят уходить. Им там будет лучше, чем большинству из нас здесь».

Другие опасения включают риск насилия между заключенными, особенно учитывая тяжесть некоторых преступлений. На вопрос о протоколе действий в случае, если добровольца нужно будет извлечь из запечатанного эксперимента до пятого поколения, директор по связям с общественностью TechnoSphere ответил следующее:

«Безопасность — это самое важное для мистера Корра. Именно поэтому в Долине Ноя через равные промежутки времени расположены посты охраны. Их надзиратель — доктор Хелен Хейс — будет снабжена электронным планшетом, позволяющим поддерживать внешнюю связь, а также управлять корзиной, которая удаляет добровольцев, если это необходимо, чтобы укрыть их на вершине стены, пока они не будут безопасно забраны и возвращены в условия традиционного заключения».

Команда PR TechnoSphere также нашла ответ для критиков, обеспокоенных безопасностью жителей южной Миннесоты. «Для защиты близлежащих окрестностей (помимо великой стены Долины), Эрроу пожертвует многомиллионного Вердантного Зверя™ (Verdant Beast™) для охраны поселения».

Внедрение новейшей системы биозащиты TechnoSphere сыграло решающую роль в ускорении одобрения этого проекта, особенно учитывая недавно назначенную должность генерального директора Эрроу Корра как министра обороны. Корр заверил общественность в безопасности эксперимента, ссылаясь на успешные испытания Вердантного Зверя™ на корпоративных испытательных полигонах как на доказательство концепции.

Я чувствую себя сделанной из пыли, готовой рассыпаться в любую секунду.

— Удар ниже пояса, правда?

Я резко оборачиваюсь на голос за спиной.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 56

Дэвид Сейнголт кланяется, словно на его плечах лежит тяжесть всего мира.

— В том смысле, что наши предки были преступниками, — он спотыкается на слове, которое Ярек так легко использовал против моих друзей и меня. — Все они. Ну, все, кроме моих. Как вы, я уверен, читали, Хранитель Записей был нашим надзирателем.

Мой голос звучит как будто издалека.

— Изначально. С тех пор мы все перемешались.

Он наклоняется ко мне, его тон почти умоляющий.

— Вы же понимаете, почему я не выступаю против Ярека теперь, правда? — Его глаза опускаются. — У нас в крови быть злыми. Это наша судьба.

Меня выворачивает наизнанку, я словно бесполезная лента Мёбиуса в агонии. Долина была построена не для того, чтобы защитить нас от хаоса внешнего мира. Она была основана, чтобы защитить внешний мир от нас. Но есть что-то еще — другая важная правда, которую раскрыло эссе. Я чувствую её, как нечто острое, застрявшее в горле.

— Если продолжите листать страницы, — говорит Дэвид, потирая свои усы-гусеницы, — найдете раздел, посвященный каждому из первоначальных заключенных. Имя. Возраст. Преступления. Там есть довольно жуткие вещи. Горстка тех, кто пытал своих жертв, несколько массовых убийц... вы можете поверить, что они набрали каннибала в Цех кожевников? — Он смеется, хотя в этом смехе нет ни капли веселья.

Нет, нет, нет, этого не может быть. Лиллиан Олгуд, потомок хладнокровного убийцы? Милый Джонас, разделяющий ДНК с монстром?

— Хелен Хейс была не единственным надзирателем. Ей помогал второй, некий Родригес. Первые пару лет они вели записи вместе, — продолжает Дэвид. — Было тяжело. Для добровольцев, то есть. Адаптация. Некоторых пришлось удалить, но большинство — нет. Вопреки всему, им удалось создать здоровое сообщество.

— Затем связь с внешним миром внезапно оборвалась. Родригес поднялся в корзине наверх, чтобы все разузнать. — Он моргает, хмурясь. — Он не вернулся.

Я думаю о нашей часовне. Нашем духовном убежище. Была ли её колокольня спроектирована как наблюдательный пункт, точка обзора, с которой нужно охранять наших предков? Острая, ускользающая правда из эссе начинает всплывать, но я все еще не могу ухватиться за неё. В ту секунду, когда мне кажется, что она у меня в руках, она ускользает.

Дэвид продолжает говорить:

— Хейс решила, что за Стеной случилось что-то ужасное. Подумала, что о всех внутри забыли. Как же, должно быть, страшно? Оказаться в ловушке здесь, в деревне, полной убийц, когда внешний мир погрузился во тьму. — Он качает головой, ужасаясь. — Она решила, что их лучший шанс на выживание — по-настоящему сформировать новое общество. Никаких надзирателей и стражей против преступников, никаких «нас», отделенных от «них». Просто люди. — Он напевает последнее слово. — Как вы наверняка читали, они договорились, что правда об их преступлениях умрет вместе с тем первым поколением. — Он хихикает. Звучит как стук костяных костей. — Честно говоря, они, вероятно, были рады так сделать. После того как первые преступники вымерли, только Дом Хранителя Записей хранил правду о том, кем они были.

Я застонала, наконец вспомнив, чего не хватало в тексте.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

— Жатва не упоминалась.

Дэвид читает мои мысли, его голос хрипнет.

— Кровь всегда была ценой защиты Вердантного Зверя. Эта штука — плотоядная, просто и ясно. Возможно, тогда было бы непопулярно упоминать об этом. — Он пожимает плечами. — Но Хейс знала, что ему нужны ежемесячные кормления. Она пишет об этом в своем личном дневнике, говорит, что именно поэтому мы должны проводить Жатву.

Вердантный Зверь, охотящийся на нас, не был случайностью. Это было его назначение. Жестокость просто ошеломляет.

— Добровольцы знали?

Он не отводит взгляд.

— Некоторые могли догадываться, но у меня нет доказательств того, что им об этом говорили.

— Но вы знали, — шиплю я.

Он поднимает руки.

— Только совсем недавно. Даже года нет.

— Вы знали и позволяли отправлять жителей наверх, чтобы их съели живьем. — Образ моего близнеца, чье тело изуродовано и обескровлено, заставляет меня опуститься на колени на холодный каменный пол. Я едва осознаю боль. — О, Джонас, — шепчу я, чувствуя, как болит душа.

— Лучше потерять нескольких, чем многих. Их жертвы защищают нас всех, — пытается он меня успокоить.

Я бросаюсь на него, оттесняя старого пьяницу назад, за пределы сейфа. Он едва удерживается на грубо обтесанной стене, рана руку о камень. Кровь Дэвида капает из раны.

И я не чувствую ни малейшего желания её перевязать.

— Защищают? — рявкаю я. Вспоминаю двух Стражей, которых мы потеряли восемь месяцев назад, и тех, что погибли у меня на глазах вчера. Лицо Джонаса в моей голове превращается в лицо Питера. — Этот монстр охотится на нас.

Дэвид изучает свою руку. Свет от голой лампочки заставляет его глаза блеснуть.

— Он слишком голоден, — признает он. — Хейс беспокоилась, что такое может случиться. Вот почему она принесла сюда гербицид, о котором не знал Эрроу Корр. По-видимому, он очень оберегал Вердантных Зверей. Я обнаружил его случайно, когда нашел её комнату паники. Там было все, что могло понадобиться, если дела пойдут плохо: запасы еды, оружие, даже такие предметы тщеславия, как ростовое зеркало. — Дэвид трет нос. — После первой незапланированной смерти я решил использовать её гербицид. И он работал, какое-то время.

Это значит, что за отравлением нашей воды стоял Дэвид, а не Ярек. Мне требуется вся сила воли, чтобы не ударить его по горлу. Конечно, я видела его следы у колодца, но безмозгая, доверчивая девочка внутри меня предполагала добрые намерения. Быть преданной своим собственным Хранителем Записей...

— Шесть жизней, потерянных из-за Векса, — плююсь я. — И вы несете ответственность за каждую из них.

— Вы правы, боюсь, что так, — Дэвид содрогается, очевидная вина искажает его черты. — Я рассказал Яреку правду обо всем — о Вердантном Звере, комнате паники и яде, который обнаружил, — после того как Зверь убил тех первых двух Стражей восемь месяцев назад. О чем жалею. Ярек действительно верил, что его товарищей убило

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

животное, и он никогда бы не стал лить гербицид к его корням, если бы я не сказал ему правду. Он верил в яд дольше меня, заставляя наших химиков воссоздать его. Уверен, именно это причина их само-Жатвы. Я отдал ему остатки снадобья Риты на днях, так что, полагаю, скоро увидим, кто был прав.

— Но он планирует вскрыть Стену, независимо от того, убьет ли остаток яда Вердантного Зверя. — Я формулирую это как факт, хотя на самом деле все еще гадаю.

— Он планирует попробовать, — говорит Дэвид, подтверждая ужасную правду. — Он стал одержим тайной камерой, всеми сокровищами и оружием времен «До Того» внутри. Ему нужно больше.

Гриффон был прав. Его отец намерен выйти «За».

— И это лишь вопрос времени, когда он преуспее, — продолжает Дэвид. — Тем временем мы заперты здесь, как скот. — Он наблюдает за тем, как я перевариваю то, что узнала. — Это не тюрьма, пока тебе не понадобится бежать, правда? — спрашивает он.

Слова грохочут у меня в черепе, в горле, но не могут найти выхода через рот. Думаю, меня сейчас стошнит.

— Вижу, вы горите желанием исправить это, Роуз. Ваша мать была такой же. Скоро вы поймете, как и я, что лучше уйти тихо. Мы все закончим в одном месте, только кто-то из нас с меньшим количеством синяков. — Он достает флягу из кармана, пьет и вытирает рот рукавом. — У Ярека слишком много власти и вкус к редким удовольствиям. Он не вернется к тяжелым рабочим дням и рагу из сверчков, не теперь, когда считает, что есть способ жить лучше.

Я подхожу ближе, вдыхая кислый запах пруну, исходящий от него. У нас здесь куча проблем, но одна важнее остальных.

— Ярек безумен от власти, Дэвид. Если он проделает дыру в Стене, мы понятия не имеем, что может через неё пройти. Вы говорите, что мир погрузился во тьму сотню лет назад и что Надзиратели так и не узнали почему. Если это правда, Вердантный Зверь — наименьшая из наших забот. — Я имею в виду, господи, Стена, возможно, даже защищает нас от чего-то худшего. Я делаю глубокий вдох, собирая остатки своей уверенности, и добавляю: — Мы должны остановить его. Ради Долины.

Лицо Дэвида становится серьезнее.

— Остановить Ярека? Мы вдвоем?

Мысли сталкиваются друг с другом.

— Нас не двое. Есть и другие. С вами на нашей стороне у нас есть шанс. Вы все еще Хранитель Записей. Вы все еще отвечаете за наши правила.

Он грустно качает головой, указывая на свое неопрятное состояние, на ногу в гипсе. Мне доставляет удовлетворение осознание того, что, вероятно, это не капкан загнал его, что его конечность, скорее всего, была раздавлена Вердантным Зверем.

— Посмотрите на меня, Роуз, — говорит он. — Кто пойдет за этим человеком?

Я хватаю его за рубашку.

— Если мы расскажем им правду о Яреке, все! Когда его не станет, мы сможем начать все сначала внутри. Мы будем избегать Врат Эдема, пока не найдем способ уничтожить Зверя, а когда снова будем в безопасности, пересмотрим все законы Долины, оставим те, что работают, и пересмотрим остальные. Без Стражей, стоящих у вас на пути, вы могли бы это сделать!

Я говорю слишком быстро. Мне кажется, я уже потеряла его, но внезапно его лицо озаряется.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

— Вы правда думаете, что мы можем остановить Ярека?

Я киваю.

К моему удивлению, Дэвид усмехается.

— Он не очень умен, знаете ли? Силен, безусловно, хорош в создании армии. Хитер, даже. — Он указывает на стопку книг с кричащими и незнакомыми обложками. — Согласно одной из них, именно на хитрого лидера стоит обращать внимание. На того, кто красуется, очевидного грубияна, у которого ничего, кроме силы, за душой? — Хранитель Записей усмехается, приняв решение. — Его можно победить.

Я улыбаюсь ему в ответ, чувствуя, как мгновенно становится легче. С Хранителем Записей — из всех людей! — на нашей стороне, мы можем победить Ярека, не уничтожая планшет и корзину, а значит, я смогу вернуться в Долину с Джонасом. Даже если он больше не жив, я могу вернуть его тело.

Вердантный Зверь не может получить моего брата.

Внезапно я вспоминаю то, что Дэвид пропустил.

— Секретная комната. Сейф с новым оружием. — Я говорю голосом, который не терпит возражений, тем, который не посмела бы использовать против него еще неделю назад. — Покажите мне её.

Раздражение вспыхивает на лице Дэвида, но он, должно быть, чувствует, что я сегодня не отступлю. Он сует большой палец в почти невидимую выемку внутри ближайшего книжного шкафа.

— Я случайно активировал механизм, — говорит он. — Хейс хорошо его спрятала. Эта женщина думала обо всем. — Последнее он произносит с ноткой гордости.

Я уже собираюсь напомнить ему, что он, возможно, даже не является кровным родственником Хейс, учитывая наши правила брака, когда шкаф отъезжает, открывая комнату почти такого же размера, как весь коттедж наверху.

Моя челюсть отвисает. Солнце и почва, насколько же это место огромное?

Прежде чем он успевает остановить меня, я захожу внутрь. Стены уставлены полками, переполненными инструментами, назначения которых я не понимаю, и едой — куда больше, чем я знаю. Я подхожу к ним, поражаясь огромному количеству вещей, оставшихся здесь, даже после того как Дэвид и Стражи разграбили запасы Надзирателя. Я замечаю огромный металлический контейнер с надписью «консервированная ветчина». Я не знаю, что такое ветчина, но пугающе реалистичный рисунок на упаковке выглядит точно так же, как тот кусок розового мяса, что Цзы подавали нам на днях.

— Здесь есть все, кроме выхода, — говорит Дэвид. — Прошло почти сто двадцать лет со дня основания Долины, и Корр говорил, что к этому времени мы откроемся миру. Но если здесь есть дверь, я её не видел. — Его голос становится тяжелым. — Мне жаль, Роуз. Но думаю, это была еще одна ложь, которую он сказал публике.

Мои глаза сканируют полки. Что именно я ищу? Оружие, которым смогу спасти брата. Плюс любой гербицид, который Ярек еще не забрал. К моему сожалению, боевые припасы разграблены. Я вижу только еду, инструменты и одинокий участок «золота гоблинов» на полу в дальнем конце комнаты. Светящийся мох обычно встречается в пещерах — мама иногда просила каменотесов собирать его в карьере из-за его микробных свойств.

Я поворачиваюсь к Дэвиду.

— Это ничего не меняет, — говорю я.

— Что?

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

— Эта секретная комната. — Я указываю на запасы вдоль стен. — Не имеет значения, что она здесь, и даже то, что выхода нет. Важно, что мы остановим Ярека и убьем Вердантного Зверя. — С чувством глубокого разочарования я понимаю, что уже потеряла его. За последние пару минут огонь, на мгновение вспыхнувший в его глазах, погас. — Дэвид?

Он делает еще один глоток пруну.

— Мне нужно немного времени побыть одному. Подумать.

— Но...

— Дайте мне время, — рывкает он, явно ожидая, что я уйду.

Я исчерпала весь кредит доверия. Теперь я могу только молиться, что убедила его. Я следую за Дэвидом, когда он бредет обратно в главную камеру, к своему аппарату для пруну, и наполняет флягу. Я беспокоюсь, что он напьется до беспамятства, но, кроме как связать его и уничтожить аппарат, не знаю, что могу сделать, кроме как надеяться, что он поможет нам. Я подумываю найти двух других членов Совета — Александру и Неро, — но решаю, что это плохая идея. Они были не против скрыть причину смерти Питера и были соучастниками внезапных и репрессивных изменений Ярека в законах Долины. Единственный человек, которому я действительно могу доверять, — это я сама.

Или, может быть, нет. В конце концов, мы здесь потомки монстров. Каннибалов. Убийц.

Я на полпути к лестнице, когда Дэвид окликает меня, его голос невыносимо усталый.

— Тебе захочется рассказать остальным, что ты здесь обнаружила, — говорит он. — Как мы — порождения злодеев, обреченные зачахнуть на усиках лианы. Тебе будет невыносимо тяжело держать эту тяжесть в себе, расскажешь кому угодно. Учись на моем опыте, Роуз. Не говори никому. Это только сделает их такими же несчастными, как ты сейчас.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 57

Так пой мне сказку, милый,
Я на коленях, Молю небеса,
Верни меня назад, умоляю.
Так спи, мой дорогой, не бойся,
Стена сделала нас целыми, любовь, и мы были спасены.

Детская колыбельная деревни, передаваемая от бабушек и дедушек внукам, — это не милая семейная песенка, а скорее тюремный плач тех, кто отбывает многопоколенческое пожизненное заключение.

Это место не совершенство, это тюрьма.

Мои предки не были отважными поселенцами. Они даже не были Основателями. Они были развращенными убийцами, изгнанными из общества. А мы, их потомки, умираем от рук того самого Зверя, который был создан, чтобы охранять их. Мой мир разрушен. Липкое уныние заползает в мой рот, ноздри, поры, заставляя меня задыхаться. У меня нет присутствия духа, чтобы избегать Стражей, поэтому хорошо, что я никого не встречаю, пока бреду к единственному утешению, которое знаю: коттеджу Аптекаря.

Бабушка сидит в своем кресле у огня, когда я вваливаюсь внутрь. Я спотыкаюсь, падаю к её ногам и выплескиваю все, что узнала. Я думала о предостережении Дэвида по поводу того, чтобы не возлагать это бремя на других, но я не буду хранить его секрет. Бабушка не хотела бы этого. Она гладит меня по голове, пока я говорю, позволяя мне выговориться. Она не произносит ни слова, пока у меня не заканчиваются слова и слезы.

— Это все, Розы?

Я поднимаю голову с её колен, вытирая нос.

— Как это — «это все»? Наши предки были монстрами! — Бедный Джонас. Должно быть, это то, что он увидел в сейфе, и ему пришлось нести это бремя в одиночку.

Лицо бабушки искажается от жалости. Я не понимаю. Но потом до меня доходит.

— Ты знала? — спрашиваю я.

— Да, — она гладит меня по голове в последний раз, прежде чем потянуться к своей кружке с чаем. — Горстка людей моего поколения знала. Или знала до того, как Ярэк или старость забрали нас. В наше время у нас был Хранитель Записей, ненамного умнее Саймона, — её рот дергается. — Она рассказала кому-то, кого хотела впечатлить, что Долина была основана как тюремная колония, и вскоре кучка из нас узнала правду.

Я не могу поверить, насколько она спокойна.

— Вас это не беспокоило?

— Тише, — говорит она, поджав губы. — Мы — это то, что мы делаем, а не то, что делали наши предки.

Я моргаю. Все идет совсем не так, как я ожидала.

— Но они были убийцами. Они пытали людей!

Она морщится.

— Я признаю, что первые поселенцы совершали ужасные вещи, судя по тому, что я слышала, — она приподнимает мой подбородок, заставляя смотреть ей в глаза. — Но внутри Стены они не могли избегать друг друга. Им пришлось придумать, как работать вместе. У них были круг, общие ужины, строительство сараев, время сказок и все

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

другие замечательные способы жить в сообществе, которые мы знаем. Многие посчитали бы их неисправимыми, возможно, я бы тоже так подумала, если бы не видела этого места, но они смогли сделать это для себя. Разве тот факт, что внутри Стены не было ни одного убийства, ни со стороны первоначальных заключенных, ни их потомков, пока не убили твою мать, не доказывает, что мы — это не наша история?

— Убита Яреком.

— Возможно, но это потому, что мы первыми подвели его, — говорит она, повторяя то, что сказал мне Август. — Если он нарушил общественный договор, ему придется искупить свою вину. Но мы тоже нарушили его, особенно мое поколение, которое отвернулось, когда он был молод и нуждался в поддержке.

Мой скептицизм, должно быть, написан у меня на лице, потому что она берет мое лицо в ладони и продолжает.

— Дорогая Роза, я знаю, это так тяжело принять. У меня была целая жизнь, чтобы смириться с этим знанием, но я была так же напугана, как и ты, когда впервые узнала. Я хочу, чтобы ты пришла к собственным выводам, любовь моя. Я серьезно. Но если ты позволишь старухе еще немного пофилософствовать, я расскажу, как я пришла к этому. Раньше я никогда не могла говорить так свободно.

Поскольку я не могу заставить себя подавить искру в её голосе, я киваю.

Бабушка улыбается, морщинки вокруг её рта углубляются.

— Я верю, что мы находимся в поворотном моменте для Долины. Все, что мы так усердно строили последние пять поколений, в опасности. Нам о многом нужно отчитаться, но людей на стороне добра гораздо больше, чем ты думаешь. Истинного добра. Им просто нужен кто-то, кто организует их, кто сплотит их в этот момент, — её глаза смягчаются. — Если ты выберешь это, я верю, что этим кем-то можешь стать ты.

Мой смех удивляет меня саму.

— Кто пойдет за мной? У меня здесь не самая лучшая репутация бунтарки.

Бабушка качает головой, и это небольшое усилие явно истощает её.

— Не пойдет, а поверит. И твоя преданность — это именно то, за что они будут доверять тебе! — В её голосе я слышу, что она действительно верит в это, хотя я не могу разделить её веру. Но она еще не закончила.

— Внутри Стены у нас нет правителей, — говорит она. — Или, по крайней мере, раньше не было. Все, что стоило делать, мы делали сообща. Скажи мне, Роуз, — её голос становится тонким, дребезжащим. Я знаю, её силы на исходе. — Как ты сюда попала? В коттедж Аптекаря прямо сейчас, когда должна была быть заперта под охраной в подвале часовни?

Я тру виски, пытаюсь унять пульсирующую головную боль. Гриффон пришел за мной. Оскар, Мери, Эро и Сэл заставили меня уйти, хотя я хотела остаться с ними. Потом Соджорнер одолжила мне свой плащ и помогла улизнуть через заднюю дверь её офиса. Это много людей, если задуматься, но чего они от меня ждут?

— Мои друзья помогли, — наконец отвечаю я. Это правда. Более того, это то, что бабушка надеялась услышать.

Её улыбка прерывается внезапным приступом кашля. Я вскакиваю на ноги, убеждаясь, что её дыхательные пути чисты, прежде чем осторожно потереть ей спину. Когда она снова может дышать, я спешу принести воды. Она делает несколько глотков, но она так слаба. Она больше не может говорить.

Я подкладываю ей подушку, проверяю, чтобы огонь горел и болеутоляющее было под рукой. Когда я спрашиваю, хочет ли она, чтобы я осталась, она машет рукой,

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

прогоняя меня. Я боюсь, что она держится только ради меня. Я не могу подвести её, но не имею ни малейшего представления, как выглядит успех.

Я поправляю одеяло на плечах бабушки, целую её в лоб и выхожу на улицу. Голоса справа пугают меня, поэтому я натягиваю красный капюшон и спешу обратно той же дорогой, которой пришла.

Я добираюсь до часовни как раз тогда, когда начинают звонить колокола.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 58

Соджорнер ждет у своей личной выходной двери. Она втаскивает меня внутрь, хватая свой плащ и провожает обратно в главную часовню, где расхаживает Гриффон.

— С возвращением, — громко говорит он. — Я скучал.

К Стражу, следившему за лестницей в подвал, присоединился второй. Они увлечены жаркой игрой в кости, почти не обращая на нас внимания.

Это хорошо, потому что я не могу подыгрывать, не могу вести себя так, будто мы двое влюбленных подростков, не могу притворяться, что все в порядке или когда-нибудь снова будет. Гриффон кивает Главному Жрецу, затем берет меня под опеку и ведет наружу.

— Ты в порядке? — спрашивает он, его голос звучит тихо и участливо.

Весь наш мир — ложь.

— Я в порядке, — это все, что я могу выдать.

— Что ты видела в сейфе?

Я резко качаю головой. Не могу заставить себя рассказать ему.

Вместо того чтобы давить на меня, он потирает мне спину неожиданно нежным движением, а затем выпрямляется. Деревня живет своей привычной жизнью — делаются доставки, люди работают в своих коттеджах, — но мне кажется, что каждый следит за нами. Прищуренные взгляды, шепчущиеся губы. Гриффон наклоняется ближе и обнимает меня за талию, стараясь не задеть швы. Для любого наблюдателя мы выглядим нежно. Они не догадываются, что он поддерживает меня, чтобы я не упала.

— Я провожу тебя обратно в наш коттедж, — говорит он, понизив голос так, чтобы слышала только я, — но сначала должен кое-что сказать. О моем отце. — Гриффон делает глубокий вдох, прежде чем признаться: — Роуз, он намерен выйти за Стену.

Если я и выгляжу удивленной, то только потому, что все еще не оправилась от того, что узнала в сейфе Хранителя Записей.

— Оу?

— Я знаю, — успокаивает меня Гриффон. Он серьезен, принимая мое молчание за нечто иное. Я не поправляю его. — Но не стоит беспокоиться. Я знаю, как остановить его, чтобы никто больше не пострадал.

— Уничтожив взрывчатку, планшет и корзину для Жатвы, прежде чем Ярек сможет ими воспользоваться?

Он запинаясь на полушаге, его рот открывается, как цветок кувшиночника. Я чувствую внезапную и неожиданную утрату, осознавая, что никогда больше не смогу смотреть на свои собственные плотоядные растения так, как прежде.

— Да, Роуз. — Гриффон несколько раз моргает. — Это на самом деле странно...

Я бросаю косой взгляд на своего старого друга, чувствуя неожиданный прилив удовольствия посреди всех травм. Гриффон всегда кажется таким серьезным, таким осторожно контролирующим себя. Я так тосковала по этим нормальным, человеческим моментам между нами.

— Спасибо, — говорю я. — Я только что это придумала.

Я буквально слышу, как шестеренки у него в голове поворачиваются. Решаю избавить Стража от мучений.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

— Я шучу, — признаюсь я, слегка касаясь его руки. — Я уже знала о твоём отце. Мы с Оскаром обсуждали этот план раньше.

К моему удивлению, он начинает посмеиваться, а затем и я. На драгоценное мгновение мы снова дети.

— Я скучал по твоему смеху, Розы.

Мой рот захлопывается, сердце колотится. Он не называл меня уменьшительным именем со времен до церемонии обручения. Я хочу сохранить эту связь между нами. Я еще не готова рассказать ему о наших предках, но могу поделиться этим:

— Думаю, Дэвид Сейнголт на нашей стороне.

Глаза Гриффона вспыхивают, снова становятся острыми.

— Я не доверяю человеку, который больше заинтересован в собирании банок с фасолью, чем в выполнении обязанностей, но не буду мешать ему, если он хочет помочь. — Его челюсть сжимается. — Моего отца нужно остановить. Лишение его доступа к внешнему миру — это выход.

Я чувствую еще один прилив нежности к Гриффону. Он в незавидном положении. Как бы он ни ненавидел Ярека, он, очевидно, все еще жаждет уважения этого человека, если не любви. В этом смысле наши родители клеймят нас, к худу или к добру. Мы почти дошли до дома Цзы.

— Согласна. И мы положим конец Жатвам.

Мальчик из Дома Пчеловодов наблюдает за нами из двери своего коттеджа. Подслушивает? Ищет кого-то, на кого можно донести, чтобы получить две банки рыбы?

Именно так Ярек продолжает травить нас.

Гриффон кивает.

— Согласен. До планшета нам будет нетрудно добраться, а без него корзина бесполезна. Наша главная задача — уничтожить взрывчатку в тренировочном сарае.

Кое-что приходит мне в голову.

— Нам нужно, чтобы Хранитель Записей засвидетельствовал другим жителям, что оружие вообще существовало. — Я вспоминаю грустное лицо Дэвида в подвале, его стыд за сделанный выбор. Я должна верить, что он поступит правильно, если ему представится шанс. — Но мы не можем ждать с уничтожением. Если мы собираемся это сделать, нам нужно добраться до них сегодня вечером. Я...

Мою фразу прерывает Ярек, вылетающий из дома, его лицо багровое от ярости. Гриффон мгновенно встает передо мной.

— Ты ЗНАЕШЬ, что тебе не позволено её охранять! — Ярек хватает сына за рубашку и прижимает к стене коттеджа, вжимая предплечье в горло Гриффона. Это именно тот прием, от которого Гриффон недавно учил нас всех освобождаться, однако он не выполняет маневр, который мог бы его освободить. Если у Ярека и осталось хоть какое-то доверие к сыну, оно исчезло, и все же Гриффон не будет с ним драться.

Мизия выбегает из дома на шум. На мгновение кажется, что она хочет оттащить Ярека от сына, но в конечном итоге просто стоит в стороне. Ярек держит их обоих под каблуком, хотя Мизия вовсе не невинна.

— Практикуете семейную близость, я погляжу, — говорю я, подражая Сальваторе. — Мне пойти внутрь и приготовить нам обед, или никто из вас не доверяет мне нож?

Ярек бросает взгляд в мою сторону, его выражение дает понять, что он не отказался бы поменяться местами и прижать меня к стене вместо Гриффона. Вместо этого он вдавливая предплечье в шею сына чуть сильнее, достаточно, чтобы лицо

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Гриффона побелело, прежде чем отпустить его. Затем он направляется ко мне, излучая ярость. Не могу поверить, что он оставляет свою спину открытой. Впрочем, полагаю, он знает, что сын не представляет угрозы. Интересно, что должно произойти, чтобы Гриффон, наконец, восстал против отца.

— Мизия будет следить за тобой, — рычит Ярек мне в лицо, так близко, что капельки слюны попадают мне на щеки. Когда я не отвечаю, он разворачивается на каблуках. — Гриффон, ты и Леонидас — в патруль по периметру. Среди нас предатели. Мы должны их выкурить.

Очередная охота на бекасов для Гриффона. Я почти впечатлена тем, как полностью его отец привержен истории о предателях, поддерживая её за кулисами, когда знает, что мы знаем, что это ложь. Полагаю, в некотором смысле Ярек действительно верит в то, что говорит. Не то чтобы кто-то, кроме него, накапливал еду и оружие, но держу пари, любой, кто не следует за ним с энтузиазмом, выглядит предателем с его позиции.

Для тех, кто выбирает тьму, свет — враг.

— Увидимся позже, — говорю я Гриффону. Внезапно я чувствую себя пьяной от ужасного знания, высоко на гребне безнадежности.

— Не увидишь, — говорит Мизия, оцетинившись. — Ты будешь заперта в своей комнате, одна. Это прилично в ночь перед свадьбой.

— Немного поздновато для этого, — фыркаю я.

Не знаю, откуда берется моя дерзость, но я её не ненавижу. Они уже лгали мне и заточили меня. Выпороли моих друзей, убили мать и провели Жатву над моим братом. По меньшей мере, я заслуживаю капли бунта. Впрочем, моя смелость, кажется, пугает Гриффона. Он скользит мимо отца и подходит ко мне, его рука мягко касается моей щеки. Он наклоняется к моему уху, его дыхание сладкое и обжигающее.

— Доверяй, — говорит он, — и не делай ничего безрассудного. — Он задерживается на мгновение дольше, чем позволяет этикет, вдыхая мой аромат. Затем уходит с отцом, оставляя меня с подкашивающимися ногами. Не знаю, кому или чему я должна доверять, но признаю: у него отличная подача.

— Внутрь, — приказывает Мизия.

— Мне нужно в туалет. — Это правда. Не помню, когда я ходила в последний раз.

Мизия, кажется, готова спорить, но вместо этого ведет нас обоих к задней части коттеджа, решив ждать снаружи, как будто боится, что я сбегу. Два Стража стоят у основания лестницы, ведущей к зарядной станции на крыше. Они охраняют её от моих друзей, запертых в подвале часовни? Вряд ли. Я вспоминаю, что говорила бабушка о том, что людей на стороне правды больше, чем я думаю, и вспоминаю, как дядя Ричард вызволил нас из тюрьмы.

Что ж, я бы хотела, чтобы эти люди показали себя.

Я пользуюсь туалетом, затем умываю лицо и руки. Также срываю грязные бинты со швов и пореза на плече и осторожно промываю нежную плоть. Они оба все еще свободны от жара инфекции. Я копаюсь в ассортименте шампуней, мыл и ароматов, которые приготовила всего несколько дней назад, хотя кажется, что прошла целая жизнь, пока не нахожу маленький горшочек с бальзамом, который спрятала. Роуз из прошлого получает звездочку за предусмотрительность, хотя тогда я предполагала, что он понадобится для ран Гриффона, а не для моих собственных. Я смазываю раны свежей мазью и умудряюсь наложить чистые повязки, прежде чем Мизия начинает колотить в дверь, говоря, что либо я выхожу, либо она входит.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Я выбираю первое.

Вернувшись в коттедж, мне разрешают быстрый обед из холодной каши, а затем прямиком в спальню, где я остаюсь наедине со своими мыслями. Все они ведут в одно место: Джонас может быть жив, ждет меня, и я должна добраться до него. Он может быть мертв, добыча нашего предполагаемого защитника, и все равно я должна добраться до него. Нам также нужно найти способ остановить Ярека и Вердантного Зверя. Может быть, теперь, когда я, наконец, знаю всё, с чем нам приходится бороться, дневник мамы откроет подсказки, которые я не могла видеть раньше. Я тянусь под матрас за ним, но кончики моих пальцев касаются пустоты. Сердце падает. Я проверяю снова.

Его нет.

С колотящимся сердцем я подхожу к шкафу.

Эскизов Гриффона здесь тоже больше нет.

Они лишили нас того, что давало надежду.

Переодевшись в чистую одежду и перевязав волосы в пучки, мне остается только мерить шагами комнату: дверь, шкаф, кровать, стол. Дверь, шкаф, кровать, стол. Мои мысли черны. Иногда шумы заставляют меня подойти к окну. Стражи, донимающие кого-то, чтобы тот вернулся к своим обязанностям. Плотники, наносящие последние штрихи на огромное сооружение прямо за пределами моего поля зрения. Хлопающие звуки, напоминающие световые гранаты — еще тренировки для взрыва Стены?

Ярек погубит нас всех.

Сорок с лишним Стражей против непостижимой силы, которая погубила мир наших Основателей? Это будет резня. Как время перевернуло наши роли — теперь нам внутри нужна защита от того, что снаружи, а не наоборот. В этом смысле мы не так уж отличаемся от того, что я всегда думала... и полагаю, именно это имела в виду бабушка.

Дверь, шкаф, кровать, стол. Дверь, шкаф, кровать, стол.

Заточение заставляет мою кожу зудеть. Интересно, у кого дневник моей матери. Отказываюсь верить, что у Ярека, потому что мама бы это возненавидела. Возможно, у одного из его прихвостней. Может, даже у того, кто обыскивал нашу теплицу в тот день, когда я его нашла. Удачи в расшифровке, фыркаю я.

Часы хождения превращаются в нечто вроде гипнотического транса. Вместе с ним приходят воспоминания об отце, заплетающем мне косы — образы настолько четкие, что я тянусь к нему. Джонас, пытающийся рассказать мне шутку, заливающийся смехом, прежде чем дойдет до концовки. Мама, поющая голосом, похожим на лавандовый мед.

В конце концов, я падаю на кровать. Думаю, что не сплю, но когда вздрагиваю от пробуждения, на улице непроглядная тьма. Я моргаю, раны ноют, ноги затекли. Я массирую икры, странно злясь на саму себя. Я ждала знака, чтобы подтолкнуть свою судьбу.

Всегда была только я.

Украсть взрывчатку Ярека.

Подняться на Стену.

Найти брата.

Уничтожить Вердантного Зверя.

Все начинается сейчас.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 59

Я на полпути вниз по лестнице, когда Мизия окликает из кухни:

— Надеюсь, это не ты собираешься показаться на глаза.

— Я хочу чаю, — говорю я, не замедляя шага. — Не могу уснуть.

Она сидит за кухонным столом, чистит ногти кинжалом. И снова я думаю о том, как должно быть она одинока. У нее даже нет утешения в виде книг.

— Если напьешься чаю, тебе просто придется идти в туалет, — говорит она.

— Пописаю в ведро.

Она не останавливает меня, потому что я не даю ей шанса. Я направляюсь к плите, переставляю чайник на переднюю конфорку, а затем спешу к шкафчику, потянувшись за банкой сушеной перечной мяты и ситечком для заварки. Я запикиваю ароматную мяту в ситечко и опускаю его в кружку. Вести себя естественно — это как будто миллион муравьев ползает под моей одеждой, но я не могу просто выскочить за дверь мимо нее. Она бы не раздумывая вогнала этот нож в ту часть меня, которую не было бы видно под свадебным платьем.

— Могу и тебе заварить, — говорю я, стараясь звучать беззаботно.

Она усмехается.

— Не доверяю тебе, маленький повар, особенно после того, как твоя каша отправила Ярека и меня на горшок.

Хорошо. Значит, Ярек тоже попался. Я не была уверена.

— Как хочешь, — отвечаю я. — Ты не видела мед?

Она фыркает.

— Это ты у нас переставляла вещи на кухне.

Я делаю вид, что роюсь во всех шкафах, и наконец нахожу горшочек с медом именно там, куда сама его положила.

— Вот он! — я поднимаю его. — Ты точно не хочешь?

Она снова вернулась к чистке ногтей.

— Точно.

Это лучший шанс, который мне представится. Спинай к ней я открываю банку с кристаллами веронала — снотворного, предоставленного Аптекарем, — которую нашла, когда впервые убиралась на кухне. Я до этого вводила этот препарат только как анестетик, запас которого есть у всех Аптекарей на случай чрезвычайных ситуаций. Передозировка может остановить сердце, но я не знаю, как выглядит передозировка в виде кристаллов. Я насыпаю маленькую ложечку в кружку — доза, в безопасности которой я достаточно уверена, чтобы она ее не убила, — а затем добавляю щедрую порцию меда.

Чайник свистит, заставляя меня вздрогнуть. Я чуть не роняю банку с вероналом, но мне удается удержать её. Я тянусь за кипятком и заливаю кристаллы и мед, растворяя то и другое. Перемешиваю ложкой, зелено-коричневый настой мяты уже просачивается из ситечка. Закрутив крышку на банке с остатками кристаллов, я убираю её и горшочек с медом обратно в шкаф.

— Это мята? — спрашивает Мисия.

— Ага, — говорю я, поворачиваясь и опираясь на столешницу. Поднеся дымящуюся чашку к носу, я закрываю глаза в предвкушении. Мысленно благодарю Солнце, Почву и Воду за то, что у веронала нет лекарственного запаха. Затем чувствую толчок в груди, задаваясь вопросом, не учили ли нас поклоняться этим вещам только

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

потому, что они — вместе с нашими телами — питают Вердантного Зверя. — Правда, слишком горячий, чтобы пить.

— Добавь холодной воды, — предлагает Мизия.

Нежность в её голосе смущает меня, но я приказываю себе вести себя нормально. Отворачиваюсь от неё и разбавляю чай.

— Мама раньше заваривала мне мятный чай с медом, когда у меня болел живот, — говорит Мизия, и её голос звучит мягче, чем когда-либо. — Иногда я притворялась, что болит, только чтобы получить его.

Маленькая Мизия. С мамой, которая наверняка любила её. Интересно, жива ли её мама в деревне? Из какого Дома могла выйти такая Мизия? Я поворачиваюсь к ней лицом. Снова опираюсь на столешницу. Делаю глоток чая с наркотиком.

Мизия смотрит на меня, и нечто вроде привязанности смягчает её щеки.

— Знаешь, я всегда хотела дочь. Наверное, к лучшему, что у меня её нет. Она была бы еще той штучкой, прямо как ты.

«Штучкой». Я отравила женщину скользким вязом. Я удивлена вспышкой чего-то, что ощущается как симпатия к ней.

— Дай-ка сюда, — говорит Мизия, протягивая руку. — Дай мне глотнуть.

Я предлагаю ей кружку. Она выпивает половину, прежде чем отдать мне.

— Вкусно, — говорит она. — Идеальная температура, как раз столько меда, сколько надо. В точности как готовила моя мама. Ты отличный повар, Роуз. Жаль только, что у тебя такая мерзкая привычка подсыпать яд... — Её лицо падает на стол, прежде чем она успевает закончить, но я думаю, что догадываюсь, к чему она клонила.

Я поворачиваюсь к раковине, выплевываю чай с вероналом, который держала во рту, и полощу рот водой. Проверяю пульс Мизии. Он ровный, но препарат только начал поступать в кровоток. У меня нет роскоши наблюдать за ней.

Я хватаю плащ и выскальзываю в ночь.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 60

— Долго же ты, — произносит Оскар, отделяясь от теней.

У меня внутри всё переворачивается, когда из темноты выходят еще четверо.

Сэл, Мерил, Ээро и... Лозен?

Мои кулаки вскидываются сами собой, готовые к драке, но Сэл заслоняет меня.

— Она с нами, — говорит она. А затем обнимает меня так крепко, как только позволяют наши раны. Мне требуется мгновение, чтобы отойти от изумления, а потом я отвечаю на её объятия. Пытаюсь отстраниться, но она удерживает меня чуть дольше.

— Нам нужно убираться отсюда, — шепчет Лозен. Её рука замерла у эфеса меча, и она беспокойно поглядывает на площадь.

— Мы теперь за ней идем? — спрашиваю я остальных.

— Приходится, — отвечает Оскар. — Она вытащила нас. К тому же принесла бомбы.

Мерил приподнимает холщовый мешок, подозрительно похожий на картофельный. На её губах играет едва заметная усмешка.

— Гриффон сказал, что может купить нам час, может, чуть больше. Действуем в два этапа. Первый: мы уничтожаем все припасы оружия в тренировочном сарае и возвращаемся туда, где мы должны находиться — ты к Гриффону, мы в подвал часовни, — пока никто не заметил нашего отсутствия.

— А второй этап? — спрашиваю я, гадая, какие изощренные муки приготовит мне Мизия, когда проснется и поймет, что я отравила её дважды.

— Второй этап — завтра ночью. — Глаза Сэл искрятся в лунном свете. — Август говорит, что собирает доверенных жителей, чтобы покончить с Яреком. А когда покончим с ним, мы сможем сразиться с Вердантным Зверем. Все вместе.

— Долина Ноя снова едина! — тихо ликует Оскар.

Я часто моргаю, приказывая слезам не литься, но всё впустую. Я наконец-то нашла своих. Жаль, что у меня с ними осталось меньше суток.

— Если не возражаешь поплакать потом, — вставляет Лозен с нескрываемым раздражением, — то у нас тут вообще-то цейтнот.

Я смахиваю слёзы.

— Прости.

— Держи, — говорит Мерил, вкладывая мне в ладонь «Счастливого Кролика». — Может, поможет.

Не хочу признаваться, как сильно меня радует эта деревянная игрушка, но новая волна слёз выдает меня с головой.

— Он помог мне выбраться из того жуткого подвала, — говорит Мерил, — но ясно дал понять, что хочет вернуться к тебе.

— Раз уж пошел обмен подарками, — Лозен выглядывает из-за угла, высматривая Стражей, — дайте ей плащ.

— У меня есть свой, — говорю я, пряча кролика в карман.

— Такого, как у нас, нет. — Оскар натягивает свой капюшон на голову. Ткань сшита так искусно под цвет ночного камня, что, если бы я не видела его своими глазами, решила бы, что он растворился в воздухе. Он откидывает капюшон и ухмыляется, протягивая мне такой же. — Я сшил их месяцы назад, когда мы начинали тренировки. Думал, могут пригодиться. Конечно, если бы знал, что они лягут на наши окровавленные плечи, взял бы ткань полегче.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

— Кончай хвастаться, — шипит Лозен, уводя нас подальше от дома Цзы, пока я облачаюсь в плащ. У неё поразительное чутье на тёмные пятна. — Итак, кто знает, где тренировочные площадки Стражей?

— Я, — отвечаю я, понижая голос до шепота. В памяти всплывает примерный маршрут, которым меня водил Гриффон. — В основном. Но разве мы не за тобой идем?

— На удачу, — шепчет она и поднимает кулак — сигнал остановки. В паре шагов от нас проходит Лео. Если бы не хитроумные плащи Оскара, готова поспорить на что угодно — он бы нас заметил. Лозен загибает пальцы, начиная с большого. Когда поднимается мизинец, мы снова трогаемся. — Но если мы потеряем друг друга, кто-то всё равно должен добраться до сарая и уничтожить оставшуюся взрывчатку. Это слишком важно.

Она ведет нас к самому краю деревни, оставаясь незамеченными. Широкий пустырь отделяет нас от лесной кромки. Если доберемся до деревьев — считай, спасены. Достаточно темно, чтобы это удалось, думаю я. Но тут предательская луна, «беременная» светом, вырывается из-за туч, заливая всё вокруг.

Я едва удерживаюсь, чтобы не застонать.

— По команде «пошли», — шепчет Лозен, — рвете с места. Старайтесь тише, но не в ущерб скорости. Ясно?

Мы киваем, но она не смотрит на нас, уставившись на открытое поле. Её плечи напряжены, будто она готова сорваться в прыжок.

И вдруг:

— Кто здесь?

Мы все пятеро буквально вжимаемся в стену здания. Не думаю, что только у меня одной подкосились ноги.

— Я спрашиваю, кто там? — Томурис появляется слева, метрах в тридцати. Она водит факелом по переулкам, приближаясь к нам. — Выходите!

Нам конец. Сделай мы хоть шаг — она схватит свисток на шее и затрубит тревогу. Через минуту нас обступят полдюжины Стражей. Если останемся — через секунды её свет выдаст нас с головой.

— Я здесь! — окликает её Леонидас из-за её спины.

— Нашел их? — кричит в ответ Томурис.

— Да, — отвечает он, но голос звучит как-то странно, будто его душат.

Я оборачиваюсь к Мерил, чтобы обнять её от облегчения, но вижу, что её лицо искажено гримасой.

— Скорее! — кричит «Леонидас». Но это не он. Это Мерил имитирует его голос — почти идеально.

Её обучение в Доме Артистов спасло нам жизни.

Пока Томурис чеканит шаг в противоположном направлении, мы перебегаем через поле — пряный запах ночной травы кружит голову. Высокая сухая стерня глушит шаги, и через мгновение мы уже в безопасности, в лесной чаще.

Лозен пересчитывает нас:

— Хорошо. Здесь разделяемся.

— Ни за что! — протестует Оскар.

— Именно так, — отрезает Лозен. — Нужна страховка. Только два отряда. Мерил и Оскар — со мной. Сэл и Эро — с Роуз. Делим взрывчатку. — Она достает из сумки Мерил два предмета и поднимает их в лунном свете. Первый — металлический шар

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

размером с яблоко. — Это крайне мощная и эффективная штука, так что не рискуйте понапрасну. К счастью, даже вы, ботаники, вряд ли случайно её активируете. Слушайте внимательно. — Она указывает на углубление на боку шара. — Два человека должны коснуться здесь одновременно. Когда бомба установлена, оба должны нажать на этот детонатор — с отпечатком пальца, — показывает она черный квадрат с красной кнопкой. — И только тогда рванет.

Я в изумлении качаю головой. «Правильная девочка» Роуз учится минировать объекты.

Лозен бросает всё обратно в сумку Мерил.

— Чья команда первой доберется — те и ставят. Отойдите минимум на триста футов перед подрывом. Это минута ходьбы. Только не идите пешком.

— Я всё равно не понимаю, зачем разделяться, — волнуется Оскар, и кто его осудит?

Лозен лишь закатывает глаза:

— Если обе группы доберутся до сарая целыми — я извинюсь, идет?

— Всё нормально, — говорит Мерил. — Она просто осторожничает, и она права. Это наш единственный шанс уничтожить склад Ярека.

Лозен мрачно кивает:

— Оскар, Мерил, идем по западной тропе. Роуз, Ээро, Сэл — берете восточную. Кто первым заложит — свистит вот так. — Она издает три короткие трели. — Если в ответ то же самое — значит, вторая группа слишком близко. Считайте до двадцати перед подрывом. Если молчат — путь свободен. Взрывайте это здание к чертям и возвращайтесь сюда. Поняли? — Она протягивает кулак.

Мы кладем свои руки на её кулак, давим вниз, а затем вверх.

— Поняли, — шепчем мы.

Лозен вручает мне четыре заряда и детонатор. Я засовываю их в глубокие внутренние карманы плаща. Оскар — настоящий гений.

Мы уже готовы разойтись, когда Ээро тихо произносит:

— Это — за Джонаса.

Мы все слышим его. Сердце сжимается от боли.

— За Джонаса, — торжественно подтверждаем мы.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 61

Сэл, Ээро и я спешим через лес. Не сговариваясь, мы замираем у края тренировочного поля, оставаясь в тени. В лесу пугающе тихо. Должно быть, все Стражи в деревне обеспечивают военное положение Ярека. Даже несмотря на это, от пустого тренировочного поля, залитого лунным светом, у меня мурашки бегут по коже.

Я сжимаю руки Ээро и Сэл. Они подрагивают, затем кивают. Я касаюсь своей груди и указываю на западную сторону сарая, затем на восточную — для Сэл, и на холм в пятидесяти футах впереди — для Ээро. После кручу двумя пальцами и указываю на землю, обозначая место встречи. Они снова кивают. Я передаю Сэл два взрывных устройства, два оставляю себе; вместе мы вдавливаем пальцем углубление на каждом, чтобы активировать их. Стараясь не выходить из тени, мы перебегаем по периметру тренировочного поля, пока не добиремся до сарая.

Сэл оставляет заряд у юго-восточного угла. Я бегу в противоположную сторону и проделываю то же самое у юго-западного края здания. Бросаю взгляд на холм и говорю себе, что вижу силуэт Ээро. Затем прячу второй заряд у северо-западного угла.

Я не вижу Сэл, но верю, что она справилась. Я бесконечно благодарна, что она не может активировать бомбы без меня. Значит, я могу спокойно забежать внутрь и прихватить несколько зарядов, чтобы использовать их против Вердантного Зверя, прежде чем мы уничтожим тайник Ярека.

С облегчением обнаруживаю, что двустворчатая дверь не заперта. Я проскальзываю внутрь, давая себе полвдоха, чтобы сориентироваться.

Слышу царапающий звук.

Сглатываю, холод пробегает по спине.

Мой взгляд падает на загоны для животных вдоль противоположной стены. С потолка свисют уродливые крюки, но стойла пусты.

Откуда был звук?

— Эй? — шепчу я. Жду. Ничего. Решаю, что мне послышалось. Я и так потеряла драгоценные секунды. Падаю на колени перед кучей оружия, сгребаю пригоршню взрывчатки во внутренний карман плаща. Он становится тяжелым, как свинцовый плащ. Я мчусь к выходу, обратно в серебристый лунный свет, и закрываю дверь. Теперь остается лишь поспешить к месту встречи, и мы с Сэл и Ээро раз и навсегда покончим с арсеналом Ярека.

— Долго же ты.

Я резко оборачиваюсь. Марина Сейнголт смотрит на меня с выражением, в котором смешались отвращение и любопытство. Рядом с ней стоят Мизия, Ярек и четверо вооруженных Стражей, включая Лео и его отца. Здесь же Неро Картер, фермер и член Совета, выглядящий крайне встревоженным. Оскар, Ээро и Мерил стоят в стороне на коленях.

Я вскрикиваю, едва успевая прижать ладонь ко рту.

Лозен стоит за их спинами с обнаженным мечом, кончик которого направлен им в шею.

— Похоже, мы поймали нашу предательницу, — говорит Ярек. — Не терпится рассказать об этом жителям.

— Насколько же глупыми ты их считаешь? — требую я, чувствуя, как колотится пульс. — Никто не поверит, что я протаскивала оружие в Долину Ноя и прятала его в сарае Стражей!

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

— Детали обсудим позже. — Глаза Ярека блестят.

— Зачем ты здесь? — я смотрю на Марину, впервые даже не пытаюсь скрыть отвращение. — И где твой отец? — Не могу понять, ранены ли Оскар, Ээро и Мериал — лунный свет играет с тенями. Я отказываюсь смотреть на Лозен.

— Спит после попойки, полагаю, — отвечает за неё Ярек. — Он будет не в восторге от твоих дел. Я могу смягчить удар, если скажешь, где Сальватора.

Далеко, надеюсь. Беги, Сэл.

— В последний раз я видела её в подвале часовни.

— Довольно, — обрывает Ярек. — Лозен, отведи этих троих к колодкам. А для Роуз у меня особые планы.

Сердце падает в пятки. Это моя вина. Я решила отступить от плана, и теперь всё провалилось. Мериал, Ээро и Оскар не смотрят мне в глаза. Представляю, как они в ярости, и не могу их винить. Наш единственный шанс, и я всё испортила. Лучше бы я сэкономила всем время и сама наткнулась на меч Лозен.

Она пытается поймать мой взгляд, и когда ей это удастся, она качает головой. *Я должна играть свою роль. Доверься мне,* — говорит её выражение лица.

Жаль, что с доверием покончено. Я бы хотела убить её одним взглядом.

Марина пронзительно хохочет, отвлекая меня от мыслей.

— Особые планы для Роуз? Почему бы тебе не назвать вещи своими именами? Мы собираемся провести над ней Жатву, так? — В её глазах больной блеск.

Даже в столь ужасных обстоятельствах я наслаждаюсь удовлетворением от её слов. Марина не знает, что Ярек хочет оставить меня, потому что я напоминаю ему мать. Он манипулировал всеми нами, даже теми, кто думает, что на его стороне.

— Как мило, что ты сможешь присоединиться к своему брату на Небесах, Роуз, — продолжает Марина. Она издевается, её красивое лицо искажено, как скомканная ткань. — Раз уж ты не удержишься среди нас надолго, я, пожалуй, признаюсь. — Она хлопает ресницами. — Боюсь, именно я виновата в том, что Джонас был принесен в Жатву. Я не могла выйти за такого клоуна. Постоянно смеется, шутит, как будто он лучше нас. А это изготовление игрушек? Фу. — Её ухмылка становится омерзительной. — Когда я застукала его в сейфе, я сразу пошла к Яреку. Кто-то должен был ответить за убийство твоей мамы, когда она узнала о Звере, так что... — она машет рукой в сторону Врат Эдема. — Пока-пока, Джонас.

Я бросаюсь на неё. Лео бросается на меня, но недооценивает мою ярость. Я вырываюсь и бью снизу вверх, находя уязвимое место под дельтовидной мышцей. С рыком ярости я выворачиваю его руку вверх и назад. Влажный хруст вывиха становится музыкой для моих ушей. Моё темное наслаждение длится недолго — остальные Стражи наваливаются на меня, прижимая к земле, пока холодные пальцы Ярека не находят точки на моей шее.

Я падаю, временно парализованная. Страж подходит и заковывает мои руки и ноги в кандалы. Когда это Дом Кузнецов успел выковать эти оковы?

Ярек вытирает руки о брюки, будто прикосновение ко мне было отвратительным.

— Роуз не пойдет на Жатву, дура, — холодно говорит он Марине. — Мы будем держать её в надежном месте. Её навыки нам пригодятся.

Марина молчит. Она смотрит на меня не мигая, её глаза расширены. То, что она только что увидела во мне, привело её в ужас.

Ярек пинает меня ногой.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

— Я предпочел бы, чтобы ты присоединилась к нам добровольно. К сожалению, ты всё время сопротивляешься. Ничего. Я терпелив. — Он улыбается, обнажая два острых клыка. — Ты дорога мне, Роуз.

Ярость, охватившая меня, утихает вместе с действием захвата Ярека. Я могу шевелить пальцами и говорить.

— Ты не можешь подвергать наш народ опасности Мира За пределами. Это слишком рискованно.

— Ты не владеешь той же информацией, что и я, — говорит Ярек, глядя куда-то мимо меня. — Альберт, не хочешь присоединиться?

У меня пересыхает во рту, когда Альберт выезжает из леса в своем инвалидном кресле. Он бросает взгляд на Марину, его выражение полно открытой надежды. Она его игнорирует.

— Похоже, бедняга Альберт прятался с тех пор, как мать пыталась принести его в Жатву, — говорит Ярек. — Но он успел ускользнуть, прежде чем Реата и Мари поднялись в корзине. Он предложил помочь нам воссоздать яд, чтобы у нас была защита от этого Зверя. Конечно, с твоей помощью, Роуз, всё-таки зелья — не его специализация. Он настоящий герой Долины.

Альберт смотрит на меня, явно беспокоясь, что я опровергну его ложь и признаюсь, что все три Аптекаря всё это время жили за Стеной. Но я не подпишу смертный приговор Реате и Мари.

— Альберт не знал, кому доверять после побега, — продолжает Ярек, — поэтому он пошел к Хранителю Записей.

Бедный влюбленный Альберт, должно быть, пытался высмотреть Марину. Его глупость погубит нас всех.

— У Дэвида хватило ума привести его ко мне. Альберт готов вернуться в деревню и помочь нам начать новую эру. Его служба станет наказанием за преступление. — Острые клыки Ярека снова появляются, но на этот раз с выражением истинной боли. — Он признался, что именно он принес в Жатву твою мать. Это произошло весьма необычным способом, с помощью оружия времен до постройки Стены.

— Нееееет, — стону я. Ярек кажется искренне расстроенным, так же, как когда впервые увидел тело моей матери, но мне всё равно — меня охватывает ужасное осознание. Я догадывалась, но не знала наверняка. Конечно, это был Альберт, чье парящее кресло я видела за мгновение до свадьбы. Я начинаю панически кашлять, захлебываясь слюной. Пытаюсь сесть, но конечности всё ещё слабы.

— Хорошо, что мы поймали тебя с поличным с награбленным оружием, — говорит Ярек, кивнув Стражу, который срывает с меня плащ. Взрывчатка внутри звякает. — Это сделает наш брак в кандалах более приемлемым в глазах жителей. Мы скорбно объявим, что в ближайшее время они не увидят тебя — дескать, реабилитация нашей Роуз может занять годы.

— Поднимите её! — говорит Альберт, подбегая ко мне. — Она не может выйти замуж, если умрет.

Страж ставит меня в сидячее положение лицом к Яреку. Мои скованные запястья лежат на коленях, ноги вытянуты.

— Тебе, вероятно, стоит подготовиться к завтрашней церемонии, — говорит Ярек. — Знаю, Мизия будет рада заняться твоими волосами и лицом. «Девичник», кажется, это так называется. Стражи, отведите Роуз домой.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 62

— От природы кудрявые, как я и подозревала, — говорит Мизия.

Это утро — пятница — началось с жидкого солнечного света, как и предсказывал Дом Астрономов, и весь день простоял солнечным. Мизия заточила меня в комнате на всё это время. Когда наступил полдень, она наполовину несла, наполовину волокла меня вниз, чтобы вымыть волосы в кухонной раковине; руки и ноги всё еще были в кандалах. Затем она разрежала мою одежду и обтерла меня губкой, предварительно зайдя в ванную, чтобы наблюдать, как я справляю нужду. Она привела двух женщин-Стражей: одна стояла на посту у двери, другая держала лезвие у моего горла, пока Мизия снимала наручники, чтобы натянуть на меня свадебное платье. Кожа под оковами была нежной, ярко-красные браслеты опоясывали оба запястья.

Никакие меры предосторожности не нужны.

Я утратила гнев. Свою борьбу. У Ярека оружие и взрывчатка. Мне всё равно, что меня купают как младенца, что эти Стражи видели меня обнаженной. Мой брат потерян навсегда. Скоро Стена, защищавшая нас больше века, будет пробита, позволив войти неведомым ужасам, пока мы будем вынуждены сражаться с Вердантным Зверем. Лучшее, на что я могу надеяться, это что Яреку удастся убить его, когда он взорвет Стену.

— Рада, что начала с твоих волос, — говорит Мизия. — Так они успели высохнуть.

Я сижу на стуле перед вычурным зеркалом в кухне семьи Цзы в красном свадебном платье, точно таком же, как семь дней назад.

Но я уже не тот человек, что тогда.

Я знаю, что зеркало, в которое смотрю, взято из тайных запасов первой надзирательницы Хелен Хейс. Я знаю, что Ярек накопил её оружие, скрыл от нас Вердантного Зверя, использовал страх и жадность, чтобы настроить жителей друг против друга. Я знаю, что моя мать была убита, потому что раскрыла планы Ярека, а моего брата незаконно принесли в Жатву, потому что Марина не хотела выходить за него, а им нужно было на кого-то свалить убийство мамы. Я знаю, что я бессильна.

Я — всего лишь девушка в кроваво-красном подвенечном платье.

— Перестань ерзать, — говорит Мизия, дергая меня за волосы так сильно, что шея подается назад. Я сижу неподвижно, но она не упускает возможности сделать мне больно с момента моего пленения. Разбила мне голову кружкой, пока мыла волосы. Ущипнула за кожу между пуговицами, натягивая платье. Я опоила её зельем и оставила мужу находить её без сознания на посту, так что ничего из этого меня не удивляет.

— Вот, — говорит она, откладывая гребень с широкими зубьями. — Посмотри, какая ты эффектная.

Всё, что мне дорого, было или будет у меня отнято. Мои мать и отец. Джонас. Бабушка, тетя Флоренс и дядя Ричард, которых наверняка будут наказывать, пока я не соглашусь помочь Альберту создать гербицид, который убьет нас всех, если монстры из-за Стены не сделают этого раньше. Мерил, Оскар, Ээро и Сэл — если они вообще еще живы. Такое чувство, будто сама моя душа утекает в землю.

Один вопрос, один необъяснимый факт, царапает сознание, но я отмахиваюсь.

— Я сказала, посмотри. — Мизия дергает меня за подбородок и заставляет смотреть на отражение. — Даже более притягательная, чем твоя мать. Вы обе никогда не были красавицами, но в этом есть что-то интересное.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Я не узнаю девушку, смотрящую на меня. Темно-каштановые волосы ниспадают локонами, в которые вплетены ленты цвета смородины и крошечные полированные камни, блестящие, как пойманные звезды. Глаза подведены карандашом, веки припудрены розовым. Цвета делают их невероятно большими, ресницы густыми. Искусственный румянец на щеках дополняет мой широкий нос и волевой подбородок. Губы пухлые и вишневые. На мне красивейшее багряное платье, деликатный узор из бисера украшает грудь и талию, переходя в пышную юбку.

Лишь закованные руки портят картину.

— Тебе нравится? — спрашивает Мизия.

Существо в зеркале кивает. Какая разница? Это не брак; это пропаганда. Интересно, сколько людей поймет это. Интересно, сколько еще возненавидят меня за то, что я попала всё, чем должен быть наш коллектив, когда услышат обвинения Ярека.

Этот раздражающий вопрос снова пытается пробиться в сознание. Он связан с прошлой ночью, с сараем для оружия.

Снова я отталкиваю его.

— Мы готовы, — зовет Мизия Стражей, ждавших за дверью.

Меня поднимают на ноги и ведут в умирающий лавандовый свет позднего дня. Планшет, должно быть, полностью заряжен, не то чтобы он понадобится дольше, когда в Стене появится огромная дыра. Какую ложь сплетет Ярек для жителей, чтобы они позволили ему разрушить нашу защиту и отправить моих друзей в качестве приманки?

Стражи ведут меня на площадь. Перед Вратами Эдема стоит конструкция, которую Ээро и другие Плотники строили всё это время. Почти пятьдесят футов в высоту и вдвое шире. Она действительно похожа на смесь стены и клетки.

Она не удержит то, что ждет снаружи.

Трели и барабаны свадебного марша начинаются, как только я попадаю в поле зрения Менестрелей. Все жители в сборе и, как положено, одеты в красное.

Я не нервничаю. Я не боюсь.

Я онемела.

Толпа расступается передо мной, некоторые поглядывают на мои кандалы. Большинство не сводит глаз с моего лица. Свадебная дорожка заканчивается у сцены. На ней стоит Гриффон в своем свадебном красном. Он захватывающе красив, точно так же, как на нашей первой церемонии. Он Страж, высеченный из камня, зажатый между семьей и совестью, неспособный до конца служить ни той, ни другой. Может, сегодня он, наконец, выберет сторону победителя.

Ярека.

Я хочу последовать совету бабушки — доверять, но это невозможно после всего, что я пережила. Соджорнер тоже стоит на сцене, держась в стороне от Ярека. Мизия спешит присоединиться к мужу, вклиниваясь между ним и Гриффоном.

Я продолжаю шаркать по дорожке, кандалы впиваются в кожу. Если закрыть глаза, звон металла почти похож на колокольчики, которые я носила в прошлый раз, когда шла этим маршем. Приближаясь к сцене, я вижу Мерил, Ээро и Оскара, привязанных к столбам для бичевания рядом с ней, спиной к толпе. Я втягиваю воздух сквозь зубы. Спины их рубашек изорваны, кожа под ними распухла, почернела от крови и ошметков плоти. Лозен охраняет их. Лицо её отекает, глаза блестят, будто она плакала. Удивлена, что ей позволили выражать эмоции. Альберт сидит в своем кресле с другой стороны сцены, угрюмая Марина стоит рядом с ним.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Сэл нигде не видно. Это, по крайней мере, хоть что-то.

Мой взгляд снова прикован к Лозен, и вопрос, который мучил меня, внезапно выходит на первый план, его невозможно избежать: кто приказал Альберту убить мою мать? Потому что это был не Ярек. Он мог убить отца, но слишком сильно любил мать, чтобы причинить ей боль. И убийство — не то, что Альберт совершил бы сам. Он родился ведомым, и его поклонение Марине — тому доказательство.

Была ли это Марина, кто отдал приказ? Возможно. Она ведь сказала, что организовала Жатву моего брата. Но я всё еще чувствую что-то недостижимое, след, на который у меня нет сил выйти. Я спотыкаюсь на лестнице. Ярек бросается вперед, помогая мне, изображая заботливого тестя. Я позволяю ему. Какая теперь разница? Он подводит меня к Гриффону. Гриффон кладет руку мне на талию — одно из немногих мест, где у меня нет порезов, синяков или швов, но прикосновение едва ощутимо.

— Спасибо всем, что собрались отпраздновать союз моего сына, Гриффона Цзы из Дома Стражей, и Роуз Олгуд, бывшей из Аптекарей, — вещает Ярек. — Прежде чем мы начнем, у меня есть тревожные новости. Неро Картер из Дома Фермеров?

Неро выходит на сцену. Он поворачивается к жителям. Ему не хватает таланта Ярека очаровывать толпу, и он неуклюже приступает к сообщению.

— Роуз Олгуд — предательница, которую мы искали. Мы поймали девочку прошлой ночью с огромным тайником оружия, который она, должно быть, обнаружила, нарушив комендантский час. Мы полагаем, что наши предки оставили его здесь, чтобы мы могли защитить себя, а она его присвоила.

Ах, вот почему они взяли Неро на засаду прошлой ночью. Кто-то извне Дома Стражей, чтобы дать показания против меня, да еще и старейшина Совета в придачу. Не думаю, что им это понадобится. В толпе никто не шевелится, кроме тех, у кого в глазах вспыхивает нечто вроде яда. Они позволили вести себя сумасшедшему, позволили ему выковать инструмент из их страха — инструмент, который он использует против них прямо сейчас, у них под носом. Они завязали по уши.

Один за другим я удерживаю их взгляды, пока они не отводят глаза.

Будь я проклята, если позволю им забыть, что они знают правду.

— Это было разочарованием, — говорит Ярек, забирая слово у Неро. — Но не сюрпризом. Это у неё в крови. — Он делает паузу, достаточную для того, чтобы жители задались вопросом, что он имеет в виду, а затем шумно втягивает воздух. — Мы недавно обнаружили, что мать Роуз травила нас.

Вздохи недоверия и возмущения проносятся по толпе.

— Да, это правда! — говорит он. — Генриетта Олгуд была первоначальной предательницей. Мы полагаем, что именно она, возможно, первой нашла оружие, а позже втянула в это своих детей. Это объясняет, почему её собственный сын убил её, доведенный до безумия её эгоистичными преступлениями. — Он печально качает головой. — Хранителю Записей предстоит многое обдумать насчет того, как поступить с оружием, собранным семьей Роуз. Тем временем вы должны понять: я не считаю виной Роуз то, что она сбилась с пути. В конце концов, она была рождена для этого. И скоро она станет частью нашей семьи. — Он бросает на меня великодушную улыбку. — Вот почему Мизия и я берем на себя её перевоспитание. Некоторое время она будет невидима для общества. Знайте, она в надежных руках.

Я рискую бросить взгляд на Соджорнер. Она смотрит в небо, её челюсть сжата.

— А теперь давайте проведем свадьбу, ради которой мы все здесь собрались, а после неё последует особенный сюрприз.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

— Не без Хранителя Записей. — Это Гриффон, стоящий рядом со мной, говорит это. Он смотрит на толпу, а не на отца.

— Что ты сказал? — спрашивает Ярек, его голос ледяной.

Гриффон не убирает руку с моей талии, когда повышает голос.

— Хранитель Записей должен присутствовать на каждой свадьбе. Это закон.

Сердце пропускает удар. Это правда. Но будет ли Ярек заботиться об этом? Судя по всему, будет.

Ярек делает знак Леонидасу.

— Найди Дэвида.

Мы все задерживаем дыхание. Боль от швов и кандалов, даже острота разбитого сердца — всё замирает. Наше общество балансирует на краю. Если мы сорвемся, назад дороги нет, но привычка слушать Хранителя Записей так глубоко укоренилась в нас, что, может, если Дэвид найдет в себе мужество, мы сможем восстановить всё.

Это наш последний шанс.

Лео приводит Дэвида на площадь. Он волочит травмированную ногу, но в остальном выглядит на удивление бодрым, волосы причесаны, красная одежда безупречна. Во мне зарождается пузырек надежды, в который я слишком боюсь верить, пока Дэвид ковыляет по ступеням, не сводя с меня глаз.

— Пожалуйста, — молю я. — Скажи им правду.

Он ободряюще кивает, ковыляя ко мне, само воплощение уязвимости. Когда он подходит ко мне, он подносит лицо так близко к моему уху, что даже Гриффон не может слышать.

— Правду? — Его усы-гусеницы касаются моей кожи. — Правда в том, что именно за хитрым лидером тебе нужно приглядывать.

Его смешок заставляет мою кровь стынуть в жилах.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 63

Когда Дэвид занимает свое место, Ярек возвращается к толпе, рыча на них, чтобы раззадорить перед церемонией, рассказывая о том, как благословенна наша деревня и как чудесен наш строй.

Дэвид продолжает шептать мне на ухо:

- Ты ведь не можешь всерьез верить, что у Ярека хватило ума проверить всё это в одиночку? - Мой мозг словно онемел, но Дэвид не умолкает: - Мне жаль Генриетту, но она стояла на пути нашего прогресса. Когда я поймал Альберта, следившего за Мариной после того, как его семья якобы добровольно ушла в Жатву, его было довольно легко убедить позаботиться о моей проблеме. Понадобился лишь кусок панели управления, да рука Марины в придачу, и мальчишка стал моим. У всех нас есть своя цена.

— Как ты мог? — выплевываю я. Пожалуй, мне пора перестать удивляться. Руководство этого места прогнило до самого основания.

Одно из плеч Дэвида приподнимается, пока его глаза следят за центром сцены. Жители Долины Ноя смотрят на Ярека так, будто он бог, впитывая каждое его слово.

— А как я мог иначе? — спрашивает Дэвид. — Каша из мучных червей кажется нормальной, пока не узнаешь, что бывает лучше. Будущее наступает, Роуз, и оно будет куда приятнее того, что у нас сейчас. Консервы, книги на любую тему — даже золото.

В книгах мы читали о золоте. Оно не имеет ценности, не в нашем понимании. Его нельзя съесть, из него не сделаешь инструменты. Его упоминание задевает что-то в моей памяти, но я не ищу ответа, потому что теперь всё неважно. Я — оболочка, легкая, как лист, пустая, как карман.

— Всё, что ты мне говорил, - ложь.

Гриффон бросает на меня взгляд, осторожно сжимает талию и снова переводит внимание на отца. Со стороны, должно быть, кажется, что Дэвид делится со мной мудростью своего Дома — стандартный подарок на день свадьбы. Они не знают, что он вливает яд мне в уши.

Дэвид пренебрежительно качает головой:

— Напротив. Я жалею, что рассказал Яреку правду о нашем основании, он ведь совсем не блещет умом. Он советуется со мной по каждому поводу и всё равно умудряется считать, что он здесь главный. К счастью, это мне на руку. Меньше риска, больше выгоды. — Он говорит тихо, но по-светски, будто мы соседи, пьющие послеполуденный чай. — Знаешь, что еще? Кор говорил правду в той статье: внутри Долины есть дверь, которая откроется сегодня ночью. — Он кашляет в кулак. — Я нашел дневник Хейс, подтверждающий это, хотя она пишет, что дверь маленькая, скорее, второстепенная. Потомки заключенных никогда не должны были сбежать. Думаю, Кор вообще не стал бы строить её, если бы не обязательная проверка безопасности перед переводом заключенных внутрь.

— Ты собираешься вывести Ярека и Стражей через тоннель? — спрашиваю я безжизненным голосом. — Чтобы ему не пришлось взрывать Стену? — Это, по крайней мере, хоть что-то.

Дэвид хрипит, и я понимаю, что он смеется.

— Я и так сказал Яреку больше, чем следовало. Он даже не знает о существовании тоннеля. Всё, что за ним, принадлежит мне, включая возможность быстрого отступления, если потребуется. — Его смех стихает. — К сожалению, Хейс была

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

слишком параноидальна, чтобы записать точное местоположение, боясь, что заключенные найдут его, но где еще она могла быть, как не в подвале её собственного дома? И когда она откроется сегодня ночью ровно через сто двадцать лет после нашего официального основания, я буду единственным, кто это увидит. Представляешь, какие богатства ждут по ту сторону, судя по тому, что мы нашли в её тайниках? — Он обводит рукой всю деревню, собравшуюся на мою свадьбу. — Вот почему церемония должна была пройти сегодня вечером. Не хочу, чтобы кто-то вломился, пока я провожу инвентаризацию.

Я бы задушила его, если бы руки не были в кандалах.

— Взрыв Стены поставит всех под удар, даже тебя.

— Или это убьет Вердантного Зверя и откроет путь к еще большим сокровищам. Ты не видела, на что способны некоторые найденные нами вещи, Роуз.

Он такой же злодей, как Ярек. Даже хуже. Ярек может быть клинком, но Дэвид — рука, которая его направляет.

— Я скажу Яреку, что ты манипулируешь им.

Дэвид поглаживает усы кончиком указательного пальца.

— Похож ли он на человека, которого можно убедить, что не он здесь главный?

Я прослеживаю за взглядом Дэвида. Ярек в своей стихии, он рассказывает жителям, что у него с Хранителем Записей есть захватывающий план заботы о каждом, что эта ночь будет незабываемой, начиная с свадьбы.

Гриффон снова смотрит на меня, на этот раз метнув взгляд на Дэвида.

Дэвид отходит от меня.

— Но я чуть не забыл, — заканчивает Ярек, и его громовой голос достигает самых дальних углов площади, — что сначала нам нужно разобраться с тремя преступниками у столбов для бичевания.

— Нет! — крик прорезает холодный воздух, доносясь из задних рядов толпы, возле часовни. Деревня расступается, открывая Реату. Лицо её осунувшееся, серое, волосы всклокочены. Кажется, она не спала с нашей последней встречи. Она спотыкается, идя к сцене. Рука взлетает к губам, когда она замечает Оскара, Ээро и Мерил. Она бежит к ним, добираясь до столбов.

Стражи застыли в изумлении. Для них она воскресла из мертвых.

Она кричит на толпу:

— Как вы можете стоять здесь, как овцы? Это же наши дети!

Она поворачивается, чтобы развязать друзей, но Стражи наконец приходят в себя, оттаскивая её и ожидая знака Ярека. Он поднимает руку, но молчит, изучая Реату своим птичьим лицом, пока Стражи освобождают её.

Толпа беспокойно шевелится, и Реата подходит к сцене. Она говорит на ходу, максимально громко.

— Я увела семью в укрытие после того, как Ярек заставил меня создать яд, который мы называем Вексом. — По толпе проносятся вздохи. — Да! Векс — это не болезнь, а гербицид. Ярек использовал его против вас. И он околдовал моего собственного сына, чтобы тот помогал ему!

Я оглядываюсь на Дэвида, который смотрит в землю, выглядя как безобидный книжный червь. Только я достаточно близко, чтобы заметить ухмылку под усами. Он действительно кукловод.

— Я верю, он намерен исследовать то, что За пределами, — говорит Реата, — открывая нас неисчислимым опасностям. — Толпа переводит взгляд с неё на Ярека, а

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

затем на Дэвида, чувствуя тревогу. Плач ребенка разрывает тишину. Но Ярек всё еще молчит. Не могу поверить. Почему он позволяет ей настроить людей против него? Даже Мизия выглядит шокированной его безмолвием.

Реата добралась до сцены. Она всматривается вверх, её глаза умоляют меня.

— Прости меня, Роуз. Твоя мать предупреждала меня, насколько опасен Ярек. Он угрожал твоему отцу, а вскоре после этого Кирби был мертв. Я считаю, Ярек убил его. Вот почему я согласилась сделать яд, пока не узнала, для чего он используется. Тогда я взяла своих детей и спряталась. Я говорила себе, что защищаю деревню, но на самом деле я боялась, что Ярек принесет в Жатву Альберта или Мари, как он делает со всеми, кто выступает против него.

Она поворачивается к слушателям:

— Это правда! — кричит она. — Посмотрите вокруг! Вы позволяете ему забирать других, надеясь, что он не тронет вас. Вы знаете, что Ярек прореживает наше стадо, но не возражаете. Вы забыли себя. Вы забыли свою общину. — Она указывает на Стену. — А теперь он собирается пробить нашу единственную защиту. Он намерен впустить внешний мир. Налетчиков, существ, боги знают, что еще. И ради чего?

— Ради эволюции, — заявляет Ярек. Его голос громкий, но пугающе спокойный. Неужели они с Дэвидом спланировали и это? — Это единственная причина открыть Стену.

Его объявление настолько шокирует, что вся деревня замолкает.

Ярек продолжает:

— Хранители Записей и Стражи видели предметы Времен До, которые обнаружили Роуз и её мать. Вы поймете, когда увидите их сами. Инструменты, которые сделают вашу жизнь легче. Дом плотников, разве вам не пригодилась бы драль на солнечных батареях? Кузнецы, как насчет портативной сварочной горелки? Есть и еда — целые полки деликатесов, которые тают на языке и наполняют ваши животы. Оружие, которое защитит нас от дичайших зверей. И там, За пределами, наверняка есть всё это и многое другое, если мы только выйдем наружу и заберем своё. — Он делает паузу для выразительности. — Мы должны впустить будущее.

Так вот в чем их игра. Они хотят свалить вину на меня, притвориться, что раз я нашла товары За пределами, пути назад нет. Это естественный порядок вещей, так что лучше извлечь из этого выгоду. Судя по тому, как кивает толпа, с пустыми глазами отражая закатное солнце, это работает. Ярек и Дэвид победят. Они получают всё, что хотят. Жадность заменила общность.

— Стражи, — говорит Ярек, — раздайте конфеты, которые мы нашли в тайнике Роуз.

Некоторые из его отрядов проходят сквозь толпу, предлагая сладости изголодавшимся жителям, пока Ярек продолжает:

— Мать Роуз совершила ошибку, скрыв от нас то, что нашла, и присвоив это, но она оказала нам услугу, обнаружив это в первую очередь. Теперь мы знаем, что возможно. — Он поворачивается ко мне, склонив голову в издевательском сочувствии. — Она любила тебя, Роуз.

— Она была убита! — кричит Реата. — Потому что она угрожала главному плану Ярека! — Она поворачивается к собравшимся. — Люди Долины Ноя, мы не можем позволить ему сделать то же самое с кем-то другим! Пора действовать. Прямо сейчас мы должны...

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Она падает на полуслове, кинжал с рукоятью из перламутра дрожит у неё в спине, вонзенный по самую рукоятку.

— Реата тоже предательница, — говорит Ярек толпе, глядя на нож, который он только что бросил.

Я стону и оседаю на Гриффона, не в силах поверить своим глазам. Дэвид покидает сцену. Появляется Альберт, маневрируя креслом сквозь ошеломленную толпу к стороне матери. Он смотрит на неё, сраженный.

— Сейчас! — кричит Лозен.

Она освобождает Мери, Эро и Оскара как раз в тот момент, когда горстка жителей во главе с Августом, вооруженные немногим большим, чем своей смелостью, бросаются на ближайших Стражей. Родители Эро, Заха и Альдо из Дома Плотников, сражаются голыми руками, их годы упорного труда окупаются мощными ударами. Рядом с ними отец Оскара, Дэйл из Дома Портных, прыгает на спину Стража, удивляя его своей свирепостью. Август прорубает путь через них, размахивая металлической трубой. Стражи застигнуты врасплох, многие из них, похоже, не хотят сражаться со своими согражданами, некоторые из которых когда-то были семьей.

Ярек выходит на край сцены, чтобы хладнокровно наблюдать за происходящим, рядом стоит Мизия. Битва внизу хаотична и жестока, со стуком кулаков о плоть и криками раненых, наполняющими воздух вместе с запахом пота и страха — Стражи против жителей. Я против воли думаю о наших предках. Мы всегда должны были прийти к этому? Я бросаюсь к лестнице, но кандалы тянут меня вниз. Я пытаюсь выпрямиться. Гриффон рядом со мной, в руке ключ.

— Что происходит? — спрашиваю я.

— Война. — Его измученное выражение шокирует меня. — Я готовился к этому всю жизнь, но не знал, что мы будем сражаться друг с другом.

Он снимает наручники. Как он достал ключ у матери? Я тру окровавленную кожу, когда кандалы падают на сцену, их лязг теряется в яростных криках сражающихся. Есть ли у нас шанс? Я чувствую искру надежды, и это пугает. Сдаться было куда легче.

Сэл появляется из ниоткуда, прыгая между мной и Гриффоном.

— Сейчас или никогда, Роуз, — кричит она, протягивая детонатор.

Взрывчатка! Я бросаю взгляд на Ярека и Мизию. Они ничего не видят, кроме битвы перед собой. Сэл прижимает мой палец к углублению одновременно со своим. У меня есть лишь миллисекунда на беспокойство, что мы слишком далеко от сарая, когда отдаленный взрыв сотрясает всё с такой силой, что сбивает меня с ног.

Ладно, теперь понятно, почему они сделали эти штуки такими сложными в активации.

Гриффон помогает мне встать.

Я слышу радостный возглас и понимаю, что это Лозен, которая дерется с Томрис прямо перед сценой.

— Кажется, я ошиблась насчет их радиуса! — кричит она, прежде чем проскользнуть между ног старшего Стража. Она вскакивает, ударяя противника эфесом меча в основание шеи. Томрис падает, как мешок картошки, и Лозен бросается, чтобы оттолкнуть Стража от другого жителя.

Она делает своё дело, но тренировки Ярека дают плоды. Остальные его Стражи формируют организованные группы, заставляя ближайших жителей встать на колени. Тех, кто не подчиняется, вырубает или того хуже. Мне кажется, я вижу, как Страж пронзает клинком сына Кузнеца. Мой недавний всплеск надежды сменяется ужасом.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

Мятежные жители — те, кто уже потерял слишком много — сражаются всем, что у них есть, но их просто недостаточно. Армия Ярека слишком хорошо обучена, их клинки слишком остры.

Восстание, если это можно было так назвать, подавляется. Эффективно.

Ярек, должно быть, осознает это одновременно со мной. Он оборачивается, его лицо озарено уродливым, злорадным удовлетворением, которое переходит в ярость, когда он видит, что Гриффон опустился на колени, чтобы снять кандалы с моих лодыжек. Гриффон стоит к отцу спиной и не видит его приближения, а предупредить его нет времени. Я выхватываю кинжал из пояса Гриффона и целюсь, сердце колотится, рука дрожит. На долю секунды я колеблюсь — я никогда не лишала жизни — но потом бросаю его. Ярек ныряет в сторону как раз в тот момент, когда лезвие покидает мои пальцы, оно пролетает мимо, бесполезно гремя о землю внизу.

Освободи в меня от оков, Гриффон встает. Он не знает, что я только что пыталась убить его отца. Но его угольно-черные глаза полны эмоций.

Странно, но кажется, будто он собирается поцеловать меня.

— Пожалуйста, прости меня, — шепчет он.

Затем всё погружается в темноту.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 64

Я моргаю. Сажусь. Вечер. Мои запястья связаны, но вместо кандалов теперь веревка. Лодыжки тоже стянуты. Я где-то в лесу, пухлая луна карабкается на самый потолок неба. Кажется, я слышу, как поблизости поет ручей, аккомпанируя стрекоту сверчков.

Я одна, если не считать Гриффона. Он стоит на посту, но взглядывает на меня, когда я прихожу в себя.

Я потираю ноющее место у основания шеи. Он применил ко мне тот же захват нерва, что и его отец, только зашел глубже, надавив так сильно, что я отключилась. Предатель.

— Тебе придется научить меня этому приему, — говорю я. — Либо так, либо я начну носить металлический ошейник.

Гриффон подходит ближе. Он такой высокий, очерченный лунным светом. Я не могу прочесть выражение его лица.

Я поднимаю связанные руки.

— Яблоко от яблони? — Это удар ниже пояса, но он его заслужил.

Он опускается на корточки. Я наконец вижу его лицо. В его глазах — боль.

— Если ты будешь свободна, то побежишь обратно в деревню сражаться. Если будешь сражаться, ты умрешь. Стражи уже восстановили контроль.

— Это не тебе решать, Гриффон! — Отчаяние вонзает когти глубоко в мою грудь. Мы оставили остальных позади. Я бросила их, и не в первый раз. Мерил, Оскар, Сэл, Ээро, даже Лозен. Где в толпе были дядя Ричард и тетя Флоренс? Они еще живы? — Куда делось твое «позволить мне самой делать выбор»?

Он не отвечает на мой словесный выпад, но я знаю, что он услышал.

— Мы всё еще можем спасти Долину, Роуз, — просто говорит он.

— Не связанной, я не могу. — Я пытаюсь сделать голос легче, будто готова уступить ему, но правда в том, что я отчаянно хочу вырваться, чтобы помочь друзьям и семье. У меня нет иллюзий, что я могу остановить обученного Стража с мечом, но я не могу прятаться в лесу, пока Ярек убивает тех, кого я люблю.

— Я знаю, что для моего отца нет надежды, — говорит он. — Я принимаю это.

Мое сердце разрывается за него, но сейчас не время.

— Нам нужно вернуться и помочь нашим друзьям, Гриффон.

Он качает головой.

— Остальные встречаются с нами здесь, если они еще живы.

Я издаю сердитый звук.

— Ты мог бы сказать это раньше.

— Мы перегруппируемся, — продолжает он, словно я ничего не говорила. — И вместе решим, что делать дальше.

Я поднимаю руки.

— Если на нас устроят засаду, я труп.

Он сужает глаза. Он хочет поспорить, но знает, что я права. С ворчанием от разочарования он перерезает веревку на моих руках, а затем на ногах. Я встаю медленно, разминая запястья. Гриффон тоже поднимается. Я подумываю применить к нему захват нерва. Изучаю его шею, медля, чтобы сориентироваться. В какой стороне деревня? Я не хочу причинить ему боль, не думаю, что смогу, но не понимаю, зачем он держит меня здесь. Мы должны помочь остальным.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

— Должно быть, ужасно разочароваться в собственном отце, — говорю я. Не слышу ли я лязг металла с востока? Не вижу ли светлую полосу неба? — Но я рада, что ты выбрал Долину.

— Я не выбирал Долину, Роуз.

Интенсивность в его голосе приковывает мой взгляд. Я смотрю в его обсидиановые глаза. Они полны жара... и чего-то нежного.

— Я выбрал тебя, — просто говорит он.

— Давно пора было в этом признаться, — говорит Лозен, бесшумно, как призрак, скользя между двух деревьев. Один её глаз заплыл от отека.

— Немного поздновато, если спросить меня, — это от Августа, который идет за ней, перед его туники пропитан кровью.

— Поддерживаю, — говорит Сэл, прихрамывая с другой стороны.

Я подбегаю и обнимаю её.

— Ты жива!

— На данный момент. — Она отстраняется от моих объятий и отходит в сторону.

Из-за неё появляется Альберт. Моя ярость вспыхивает, а затем почти сразу утихает. Его лицо так искажено горем, что он почти неузнаваем.

— Докладывайте, — требует Гриффон от новоприбывших.

— Нам почти удалось склонить чашу весов на нашу сторону, — говорит Август. — Пока Ярэк не решил сделать из остальных пример.

— Из каких остальных? — спрашиваю я. Я не хочу знать ответа.

Он смотрит на меня скорбно.

— Он казнил Ричарда.

Мои колени подкашиваются. Гриффон подхватывает меня, прижимая к себе.

Милый дядя Ричард с вечным налетом морковного цвета щетины на щеке, потому что его бритва всегда не справлялась. Я ни дня в жизни не прожила, не видя его, пока меня не перевели в коттедж Цзы.

А теперь он мертв.

Август продолжает:

— Он снова привязал Мерил, Ээро и Оскара к столбам. — Он потирает затылок, явно чувствуя себя неловко. — И твою бабушку с Флоренс рядом с ними. Он сказал, что они все предатели, но что это твоя вина. — Его глаза становятся жесткими. — Раз виновата ты, говорит он, то он обменяет тебя на них. Либо ты сдашься, либо их принесут в Жатву.

Сэл моргает, сдерживая слезы.

— Они знали, на что идут, — говорит она, стараясь держаться мужественно. — Они знали, что всё может так закончиться. Это был риск, на который они согласились.

Я качаю головой. Нет. Я не могу прятаться здесь, пока они умирают.

— Не сдавайся, Роуз, — говорит Гриффон, читая мои мысли. — Нам нужно лишь немного больше времени. Оружие моего отца исчезло. Осталось только уничтожить планшет, корзину и Вердантного Зверя.

— Я могу уничтожить планшет, если только доберусь до него, — говорю я. Я соображаю так быстро, как могу. — Я скажу Ярэку, что, кажется, нашла там информацию, как убить Вердантного Зверя.

— Он уже изучил его вдоль и поперек, — говорит Грифон. — Он и Хранитель Записей. Любая информация, что там была, им известна.

Мой мозг работает лихорадочно.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

— Тогда я скажу ему, что мне нужно поговорить с ним наедине, вдали от остальных. Что есть кое-что, о чем мама говорила мне, и я должна ему передать. Он пойдет за мной! И тогда я смогу опохмелить его.

— Как? — спрашивает Сэл.

— Это поможет? — Альберт подъезжает ко мне на кресле. Он протягивает медицинский набор, который мне пришлось оставить, когда я переехала в дом Цзы. Понятия не имею, как он его достал, но я глубоко тронута. Я надеваю ремень набора через голову, заглядывая внутрь: шприцы, мази, настойки и лекарства. Я чувствую привычный вес на плече и выдыхаю. Обретение этой частички себя — утешение, которому нет меры.

— Спасибо, — говорю я ему.

— Мне так жаль, Роуз. — Он выглядит невыносимо печальным.

— Когда я шла за тобой по деревне в тот день, когда ты впервые привел меня к пещерам... Ты стрелял у меня над головой? — Тогда я подумала, что это камень с неба. Это было до того, как я увидела оружие, пробившее дыру в руке Ярека.

Он кивает.

— Я просто играл.

— А ты сказал Яреку, что сможешь ему сделать больше гербицида?

Альберт снова кивает.

— Дело не только в Яреке. Он думает, что главный — он, но настоящий вдохновитель — Хранитель Записей. Всё это время он действовал за кулисами.

Я смотрю на остальных.

— Это правда. Дэвид Сейнголт признался в этом на сцене. — Я вижу, как они пытаются осмыслить это, прежде чем снова обращаю внимание на Альберта. Я замираю окончательно. — И Хранитель Записей приказал тебе использовать то самое оружие, которым ты стрелял над моей головой, чтобы убить мою мать?

Я слышу шепот стали Гриффона — это первое, что он слышит о предательстве Альберта, — но уже слишком поздно.

Голос Альберта превращается в стон:

— Он сказал, что она травит Долину, и если я ничего не сделаю, Марина умрет. Я доверял ему, потому что он помог мне улучшить кресло. А мне нужно было просто нажать на курок. Он сказал, что это даже не будет казаться реальным. — Он сглатывает рыдание. — Я совершил ужасную ошибку, Роуз. Ошибку, которая стоила нам обеим наших мам. Мне так жаль.

Мне нечего на это ответить. Это правда, и ему придется с этим жить.

— Дайте мне понять всё до конца. — Лозен подбрасывает свой нож в воздух и ловит. Подбрасывает и ловит, ни разу не промахнувшись, хотя у нее функционирует только один глаз. — Хранитель Записей — это первоначальный предатель? Он настоящий кукловод, стоящий за Яреком и армией Стражей, которые все до единого, кроме меня, сейчас собрались на площади? А у Ярека планшет. Роуз, что ты собираешься делать? Поплыть к нему, похлопать глазками и сказать, что тебе нужен лишь момент наедине, чтобы поделиться секретом от мамочки, и он поверит тебе, потому что ты похожа на единственную женщину, которую он любил? Кстати, мерзость какая. Затем, как только он окажется достаточно далеко, ты вонзишь ему шприц в шею, схватишь планшет и разможжишь его о ближайший камень?

Я киваю.

— Легче легкого. — Лозен закатывает глаза. — Лучший план на свете.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

— Я отказываюсь это допустить, — говорит Гриффон. Лунный свет достаточно ярок, чтобы показать агонию, застывшую на его лице.

— А какая альтернатива? — восклицаю я в раздражении. — Прятаться в лесу до конца жизни? Здесь всего две тысячи акров против более чем трех десятков Стражей. Они рано или поздно найдут меня, а тем временем будут пытаться и убивать всех, кого я люблю, не говоря уже о том, что людей продолжают приносить в Жатву, если не убьют прямо так, Вердантным Зверем. — Я вскидываю руки. — По крайней мере, при моем плане наши семьи проживут еще одну ночь.

Слова Гриффона взвешены. Опасны.

— Мне нужно остаться с Роуз наедине.

Остальные стоят на своем.

— Сейчас! — рявкает он.

Когда я не реагирую, все пятятся в лес. Лозен напоследок сверлит Гриффона взглядом. Он ждет, пока они скроются из виду, а затем разворачивается ко мне:

— Можешь перестать притворяться. Я знаю, что ты собираешься сделать.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 65

Я выпрямляю спину.

— Конечно, ты знаешь. Я только что всем сказала. Я выманю Ярека от остальных, обезврежу его и уничтожу планшет.

Он говорит тихо, и от его слов веет опасностью:

— Ты знаешь, что это не твой план.

Я отвожу взгляд.

— С чего ты взял?

Он в отчаянии смотрит в небо, словно не может поверить, что ему приходится мне это объяснять:

— Ты пробираешься наружу, чтобы лечить стариков, хотя это грозит тебе Жатвой.

— Он не дает мне возможности ответить. — Когда Оскар чуть не получил порку в ту ночь из-за твоего свадебного платья, ты защитила его, не задумываясь. То же самое было, когда Леонидас нападал на Ээро.

У меня во рту пересыхает.

Он сокращает расстояние между нами. Его близость вызывает мурашки по моей коже.

— А разве ты только что не умоляла дать тебе вернуться и броситься в драку, в которой у тебя не было шансов выжить? Это не просто тренировка Аптекаря. — Он кладет палец в вырез моего воротника, прямо над сердцем. Это легчайшее прикосновение, но я дрожу, когда его жар разливается по моей коже. — Это ты. Это внутри тебя.

Он молчит мгновение, его палец всё еще лежит на мне.

— И именно поэтому я знаю, — продолжает он, и его голос звучит надрывно, — что если вопреки всему тебе удастся опоить моего отца и забрать планшет, после того как ты уничтожишь его, ты бросишься на Вердантного Зверя, раскрыв правду о Долине её жителям и пожертвовав своей жизнью ради общего блага. Только, — говорит он мягко, — я не могу позволить тебе это сделать.

Моя кровь стынет, потому что он прав.

Я поняла это, когда увидела, как Стражи атакуют горстку жителей-бунтовщиков: наш единственный шанс на выживание — сразаться вместе, а это возможно лишь при наличии общего врага, более опасного, чем тот, что создал Ярек. Идея пришла ко мне, когда Лео чуть не бросил Ээро Зверю. Я смагиваю слезы. Прости, милый брат, но я не могу пойти искать тебя. Я должна сделать кое-что другое. Мы посвятили свои жизни спасению других. Аптекари до самого конца.

Но я не могу признаться в этом Гриффону, не могу дать ему шанс остановить меня, поэтому я отталкиваю его руку.

— Это полная чушь. И вообще, кто ты такой, чтобы говорить мне, что я могу и чего не могу делать?

На его щеках вспыхивает обида, но затем что-то меняется под кожей, и челюсть каменеет.

— Я не прошу, Роуз, — его голос глубокий и грозный. — Если придется связать тебя, я это сделаю.

Мои губы кривятся.

— Удачи, здоровяк. Ты только сегодня был близок к тому, чтобы противостоять отцу, и какая же это была жалкая попытка. — Я целюсь в то, чтобы он возненавидел

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

меня. Неужели вся обида, накопленная им за эти годы, испарилась? Она должна быть там, тлеть где-то под поверхностью.

Пульс на его лбу бьется.

— Не забывай, что на тренировках я укладывал тебя на лопатки десятки раз, и могу сделать это снова.

Я подаюсь вперед, достаточно близко, чтобы почувствовать его запах — хвоя и мускус.

— Ты мне даже не нравишься, Гриффон Цзы. Я сказала правду после церемонии помолвки. Я всегда любила Николу.

Он моргает, изучая мое лицо со смесью ярости и отчаяния, которую я не понимаю. Или, может быть, понимаю. Наши души узнали друг друга еще в детстве.

Медленно взгляд Гриффона опускается на мои губы. Под моей кожей загораются светлячки.

Прежде чем я успеваю остановиться, прежде чем я сама этого захотела, мы сталкиваемся, сплошной жар, голод и невозможное желание. Я хватаюсь за его шею, цепляясь за силу, скрытую под кожей. Этот поцелуй не мягкий. Это лесной пожар, поле боя, боль, сплетенная с наслаждением, пока я не перестану отличать одно от другого.

А потом, слишком быстро, всё заканчивается. Гриффон отпускает меня.

— Никогда больше не говори этого, — рычит он.

Я смотрю в его прекрасные глаза, на его сильный нос, на эти мягкие губы, которые только что припухли от поцелуя.

— Гриффон, — это единственное слово, которое я могу произнести.

— Я вижу тебя, Роуз, — говорит он осторожно, бережно убирая прядь волос с родимого пятна на моем лбу и легко целуя его. — Я видел тебя с тех пор, как мы были детьми и ты впервые зашила мне рану. — Он подносит мои руки к своим губам, касаясь кончиками пальцев. — В тот день ты была тверда, как камень. Я любил тебя каждую минуту каждого дня с тех пор, Розы.

Я почти теряю решимость, мое сердце грохочет в ответ на его слова. Отчаянно пытаюсь сосредоточиться, я бросаю взгляд вверх. Холодный воздух пахнет звездами.

— Сегодня северное сияние.

Он качает головой, не желая, чтобы я отвлекала его.

— Я не позволю тебе отдать жизнь за других.

Обнаженная мука в его глазах — это слишком. Я больше не могу играть эту роль.

— Иди сюда, — говорю я, пытаюсь увести его под защиту большого камня, у которого я очнулась. Я держу его за руку. Другой рукой лезу в медицинский набор, годы тренировок ведут меня именно к тому, что нужно. — Я должна тебе кое-что сказать, но тебе лучше сесть.

Он не сдвигается с места. Я смотрю на него, сжимая его руку изо всех сил. Луна подчеркивает его мощь.

— Пожалуйста, — умоляю я.

С измученным видом он наконец позволяет мне увести его к камню.

— Ты не убедишь меня позволить тебе броситься в объятия Вердантного Зверя, — говорит он, тяжело опускаясь на землю рядом со мной, — так что даже не пытайся.

Мне приходит в голову, что он не спал по крайней мере сутки. Как он вообще держится?

— Мы придумаем альтернативу, — говорит он. — Клянусь, на каждый вопрос есть ответ.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

— Есть, — соглашаюсь я, пытаюсь запечатлеть каждую черточку его прекрасного лица, когда наклоняюсь для еще одного поцелуя. Он чувствует укол иглы еще до того, как его касаются мои губы, но жидкий Веранол действует быстро. Он едва успевает отпрянуть.

На его лице застывает предательство.

Это последнее, что я увижу в его глазах.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 66

Мягкий свет, исходящий от деревьев, становится ярче по мере моего приближения к деревне. Вскоре я слышу яростные крики и звон стали — Стражи сражаются со Стражами? Неужели я опоздала со своим планом объединить деревню против Вердантного Зверя?

Я удваиваю усилия. Я должна добраться до площади раньше, чем Ярек причинит еще больше вреда. Единственный способ спасти друзей и семью — сдаться самой, а единственный способ спасти наше общество — сразу после этого показать всем, с какой реальной опасностью мы столкнулись.

Гриффон поймет это со временем.

«Я любил тебя каждую минуту каждого дня с тех пор, Роза».

Я запикиваю острую боль в дальний уголок души и плотно захлопываю дверцу. Я не могу думать о Гриффоне или даже о Джонасе. Я могу думать только о своей общине. Я игнорировала наши проблемы, но бабушка была права насчет нашей силы. Мы хорошие люди. Мы родились в суровых условиях, но вместе преодолели всё. Мы заботимся друг о друге в горе и в радости. Это стоит всего на свете.

Я врываюсь на площадь, ожидая увидеть хаос, мое сердце колотит в ушах, как военный барабан. Сумеречное небо вымазано глубоким фиолетовым цветом. Мой взгляд немедленно приковывают Врата Эдема. Горстка Стражей сбилась в кучу в пятидесяти ярдах перед ними, тяжело дыша, словно после битвы.

За их спинами возвышается груда тел. Я прижимаю руку ко рту. Неужели я опоздала?

— Роуз! — окликает меня Мизия.

Я перевожу взгляд вправо. На пустой площади она привязала мою восьмидесятисемилетнюю бабушку к столбу для бичевания. Соджорнер и тетя Флоренс с одной стороны. С другой — Мери, Эро и Оскар. Они всё еще живы! Но тут я замечаю Стражей, наставивших мечи — они готовы прикончить их, если я сделаю неверный шаг. Август, стоящий на коленях перед разъяренной Томрис, которая держит клинок у его горла, похоже, станет первой жертвой. Остальные жители Долины Ноя собрались позади них, несколько сотен человек, их лица измождены, некоторые туники пропитаны кровью.

— Ты пришла, — говорит Ярек, сходя со сцены и проходя мимо столбов. В одной руке он сжимает планшет, а другой держит маленькую Мари за затылок. Слезы текут по её лицу.

Я спешу вперед, пока не оказываюсь достаточно близко, чтобы почувствовать кислый запах пота Ярека. Он боится. Чего? Неужели он наконец понял, что Хранитель Записей дергает его за ниточки?

— Всё будет хорошо, Мари, — говорю я. Это ложь. Её брат — убийца, а она потеряла мать. Но я не могу смотреть на её милое личико, на то, как она кусает дрожащие губы, и молчать. — Всё наладится, дорогая.

Я слышу, как Мизия фыркает.

— Ты можешь сделать это правдой, Роуз, — говорит Ярек, подходя еще ближе.

Жители начинают перешептываться, их глаза загораются, когда они встречаются с моими. Вспоминают ли они, кем мы были раньше? Теперь, когда они оказались в первом ряду, наблюдая за злодеяниями Ярека, когда увидели тела своих соседей,

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

сложенные, как дрова, найдется ли среди них больше, чем горстка желающих восстать?

— Ты уже одета для свадьбы, — говорит Ярек. — Мы можем найти твоего жениха и довести дело до конца. Всё в Долине может вернуться в норму. Всё это — он машет рукой, указывая на меня, — может закончиться. Мы можем вернуть свои жизни.

Я смотрю на свое платье. Многие бусины сорваны, прекрасный кружевной подол порван и волочится по земле, передняя часть потемнела от крови — возможно, моей, возможно, нет. Мои волосы выбились из сложных лент.

— Мои друзья и семья невиновны, — четко произношу я.

Рот Ярека дергается.

— Нет. Они предатели. Они работали против своей общины, разрывая ткань Долины.

Я подаюсь вперед, понизив голос так, чтобы слышал только Ярек. Мне стоит огромных усилий не взглянуть в сторону Вердантного Зверя, оценивая расстояние до него.

— Моя мать писала о тебе. В кодированных записях в своем дневнике. Послания, которые мог расшифровать только Аптекарь. Я не думала, что ты заслуживаешь их услышать, но, возможно, я готова совершить обмен.

Ярек моргает, слова застревают у него в горле.

— Отпусти её, — я киваю на Мари, — и я расскажу тебе.

В его глазах столько надежды, что мне стало бы жаль этого человека, если бы он не выбрал жадность и уродство вместо своей общины.

— Говори сейчас, — требует он, не отпуская Мари. Но он не повышает голос, чтобы никто, кроме нас двоих, не услышал. Должно быть, он знает, что я блефую, но разве любовь не заставляет разум склониться перед сердцем?

— Не могу, — отвечаю я. Я покажу жителям Вердантного Зверя, но хочу уничтожить планшет, пока я здесь, лишить Ярека этого инструмента злоупотребления властью. — Это слишком личное. Только для твоих ушей.

Лицо Ярека сжимается так сильно, что кажется, оно сейчас схлопнется. Затем, внезапно, он расслабляется.

— Ладно. Мари, иди к моей жене.

Он отталкивает её и улыбается, выражение его лица как алтарь зла.

Мой язык становится как сукно. По его выражению ясно: он понял, что я лгу. Но что я могу сделать? Я загнала себя в угол. Я начинаю идти к Вратам Эдема, моя рука скользит в медицинский набор. Требуется мгновение, чтобы найти нужный шприц, потому что мои пальцы онемели от ужаса. Смогу ли я использовать иглу? Кажется маловероятным. Более того, я чувствую ужасную, холодную уверенность, что Ярек вонзит мне нож в спину, так же, как он сделал это с Реатой. Есть так много вещей, которые я хотела бы сказать, так много истин. Я пытаюсь выстроить их в ряд, ища утешения хотя бы в порядке, но они ускользают. Я слышу ужасающий стонущий шепот, а затем леденящий душу крик.

В сорока футах слева от меня Вердантный Зверь ожил без моего участия, привлеченный горой трупов жителей.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 67

Его узловатые усики извиваются и корчатся в тусклом свете, когда он срывает с груди первое тело — Пьера из Дома Стоматологов. Он сжимает его, прежде чем вонзить игольчатые лозы в мягкий живот. Алчущий Зверь даже не успевает закончить с ним, как возвращается за следующим, а потом за третьим. Я не могу смотреть, как поглощают тела людей, которых я знала и любила — Мимана из Дома Рыбаков, отца Августа Гефеста. Не хочу слышать этот влажный, чавкающий звук кормления, не хочу видеть, как пульсирующие фиолетовые вены раздуваются от крови.

Те, кто наблюдает, застыли в смеси неверия и ужаса.

— Все назад! — кричит Ярек, его лицо искажено. — Он оставит нас в покое, как только насытится.

Но я сомневаюсь, что это правда. Вердантный Зверь, которого больше века держали на «диете» из наших ежемесячных жертв, развил аппетит, достигнув зрелости, которую его создатели и представить не могли. Воздух прорезает крик, когда Нерона из Дома Фермеров хватают, а затем душат. Леонидас бросается ему на помощь, но его меч лишь слегка царапает чудовище.

Лозы у Врат Эдема толще, но они кажутся медленнее тех, с которыми мы столкнулись на краю карантинной зоны. Их легче обойти, но трудно разрубить. Я пытаюсь решить, что представляет наибольшую опасность прямо сейчас — Зверь позади или Ярек впереди, когда он указывает на меня.

— Взять её! — командует он ближайшим Стражам.

Они бросаются вперед, оружие блестит, но прежде чем они успевают добраться до меня, воздух разрывает боевой клич. Лозен перепрыгивает через перевернутую телегу, её кулаки уже в крови. Август пользуется этим отвлечением, чтобы повалить Томрис на землю. Когда Сэл вылетает из тени переулка, мчась освободить заключенных быстрыми, точными движениями, мое сердце ликует.

Их присутствие в сочетании с ужасом Вердантного Зверя наконец заставляет деревню действовать. Пока одни кричат и бегут, другие хватают всё, что под рукой — деревянные балки, факелы, вилы — и наступают на Зверя. Сильные спасают тела наших павших, вырывая их из голодной хватки монстра. Мы наконец сражаемся как одно целое! Я подбадриваю тех, кто вступил в бой, ныряя под руку Стража, пытающегося схватить меня. Рядом со мной Август сбивает другого взмахом трубы. Всё больше жителей присоединяются к схватке, теперь сражаясь как со Стражами, так и с Вердантным Зверем; их отчаянная ярость компенсирует отсутствие подготовки.

В этот раз у нас действительно может быть шанс...

— Довольно! — голос Ярека хлещет как кнут посреди этого хаоса. Он обнажает меч, лезвие ловит лунный свет, и он движется как молния в сторону Августа. Мгновение — и Водопроводчик уже на земле, кровь струится из раны на руке. Сэл пытается вмешаться, но получает удар в ребра, который отбрасывает её в сторону. Даже Лозен со всей своей подготовкой едва может сдерживать Ярека, пребывающего в полной боевой ярости. Его клинок рассекает воздух чистыми, безжалостными дугами, пока он отбивается от нескольких жителей сразу.

Теперь, когда я вижу истинный масштаб его мастерства, мне становится страшно.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Я ищу оружие, когда на сцене появляется новый боец, его движения медлительны, но полны решимости. Гриффон. Препарат, который я дала ему, дезориентировал его, но в глазах горит цель, когда он бросается на отца.

— Отойди, мальчишка, — рычит Ярек. — Ты не в том состоянии, чтобы драться.

Гриффон отвечает яростным взмахом, который Ярек легко отражает, но это заставляет его отступить.

— Ты учил меня никогда не отступать, — говорит Гриффон, запинаясь, и пробивается вперед. — Никогда не показывать слабость. — Еще один взмах, на этот раз лучше скоординированный. Следующие слова звучат четче: — Похоже, урок усвоен.

Я пытаюсь обойти Ярека, пока он отвлечен, ища что-то, что можно использовать как посох, но один из оставшихся Стражей преграждает мне путь. Позади нас я слышу леденящее душу, кожистое шуршание лоз Вердантного Зверя, ползущих ближе.

— Ты разочаровываешь меня, — говорит Ярек сыну, парируя очередную атаку, когда Гриффон загоняет его ближе к Вратам Эдема. — Я думал, ты сильнее. Думал, ты понимаешь, что нужно сделать, чтобы выжить.

— Выживания недостаточно! — кричит Гриффон. Его следующий удар достигает цели — тонкая линия крови на щеке Ярека. — Ты и этому меня учил. Ты учил меня завоевывать, доминировать. Но ты никогда не учил меня жить.

Я думаю, что у Гриффона был бы шанс, если бы он владел собой, но он переоценивает свои силы. Его следующий взмах проходит мимо, и Ярек поднимает клинок для смертельного удара.

— Нет! — кричу я.

Вспышка движения привлекает мой взгляд. Мизия сражалась с Вердантным Зверем, но она разворачивается, когда сыну нужна помощь, нож блестит в её руке. Она движется с бесшумной грацией человека, который потратил годы на то, чтобы стать невидимым, достигая Ярека прежде, чем он почувствовал её присутствие. Лезвие скользит между его ребер — неглубоко, чтобы убить, но достаточно, чтобы он взвыл от ярости.

— Моя жена, — рычит он, разворачиваясь к ней. — Наконец-то показываешь свое истинное лицо.

— Моё истинное лицо? — смех Мизии горек, как зимний ветер. — Ты никогда не видел меня настоящую. Ты видел только то, что хотел видеть. Сосуд для своих амбиций.

Если она надеялась, что это замедлит его, она просчиталась. Ярек атакует с новой яростью, тесня и Мизию, и Гриффона. Они сражаются вместе прекрасно, мать и сын действуют в тандеме, но этого недостаточно. Ярек слишком умен, слишком силен. И, несмотря на всё, они не хотят причинить ему вред. Я вижу момент, когда всё начинает рушиться. Гриффон спотыкается — наркотик всё еще затуманивает его рефлексy. Мизия бросается защитить его, открываясь. Клинок Ярека описывает дугу в воздухе...

Я не думаю. Я просто двигаюсь, бросаясь на Ярека. Я чувствую удар стали по боку — клинок опускается под углом, щадя мою жизнь. Всё же боль мгновенна и сильна, и я инстинктивно откатываюсь. Лозен появляется рядом, помогая мне встать, в то время как Сэл и Август встают на мою защиту. Оскар, Мерил и Ээро вскоре следуют за ними. Ближайшие жители образуют полукруг вокруг нас, вооруженные инструментами и импровизированным оружием. Гриффон и Мизия встают рядом с ними.

Ярек внезапно оказывается в меньшинстве, прижатый спиной к Зверю.

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

Он смахивает кровь, текущую по боку от раны, нанесенной Мизией, лицо искажено яростью. Он поднимает окровавленный кулак.

— ХВАТИТ! — кричит он, голос эхом разносится по Долине, отражаясь от Стены. — Я перебью вас всех сам, если придется! Я единственный, кто достаточно силен, чтобы...

Он так и не заканчивает фразу.

Лоза толщиной с древесный ствол разворачивается в его сторону, её шипы тянутся, как кончики пальцев. Она появляется сзади, обвиваясь вокруг шеи Ярека и поднимая его в воздух. Он полосует её мечом, но она обвивается всё туже, заключая его в колючие фиолетово-зеленые объятия.

— Нет! — кричит он. — Я силен! Я...

Лозы сжимаются.

Раздается влажный, лопающийся звук. Кровь Ярека проливается дождем.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 68

Перес бросается на нас, его сын Лео рядом.

— Окружить предателей! — вопит Перес. — Покончить с ними!

Оставшиеся Стражи, все, кроме Мизии, следуют его приказу. Они тренировались именно для этого. Те из нас, кого они собрались убить, инстинктивно сжимают круг, прижавшись спинами друг к другу. Сэл слева от меня, рядом с ней Мерил, затем Лозен, Гриффон, Оскар, Август и Ээро. Восемь против шестнадцати.

Мы начинаем двигаться к часовне как одно целое.

Я слышу, как Боудикка пытается сплотить оставшихся жителей на площади, возможно, претендуя на место Ярека.

— Дэвид Сейнголт верит, что за Стеной нас ждут сокровища, о которых мы и мечтать не могли — пиры, золото и великолепие, о которых мы слышали только в сказках! И кто бы мог знать об этом, если не наш Хранитель Записей?

Как нелепо это должно звучать сейчас, когда Вердантный Зверь вживую пожирает тела их соседей. Но я снова вздрагиваю при упоминании золота, даже сейчас, борясь за свои жизни. У меня нет времени размышлять об этом. Трое из нас с оружием — Лозен, Гриффон и Август — отбиваются, но нас атакуют со всех сторон.

— Отступаем! — командует Гриффон.

Мы следуем его приказу, когда вспыхивает сталь. Мерил ранена. Я вижу, как она падает на землю.

— Мер! — кричит Сэл. Она бросается защитить свою любовь, но она безоружна. Лозен перехватывает клинок, нацеленный на Сэл, и в то же мгновение закрепляется на месте, чтобы защитить Мерил. Остальным, включая Сэл, не остается ничего, кроме как отступить в узкий мощный переулочек.

Визг стали Стражей рассекает воздух. Едкий запах крови и пота жжет ноздри, и я чувствую, как грубый камень царапает плечо, когда мы пятимся назад. Теснота — единственное, что не дает им окружить нас с флангов. Гриффон и Август держат оборону, как два волка — сплошные мышцы и инстинкты, но я вижу, как оба слабеют под натиском стольких врагов. Они не смогут долго сражаться. Дыхание Оскара хриплое, Сэл ругается, пока Ээро и я оттаскиваем её подальше от сверкающих мечей.

— Перестань сопротивляться, — шиплю я. — Мерил нужна ты живой, а не мертвой на мостовой.

Моя ладонь горит, содранная в кровь о кирпич, когда я пытаюсь удержать равновесие, пока нас гонят, как скот, вниз по сужающемуся переулочку. Мы в ловушке. Куда бежать, когда ты живешь в тюрьме, а все золотые обещания гармонии — не более чем ложь? Я чуть не вскрикиваю, когда до меня доходит — в этот раз ясно, та мысль, что скреблась в сознании, когда Боудикка говорила на площади.

Тайная комната в хранилище Хранителя Записей. Там золото гоблинов. И, кажется, я знаю почему.

— Отступаем к коттеджу Хранителя Записей! — кричу я. — Через библиотеку и в хранилище!

— Часовня — более защищенное место, — кричит Гриффон. — Нам стоит вернуться туда.

— В коттедж Хранителя Записей! — настаиваю я.

— Пойдем туда — и умрем, — ревет Гриффон. — Мне нужно пространство для боя. Я могу защитить вас внутри часовни.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Я кладу руку ему на спину, пропитанную потом.

— Коттедж Хранителя Записей, — говорю я. — Ты должен мне доверять.

Даже со спины я вижу, как он напрягся. Остальные последуют за ним, если он не уступит, а если они пойдут за ним — мы трупы. Позволит ли он мне сделать этот выбор за нас? Время, кажется, замирает, и наконец он кричит:

— К коттеджу Хранителя Записей!

Наши друзья реагируют мгновенно. Ээро, направляющий находящуюся в шоке Сальватору, идет первым. Оскар и я следуем за ними, а Гриффон и Август прикрывают наше отступление. Грохот наших шагов сливается со звоном оружия. Мы прорываемся вперед, пока впереди не вырастает коттедж Хранителя. Мы врезаемся в дверь и распахиваем её, задыхаясь от отчаяния. Шестеро из нас вваливаются внутрь и с силой захлопывают дверь как раз тогда, когда Стражи врезаются в неё. Ээро ловко подпирает её стулом. Это даст нам несколько секунд.

Книги мелькают перед глазами, пока мы мчимся через библиотеку к открытой двери подвала. Где-то по пути я сорвала швы, и оставляю кровавый след на полированном полу. Я надеюсь на Стену, Солнце и Воду, что моё предположение верно. Потому что, если нет — я веду друзей на верную смерть. Мы пролезаем через дверной проем, наши шаги эхом отдаются на семнадцати ступеньках спуска.

Позади нас дверь библиотеки с яростным треском разлетается на куски.

— Они внутри! — кричит Август, бросаясь обратно вверх по лестнице с металлической трубой в руках. — Идите! Я задержу их!

— Август, нет! — кричу я. Я вижу, как это происходит, словно в замедленной съемке. Прекрасный, свирепый Август, размахивающий куском трубы, как косой. Двое первых Стражей, прорвавшихся на верх лестницы, падают, но за ними тут же бросаются остальные. Клинок Лео ловит свет, а затем опускается вниз.

Кровь брызжет на каменные стены.

Мой крик эхом отражается от стен. Сильные руки оттаскивают меня назад — Гриффон оттягивает меня, пока тело Водопроводчика оседает. Я думаю о Венди, слишком хорошо зная, какое горе вскоре последует. Я поворачиваюсь и вижу, как Сэл дико озирается, ища выход, оружие или любую причину, по которой я привела нас сюда, чтобы мы погибли, как запертые крысы.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — говорит она. В её голосе нет злости, только страх.

— Сюда, — говорю я, находя то самое углубление, которое нажал Дэвид, чтобы открыть паническую комнату зрителя. Сапоги грохочут по лестнице, Стражи перепрыгивают через тело Августа. Книжный шкаф отлетает в сторону, и мы врываемся в огромную тайную комнату. Она пуста. Или Ярек, или Хранитель Записей вывезли всё содержимое, но это не имеет значения. Мы здесь не ради этого.

И мы не одни.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 69

Сэл и Оскар преуспевают, захлопывая книжный шкаф за нашими спинами, но это лишь вопрос времени, прежде чем Стражи прорвутся сквозь него.

Но я смотрю только на Дэвида.

Он прислонился к дальней стене, с забавной полуулыбкой на лице.

— Вы тоже поняли, где выход? — Он постучал костяшками пальцев по камню за спиной. — Я услышал, как он начал сдвигаться, иначе, боюсь, никогда бы его не нашел. Я поделюсь сокровищами по ту сторону. Вам достанется половина... Солнце, да даже больше. Просто позвольте мне пойти с вами.

Стражи рычат и бьют по книжной полке, выискивая способ добраться до нас.

— Ты дурак, — говорю я Дэвиду. — Он откроется не для сокровищ.

Его лицо дергается.

— Ты этого не знаешь.

Мой взгляд падает на золото гоблинов у его ног. Ему нужна влага для роста, но в этом подвале есть осушитель воздуха. Должно быть, влага проникает через трещины в стене, невидимые для невооруженного глаза. Мне следовало осознать это, когда я впервые заметила мох, но я была слишком погружена в горе, шок и смятение.

— Это не расширение её тайного хранилища, — говорю я, подходя ближе, не сводя глаз со мха. Жадность ослепила Дэвида, не давая увидеть очевидное. — Зачем ей прятать сокровища там, куда она сама не может добраться? Это выход, который Корр обязан был построить, не более того.

Его маска спадает, обнажая гниль внутри.

— Что бы это ни было, оно моё, — шипит он, выхватывая нож из-за пояса.

Прежде чем я успеваю отреагировать, Гриффон прыгает вперед и перехватывает руку Дэвида. Хранитель Записей рушится на пол, и в этот момент здание сотрясает толчок, едва не сбивающий нас с ног. По потолочным плитам расползаются трещины.

Святое Солнце.

— Он открывается! — кричит Ээро.

Сердце бьет по ребрам так сильно, что, кажется, останутся синяки. Похоже, монолитная стена издает шипение, а затем начинает отъезжать в сторону с глубоким механическим выдохом. На нас нахлынул запах — чуждый и неопиcуемый. Не плохой, не хороший, но... другой.

Книжный шкаф взрывается, когда в него влетает снаряд Дэвида. Стражи использовали его как таран. У нас нет времени.

— Быстрее! — кричу я.

Я втаскиваю Ээро в темноту, замечая рычаг прямо у входа. Оскар хватается за Сэл за руку, втягивая их обоих внутрь. Гриффон входит последним, пятясь к нам с поднятым мечом, чтобы отбиваться от Стражей, прорывающихся через пролом. Сталь визжит, когда его клинок встречается с первым нападающим. Он уже почти внутри камеры — еще два шага, и я смогу дернуть рычаг, — как Лео вырывается из мешанины тел и бьет Гриффона ногой в живот. Гриффон спотыкается, его защита открывается на секунду.

— Гриффон! — кричу я, но Лео уже заносит меч для смертельного удара.

Оскар и Ээро действуют быстрее, чем я успеваю вмешаться, бросаясь на Лео единым порывом, их маленькие тела врезаются в мужчину. Все трое падают в кучу, кулаки Ээро и Оскара бешено молотят. Но они не равня обученному Стражу. Лео отшвыривает Ээро и наваливается на Оскара, прижимая плечи мальчика к каменному

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

полу. Клинок Лео блесит, взлетая высоко над грудью Оскара, и в этот же момент воздух наполняет механический гул, становясь громче и ближе.

Инвалидная коляска Альберта пронесется сквозь разбитый книжный шкаф, слезы текут по его лицу, он кричит что-то нечленораздельное. Он врывается в Леонида с глухим стуком, отбрасывая его в сторону. Не замедляясь, он разворачивается и несется на второго Стража, сцепившегося с Гриффоном, ударяя его прямо в спину. От удара Альберт и Гриффон отлетают в камеру вместе с Сэл и мной, кресло Альберта цепляет рычаг, активируя механизм.

С визгом, перекрывающим хаос, дверь начинает закрываться. Лео вскакивает на ноги, его глаза встречаются с моими во вспышке ненависти и шока. Он бросается вперед как раз тогда, когда проход запечатывается, его вытянутый клинок скрежещет по камню.

Мгновение темноты, а затем у наших ног вспыхивает единственный тусклый свет.

Я бросаюсь на дверь, вгрызаясь в щель, пока не начинают кровоточить пальцы. Оскар и Ээро остались по ту сторону. Должен быть способ спасти их. Я нахожу рычаг и дергаю его. В ответ раздается глубокий, угрожающий скрежет в толще камня. Я отступаю, ожидая, что дверь откроется, но вместо этого стены содрогаются, пол ходит ходуном. С грохочущим ревом потолок начинает опускаться.

— Уходите от двери! — кричу я, хватая ближайшую руку. — Сейчас же!

Мы ныряем в черноту, туннель позади нас вопит, обрушиваясь. Кусок потолка размером с кулак задевает мое плечо. Я сглатываю крик и чувствую вкус крови. Рука Гриффона в моей, или, может, это Сэл — я не вижу. Мои легкие горят от каждого вдоха, пропитанного пылью воздуха, а где-то позади Альберт кричит нам бежать быстрее, но мои ноги стали ватными, а земля продолжает уходить из-под них. Я не знаю, спасаемся мы или нас хоронят заживо.

Почти так же внезапно, как началось, всё стихает.

Цветет свет.

Слабые мерцающие точки загораются вдоль стен, точно такие же, как та, что была у входа. Они не похожи ни на что из того, что я когда-либо видела — ни пламя, ни лампа, — отбрасывая тени, которые танцуют по камню. Их света хватает, чтобы увидеть: путь, по которому мы пришли, теперь завален непроходимой грудой камней. Ослепляющая пыль стоит в воздухе, перехватывая горло.

— Кто-нибудь ранен? — спрашиваю я. Это нелепый вопрос. Каждый из нас разбит. Альберт скорбит по матери, Гриффон — по отцу, даже если он это отрицает. Нам пришлось оставить Мери, Ээро, Лозен и Оскара.

— Я не вижу вентиляционной системы, — говорит Альберт, и тревога напрягает его голос. — Это место не было рассчитано на долгое пребывание.

Мы четверо смотрим друг на друга, а затем на единственный доступный нам путь — тот, что ведет в неизвестность. Меня переполняет одновременно ужас и печаль. Мы были заперты в Долине Ноя поколениями, а теперь у нас нет иного выбора, кроме как уйти. Наши взгляды встречаются, и мы обмениваемся молчаливым согласием.

Затем мы поворачиваемся спиной ко всему, что когда-либо называли домом.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 70

Сэл и Альберт идут впереди. Гриффон поддерживает меня, и я начинаю двигаться, чувствуя, как грудь сжимается от невыплаканных слез. Ээро и Оскар, возможно, всё еще живы. Как и Лозен, Мерил, моя бабушка, тетя Флоренс и Мари. Я не видела, чтобы кто-то из них погиб. Мы можем встретиться снова. Я должна в это верить.

Мы идем. И идем. И идем.

Туннель тянется перед нами, как рана в толще земли. Деревянные балки подпирают своды через равные промежутки, древние бревна стонут под тяжестью породы. Наши шаги эхом отдаются на рельсах, проложенных вдоль пола — металл, похожий на шахтерские пути из учебников истории, тускло поблескивает в странном освещении. Эти загадочные огоньки продолжают свой равномерный ход вдоль стен, загораясь прямо перед нами и гаснут позади, словно сам туннель ведет нас вперед. Воздух становится холоднее, принося новые запахи. Мшистые, острые.

Слышны лишь глухой стук наших шагов и тяжелое дыхание. Туннель кажется бесконечным, уходящим в вечность. Со временем оно теряет всякий смысл. Возможно, мы идем уже несколько часов, а может — дней.

И затем, без предупреждения, он заканчивается.

Последние огни вспыхивают, открывая взору дверь, возвышающуюся перед нами — монолит из сверкающего металла. Ни ручек, ни петель, лишь гладкая серебристо-серая поверхность, испещренная странными символами, которые, кажется, смещаются, если смотреть на них прямо. Красный огонек пульсирует возле центра, словно угасающее сердце.

— Что по ту сторону? — шепчет Сэл.

Ни у кого из нас, даже у Альберта, нет ни одной догадки.

При нашем приближении дверь с шипением открывается.

Вся наша жизнь прошла внутри Стены, и вдруг — выход. Сэл кладет одну руку на плечо Альберта, а другую протягивает мне. Я принимаю её, свободной рукой хватаясь за Гриффона. Мы входим в новый мир плечом к плечу.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 71

Над головой звезд больше, чем мы когда-либо видели. Они вращаются над нами в бесконечном черном море, захватывая дух и ошеломляя.

— Клянусь Почвой, — шепчет Сэл рядом со мной, и её яростная невозмутимость дает трещину, когда она осознает эту безбрежность. Ни Стены. Ни границ. Только бесконечное небо.

Мы стоим на краю поляны. Её окружает густой сухой подлесок, а дальше — деревья. Они напоминают наши лиственные, но с легким искажением: широкие там, где должны быть высокими, их ветви причудливо изогнуты в лунном свете. Глядя на то, как их скелетные пальцы тянутся к небу, я не могу понять, живы они или мертвы. Трава под ногами дикая, необузданная, растет дерзкими пучками среди крошащихся плит того, что похоже на каменные дороги.

Наши шаги здесь звучат приглушенно, и в то же время слишком громко. Или, может, это просто кровь стучит у меня в висках. Я делаю дрожащий вдох. Не знаю, что чувствовать: шок? Горе? Надежду?

Я заставляю себя обернуться, посмотреть на Стену, которая определяла всё мое существование. В лунном свете она кажется одновременно и более, и менее впечатляющей: массивная каменная дуга, уходящая в усыянное звездами небо. И на её поверхности, пульсируя в непристойном, тошнотворном ритме, покоится Вердантный Зверь.

С этой стороны Стены монстр окрашен в сплошной фиолетовый цвет. Я могу видеть сквозь части его полупрозрачной плоти, где внутри пищеварительных камер движутся темные формы, их очертания всё еще узнаваемо человеческие. Рука давит на мембрану, пальцы растопырены в немой, последней мольбе. Мое тело дергается вперед, но рука Сэла резко выбрасывается, останавливая меня на месте. Она лишь раз качает головой, её глаза — две бездны скорби. Зверь слишком огромен, слишком голоден.

Внутри меня что-то ломается — не горе, но ярость. Холодная, острая, абсолютная. Вердантный Зверь был создан, чтобы поглощать. Он будет продолжать питаться, проглатывая моих друзей и родных одного за другим. Но я найду способ уничтожить его. Я спасу тех, кто заперт внутри Стены.

И тут свет, отраженный от облаков, привлекает мое внимание.

Остальные тоже его видят. Мы пробираемся через руины, следуя по потрескавшейся тропе вверх по холму. Мимо ржавых остовов древних машин, наполовину погребенных в землю, медленно пожираемых временем и ползучими лозами. Эта зелень выглядит благословенно нормальной по сравнению с тем, что мы оставили позади, но я всё равно не питаю к ней любви.

Мы достигаем высокого гребня. Всё вокруг кажется плоским и серым под синевато-черным небом. На секунду мне кажется, что там ничего нет, лишь туманная пустота, словно сама земля сдалась.

Затем ветер меняется, рассеивая туман.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Глава 72

Внизу раскинулся массивный виноградник.

Эти посевы напоминают мне хмель, который я выращивала в своей теплице, только чудовищный, растянутый по парящим шпалерам, марширующим под луной холодными геометрическими рядами. Что-то в этом образе заставляет кожу покрываться мурашками, и я подавляю дрожь.

Ветер снова усиливается, обвиваясь вокруг нас, как дыхание, и новая порция правды открывается взору.

Клянусь Солнцем и Водой. Эти массивные растения — не хмель, это извивающиеся Вердантные Звери, их лозы тянутся к небу и почве. Десятки, может, сотни их, высажены стройными рядами, как урожай на поле. Каждый из них раздут до огромных размеров, их тучные тела отливают фиолетовым.

У основания каждого из них расположено обнесенное стеной поселение. С этого расстояния они кажутся вдвое меньше Долины Ноя, некоторые из них стоят так близко, что их стены почти соприкасаются.

Желчь обжигает горло, когда ужасная истина обрушивается на меня: это ферма для выращивания Вердантных Зверей.

Во рту привкус металла. Я хочу кричать, разорвать небо от ярости на слои лжи, которые я была вынуждена принимать, когда замечаю, что свет, притянувший нас на этот холм, исходит из самого центра поля Зверей. Он светится белым, как немигающий маяк.

Рука Гриффона находит мою. Крепкая. Теплая. Настоящая.

— Роуз, — говорит он тихо, указывая вниз. — Смотри.

Я перевожу взгляд на землю. Прямо перед нами, выложенная из выветренных камней, стрелка указывает на белый свет. На её острие сидит крошечный деревянный кролик, вырезанный мальчиком, который стал бы прекрасным мастером игрушек, если бы Долина позволила.

Джонас.

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Дома Долины Ноя

Художник

- **Название Дома:** Бинген
- **Источник названия:** Хильдегарда Бингенская
- **Символ:** тату-машинка, скрещенная с кистью

Животновод (два Дома)

- **Дом первый:** Грандин (Темпл Грандин)
- **Дом второй:** Кавендиш (Маргарет Кавендиш)
- **Символ:** скрещенные пастушьи посохи

Аптекарь

- **Название Дома:** Оллгуд («Всехорошо»)
- **Источник названия:** функциональное название, отражающее цель Дома — вернуть телу равновесие, сделать «всё хорошо».
- **Символ:** посох Асклепия

Астроном

- **Название Дома:** Саган (Карл Саган)
- **Символ:** звезда

Пекарь

- **Название Дома:** Бирд (Джеймс Бирд)
- **Символ:** крендель

Пчеловод

- **Название Дома:** Крейн (Ева Крейн)
- **Символ:** ячейка сотов

Кузнец

- **Название Дома:** Брим (Элизабет Брим)
- **Символ:** наковальня

Мясник

- **Название Дома:** Хемингс (Саймон Хемингс)
- **Символ:** тесак

Свечных дел мастер

- **Название Дома:** Люмен
- **Источник названия:** латинское слово «свет»
- **Символ:** свеча

Плотник

- **Название Дома:** Накасима (Джордж Накасима)
- **Символ:** молоток

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

Химик

- **Название Дома:** Франклин (Розалинд Франклин)
- **Символ:** алхимический символ ртути

Сапожник

- **Название Дома:** Броган
- **Источник названия:** броган (тяжелый ботинок)
- **Символ:** крылатая сандалия

Бондарь

- **Название Дома:** Хуп (Обруч)
- **Источник названия:** отсылка к металлическим обручам, придающим форму бочкам
- **Символ:** бочка

Глашатай

- **Название Дома:** Ривир (Пол Ривир)
- **Символ:** колокол

Земледелец (три Дома)

- **Дом первый:** Уэрта (Долорес Уэрта)
- **Дом второй:** Картер (Джимми Картер)
- **Дом третий:** ЛаДюк (Уинона ЛаДюк)
- **Символ:** пшеничный колос

Стоматолог

- **Название Дома:** Тейлор (Люси Хоббс Тейлор)
- **Символ:** зуб

Инженер

- **Название Дома:** Белл (Александр Грэм Белл)
- **Символ:** шестеренка

Артист

- **Название Дома:** Редгрейв (британская актерская династия Редгрейвов)
- **Символ:** маски комедии и трагедии

Ферментатор

- **Название Дома:** Кодзи
- **Источник названия:** японское вещество для ферментации
- **Символ:** три пузырька

Рыбак

- **Название Дома:** Кусто (Жак Ив Кусто)
- **Символ:** рыба

Джес Лоури - Зеленая Клетка Jess Lourey - The Verdant Cage

Лесник

- **Название Дома:** Вангари (Вангари Маатаи)
- **Символ:** ель

Стекольщик

- **Название Дома:** Чихули (Дейл Чихули)
- **Символ:** бутылка

Страж (пять Домов)

- **Дом первый:** Цзы (Сунь-цзы)
- **Дом второй:** Зенобия (Септимия Зенобия)
- **Дом третий:** Кинана (Кинана Македонская)
- **Дом четвертый:** Цезарь (Юлий Цезарь)
- **Дом пятый:** Хан (Хубилай-хан)
- **Символ:** три короткие линии под левым глазом

Насекомовод

- **Название Дома:** Мериан (Мария Сибилла Мериан)
- **Символ:** муравей

Кожевник

- **Название Дома:** Нью (Ллойд Кива Нью)
- **Символ:** шило

Каменщик

- **Название Дома:** Евеле (Генри Евеле)
- **Символ:** кельма

Мельник

- **Название Дома:** Бедстоун (нижний неподвижный жернов)
- **Символ:** железная оковка жернова (*fer-de-moline*)

Менестрель

- **Название Дома:** Тёрнер (Тина Тёрнер)
- **Символ:** музыкальная нота

Сантехник

- **Название Дома:** Огер (инструмент для прочистки засоров в трубах)
- **Символ:** разводной ключ

Гончар

- **Название Дома:** Мартинес (Мария Повека Монтойя Мартинес)
- **Символ:** петлевой резак (стек)

Священник

- **Название Дома:** Конфуций
- **Символ:** крест

Джес Лоури - Зеленая Клетка

Jess Lourey - The Verdant Cage

Хранитель записей

- **Название Дома:** Зингальт (Джакомо Казанова, кавалер де Зингальт)
- **Символ:** перо

Кровельщик

- **Название Дома:** Синан (Мимар Синан)
- **Символ:** перевернутая «V» (крыша)

Канатчик

- **Название Дома:** Берфилд (Томас Берфилд)
- **Символ:** восьмерка

Портной

- **Название Дома:** Диор (Кристиан Диор)
- **Символ:** игла с ниткой

Учитель

- **Название Дома:** Вашингтон (Букер Т. Вашингтон)
- **Символ:** азбука

Утилизатор отходов

- **Название Дома:** Базалгетт (Джозеф Базалгетт)
- **Символ:** символ переработки

Ткач

- **Название Дома:** Чель (Иш-Чель)
- **Символ:** висящий текстиль